

Лев
Подольский

СТРАННОЕ ШОССЕ

Лев Подольский

Странное шоссе

Повесть, эссе

Из цикла «Странное шоссе»

Персей-Сервис
Москва • 2015

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6—4

П 44

П 44 **Подольский Л. В.** Странное шоссе — М.: «Персей-Сервис», 2015 — 336 с., ил.

«Странное шоссе» — третья книга Льва Подольского из одноименного цикла. По замыслу автора и логике вещей, эту книгу должно было издать в первую очередь, ибо она представляет собой смысловой стержень цикла, как по названию, так и по сути.

В издание вошли повесть «Странное шоссе» и ряд эссе, посвященных волнующим автора проблемам взаимоотношения духовного и материального миров человека, соотношения в нашей жизни добра и зла, свободы и несвободы, а также ощущения человека и человечества во Вселенной.

В цикл также входят книги «Моё древо», «Государева служба» и «Скуратовская быль».

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6—4

© Текст — Л. В. Подольский, 2015.

© Дизайн — «Персей-Сервис», 2015.

ISBN 978-5-905302-34-3

*Что бы ни происходило в мире:
технические, моральные, идеологические
революции, какие бы режимы ни менялись,
приходили и уходили в Лету, чаще всего
оставляя лишь смрадный дым, Человек
как таковой, как отдельная личность,
есть суть, основа и центр всего, о чём
вообще есть смысл говорить, суть
живущего, суть человечества, Вселенной.*

К читателю

Странное шоссе — это книга-размышление.

В человеке и вокруг него множество миров. Сумрачный мир ощущений, Сиреневый мир и встречи со Странником, миры за чёрным квадратом, вечность. Автор посещает их, и ещё у него есть земной мир с собственным каньоном. В этот мир он не пускает никого, там он один, и значит, никто ему не докучает. Автор размышляет о чёрных дырах, Вселенской нравственности и дороге к познанию тайн мироздания.

Размышления, не связанные с бытом. Есть такая удивительная способность у человека.

Автор ходил на байдарке по рекам Урала. На Угре во время стояния на берегах, разделённых рекой, войск московского князя и татар, он видел под сверкающими коваными шлемами злые и жадные раскосые глаза вражеских воинов. Он был в пещерах Кунгура и видел осколки вечности, бродил со своим наивным и добрым Милягой по горам Кавказа. На Земле немало тайн, не раскрытых человеком, но главная тайна — это сам человек. И ещё, духовный мир, что мы знаем о нём?

В книге нет ни капли выдумки, но только память и ощущения. Впрочем, автор вовсе не навязывает читателю своего варианта видения мира. Он только рассказывает о своих собственных ощущениях. Он надеется, что, прочитав книгу, читатель не зашвырнёт её с негодованием в ёмкость для мусора, да ещё при этом пожалеет о потерянном времени. Автора это огорчило бы.

Странное шоссе

Моя реальность

По замыслу автора и логике вещей, эту книгу должно было издать в первую очередь. Однако, вышли три книги из цикла «Странное шоссе», а эта, так сказать, несущий стержень и смысл цикла, всё ещё в рукописи. Где начало этого удивительного явления? В чём дело?

Поискали недостающую книгу. Не обнаружили. Недоумение читателя обратилось в негодование. Это что, недосмотр автора или открытое с его стороны неуважение к читателю?

Нет, нет и ещё раз нет. Подобное предположение наносит автору глубокую кровоточащую рану, ибо нет на свете человека, который относился бы к людям с большим уважением, чем он автор. Есть такая книга у меня, есть, но пока в рукописи.

Почему тянете с изданием?

В великой нерешительности я. Эту стержневую книгу я наносил на бумагу предельно свободно в суждениях и оценках людей, явлений и событий. Свободно настолько, что на меня не давила необходимость соблюдения политкорректности, боязнь обидеть человека, вызвать недовольство влиятельных людей и много иного, что неотвратимо уводит автора от правды жизни.

Вместе с тем, я живу не в эфире, а на Земле, среди людей, которых в книге своей изображаю порою нелицеприятно. И вдруг всё это напоказ. Я стану незащитным подобно лягушонку на лотосе, когда рядом прожорливая и беспощадная цапля. Она вмиг скушает лягушонка. Сильные мира сего умеют и склонны пожирать тех, кем они не довольны.

Словом, я содрогнулся и оробел от боязни осуждения, ostrакизма, укоризны от власти. Вот такая робость. Не писать не могу — натура требует, а станешь писать с оглядкой, под гнётом вышеуказанных земных обстоятельств, так выйдет ложь и помои, коих издано море. Да и

писать такое тяжело, не по моей натуре. Ничего не получится или отвратительная мерзость. Примитивная выдумка.

Получается, с одной стороны опасение и робость, а с другой неукротимое желание изобразить. Вот по какой причине эта книга пока и не издана.

В указанном состоянии духа я отправился в лес и взойшёл на холм, мой любимый холм. Очень раннее утро. Небо со стороны города бледно освещено. Тишина и абсолютное безветрие. Я один в этом пустынном месте. И вот я стою на этом обширном прекрасном заснеженном сияющим пространстве в полном одиночестве. Здесь я — центр и смысл всего. Я человек. Человек, то есть и я, и ты, мой уважаемый читатель. Решительно важно, чтобы человек за грузом быта не забывал своего великого места во Вселенной.

Здесь мне сказано — «издавай». Только подчисть, чтобы не осталось зацепок. Ты же хитроумный Одиссей. Напряги лобную кость. Придумай.

После этого обессиливающая робость покинула меня. И вот перед тобой, читатель, эта книга о странном шоссе. Должен же человек, хоть раз в жизни высказаться от себя, от человека, от малости своей. От беззащитности своей. Лишь от себя. Суть от маленького человека. Я ответственен только перед теми, о ком пишу. Кого вспоминаю и люблю, кто страдал и любил. Изображать их иначе — это означает предать их, память о них. Человек выше любых условностей. Человек желает знать правду о себе, какая она есть, и он не терпит ложь. То есть, ответственность, несомненно, должна быть, но перед кем, вот суть этого вопроса.

Теперь я лежу на спине, распластанный и беззащитный без панциря здравого житейского смысла. Решайте, а я, ну что я.

Женский взгляд

— Тебе следует попить винпоцетина, — сказала жена после завтрака и передала мне коробочку с таблетками. Обычно я принимаю циннаризин.

— А что же ты? — спросил я. — Это ведь твой препарат.

— Мне пока не надо, тебе нужнее. Винпоцетин улучшает работу мозга, — пояснила она.

— Неужели ты полагаешь, что твои мозги работают лучше? — удивился я.

— Конечно, — простодушно сказала она, — ты себя знаешь, иногда такое городишь!

— Это оттого, — немного подумав, объяснил я, — что моя голова занята другими, более важными вещами, чем твой сад, огород, картошка, морковка.

Нетактично с моей стороны напоминать жене о житейской мелкости её повседневных дел, но не я начал.

— Меня очень беспокоит несовершенство человека и зыбкость мира, — развивал я свою мысль, — и ещё то, что человечество идёт по скорбному, недостойному и тупиковому пути.

— Вот видишь, — сокрушённо сказала она, — что ты несёшь!

— Ну как же, суди сама. Загляни внутрь нашей с тобой цивилизации. Что ты увидишь? Колоссальные успехи в технике. Человеку суют всякие там штучки-дрючки, телевизоры, телефоны, аэропланы, дирижабли, фотоаппараты и миллионы иных подобных ухищрений. И что же? Во-первых, ему всё мало, как наркоману наркотика, и во-вторых, — я поднял кверху большой палец правой руки, призывая жену к вниманию, — и во-вторых, при этом катастрофически падают добрые нравы.

— Ну, так уж и падают, с чего ты взял? — возразила она.

— Популярно докладываю, — я старался взять тон наименее оскорбительный. Мне хотелось убедить её разумно, вовлекая в суть проблемы. — Секс как святая тайна пал. Его выплеснули наружу и показывают в полном своём непотребном варианте везде и всем. С этим-то ты согласна? — проверил я убедительность и силу своего довода.

— Телевидение великое изобретение, но как его используют?! Ну что это за показ по телевидению бессмысленного взаимного уничтожения людей, даже не поймёшь, кто кого; видимо, там это и не важно. Для ТВ важно показать само смертоубийство как таковое. Белые, красные, бандиты — какая разница? Главное — убивать, и все дела. Содом и Гоморра. И почти все фильмы таковы. И так во всём.

— И слушать не хочу, тебе-то какое дело до этого? — отчаянно защищалась она. Ей приятнее сознавать меня с наличием завихрений в голове, чем согласиться с моими доводами. Однако она позволила мне выговорить; неужели вникает? Или мои рассуждения о сексе как таковом, как предмете разговора сами по себе снимают все её возражения? Скорее всего, второе, а раз так, то одновременно, конечно, и вникает.

— Ты летаешь во сне? — спросил я, чтобы сменить тему на более доступную для её женского ума и таким образом нейтрализовать её

Тоня

нигилизм. Кроме того, я полагал, что сны и их толкование представляют интерес для многих людей и особенно женщин.

— Нет, не летаю, — с некоторой задержкой осторожно ответила она.

«Врубається», — подумал я. Она не могла понять, к чему я клоню, но чувствовала с моей стороны коварство.

— А ты летаешь? — осторожно проверила она.

— Летаю, Тоня.

— Как же это?

— Видишь ли, известно, что человек не птица, летать не приспособлен, а я летаю! Во сне. Очень приятное ощущение: паришь над ландшафтом и в домах под самой крышей. Внизу люди в одиночку и группами. Они-то летать не умеют. А я парю при малейшем желании без всякого усилия.

— А меня внизу видишь? — не выдержала она.

— Нет, Тоня, не видел.

Она задумалась; тема оказалась для неё близкой и интересной.

— Возможно, это не сон, — вслух подумал я, — а моя духовная составляющая в полной своей реальности?

— Ну вот, опять не можешь остановиться.

— Я, Тоня, хочу вернуться к теме о нашей цивилизации. Возьми эти представления или шоу, как их теперь называют. Ужимки, прыжки, дёргания. Почему люди ведут себя подобно обезьянам? Идём-то вроде к

духовному состоянию? На экране каждые три минуты убийства, воровство, разбой, насилие. В каждой рекламе вне всякой связи с её целью обязательно покажут голый дамский зад и откровенные сексуальные картинки даже в самых, казалось бы, далёких от этого ситуациях. А эстрадный «юмор» с его деревянными и порою пошлыми шутками?

Всё сказанное не имеет ничего общего с духовной культурой. Часть общества, правда, востребует серьёзное искусство, классику, музыку, театр, но большинство людей безропотно довольствуется вышеуказанными помоями от цивилизации.

— И ты полагаешь, Тоня, что у других людей мозги работают лучше моих? — повторил я свой прежний вопрос.

— Не у всех, конечно, — на этот раз неуверенно произнесла она.

— Если взять Скуратовских?

— Среди Скуратовских нет, ты умнее.

Я был растроган её словами и нежно поцеловал. Видимо, где-то глубоко в душе она всё же полагала меня немножко умным. Говорит же так оттого, что желает мне добра и чтобы я не возгордился. Тоня, как все женщины, со странностями, но я люблю её и всю жизнь пребываю в глубоком убеждении, что моя женитьба на ней была исключительно удачной.

Я всмотрелся в себя и ужаснулся. Там, где-то внутри, я разглядел отчётливые фрагменты, или намёки на них, тех же пороков, которые полагал только в других людях, но уж никак не в себе. Это открытие поразило меня змеиным укусом и на некоторое время привело в полное замешательство. Как же так, в смятении думал я. Старался вести праведную жизнь, пусть не в строгом Божественном понимании с отрешённостью от всего земного, но всё же со вниманием к людям и недопущением зла к ним со своей стороны. Отчего во мне эти позывы зла? Что за существо человек, если в нём сидят посылы к убийству, воровству, насилию, прелюбодейству, жадности, зависти, ненависти и вообще не перечесать, ко всему, что запретил Господь человеку, избравшему жизнь по Его начертаниям? Я, однако, сопротивляюсь этим злым позывам и осознанно стараюсь не скатиться на путь зла. Это меня обнадеживает и означает, что в основе человеческой сути добро сильнее зла. Означает, что праведный путь возможен и осуществим при волеизлиянии человека и его опоре на субстанцию добра.

В то время, как я размышлял, послышалась скорбная музыка духового оркестра; я выглянул в окно.

— Что это? — не сразу сообразил я.

— Хоронят.

— Кого?

— Женщину. Она жила на Выглядовке, ты её не знаешь.

По улице, мимо нашего дома медленно прошли люди; они несли гроб с лежащей в нём дамой. Впереди шёл мальчик и бросал перед гробом еловые веточки.

«Вот ведь, — подумалось мне, — ходил человек по земле; когда становилось трудно, брал в руку клюшку, но всё сам, а тут несут, на руках, торжественно и плавно, бережно, на себе. Никогда при жизни так не носили». Однако, я знал её. Шустрая дама, она работала в пекарне. Помню, стоят пожилые женщины за хлебом, ждут, когда откроют, а она вышла и сказала:

— Что стоите? Вам помирать пора, а вы всё за хлебом!

Обидно выслушивать такие слова, но терпели. Хлебушка не хватало. А сама вон лежит. Плохо только, что зароят. Эти живые всё делают для себя, под свою потребу.

Странное шоссе

Я знаю место на Земле, где происходят озарения и возникают плодотворные мысли. Это Странное шоссе возле села Малое Скуратово. Прогуливаясь по шоссе, я формулирую определения различных понятий, а вернувшись с прогулки, сверяю их с общепринятыми из энциклопедии. Мои кажутся лучше.

За селом в сторону железнодорожного полотна параллельно ему возникло шоссе: вдоволь устоявшаяся земляная насыпь трёхметровой высоты, покрытая бетоном. Шоссе начиналось на пустом поле с ничего и километров через пять оканчивалось на другом пустом поле тоже ничем. Транспортного движения по нему почти не происходило; в самом деле, зачем станут ездить машины ниоткуда и никуда. Изредка проезжали телеги с сеном, да ещё прокатывались на велосипедах или проходили пешком грибники.

История возникновения шоссе непонятная, если не сказать тёмная. Одни говорили, что его возвели для перевозки урожая с одного поля на другое. Сразу скажем, что это чушь: зачем урожай возить с поля на поле? Другие находили ответ в особенностях планирования: дескать, стройка попала в план по ошибке, а раз попала, то дорожники своевременно завезли все материалы, необходимые для работ: щебёнку, песок, бетон, асфальт и прочее, да и взялись за дело. Такая ситуация была типичной для хозяйствования советского периода, а невы-

полнение плана сурово каралось. Спросить же, для чего дорога, в то время такая мысль не могла прийти в голову даже самому глупому человеку. Не полагалось спрашивать.

Третьи... но какой смысл говорить об этих толках-перетолках? Пустые догадки.

Скорее всего, никто специально не соображал об этом шоссе, а получилось оно из множества случайностей человеческого и природного свойства. Достоверно одно: шоссе существует, оно реально, и происхождения его люди толково объяснить не могут.

И ещё возникают догадки уже из наблюдений и размышлений, что шоссе не просто рукотворный предмет хозяйственной деятельности человека, а совершенно новое знание, на порядок более сложное, чем всё известное людям, и подчиняется оно закономерностям иного мира, о котором мы, грешные, ничегошеньки не знаем.

Могу засвидетельствовать под присягой, что на шоссе происходят весьма любопытные явления. Скажем, у человека, идущего по шоссе, возникают видения. Вот так, идёт человек по селу; по дороге ему попадаются собаки, гуси, куры, кошки и прочее, которые не вызывают у него иных мыслей, кроме одной, скорее бы пройти. Но едва он вступит на шоссе, как голова проясняется, появляются мышление, образы, неожиданные выводы, парадоксальные истины, новый, незнакомый ему ранее взгляд на события. Невозможно передать словами всего того, что происходит с головой человека на этом шоссе. Истинно некий источник познания вещей.

Любопытство и вечное неодолимое стремление познать непознаваемое присуще человеку, и здесь, на этом удивительном странном шоссе, я через озарения и очищенный от мусора разум свой вижу мир решительно иначе.

Для меня, несомненно, озарения — это истинная основа и источник познания мира.

На шоссе ни дорожных знаков, ни верстовых столбов. В одном лишь месте торчит металлический шест с жестяной дощечкой, проржавевшей настолько, что опознать её назначение решительно невозможно. Наверняка цель когда-то существовала, но была съедена временем и ненадобностью.

А недалеко от шеста вплотную к шоссе однажды подошла на марше, но внезапно и навсегда остановилась колонна высоких светлоголовых бравых тополей, по семь в ряду; хвост колонны терялся у самого горизонта в голубоватом лесу.

Очень странное шоссе. Стартовая площадка в иные миры.

Миры познания

Господь сотворил безбрежный мир и человека в нём. И Он дал человеку способность строить свои собственные миры; для каждого свой неповторимый и особенный мир человека. Мне известны два способа проникновения в суть вещей. Через Сумрачную долину ощущений и Сиреневый мир. Чтобы познать суть вещей и получить ответы на свои вопросы на уровне истины, необходимо войти в эти миры.

В Сумрачной долине ощущений можно провести самодиагностику, мысленно и чувственно прощупать своё тело, всякое его место, направить живительные биотоки в нужном направлении к нужному органу. Возможно также сотворить полёты, куда захочешь. Видеть дальние перспективы.

Сиреневый мир — это кристально чистое сознание, прикосновение к вселенскому разуму, отчётливое восприятие истины и встречи со Странником. У него человек спрашивает, с ним толкует и познаёт. Странник присутствует в Сиреновом мире ненавязчиво, как-то само собой, в виде естественной части интеллекта человека. Он не выглядит отчётливо пришельцем, взявшимся неизвестно откуда, а представляется больше в форме размышлений.

Странник позаботился, чтобы его материальная составляющая, точнее сказать, облик, выглядел совершенно обыкновенно и не стал причиной догадок и вымыслов человека. Получалось, что хотя встречи на духовном уровне имели место, но конкретных очевидных встреч как бы вроде и не было. Человеку в Сиреновом мире при этом казалось, что это он сам мыслит, сам отвечает на собственные вопросы, размышляет. Странник — явление космического уровня, и у него своя манера контактов с Земными людьми. Порою она, манера, кажется человеку жёсткой, даже жестокой; скажем, в ситуациях, когда цивилизация стоит на краю гибели, но иначе нельзя. Я это понимаю так, что любая конкретная помощь извне, не выстраданная, не своя, неизбежно приведёт к образованию тепличной, нежизнестойкой цивилизации, не способной самостоятельно решать колоссальной сложности задачи сохранения человеческого сообщества, постоянно возникающие перед разумной Земной жизнью.

Общение со Странником в Сиреновом мире не нарушает вышеуказанного неукоснительного правила. Есть ещё одно совершенно естественное ограничение общения: пребывать в Сиреновом мире способ-

ны лишь очень немногие, непременно духовно созревшие люди. Люди, созревшие до такого уровня, что им и в голову не придёт использовать полученные космические знания в грязных делах природного мира. Следует отметить также, что круг вопросов, составляющих беседы-размышления, решительно не касается всякого рода орудий производства и тем паче воинского оружия.

Человеческий разум предназначен принимать и переваривать информацию, идущую не только от природного Земного четырёхмерного мира, но и от духовного многомерного мира. Однако, если в первом случае разум имеет возможность активно отбирать информацию и активно вмешиваться в события, то знания духовного мира он получает пассивно, то есть, не по своей воле, а исключительно по воле высшей духовной силы через интуицию и озарения.

Интуиция и озарения — это обрывочные картинки из некоей гигантской системы знаний, прорвавшиеся к человеку неизвестно как неизвестно для чего, но являющиеся, как ни крути, таким же фактом, к тому же неизмеримо более значительным, чем ценности природного мира.

Учёные природного мира понятия не имеют и не испытывают желания разобраться в сути и реальности Сиреневого мира по причине непостижимой сложности проведения исследования. Здесь они входят в фундаментальное (по земным понятиям) противоречие с основным принципом поиска истины любой естественной науки — возможностью подтверждения, повторения результатов опыта многократно по схеме учёного и их предсказания.

Интуиция и озарения не подвластны человеческому разуму, и этим всё сказано. Они поступают свыше. Можно лишь очертить круг наиболее очевидных условий, состояний человека, но не более того. Основное из которых это очищение разума от помех, подготовка его к приёму духовной информации, очистка её путей к человеку.

Необходимо приподнять свою задницу над пустяками, национальностью, иерархией и прочим, стать просто жителем Земли. Придёт понимание, кто есть кто, и что, по сути, происходит. Люди в подавляющем большинстве плывут по течению обыденности, исходят в своих суждениях из шелухи. Вот в чём дело.

Когда человек сбрасывает с себя шелуху, если вообще способен это сделать, ибо чрезвычайно сложное и трудное это дело, он будто проывает оболочку земных эмоций, страхов, животной сути своей, и вырывается над всем этим в ясное, кристально чистое состояние разума, сознания.

Тайны сочинительства

Я жив писательским трудом; если заканчивается одна тема, принимаюсь за другую, а если её нет? Придумать или увидеть.

Это началось после того, как я вышел на пенсию, то есть, покинул казённую службу и отправился в свободное плавание. Относительно свободное.

Профессии моих добрых знакомых по зоне отдыха Битца самые разнообразные. Доктор медицины, профессор каких-то там наук, воин, отставной полицейский и добрый знакомый, профессию которого я в точности не знаю. Хороший человек, вот его профессия.

Однако, какая бы профессия не была у человека, в зависимости от ситуации и времени, в которое его кинуло общество, когда он зарабатывал себе на пропитание, выйдя на пенсию, он неотвратно станет заниматься тем делом, какое ему дано при рождении.

Возьмём военных, ибо я сам из них и потому знаю. Один стал изготавливать скрипки, да ещё какие! Известные скрипачи заказывали. Вот какой талант таился в человеке.

Многих тянет написать книгу, поделиться, так сказать, с людьми опытом своей жизни. Но тут есть издержки эволюции. Таланта человеку не дано, а писать желает. Мучается, а пишет. Получается, естественно, в основном вздор. Такое наплетёт, а полагает, что дело. Однако, у кого-то и получается, это когда желание совпадает с талантом.

Настоящее, вложенное в человека изначально дело — то, которое захватило его и заставило заниматься до самого конца своей природной жизни. Разве скульптор может остановиться и не лепить, разве художник может остановиться и не рисовать, разве мыслитель может остановиться и не мыслить?

Вот это настоящее дело человека.

На творчество у меня уходит час—два, не более. И всё. Дальше если и берусь за перо, то ради технической работы, обработки того, что создано за час.

Главное, однако, не забывать — о чём бы не был рассказ, в какую форму его не облекать, в центре должен быть ЧЕЛОВЕК, иначе бессмыслица и болтовня.

Я когда ищу слово в текст, то пробую его на вкус. Нет, не то, а вдруг — вот оно, то самое, кирпич в кладке вошёл в своё место.

Некоторые авторы ленивы, это никуда не годится; таких лентяев следует кастрировать. Говорят, помогает не отвлекаться от творческого процесса.

Автор читает сыну Дмитрию рукопись первой части пятой книги

Не знаю, как другие люди, но лично я раньше, если собирался что-либо придумать, то напрягал свои мозги до предельного критического состояния. Казалось, ещё чуть прибавить, и кранты: мозги лопнут и закипят. Пустое это, однако, дело. Ничего значительного таким образом из головы выжать не удавалось. Тупо сидел и наслаждался своим умственным бессилием. Надоело мне это состояние ужасно, махнул рукой и вышел на Странное шоссе. И здесь, о чудо! Появились идеи, мысли. Работа моя стала плодотворной, лёгкой и доставляющей истинное удовольствие.

Самое главное, но и самое трудное — это очистить себя от суеты, однако, справился. Затем шагай себе по шоссе в своё удовольствие, насвистывай, наблюдай природу да запоминай явленное извне. Ни единой строчки с чужих людских трудов! Всё только своё. Одни лишь наблюдения, озарения, понимание. Теперь я твёрдо знаю, что больше, чем меня одарит Странное шоссе, я своим разумом не сотворю. Всё выйдет нудной обыденщиной и примитивом.

Зачем добавлять чужие опыт и ощущения, чем обычно перенасыщена литература? Разве лишь, чтобы книжка получилась «солиднее» в страничном исчислении? Так это несерьёзно, пусть она будет тоньше, но своё. Зачем подмешивать? Зачем повторять уже известное? Дай своё, и все дела. Внеси, так сказать, своё, неповторимое своё, уникальное. Это не реферат, а мой опыт, мои ощущения.

Творение книги

Аборигенам, занятым коровами, козами, картофелем и прочими трудами по добыванию хлеба насущного, некогда размышлять о проблемах мира. Руки не доходят, да и привычки такой нет. Из событий духовной жизни у них оставалась выпивка с разговорами, да похороны.

Размышляя о себе, я понял, что ещё не нащупал главной стези, наиболее полно соответствующей моей натуре. Для многих людей сочинение слов и форм составляет суть их литературы, является, так сказать, самоцелью. Меня, напротив, тянет единственно к познанию истины; слова и формы необходимы, но они, по мне, вторичны.

Честно, не полагаю себя талантом и пишу только тогда, когда чувствую интерес к теме. По-настоящему талантливые люди... Ого-го! Из них фонтанирует, бьёт творчество, только хватай ручку да успевай наносить на бумагу. Все дела.

Увы, я не таков.

Пишу обычно после прогулки по Странному шоссе. Пишу без напряжения, но медленно. И никакого фонтанирования. По способности соображать я тугодум, а если быть честным и с негодованием отбросить постыдное, недостойное для мужчины чувство жалости к себе, то есть сказать правду, следует признать, что я иногда впадаю в ступор. К счастью, это случается редко.

Большинство писателей плуты. Уверяют, что сочиняют своим талантом, а в натуре просто выводят пером про увиденное и услы-

Творение книги с нескончаемым размышлением о жизни и людях. На этом фото речь идёт о пятой книге, которая далеко не завершена. Мне трудно обозначить её суть. Книга-размышление о том, на что способен человек, если он одухотворён, имеет духовную цель и замечен Господом.

шанное. Все дела. Я же ставлю своим мозгам задачу и через какое-то время без напряжения получаю ответ, не сразу, но получаю. Истину следует излагать красивыми убеждающими словами, желательно изящно. Это искусство, но не это главное. Главное — сама истина, пусть даже высказанная корявыми словами. Нахождение истины — доминанта моих помыслов. Я доволен, если моя проза лаконична и выразительна, как хорошая поэзия. Если речь не изгажена сленгом и каждое слово содержит смысл. И ещё, непременно должна существовать тайна.

Самое сложное для человека — это произносить слова правды. Так и тянет слукавить в пользу для себя. Иногда хороший воспитанный человек лукавит из учтивости, из опасения причинить другому человеку неприятное ощущение. Я не терплю искусства, где представлен секс, потому что полагаю непристойным заглядывать в чужие постели, равно как обращаться свою на всеобщее обозрение.

Итак, я выхожу на Странное шоссе, извлекаю из хаоса нужные мысли и ваяю из них антикварные горшки. Я придумываю выкройку золотого сечения, укладываю её на верстак, покрываю словами и крою из них быть. Затем сшиваю её суровыми нитками правды и истины. Когда в голове нет мыслей, чтобы не усохли мозги, просматриваю сло-

Обсуждение книги в располагающей рабочей обстановке

варь. О самых значительных событиях в жизни человека пишу на скверной бумаге, на промокашке, на краях газет и журналов, на манжетах, на обратной стороне уже испачканных листов. Сочиняю при ходьбе, пишу сидя.

Юмор, как жанр, не всегда хорош. В жизни редко бывает смешно. Вот если юмор вложен в уста серьёзного интересного героя, это сильно. По жизни присутствует и юмор, и трагедия, и обыденность, только в разной пропорции.

Несомненно, важно, чтобы книга понравилась читателю и ещё лучше, чтобы всем. Однако каким образом автор может угодить своим творчеством людям, в которых всё перемешалось — и Каиново, и Авелево, и Сифа, и Хама? Как возможно всем угодить? Каину зло творить, Хаму хамить, Авелю и Сифу вершить добро. Каждый требует своё, и автор должен всем угодить, сотворить по душе каждого?

Не получится.

Если соблюдать ещё и политкорректность, так ничего путного вообще не напишешь, одну хрень.

Последние несколько лет я обрабатывал свои записи, придавая им вид повестей и рассказов, а затем печатал. Я сильно увлёкся этим делом и постоянно размышлял, то есть, находился в состоянии занятости. Но вот указанный труд мой подошёл к концу, как у монаха:

«Исполнен долг, завещанный от Бога... Когда-нибудь монах трудолюбивый...»

Некоторое время я ощущал удовлетворение от завершения большой работы, но вскоре неожиданно взамен получил пустоту. Я не знал, чем себя занять, чтобы заполнить её, эту пустоту. Телевидение и книги стали мне в тягость и не увлекали в свой мир, да я и не хотел входить в него. Время, которого мне раньше катастрофически не хватало, теперь висело на мне жерновами и тянулось мучительно медленно. Я слонялся по избе, смотрел в окно, включал радио и тут же с раздражением вырубал, ибо слушать из него настырную дребедень мне стало не только неинтересно, больше того, отвратительно.

Словом, я не находил себе занятия по душе, такого, чтобы оно увлекало меня на цель с энтузиазмом, а то и с азартом. Нельзя сказать, что я потерял себя, нет, но я потерял смысл. Человеку необходимо устремление, желание понять. Тогда в его жизни появляется смысл, иначе всё в тягость. Во мне исчезли интересные события, а значит, исчезло и время, ибо, как известно, оно, время, есть причинно-следственное чередование событий. Человек создан для осмысленного дела, и этим всё сказано. Всякое существо к чему-либо способно или пригодно. Человек — к труду, искусству и прочее, берёза — к топливу в печи, дуб — для мебели и надёжных, практически вечных креплений в строительстве, липа — для изготовления поделок.

Несомненно, наиболее трудным для автора является сюжет, связанный с событиями прошлого. Это для честного труженика, а для того, кто не затрудняет себя совестью и поиском правды, нет ничего проще: он придумает, и все дела. Вроде, всё им изображённое было на самом деле. В действительности непросто понять мысли и поступки человека, жившего в иное время, порою задолго до появления на свет автора. Необходимо угадать его поведение, отношения между людьми того времени, его характер и понимание им своего места в обществе. Словом, следует составить своё видение понятий, по каким жили люди в то время.

Реальность проявляет себя через ощущения. Для всякого человека реальность своя, и она неповторима. Она не передаётся в виде понимания для всех. Время, в которое человек живёт, ощущается им как единственно реальное и, естественно, иным быть не может. «Это самая истинная реальность, она естественна, и все мои поступки естественны и не вызывают удивления и тем более недоумения», — так полагает человек о своём времени и событиях.

Для человека, живущего в иное время, это, однако, иная реальность, и она непонятна для него. Поступки людей при этом также вза-

имно непонятны, ибо люди пребывают в разных реальностях. Реальность не передаётся от человека к человеку, поэтому она всегда загадка. Скажем больше, даже реальность одного человека, отложившаяся в его же памяти, уже не реальность истинного события. Что уж говорить о попытках автора воссоздать чужую реальность в своём воображении. В любом случае это получится ложным.

Мне жаль того времени, которое я потрачу на запись измышлений своего разума. По этой причине я пишу только то, что приходит ко мне спонтанно, неизвестно из какого источника, но представляет для меня интерес. Вот здесь я подключаю свои мозги.

Жена моя не принадлежит к тем самоотверженным женщинам, которые кладут живот свой на помощь мужу в его литературных делах. Помогают ему, так сказать, творить. Напротив, она твёрдо полагает, что писательская работа мужа сильно мешает ей стабильно быть владельцем раба-мужа. Сужает время, когда она имеет возможность помыкать им. Муж за этой своей никчёмной, более того, вредной работой как бы выскальзывает из-под её влияния. То есть, он вероломно рушит её право на рабовладение. Естественно, жена не может терпеть такое беззаконие и всячески противодействует ему.

Я её понимаю, хотя и не разделяю подобную точку зрения. По этой причине я пишу, преодолевая ожесточённое сопротивление подруги жизни моей.

Впрочем, возможно, это даже способствует творчеству. Кто знает.

Женщина по ощущениям своим — рабовладелец мужа. Ощущение кошки, которая, несомненно, полагает себя хозяйкой дома. Также и собаки, когда хозяин выводит её на прогулку. «Непутёвый он у меня, всё норовит потеряться, за ним глаз да глаз», — беспокоится она. Собака уверена, что это она прихватила с собой хозяина, тому ведь тоже надо погулять.

Хозяин ведёт её? Ни хрена, наоборот.

Я поделился с женой своими соображениями о поведении Пушкина до его дуэли с Дантесом, о его встрече в Летнем саду с императором и его беседе с монархом.

Она вдребезги разбила эти мои мысли буквально несколькими словами.

— Во-первых, все врут, а ты веришь. Пишут всякое, чтобы только заработать денег. Сто пятьдесят лет писали одно и вдруг проснулись, — и прочее.

Я счёл наилучшим смиренно замолчать и не раздражать её своими доводами и возражениями, хотя, признаться, очень хотелось вступить в полемику, ведь человеку иногда так нужен собеседник. Жена моя, однако, для такой роли решительно не подходила.

— Откуда тебе знать, что... — продолжила она с очевидным намерением добить меня окончательно, но я переключился на иное, и она оставила меня в покое.

Пригибаясь под тяжестью сотворённых мною литературных трудов, несущих в кладовую в коробке из-под импортных сапог фирмы «Ади-дас» не менее десяти килограммов рукописей.

У меня был период, когда по разным обстоятельствам не мог сесть за своё дело. Мешало что-то. Скверно, если к такому состоянию привыкаешь. К литературному безделью привыкаешь. Пагубная для дела привычка. Так вот, эти мои ребята возроптали, особенно Гришка Скуратов, взялись, навалились на меня.

— Ты что это! Кто за тебя станет работать! Ды, ды, ды.

Сам наглый. Хрипит. Самый деликатный Яша только и произнёс стеснительно, ему неприятно обижать человека:

— Лев Васильевич, надо. Мне тоже хочется жить.

Такие дела.

Меня иногда спрашивают:

— Чем занимаешься?

— Да книжки пишу, — отвечаю. — Надо кому-то писать.

— Печатаешь?

— Издаю, вот одну напечатал, теперь другую.

Свет без писателей останется, как же так, нехорошо отмахиваться.

Хотя и противно заглядывать в душу человека, выгребать из неё.

Странник

В Сиреневый мир невозможно проникнуть со злом в душе. Там нет людей, но есть их поступки, устремления, проблемы. Лишённые шелухи частных эмоций, они предстают обнажённые и разительные, как сама истина. Не надо хитрить, льстить, обманывать, бояться, выпрашивать, унижаться и прочее постыдное, что порою совершают люди, добывая хлеб насущный. Сюда не проникает ничего из того, что мешает поискам истины. Понятно, человек не может существовать в

полном одиночестве длительное время, но так же невозможно для него глубоко осмыслить происходящее в чудовищных помехах человеческого окружения. Это мир познания сути человеческих отношений, смысла жизни, её корней; он многообразен и бесконечен, как сама природа, в основе которой лежит духовность.

Вхождение в Сиреневый мир со временем стало для меня жизненной необходимостью, но попадать в него удавалось лишь случайно, как бы не по своей воле. И всякий раз я оказывался там один, во всяком случае, мне так казалось. Но однажды, а если быть точным, тридцатого июля 1986 года, в среду, я обнаружил в нём Странника. Это произвело на меня совершенно ошеломляющее впечатление. Я растерялся, и меня выбросило, как пробку из бутылки шампанского.

Придя в себя, я хотел немедленно вернуться, но не сумел в связи с неуравновешенным состоянием духа. Зато в следующий раз я был готов к такой встрече. Вначале какое-то время я был один, затем появился он; появился — это не совсем точно, просто его не было, и вот он возле меня. Больше того, он стал как бы частью меня самого, ощущался не как что-то чужеродное, а как порождение моей собственной мысли.

Так мне казалось.

Должен сказать, привычными человеческими словами очень трудно описывать события, происходящие в этом удивительном мире. Наш лексикон образован для природного общения, а тут всё необычно. Тем не менее, годится и он, если не очень придирается.

Странник стоял передо мной разительно свободно. Серые брюки, летняя синяя рубашка с короткими рукавами и лёгкие сандалии на стройных ногах делали его человеком совершенно обыкновенным, привычным для человеческого глаза, и располагали к общению, не напрягали. Выглядел он лет на сорок; лицо хорошее, какое я встречал, хотя и не часто, у интеллектуальных и порядочных людей, серьёзное с выражением искренней доброжелательности и внимательности. Однако я никогда не видел, чтобы он смеялся или хотя бы улыбался.

Но вот что в нём было поистине необыкновенным, так это его глаза: из них исходила, даже подавляла бездонная, нечеловеческая мудрость. Глаза вселенского Странника. И ещё из него исходил поток нежности такой мощи, что хотелось подобно ребёнку прижаться к нему и полностью довериться. Появись он в природном мире среди людей, встречные улыбались бы ему, а собаки виляли бы хвостом. Он прост в обращении и очень деликатен, но бесконечно далёк от людей духовно.

Жители разных миров.

Мне и в голову не пришло спросить, «Кто ты такой?». Впрочем, здесь не говорят; здесь происходит генерация мыслей и их передача, я же вынужден употреблять обычные слова, ибо других не знаю.

— Можно ли войти вместе со мной ещё кому-либо? — подумал я.

— Никому.

Я отчётливо ощутил его ответ, хотя звука не услышал. Вот так, слова есть, а звука нет.

— Зачем ты здесь?

— Это необходимо.

— Для кого?

— Для тебя.

Я не ощутил затруднений или скованности в общении с ним. От Странника исходила интеллектуальная, бесконечно положительная основательность.

— Ты видишь для нас опасность?

— Вижу.

— В чём же наша беда?

— Вы дошли до опасного уровня технических знаний, не упорядочив свои социальные отношения и не впитав нравственность. Теперь общество не откупится частными жертвами.

— Но мы создали общественное устройство, в котором устранены стихийность и произвол.

— Ты сам знаешь, что оно далеко от совершенства; кроме того, частичное решение не решает проблему планеты.

— В чём же причина нашего несовершенства и нашей неустроенности?

— В низкой самостоятельности человека и его эгоизме.

— На какой стадии развития находится наша цивилизация?

— Без риска большой ошибки я определил бы эпоху, как пятый срок неразумной жизнедеятельности человека стихийного периода.

— Мне это не очень ясно, но чувствую, что хорошего мало.

— Естественно. Вы, люди, чрезмерно преувеличенного мнения о своих достижениях и возможностях. Высокая гражданская требовательность только и может стать средством образования нормальной, чрезвычайно необходимой, необюрократической системы управления обществом. Системы, способной соблюдать интересы человека во всех видах труда и жизни.

— Какова твоя цель? — я и не думал называть его на «Вы». В Сиреневом мире отсутствуют условности, и разница в обращении на «ты» или «вы» теряет смысл.

— Помочь вам осмыслить происходящее.
— Через меня?
— Через тебя.
— Почему я? На планете миллиарды людей.
— Осмыслить происходящее возможно лишь здесь, а ты единственный, кто способен войти. С теми, кого нет в Сиреновом мире, моя задача нерешаема, более того, она бессмысленна.

На мои вопросы я получал пронизывающие разъяснения.

— Неужели у нас настолько скверно?
— Представь себе, да. Земля занесена в Красную книгу, как у вас принято говорить. Дело даже более серьёзное, чем ты думаешь. Иначе бы я не пришёл.

— Возможно, и я так думаю?

— Нет, чистоту твоих размышлений искажает врождённое ощущение необоснованной надежды, как у вас говорят, «Авось, пронесёт».

— Что я должен сделать?

— Осмыслить происходящее.

— Почему ты не даёшь мне конкретного практического совета?

— Этого нельзя делать даже здесь. До той поры, пока ты сам не осмыслишь, советы бессмысленны, более того, они вредны.

— Не слишком ли заумно?

Странник глянул на меня одобрительно и поощрительно, охватывая всего и проникая.

— Не слишком.

— Выходит, опасность в нас самих? Как же нам избавиться от неё?

— Это станет возможным, когда вы, Земляне, я повторюсь, окажетесь способными входить в состояние Сиренового мира. Ты понимаешь? Сиреневый мир — это состояние разума!

Когда вы научитесь различать истину среди вороха лжи, корыстных соображений, устремлений и указаний власти, не имеющих общего с общественной и человеческой необходимостью, отличать бюрократические дела от реальных потребностей человека.

— А теперь?! — возопил я; мозги мои закипели. Я был один.

— Человеку, входящему сюда, становится труднее жить в своём природном привычном мире, мириться с его понятиями и психологией людей. Люди постоянно вынуждены идти на компромиссы, которые неизбежны, ибо невозможно существовать в природном мире, пренебрегая его правилами игры; это бессмысленно, опасно и безнадежно. Необходимо соблюдать их хотя бы в нравственно упрощённом виде, иначе не проживёшь.

Однако, увы, компромисс этот означает разрушение в человеке Сиреневого мира.

— Чего нам не хватает на пути обретения способности осмысления? — спросил я Странника в следующий раз.

— Вы ищете «о чем думать», а кроме этого важно «как думать». Другими словами, нужны иные методы познания.

— «Как думать» не зависит от человека, это заложено природой.

— Не совсем так, более того, вовсе не так. Вот, скажем, можно читать книгу, последовательно пробегая глазами слова в строке и строку за строкой. Но возможно бросить взгляд на строку в целом сразу и тут же перейти к следующей строке. Можно пойти дальше, фиксировать взглядом всю страницу разом; мозг способен вобрать и осмыслить информацию и таким образом. Усвоить это не просто; потребуются изобретение новых приёмов и навыков, но каков эффект! Как у вас говорят, «игра стоит свеч». Кроме того, это подтолкнёт человека к более глубокому вниманию к законам мышления.

Аналогия с чтением весьма приближённо объясняет затронутый вопрос; собственно говоря, это не способ мышления, а способ восприятия, хотя для начала достаточно. Саму суть-то пример отражает, не «что», а «как».

Или вот ещё, чтобы понять суть общественных отношений, хорошо исследование проводить на идеальной модели Земли, удалённой от мыслителя на такое расстояние, чтобы она казалась телом диаметром в пять метров. Будьте уверены, представив земные объекты обитания в указанном масштабе, вы значительно легче поймёте обобщённые устремления людей, их отношения.

«А ведь так оно и есть», — подумал я, вспомнив, как проявился этот феномен в Лукараке, когда я поднялся по лестнице на верхний край гигантского каньона, и посёлок с обитателями предстал подомной подобно целостной панораме. С какой же кристальной чистотой увидел я знакомых мне аборигенов с их побуждениями и поступками!

— Способы поисков истины многообразны, — между тем продолжал Странник. — Скажем, скульптор по камню или дереву отсекает всё лишнее и оставляет ту истину, к которой стремится.

Скульптор, работающий с глиной, напротив, лепит, чтобы отразить ту истину, которую видит или стремится увидеть.

Следователь, зная конечную часть событий — преступление, собирает сведения, скрепляет их логикой и получает картину цепи, ведущей к злодейству. Это его истина.

Странник беседовал со мной, как с ребёнком, сообщая лишь то и в таком объёме, чтобы я, природный человек-землянин, смог вместить в себя и посильно осмыслить, но не более того, и главное, чтобы я не подвинулся рассудком.

— Назови трёх наиболее достойных людей-россиян второй половины двадцатого столетия, давших России верное направление на путь избавления от большевистского режима, наиболее масштабных, внёсших решающий вклад, — обратился Странник, едва я вошёл в Сиреневый мир.

«Экзаменует», — понял я. Я много размышлял об этом и ответил сразу.

— Александр Солженицын, Андрей Сахаров и Владимир Высоцкий.

— Ты уверен?

— По моему мнению, это духовные титаны России. Богатыри. Конечно, по дороге к этой судьбоносной цели шло немало талантливых, самоотверженных людей, но названные мужи возвышались, как горы среди холмов. Получился бы путь, если бы не они?

— А Горбачёв?

— Да, Горбачёв немало чего совершил в этом направлении, но он скорее сопротивлялся оздоровительным событиям, шёл за ними, пытаясь улучшить скверный режим. Хотел, но не знал, как.

— Что ты скажешь о Ельцине?

— Ельцин мужик с харизмой, но действия его были импульсивны, непоследовательны и лишены серьёзной возвышенной мысли. Он скорее мстил коммунистам за своё унижение, чем искал путь к спасению России. Но свою задачу он выполнил: не пустил коммунистов к власти.

— Вот Путин фигура масштабная, но уже на иной ниве, — сказал я, не дожидаясь вопроса. — Он шёл к обновлению России по внутреннему убеждению. Он «Иван Калита» нашего времени, собиратель и хранитель русских земель с твёрдым управлением страной, укрепляющий Россию не на словах, а на деле. Но Путин это уже двадцать первый век.

— А демократы?

— Демократы, сбросившие пагубный большевистский режим, оказались неспособными к строительству новой России, — меня было не остановить. Слишком много я размышлял на эту тему. — Они скверно, безответственно хозяйствовали, разбазаривали страну, разрушали её. Это было броуновское движение, разногласия свободных от ответственности за Россию людей. В них не содержалось государст-

венности, без чего невозможно существование современной страны. Демократы, изголодавшиеся под властью большевиков, спешно похватывали тёплые доходные места, распродали за бесценок российскую экономику, породив тем самым вопиющий контраст в доходах простых людей и олигархов, и успокоились, забыв про Россию.

— Всякая власть от Бога, — сказал Странник.

— Да, но человек стремится, чтобы власть стала лучше.

Странник одобрительно кивнул головой.

— Любопытная фигура Сахаров, как ты думаешь о нём?

— Молодой Сахаров, устремлённый неуёмной энергией и мощным природным разумом своим, одержимый жаждой познания физических закономерностей Вселенной, создал водородную бомбу, с увлечением испытал её и тут... в какой-то момент на него опрокинулось прозрение. Он остро увидел и осознал, в какую бездну ввергает он человечество этой своей интересной «штучкой». В бездну зла, безысходности и гибели. В бездну апокалипсиса. И он решительно ступил на путь устранения того зла, которое сам же и создал, всего того, что несла с собой водородная бомба и скверный большевистский режим. Не поздно ли?

— Чутьё гениального мыслителя подсказало ему. Нет, не поздно.

— Феномен Сахарова представляет собой драгоценный сплав нравственности русского интеллектуала конца девятнадцатого века с гениальными способностями в физических науках. Неизвестно его отношение к религии, но вся его натура и поступки, доминанта его поведения свидетельствуют об их полном совпадении с христианской сутью. Независимо от убеждений его разума, совпадение это было в центре его «я».

«Общение со Странником явно шло мне на пользу», — подумал я и ощутил стыд. Уж не признак ли это гордыни? Не слишком ли высокого мнения я о себе?!

Сидя на берёзовом пне с широкими подтёками сока на крепких боках, Странник предложил мне дилемму.

— Друг мой, — сказал он, и бесконечность отразилась в его бездонном взгляде, — друг мой, — повторил он очень выразительно, — меня интересует ваше состояние. Выбирай, и в выборе ты свободен. И ты получишь то, что выберешь сам.

Вот чемодан, — он погладил матовую крышку крупного баула с рубчатой ручкой. — Он полон драгоценными камнями, валютой, чеками, билетами на предъявителя в самые надёжные банки. Всё натуральное, не сомневайся. Фальшь не по нашей части, — добавил он не

без юмора. — Содержимое чемодана на огромные по Земным меркам практически неограниченные суммы. А вот вместо этих несметных сокровищ я могу открыть тебе тайны мироздания и Вселенной, суть человека. Выбирай.

Странник лукаво взглянул на меня.

Как же выбрать-то? Я задумался. Странник не мешал и не торопил. Он сидел на пенёке, смотрел сквозь меня и молчал.

— Уважаемый Странник, — нерешительно сказал я, — начну с твоего первого предложения; это для меня легче. Твой чемодан с его содержимым для меня, человека, связанного корнями с природой, конечно, не безразличен.

Но из него мне нужно столько, сколько необходимо для поддержания моей природной жизни; по сути, мне достаточно пенсии, которую я получаю. Что касается твоего другого предложения, тут дело сложнее. Страшно заманчиво, но дать решительный ответ не могу.

— Поделись своими соображениями, если, конечно, хочешь, — сказал Странник. Он встал с пенёка, снова присел на него и помолчал, глядя на меня с любопытством и очень доброжелательно, как на ребёнка.

— Я постараюсь изобразить свои мысли, если сумею, — неуверенно произнёс я.

Мне интуитивно безумно желательно выбрать второй вариант. Это моё решительное желание, но меня при этом охватывает страх. С чемоданом, там проще; поверь мне, природный человек сумеет потратить, или ему покажется, что сумеет, это всё равно, все твои деньги.

Здесь выбор ублюдочный. Ну, купит дом с фонтаном, балконами, фронтонами, бассейнами для так называемой комфортной жизни. Питаться станет изысканно, то есть, вредно для здоровья. Друзей заведёт из знати, с которыми станет выкобениваться своей значимостью. Станет путешествовать на собственной яхте и личном племенном верблюде. Ну наконец установит золотой с бриллиантами унитаз. Живи в своё удовольствие! Никаких проблем, всё известно, всё проходили.

А тут! Познание сути человека и Вселенной! Господи! Да вынесет ли голова? Сможет ли мой природный котелок переварить открывшуюся истину? Если суть сложна, это ещё половина беды, пойму; ну хорошо, не пойму, так ничего страшного не случится. Не понял, и всё тут. Мало ли чего мы не понимаем.

А если пойму, но открывшаяся суть такова, что волосы встанут дыбом? Если истина окажется невообразимой для человека, противо-

естественной для него? И я тут же сойду с ума от совершенного неприятия, невозможности для меня такой истины?!

— Я приду ещё, — мягко произнёс Странник, шагнул и исчез в никуда.

Село и окрестности

Окрестности села полны тайн, явлений, мест и ощущений.

Я вышел из дома. Вначале двигался по обычному своему маршруту. Оставил справа храм, миновал погост, а дальше вместо того, чтобы ступить на холм по направлению к Фёдоровке, я, заметив в траве незнакомую дорожку, как-то по наитию перешёл на неё. Тропа сильно заросла травой, но отчётливо двухколейная и удобная для ходьбы. За годы проживания в селе я исходил окрестности в разных направлениях, но тут был впервые.

Путь с лёгким подъёмом, с левой стороны долгий пологий холм, изрядно заросший шиповником. Здесь его много. Обычно шиповник встречался мне отдельными кустообразными деревцами и притом довольно редко, а тут его в изобилии. Увидел сбоку брошенную тёплую полудетскую куртку.

Шагов через шестьсот дорога резко пошла на подъём, правая её сторона ушла таким обрывом в низину, а в низине я совершенно неожиданно увидел комплекс непонятных сооружений вида довольно странного.

Кирпичные здания с трубами, высокие, подобные мачтам столбы, гигантские металлические и бетонные резервуары, вышка стометровой высоты, бетонные опоры, убегающие на север, как бы в никуда. В этом направлении далеко, насколько брал глаз, расстилалось чистое поле. Много было здесь ещё чего иного, но понятно, я не мог запомнить всего. А вокруг заросли борщевика: и сюда пробралось это мерзкое растение. Одно оно способно ужаснуть.

Всё это я увидел впервые. Хотел подойти ближе разглядеть, но опасался крутизны и скатиться вниз не хотелось. Долго стоял, смотрел вниз, а затем повернул домой с твёрдым, однако, намерением непременно посетить когда-нибудь это загадочное сооружение и основательно разобраться в его тайне. Не мешало бы поинтересоваться у аборигенов, может, кто знает.

На обратном пути я размышлял об увиденном. Возможно, назначение комплекса — очистка вод, но зачем здесь, где очищать

нечего, а предприятий, извергающих скверную воду, нет и не было никогда? И ещё, полное отсутствие людей; всё как бы брошено, однако находится в удивительной целостности и сохранности.

Скорее всего, это памятник, брошенные и забытые остатки одного из утопических бредовых деяний в период безумного правления большевистской власти. Надо отдать ей должное. Задавив народ и не будучи ограниченной в своих делах контролем общества, безраздельно владея всеми богатствами страны, она придумала массу всяких переустройств. Много чего тогда делали. Проектов была бездна. Скажем, поворот сибирских рек в Среднюю Азию, освоение казахских пустынь для посева пшеницы, где она никогда и не росла, ибо почва там не пригодна для пахоты. Эрозия её после этого губит.

А уж по военной части столько всего понастроили и нагромоздили, ужас. То, что я увидел в этом месте, несомненно, всего лишь крохотный осколок огромной, но безумной деятельности безумной власти. Очень хотелось бы составить перечень, хотя бы приближённый, умозрительный всех этих построек, картину хозяйствования, лишённого простого житейского здравого смысла, основанного лишь на некоей теории, схеме, но, увы, мне это не по силам.

Борщевик всегда растёт в местах подобных пагубных бессмысленных человеческих дел, как клеймо и вешка. Я бы срезал его, но не осилю, а потом, зачем срезать-то, ведь забудут люди эту свою глупость и повторят её. Пусть напоминает. Власть породила, так уж пусть и вырубает сама. Только ей это до лампочки или по барабану. Ей бы только под задницей табурет был служебный кормящий. Остальное трава.

Я снова посетил это место. Дошёл до поворота на станцию к железнодорожным путям и свернул на древнюю Римскую дорогу. На этот раз я зашёл с другой стороны таким образом, что удалось подойти вплотную и рассмотреть, так сказать, вблизи. Теперь я обнаружил, что к комплексу, как бы со стороны железной дороги, врезается очень глубокий овраг. Если присмотреться, он напоминает скорее старый канал, рукотворный, а не природный. В зданиях множество окон. Если это очистное сооружение, зачем столько окон? Множество труб зачем?

Часть зданий в прекрасном состоянии в готовом виде, остальные будто на этапе стройки, вдруг брошены, да так и остались без окон, дверей и штукатурки, однако следов расхищения я не обнаружил, ну там разборку кирпичей, стен. Красные кирпичи превосходного качества, и ни одного из них не валялось поблизости.

Как я ни пытался, но разгадать тайну комплекса и на этот раз не смог. Некий осколок тупикового витка цивилизации. И за этим тайна. Во всяком случае, любопытно. Ладно, разберёмся. Возможно.

С утра дождя не было, но зонтик я взял, глянув на сумрачное небо, и не пожалел. Дождь постепенно усилился, не сказать до сильного, но... ветра, к счастью, не было.

Я поднял зонтик и шёл себе размышляя. Мысли текли неторопливо и плавно, и они не давили. Я шёл не торопясь, дождь мелко барабанил по зонту, как по крыше надёжного жилища. Не мешал, не будоражил. Мне хорошо.

Для меня не существует скучных мест. Как только чувствую — тягомотина — юрк в свой внутренний мир. Все дела. Там мне не скучно. О, как там хорошо, как я там свободен, какие мысли иногда приходят! Как же это не реальность? Реальность, да ещё какая. Иногда балуюсь словами, пишу восьминог вместо осьминог. Вольно, хочу так, хочу эдак. Не ёрничаю, когда о плохом.

Сегодня я вышел рано утром ещё до семи, прошёл улицей, миновал церковь, погост, спустился вниз каньона, вступил наверх, прошёл, и тут... стал перед дилеммой, куда дальше. То ли прямо на Фёдоровку, то ли вправо на станцию. Постоял в нерешительности. На станцию и к тайным сооружениям большевистской цивилизации уже неинтересно, до Фёдоровки хорошо бы, но далековато. Пойду в Федулово, то есть, налево.

Двинулся. Ещё издали разглядел водонапорную башню. Вот, думаю, люди живут, деревня маленькая, а башня большая, воды, значит, вдоволь. Не то, что у нас, село большое, а башня одна, да и та дырявая. Впрочем, и у нас, хотя с переборами и без напора, но вода течёт, жить можно.

Так вот иду. Уткнулся в очень глубокий каньон, дорожка пошла в обход каньона вправо, как бы в сторону Фёдоровки. Понятно, если напрямик, то в Фёдоровку, а если в Федулово, то бессмыслица, зачем поворачивать. А пройдя ещё, понял, что первая дорожка на одну сторону каньона, а мой поворот вёл на другую сторону каньона, ибо моста через каньон нет. Иду по сельской улице, слева каньон, справа дома. Чёткое чередование домов брошенных и обитаемых, что легко различить по содержанию участка. Дома аборигенов и дачников тоже сильно различаются. У первых всё какое-то убогое, а у вторых видна

цивилизация. Бочки новые окрашенные, крыши современные, заборы фабричные. Видно — люди состоятельные, приезжают отдыхать.

Но вот странное ощущение, улица более чем в двадцать дворов и ни души. Никто не встретился мне, не посмотрел вслед, не спросил, зачем я тут и что мне нужно. Никого. Будто село брошено мгновенно в панике. Дачники ещё не приехали, а аборигены спят? Сомнительно.

В другой раз вышел в сторону Казарино. Спустился на дно каньона, двинулся вверх, шёл очень долго, затяжной подъём-тягун. Думал, конца ему не будет, однако, дополз, оглянулся. Господи, какая же красота вокруг, простор. Аборигены, сидя по своим хатам, кроме печи ничего не видят, и красоты этой не видят, а лишь пребывают в заботах и унынии.

Местность тут образуют очень обширные пологие холмы с резким перепадом высот метров в сто и каньоны между ними. Красота. У России земли и природных запасов выше крыши. Земля у нас меряна-перемеряна. Недаром эти картографы хлеб с маслом жуют.

Как-то внук спросил:

— Дедушка, а что это бабушка всё боится, что ты гулять ходишь?

— А, друг мой, тут вот в чём дело, как я понимаю. Она говорит, ты вот завалишься где-нибудь. Где тогда тебя искать? Это такие хлопоты, и ещё кругом собаки бегают, погрызут, обезобразят. А тут рядышком, если и завалишься, так всё под рукой, без хлопот.

Просто и ясно. Все дела. Тут и эгоизм, и понимание, и отношение, всё смешалось.

— Дедушка, а разве так можно?

— Да, дружок, увы, очень даже возможно. Замешано всякое в человеке, и любовь к вам, внукам и детям, и в общем-то доброе отношение ко мне. Это всё такая жизненная необходимость, без которой не обойтись, но... особой там героической теплоты и горячей безответной любви здесь не так уж и много.

И ещё, такие прекрасные свойства человека, как нежность, жалость, ответственность, желание помочь ближнему могут с возрастом перерасти в такое состояние, станут таким давлением на окружающих людей, что станут невыносимыми, а человек этот станет невыносим для окружающих. Спасти может ощущение чувства меры, а это прекрасное свойство далеко не всем присуще. Нужна гармония в отношениях людей.

Внук на грубость людей кидался их воспитывать, и ещё ему очень хотелось таким людям «набить морду».

— Андрей, зачем ты это?

— Ну как же, если этого не делать, так люди не исправятся.

Подумав и помолчав, я ему сказал:

— Андрей, то, что ты хочешь сделать, очень благородно, но не удалось даже Господу нашему Иисусу. Он им показал, сказал, как и что, а они Его распяли, убили. Думали, что убили, ибо убить Бога невозможно.

Моя милая бабушка Саня говорила мне: «Лёва, не ходи по грязи, увидел грязь, обойди её. Ты испачкаешься о неё, независимо от твоего желания».

В эти слова она вкладывала свой особый жизненный смысл, не ограничивая его бытовой земляной грязью. Она имела в виду грязь безнравственных поступков человека по жизни. Вот о чём речь.

Внук подумал и сказал — может быть, и так, но мне очень желательно набить им морду.

Очень раннее утро середины сентября. Солнце заливает мощным потоком, но не жарко, а лишь освещает всё вокруг и меня самого,ливается в глаза. Оно стоит так низко, что тени получаются не только от высоких предметов, но и от малюсеньких камешков, лежащих на дороге, и это делает зрелище необыкновенным. Эти под ногами тени от камешков... ранее ничего подобного я не видел.

По мере приближения к зиме мой привычный ежедневный выход на прогулку в шесть утра приходился на всё более тёмное время суток. Летом в это время совершенно светло, как днём, а последние дни я выхожу в темь, в ночь. Иду не по сельской улице, где всё привычно и даже в темноте различаешь, куда идёшь, а по задней дорожке в саду, затем сбоку пашни мимо двух деревьев. Дальше по целине шагов двести по тропе, протоптанной мной за лето, до Странного шоссе.

Обычно в темноте долго плутал в поисках этой тропы, надоело. Вколотил в землю высокий кол — ориентир, на кол насадил пивную банку. Иду в темноте и машу перед собой палкой. Нащупаю это сооружение, и вперёд. Вот она, тропа. Дальше тоже не просто, ни хрена не видно. Стучу перед собой палкой, как слепец иду. Так до шоссе. Ну а там свет не нужен. Идёшь в одиночку. Ни души. Село спит.

Говорят, в темноте страшно мерещится всякое. Может, кому и страшно, а мне если что и покажется, то для меня это пустое. Кроме того, я при ходьбе, пока иду к шоссе, произношу мысленно молитву, а во время молитвы страха быть не может, ибо человек под защитой Создателя. Страх испытывают атеисты. Жалко мне их.

Иду по шоссе. Развиднелось. Впереди, шагов в двести, переходят животные чёрного цвета, кабаны. Их много в наших местах.

Кстати, о страхе и его утере. Возможно, это тоже проблема. Это вроде утери ощущения боли. Эволюция сотворила чувство страха не зря; значит, он нужен.

Сегодня туман такой влажный, что хоть выжимай из него воду, как из тряпки.

Село хирело. Всё больше заброшенных домов и пустырей на месте бывших бурлящих жизнью усадеб и сельскохозяйственных угодий. Аборигены вымирали по старости или спивались. Люди быстро растаскивали покинутые дома на свои нужды, забирая в первую очередь всё деревянное, а затем и кирпич. Места дичали и становились уголками дикой природы.

Через несколько лет после кончины глухонемой Дуни, одинокой хозяйки соседней с нами хаты, на её земле основательно поселились сороки, кукушки и соловьи, а в густых зарослях двора и сада устроились хорьки, по-здешнему, «куроеды». Природа наступала; она вплотную подошла к нашему дому, и теперь мы вволю наслаждались стрекотанием, кукованием и соловьиными трелями. А сегодня к нам во двор забежал ёжик. Не таясь, он прошагал от амбара к крыльцу, мимоходом равнодушно глянул на меня и исчез в траве.

Странно и непривычно видеть ежа, который не опасается и не прячется за свои иголки; он, оказывается, вовсе не круглый. Круглый он в обороне.

Воздух бороздят множество шмелей; удивительно красивые и достойные животные. Временами иной шмель залетает в мой амбар и долго гудит, осматривая помещение на предмет устройства дома для себя. Ранее шмели беспрепятственно обитали в этом амбаре; они запомнили место и завещали его потомкам. Родное воспоминание тянуло молодых шмелей в амбар снова и снова, однако моё присутствие если и не пугало их, то всё же настораживало.

Погудев и облетев все углы и высоты, шмель внезапно устремлялся в дверной проём и мгновенно исчезал. Мне чрезвычайно нравятся шмели; даже язык не поворачивается полагать их насекомыми. Я неизменно обращаюсь к ним уважительно и называю «господин шмель».

В отличие от шмелей пчёлы, хотя, надо отдать им должное, весьма полезны, но одновременно злы. Кусают с лёта сразу. Вонзают своё жало, и человек ходит после этого, пухнет и ощущает жестокую боль.

В середине весны воздух наполняется мощным гудением майских жуков; они во множестве вылезают из земли, оставляя за собой дырки индустриального вида, вроде выбитые долотом, и отправляются в краткий полёт жизни по известному им маршруту.

На шоссе меня обогнала на телеге с прекрасными резиновыми шинами Лидада. Впереди трусил охранный пёс, сбоку жеребёнок, сын лошади.

Мне мила яблонька в нашем саду. Она, бедненькая, много лет болела, её объедали муравьи и зайцы. Её пересаживали. У меня и надежды уж не было, но вдруг она ожила, преодолела хворь, корни укрепились, пошёл новый ствол. За последний год она решительно рванула в росте вверх, почувствовала силу. Теперь главное спасти её от зайцев.

Я постараюсь оградить её от опасностей. Натерпелась она.

Я дышал берёзой и восхитительно вкусным морозным воздухом. Жестковатый ветерок, ослепительно белый, только что выпавший снег, а над лесом, выглядывая из-под быстро проплывавших тучек-облаков, ослепительно яркий сноп солнечного света. Солнце не грело. Оно то вспыхивало, то погасало, закрытое тучкой. Сноп света плавно поливал снежный холм, разбивался на лучи и проникал в меня сквозь берёзовые ветви, ко мне и в меня. Восхитительное состояние.

Будь смиренным, но не унижайся.

Иду по Странному шоссе. Раннее утро, сияет солнце, великолепие. Уныние как рукой смахнуло. Я наполнен до краёв всепоглощающим торжеством жизни с ощущением мира и себя в нём. Иду безмятежно.

Возможно, это и есть момент, кусочек счастья. О котором невразумительно, но много толкуют умники. Мысли наплывают, но не терзают, не дают. Однако, трудно, ужасно неприятно, тяжело от этого полного ощущения счастья возвращаться в бездну отчаяния, которого не избежать.

Со мной увязался мой знакомый пёс в серой великолепной шубе со светлой опушкой, искрящейся в лучах солнца благородным ореолом. Завтра Троица, и я отправился в ближайший берёзовый лесок, это километра полтора от дома, чтобы наломать веток и украсить ими жилище.

Прохожу мимо коричневой коровы и чёрного быка, возлежащих на сочной зелёной траве; медленным поворотом мощной головы они проводили меня долгим внимательным взглядом. Я вижу их не в пер-

вый раз, они меня знают, но не улыбаются мне. Увы, коровы не способны улыбаться; они лишены этой великой способности.

— К нашему колодцу плохие люди не подходят, что-то их удерживает, — Шура Головей.

Корову на пастбище в стадо не отогнали по причине ожидаемого отёла; это её первый отёл, и хозяйка Шура Головей опасается, что в стаде её могут повредить. Коровы в стаде нередко толкают друг дружку рогами. Пасла её на лугу рядом с домом, привязав верёвкой за кол, забитый в землю. Каждое утро Шура устанавливает его на новом месте, выбирая, где больше травы; бьёт тяжелой, не для женской руки кувалдой.

Слабый, чуть прохладный ветер всё же освежает; идти приятно и вовсе не утомительно.

В траве прозмеилась стремительная ящерка, редкая в здешних местах.

Невидимый за густой посадкой товарняк долго грохотал, натужно звеня на стальных рельсах, давил на психику до боли в ушах, мчался с ужасающей всепоглощающей мощью, страшно гремел своим металлическим составом.

Ещё издали увидел я на обочине шоссе хренокопателя. С помощью изготовленной из доброй рессорной стали длинной палки с заострённым двухдюймовым торцевым лезвием он усердно добывал хрен. Легко, но глубоко он вонзал инструмент в землю, подрезал корни хрена, вытаскивал их за зелёные вершки и укладывал в сумку.

Человек трудился с очевидной пользой, ибо водочная настойка на хрене уж так хороша. Особенно, если озябнешь.

Иду, дыша свежим воздухом в царстве красоты. Прекрасная ослепительно яркая погода. Нежное синее небо. Идти комфортно и приятно. Синеватый туман заполнил низменные места ландшафта и обратил их в протяжённые сказочные озёра, которые в реальности не существовали.

Вдоль шоссе по обе его стороны проплывает восхитительное, захватывающее душу буйное разнотравье и разноцветье. Ромашки и колокольчики склоняют свои прелестные головки, синие лютики светятся небом, пламенеют гроздь бузины, гордо в стойке смиренно, как часовой на посту, стоит репейник, он же лопух. Изредка показывает себя, отливая благородной платиной, полынь.

Ах, какой восхитительный горьковатый запах исходит от полыни, если размять веточку в ладони! Запах древней степи и кочевий. Ну и, конечно, королева трав непобедимая крапива.

Слева от шоссе протянулся лес-посадка, высаженный полвека назад школьниками по личному указанию великого кормчего; лес отделяет шоссе от железнодорожного полотна.

Справа обширное овсяное поле и острова нежного, радующего глаз иван-чая. Стога соломы, разброшенные по полю до горизонта, напоминают пасущихся коров, склонивших головы к траве.

Но вот мне отдал честь металлический шест с ржавым указателем, и я повернул обратно. Шёл, смотрел на окружающую красоту, лепил образы, окрашивал их в любезные мне цвета, оценивал на добро и зло, вкладывал душу. По сути, я лепил себя. Снежно-белая лавина облаков ушла за горизонт, обнажив яркий ослепительный небесный простор. Жарко запыхало солнце, я надел шляпу.

Ступил на асфальтовую нашлёпку, проник под неё своим «сумеречным состоянием», и несоразмерная громада Земли обрушилась на меня, потрясла сознание. Какая же бездна тверди под нашлёпкой!

Мягко прокатил по рельсам тяжёлый пассажирский поезд.

Завтра внуки отвезут нас в Москву на зимние квартиры.

Я докрасил новый туалет в бирюзовый цвет, обил его с задней стороны и с боков рубероидом, чтобы не протекало и не продувало, насадил пустую банку из-под краски на штакетник и сел передохнуть.

«А не сходить ли мне к яблоньке, которая много лет живёт у старого переезда за будкой вблизи железнодорожного пути?» — подумал я. Сел на велосипед и покатил.

Подъехал к железнодорожной насыпи. Голо, один жалкий кустик и всё. Дальше вокруг безлесье, а ведь помню, всё здесь было в зарослях. В них обычно отсыпалась местная пьянь, пугая проходящих аборигенов, особенно женщин. Далее путь мой лежал чуть ниже насыпи железнодорожного полотна, по тропинке, хитроумно изви- вающейся подобно ужу в движении. Воздух благоухал медовыми ароматами.

Несколько девиц и парень, очевидно подвыпившие, шли навстречу, но возле меня остановились. Одна дева обстоятельно договаривала своё:

— У женщины всегда делов хватает.

Увидели меня.

— Здравствуй, дядя.

— Здравствуй, дорогая, — вежливо ответил я.

— Ты это, дядя, у тебя попить нечего?

Увидели мой велосипед.

- Ты это, дядя, отдай мне лисапед.
- Чичас, — в тон ей сказал я и поехал прочь.
- А, блин, обманул, значит, — донеслось вслед.

Проехал посадку в сторону переезда. Ехать ещё шагов триста. Вот и заброшенный переезд с будкой, колодец без сруба и ворота: одна бетонная яма. На будке даже крыши нет, всё беспощадно растащено. А какой колодец был, загляденье! Всё село ходило за водой, которая по вкусу превосходила все другие сельские источники.

Слез с велосипеда. Ну вот, шагов через двадцать после будки пересеку рельсы, и тут яблоня. Должна быть, но её нет. Я в растерянности, огляделся. Нет, да и только. Перешёл в знакомом месте рельсы и остановился пораженный.

Передо мной лежала на земле моя яблоня, срубленная под корень, да ещё порубленная до ветвей. Лежит грудa веток, и крупные румяные яблоки ещё висят на них там и тут. Повздыхал, набрал яблок в шапку, да и отправился домой. Печально стало на душе. Очень эта яблоня мне нравилась. Одинокая и ничейная.

Правда, Нюра Коза утверждала, что яблоня принадлежит ей; некогда Нюра действительно жила в будке, и хотя давно покинула это место и проживала в селе, но почитала его своим навсегда.

Бабка Катерина иногда вспоминала к случаю:

— Как-то Виктор, мой муж, давно это было, пошёл косить траву возле будки. Но Нюра так бранилась, что я сказала ему: «Витя, отдай ей это сено. Пускай она его себе у гроб уложит». Это притом, что сено уже просушено.

Я шёл по шоссе, ожидая, выглядывая указатель, а его нет как нет. Вот поваленная берёза, возле которой стоял мой шест, вот знакомая трещина в асфальте... Я обежал вокруг в поиске, но тщетно. Шест исчез. Кому он понадобился?

А впрочем, подумал я, люди исчезают, что там шест. Я старался успокоиться, но внутри ощутил растерянность.словно этот пропавший шест меня неким образом жизненно подпирал, то есть, имел для меня значение.

Я свернул на сельскую улицу. Слева за поворотом стоит оголённая пожаром кирпичная стена дома. От стены вверх начинался печной закопчённый в пожаре боров, а уж над ним вздымалась в небо дымовая труба, подобно памятнику-obelisku по человеку рабу Божьему Вениамину, некогда здесь проживавшему.

Утро двадцать первого февраля 2008 года.

Бездонное уходящее в бесконечность ясное небо и в нём, во всём своём таинственном свечении и торжестве, полная луна. Замираешь, глядя на это великолепие, однако луна внезапно исчезает, накрытая тенью матушки-Земли. Затмение. Ненадолго.

День двадцать первого февраля 2008 года.

Обширное поле, покрытое свежим стерильной белизны снегом и залитое солнечным светом. Всякая травинка опушена невесомым снежком и сверкает льдинками, как крошечными зеркальцами. Поле, покрытое таким же воздушным снегом, широко предстаёт благоговейному взору поражённого человека совершенно волшебным бриллиантовым сиянием.

Крупное яркое солнце в упор светит в глаза, но не слепит, а благотворно проникает живительным бальзамом в самую суть сознания, обволакивает блаженством.

Хорошо.

Иду, боясь расплескать и потерять мысли.

Люди и нравы

На просёлочной дороге возле села валяется презерватив, решительно свидетельствующий о наличии в здешних местах цивилизации с высокоразвитой технологией и неугасимой тягой человека к продолжению рода своего.

Люди склонны и очень способны оправдываться, но, напротив, лишены желания каяться.

Село Скуратово содержит в себе людей и их нравы, как и любое иное человеческое сообщество. Есть в нём труженики и тунеядцы, добрые и отвратительно злые, воры и даже убийцы; словом, немало хороших людей, но много и пропащих. Нет только современного благоустройства: каждый устраивает его, как понимает и может, а идёт своей дорогой.

Село постепенно, благодаря естественному отбору, очищается от скверны. Слава Штукин, Левитан и прочие воры, тунеядцы и пропойцы, все ушли в Лету, как плесень.

При встречах со мной Сашка Резьба, этот бесчувственный сын несчастной своей матери, явственно испытывает робость. Чем это я влияю на него?

Нюрка Коза — вздорная женщина, ограниченная, но наглая и склочница. Не пропустит ни одних поминок; непременно напьётся, наскандалит и осквернит своим поведением печальное ритуальное собрание.

Временами, сказать, не часто, но совершенно обязательно в селе случаются пожары. Раньше на пожар сбегался народ, люди носились с вёдрами к колодцу и обратно, суетились, кричали, подсказывали, куда лить воду; словом и делом посильно принимали участие в тушении огня, сочувствовали. Теперь не так. Стоят зеваками, ждут приезда пожарной машины, которая обычно подъезжает к тлеющим углям полностью сгоревшего дома.

Нюрка горела трижды, и всякий раз слезами и воплями она добивалась от железнодорожного начальства отстройки на халяву нового дома, как заслуженный работник транспорта.

Но вот семейство Любавиной — все, как на подбор: сама широкозадая мать, дочери, сыновья — все статные, здоровые, красивые. Все в труде и достатке.

Когда дама Любавина проезжает на косяк по полю на лошадке, запряжённой в телегу, грациозно разместив свой роскошный зад на охапке сена, пасущиеся на лугу быки привстают на передние копыта, оборачиваются в её сторону и почтительно кланяются, низко склоняя рогатые свои головы. Коровы презрительно ревут.

У Раи, *sister in law* моей жены, мы берём молоко от красивой светлой-коричневой ласковой коровы Жданки. В хозяйстве кроме указанной Жданки ещё четыре овцы, коза Таня, поросёнок, три кошки, две собаки Буян и Рекс, гуси и куры. Всех надо кормить, но особенно тяжело давалась заготовка сена для коровы.

В общем, решила Рая продать свою кормилицу. Через месяц пришли новые хозяева и повели Жданку к себе в Кресты. Рая плакала.

Крупные слёзы катились из огромных добрых глаз коровы.

«Зачем отдаёшь меня чужим людям? Как же я теперь без тебя, Рая?» — небось думала Жданка.

Я выразил сожаление по поводу продажи животного, но Рая уверила, больше для самоутраждения, что не переживает.

— Этого никак нельзя делать, — сказала она, — иначе корова тоже станет тосковать. И главное. Жданка продана хорошим людям не на убой, а на молоко, и значит на жизнь.

— А у меня, — Рая повела рукой в сторону двора, — вон их, животных, сколько! Хоть бы с ними управиться.

У Лидады, проживающей на Выглядовке за прудом, этой весной убили сожителя Пашку. Родной племянник его зарезал. Лидада всё ездила с Пашкой на лошадке, запряжённой в повозку: возили на стационарный рынок на продажу молоко, яички и разные овощи.

Весело ездили, и постоянно за лошадьё трусила их черноухая собачонка. Пашка, мужчина весёлый, доброжелательный и приветливый, хотя и выпивал, но в меру, и дела водкой не глушил. Лидада была им довольна и спокойно жила за его крепкой мужицкой спиной. И это при всём том, что происходил Павел из змеюшника семьи Храмогих, где рожали и растили воров и убийц. Вся молодёжь без исключения сидела по тюрьмам, а сельские аборигены с содроганием и ужасом ожидали, когда их выпустят на волю для продолжения злодеяний.

И вот Пашу убили. Погоревала Лидада и крепко призадумалась. Как жить дальше? Надо искать мужика, а как? Сама уже старая, как баба ценности не представляет.

Пошла к Рае. Та хоть и не молода, но очень по облику женственная или, как теперь принято говорить, сексуальная. Среднего роста с ладной фигурой, и не удивительно, что некто Анатолий Фёдорович к ней присох. Мужчина он работающий и почти не пьющий, то есть держится в умеренности; косит траву на сено, ходит за животными.

— Рая! Отдай мне твоего Анатолия Фёдоровича, — с простотой древней неандертальской женщины обратилась Лидада к Рае.

Рая до того изумилась, что некоторое время безмолвствовала, и это при её-то находчивости.

— Как отдать? — наконец нашлась она. — Что я ему, хозяйка? И с чего ты взяла, что он пойдёт к тебе?

— Я спросила у его дочки. Таня сказала мне: «Да бери его». Так отдашь?

— Ты сама его и спроси.

— Ну как же! Ты сначала дай согласие, что отдашь, а то станешь на меня зло держать, обижаться.

До Раи, наконец, дошёл смысл происходящего.

— Нет, Лидада. Согласия своего я не даю. Спроси его сама.

На том и разошлись.

Сельские алкаши явственно отличаются от алкашей городских, с их характерно перекошенными физиономиями и отчётливыми признаками вырождения. Близость аборигенов к природе, несомненно, облагораживает человека и придаёт ему крепость против алкоголя.

Женя Бурнаков, потомственный абориген села, своей личностью прекрасно иллюстрирует указанное различие.

Широко известно, что для печника главное в его работе это провести радиус, так же, как для самостоятельного человека — соблюдать пропорцию. В настоящий момент Евгений, при всём к нему уважении, очевидно, свою пропорцию нарушил. Он возлежал в заросшем травой и в особенности лопухами дорожном кювете центральной сельской улицы, неблагородно заняв законное место собаки Буяна, нашего сельского бомжа.

— Что ты валяешься, вставай! — сказал я, полагая неправильным, когда человек вот таким образом бесполезно лежит, можно сказать, срамится. Люди проходят, увидят, осудят. Впрочем, сказал я это больше для порядка, из участия, и вовсе не ожидал ответной реакции.

Однако, Евгений услышал и развернул личность в мою сторону.

— Понимаешь, — смущённо произнёс он, — ноги забуксовали.

Я хотел продолжить свой путь к сельмагу, но мне показалось неучтывим вот так пройти мимо, и я спросил:

— Сколько же Вы, Женя, выкушали?

— Да пузырь, вроде.

— Выкушал! — с негодованием и грубо поправила его проходившая Тамара, по прозвищу «Тамара Георгиевна». — Выжрал!

— Вот, пожалуйста, извольте слышать, что говорит эта дама! — Женя опёрся на локоть и проводил её своим взором. Его синие глаза излучали искренний укор, правда, сквозь небольшую мутность, рождённую обстоятельствами.

В другой раз я встретил Женю на шоссе в совершенно ином образе. Одетый в белую блузу, он выглядел вполне цивилизованным человеком, можно даже сказать, шикарно. Вымытый, с длинными русыми волнистыми волосами, весь такой ухоженный.

Женя, очевидно, стремится отделить себя от местной шпаны. Он носит такие же белые штаны, что и я. Каждую неделю ездит во Мценск, в баню или на базар, причем, на электричку, в отличие от других, идёт не к станции, а на полустанок, двести восемьдесят девятый километр. Словом, он посильно вырывается из подлого круга сельских пропойц и нечистых на руку тунеядцев. Этим своим поведением он становится ближе ко мне, как положительный человек.

Но вот в чём Женя решительно не желает подражать мне, так это в причёске. Я-то подстрижен коротко, под ноль. К тому же, я наполовину лыс, а у Жени роскошная русая, львиная грива.

Какое дружное и взаимно любящее сообщество образовала возле себя Шура Евсеева!

Вот она вышла за околицу в посадку собрать грибов. За ней потянулась тёлка Зорька, совсем уже взрослая, почти корова. Впереди, как обычно, бежит Хаски, приятнейший пёс с волчьей мордой и дружеским оскалом. За ними не удержалась от соблазна погулять коза; она идёт по шоссе и блеет. Корова, мать Зорьки, с быком остались привязанными на поле вблизи села.

Привязанная мать-корова в беспокойстве о своей дочке протяжно ревёт и, поворотя морду в сторону ушедших, призывает их к себе. То ли она просит взять её с собой, то ли беспокоится о Зорьке, но только она ревёт. Но вот к ней подошёл её сын-бычок, и она успокоилась. Они стояли голова к голове, корова вылизывала ему морду. Бычок млеет, подставлял свою рогатую башку, вытягивал шею, задирает голову, открывал места для ласки. Он очевидно наслаждался. Странно было мне наблюдать такую нежность у этих крупных и вроде тупых животных, но такова сила любви.

На обратном пути Хаски, как подобает добросовестной собаке, то и дело останавливается и поджидает отставших Шуру и Зорьку. Коза не в счет; Хаски откровенно её не уважает и не испытывает желания проявлять о ней заботу. Шура, опираясь на велосипед и еле переступая скрюченными, непригодными для ходьбы ногами, ожидает и подгоняет Зорьку, которая с наслаждением хапает сочную зелёную травку и не думает торопиться. Ей здесь нравится. Она движется по полю рядом с шоссе, иногда останавливается, чтобы из любопытства осмотреть и обнюхать стожок соломы.

Завидев Зорьку, бычок вырвал кол с привязанной верёвкой и пошёл прочь в известном ему направлении. Шура кинулась за ним. «Уйдёт, дурачок!»

Ноги скрючены ревматизмом, еле тащится, держит за верёвку, но бык тащит её вместе с верёвкой, как былинку. Шуре тяжело, а она так ласково ему:

— Давай, давай, иди, — и нежно трогает его хворостинкой. Бык останавливается, смотрит на Шуру преданным взглядом и топает себе вперёд.

На следующее утро Шура снова выводит своего милого бычка в поле. Ноги по-прежнему ей отказывают, и она ведёт его, опираясь на велосипед левой рукой и телом, по вспаханному полю, по неровностям и кочкам. Правой рукой она удерживает верёвку и тащит бычка. Бычок упирается и с укором смотрит на хозяйку. Шура тащит его к месту с хорошей травой, забивает кол, привязывает верёвку и, опираясь на велосипед, ковыляет домой.

В Скуратово долго не было дождя, очень плохо, люди встревожены. Священник позвал прихожан на крёстный ход.

Устроились, двинулись вокруг храма с молитвою. Двухлетняя девчурочка Катериночка идёт среди взрослых.

— Господи, помилуй, — и опускает голову.

За шествием пристроились гуси. Видно, по душе им такое движение. Всякое дыхание от Бога.

Иду со станции. Лавина облаков стремительно закрыла небо, исчезло солнце, потемнело, подул прохладный ветер. Затем на небе появились просветы. За густой зелёной посадкой погромыхивали поезда.

— Дедуля, — позвали меня позади. Я обернулся. Боже мой! Небольшой, тощий, измождённый в безумном пьянстве, мужичонка с огромным фиолетовым фингалом под правым глазом; физиономия грязная, отвратительные космы на голове.

— Что тебе, ненаглядный? — откликнулся я.

— Дык, скажи, сколько сичас времени? Скажи.

— Без двадцати пяти одиннадцать.

— Ты мене знаешь? — спросил абориген.

— Нет.

— Как же это, я тебе знаю, а ты мене не знаешь, — удивился он. — Ты из села?

— Из села.

Прошёл, но вновь обернулся.

— Электричка на Тулу когда?

— В одиннадцать.

— Сколько её ждать?

— Двадцать пять минут.

— У-у, долго.

Адреналин полезен: он взбадривает человека и повышает его тонус. Сегодня мы с Тоней приняли изрядную дозу адреналина. Поужинав, мы прогуливались в саду и за огородом, когда обнаружили отраву. Половина грядки со свёклой пуста!

Тоня протяжно ахнула и немедленно пожелала вора́м всяческих бед.

— ... Чтобы у вас руки-ноги отсохли! — под завязку произнесла она.

Я, однако, не торопился с выводами. При внимательном осмотре, можно даже сказать, всестороннем исследовании места преступления, я не обнаружил следов человека. И напротив, ясно виднелись круглые вмятины от копыт крупного травоядного животного. Кроме того, валялись наполовину откусанные плоды свёклы. Зачем вору так поступать?

— Бычок! — сообразила Тоня.

Пошли по следам. Животное двигалось, судя по следам, по нашей цивилизованной садовой тропе. По пути оно сожрало низко висящие яблоки с четырёх яблонь, прекрасные сортовые яблоки, и кучу паданцев. Всё сожрало. Следы вели на огород Катерины. И тут потрава: частично сожрана свекольная грядка, остальное истоптано.

Услышали негодующие возгласы соседки Люды. У неё съедена капуста.

А вот и виновница нашего негодования! Корова тёмной масти стоит себе на улице и смотрит на нас огромными неподсудными глазами.

— Чья? — одновременно спросили все присутствующие.

— Катьки-сарматки!

Тут же Катька-сарматка собственной персоной рысит по улице в поисках своего милого животного. Люди, пострадавшие от потравы, немедленно в духе сельских нравов, то есть тихо и вежливо, высказали ей свои претензии.

Катька стояла, заткнув уши пальцами, а когда орово утихло, решительно заявила:

— Уплачу, если что, — прекрасно зная, что платить не станет.

Спорить с ней не стали, памятуя опыт общения с Катькой. Она обычно посылает всех русским матом.

«Что же ты по-своему, по-сарматски не материшься?» — спросила её однажды Тоня.

— А вы по-нашему не поймёте, — ответила та. Логично, не погрёшь.

Корову свою она привязывает в поле к колу, забитому в землю.

— Она убегала и раньше, но приходила домой, — объясняла Катька, — а тут не знаю, почему не возвратилась, — простодушно добавила она.

— Плохо привязываешь! — уже без раздражения упрекнули её.

Хорошие в селе люди, отходчивые.

Удивительный человек Наташа. Утром встретил её возле южной околицы. Катит на велосипеде навстречу. За спиной небольшой рюкзачок, сама небольшая, ладненькая. Красивые глаза, очень выразительные и привлекательные. Истинно, глаза — выражение души. Заговорили о Покрове. Как будет со снегом. Она объяснила по своему соображению. Я со своей стороны сказал, что каждое утро я благодарю Господа за его дар мне видеть красоту природы ещё день.

Она спела песню. Поёт хорошо. Голос не сильный, но приятный, без фальши. Когда пела, собаки из ближайших усадеб стали громко лаять. Я на них шикнул, но она сказала, это они ей подпевают.

Позже я услышал от аборигенов иное соображение. Наташа пела, чтобы испугать диких кабанов.

СНЫ И КОШКИ

Младенец Славик тринадцати месяцев от роду ковылял по двору то за курицей, то за кошкой, а темой разговора взрослых были сны.

— Лошадь снится к письму, — сказал Северов, полковник в отставке.

— Лошадь ко лжи, — горячо возразил Виктор, начальник подстанции электропередачи.

— Нет, Витя, — подумав, возразил Северов, — к письму. Так толковала моя бабушка Саня, а она разбиралась в этом предмете.

— Ко лжи! — вступилась за своего кузена Рая, бабушка младенца Славика. — Как увижу лошадь, так мне столько вранья окажется, что руками не разгрёбёшь.

Славик

— Ну, не знаю, но только моя бабушка Саня разбиралась в снах отлично.

Помолчали.

— А какой сон к богатству? — поинтересовалась Катерина, прабабушка младенца Славика.

— Дерьмо! — незамедлительно и уверенно закричали все присутствующие.

У бабы Катерины жили две кошки: кошка-мать и кошка-дочь. Давать имена им здесь не принято, не в обычае. И ту, и другую называли просто «кошкой». Мать желто-рыжая, а дочь серая, и местами с лёгкой рыжинкой. Катерина всё мечтала завести кота, и вот удивительное дело: сельская жительница, вокруг животные, а никак она не могла определить пол котёнка.

Оставит, скажем, котёнка, полагая, что кота. Уверенно говорит: «Кот, точно кот», но через некоторое время смущённо признаётся: «Опять кошка».

Вышеупомянутые кошки различались не столько окрасом, сколько характером и мироощущением. Кошка-дочь обладала огромным, всепреодолимым инстинктом материнства. Своих котят она надёжно прятала от людей и, опасаясь за их судьбу, многократно перепрятывала. По этой причине они росли в полной дикости и непривычке к людям. Один раз она окотилась и содержала своих детей в узком, не более четверти метра промежутке между задней стеной нашей веранды и исконно древней кирпичной кладкой, которая стояла сама по себе, ничего не прикрывая и не отгораживая.

Так вот, между этими стенами кошка устроила своё логово; туда даже руку далеко не просунешь, не то что пройти, а заглянуть и увидеть возможно только с фонариком даже в светлое дневное время. При виде человека котят угрожающе шипели и гудели, как примус; глазёнки их горели угольками, а шерстка вздыбливалась.

Когда у кошки-дочери не было своих, она выкрадывала котят у матери; та была довольно равнодушна к своим детям и напрочь не переживала при их утрате. Украденных котят кошка-дочь воспитывала с энтузиазмом. Она бегала в поле, ловила и приносила им мышей, с упоением играла с котятами в свои охотничьи кошачьи игры; словом, она воспитывала их, как могла и наслаждалась материнством.

Кошки, как, впрочем, и некоторые иные животные, уходят умирать прочь из дома, куда-то в поле или в лес. Кошка-мать уходила

несколько раз, но, подлечившись травкой, возвращалась; однажды всё же ушла безвозвратно.

Кошка-дочь оставалась одна недолгое время; она сильно похудела, много спала. Наши скамейки и столы, расположенные во дворе, стали излюбленными местами для её дремотного состояния. Я к животным отношусь с добром и кошку не прогонял, но вот у неё открылась огромная язва, которая стала кровоточить. Кошка пачкала кровью все места, где располагалась, и дальше терпеть это стало невозможно.

— Катя, — сказал я, — нельзя терпеть рядом такое больное животное, тем более, здесь ребёнок. Это опасно. Следует кошку усыпить. Так всегда поступают люди в подобных случаях.

Я произнёс это громко, так что кошка наверняка услышала мои слова и... поняла!

— Чем усыпить-то, нет у нас ничего такого, — возразила Катерина.

— Тогда положите кошку в мешок, завяжите, опустите в ведро и залейте водой.

Кошка услышала и... поняла. Катерина замотала головой.

И тут я совершил скверный поступок: я прогнал кошку со стола веником. Веник — это единственный предмет, которого она опасалась, и единственная мера воздействия на неё с нашей стороны. Она перебралась на другое место, но я прогнал её и оттуда; она недоумённо посмотрела на меня, не понимая, что это со мной случилось. Ведь она постоянно беспрепятственно дремала в этих местах; теперь же она не могла понять моё поведение.

Когда я согнал её с третьего места, она спрыгнула на землю, обернулась и посмотрела на меня с глубокой печалью. Смотрела долго и пристально, и взгляд этот ясно показал, что она поняла и осознала своё положение. Затем молча, без мяуканья, она отвернулась и пошла прочь в сторону леса.

Сутки кошка отсутствовала, и мы решили, что всё, но на следующий день она, однако, появилась. Прошла во двор, осмотрела дом, столы, скамейки, амбар, верстак, очевидно, прощаясь со всем, связанным с её прошлой кошачьей привычной жизнью, и решительно двинулась в лес.

Ушла навсегда, от нас!

Позже её видели на огороде, в саду, на улице. Она приходила из леса, бродила вокруг дома, но к нам ни ногой, не появилась ни разу.

Мою душу тревожило ощущение некоей вины перед животным. Кошка, несомненно, осознала своё состояние и приходила проститься, её ещё тянуло сюда, но меня она вычеркнула из своего

сознания. Ушла навсегда. Новое ощущение, более сильное, чем желание быть в привычном укладе жизни, но где она уже не могла находиться, охватило её и потянуло тяжело и неодолимо к абсолютному одиночеству.

Кошка забилась в заросли, она лежала в траве, медленно и сладостно уходя в дремоту и в никуда.

Вот ведь как получается. Мы в своём человеческом эгоизме и мысли не допускаем, что животное способно до такой степени понимать наши слова и наше поведение.

А какая кошка была, крысу брала запросто!

Крыша

*За ребёнком твоим смотрю, а поросёнка
не могу иметь.*

Сельская озабоченность

Крыша нашей яранги протекала так, что в дожди приходилось подставлять несколько тазиков. Решительно следовало покрыть её заново. Двоюродный брат моей жены Василий, толстый человек, неустанно предупреждал меня о необходимости соблюдать осторожность. Сам он стоял на лесах, правильнее сказать, козлах, которые я соорудил специально под его нестандартный вес. Василий очень толст.

Я трудился на крыше, а он стоял на вышеупомянутых лесах и руководил моим процессом покрытия крыши рубероидом.

— Будь осторожен! — то и дело произносил он, дымя папиросой и с опаской наблюдая мои телодвижения. Если бы он захотел работать на крыше сам, осуществить это ему было практически невозможно. Проще втащить на крышу взрослого индийского слона, чем Василия, а уж о полезной его работе там наверху нечего и думать. Мне эти его предупреждения порядком досаждали, но я сносил их, понимая, что беспокоится он в моих интересах, а конкретно в целях моей безопасности; я осознавал их обоснованность и своевременность.

Разделив, таким образом, наш труд, мы успешно покрыли всю крышу новым, ещё пахнущим дёгтем рубероидом. Вдоволь налюбовавшись новенькой крышей, мы разобрали козлы и уселись за стол.

— Если не я, ничего бы у тебя не вышло, — веско заявил Василий, опрокидывая очередную рюмку.

Я не возразил, ибо видел, что ему приятно ощущать свою полезность. В нашем селе принято всякую общую работу завершать выпивкой. По этой причине постоянно находились охотники помочь в работе словом и делом. А почему я не стал спорить с Василием о степени его участия в труде? Да потому, что для меня мучительно, практически невозможно говорить людям для них неприятное, даже если это правда.

После такой основательной практики с домом покрыть таким же рубероидом крышу амбара, которая также сильно прохудилась и стала подобием решета, казалось, не представляло для меня труда. Я настолько уверился в своём мастерстве, что легкомысленно отпустил Василия с его советами. На следующий же день я приступил. Установил стремянку, зацепил её верхним крюком за конёк амбарной крыши, уложил рубероид в нужном порядке и принялся аккуратно лист за листом прибивать их двухдюймовыми гвоздями, не забывая подкладывать под шляпку каждого гвоздя прокладку, предварительно нарубленные из железной тарной ленты.

Амбар с новой крышей стал, как пасхальное яичко! Даже Тоня, удивительное дело, похвалила мою работу, а это с её стороны редкость, так что мне подумалось, не насмешка ли. Ан нет, похвалила натурально, без фальши. Однако, осмотрев ещё более внимательно, я обнаружил на скате крыши, обращённом в сторону сада, небольшое, не более копейки отверстие в рубероиде: заводской брак.

«Не годится!» — честно подумал я и решил заделать вышеуказанную дырку.

Разогрев на костре ведро с гудроном, я сунул в него палку с привязанной на конце тряпкой и полез на крышу по обычной лестнице. Осторожно, держа в правой руке ведро, ступил на стремянку, которая лежала на крыше снизу вверх, с перехватом за конёк, сделал несколько шагов до места работы и шмякнул на отверстие хорошую порцию гудрона. Хорошая работа: дырки как не бывало.

В полном удовлетворении от сделанного я начал отход, в смысле задом наперёд. И тут впервые за время моей высотной деятельности потерял бдительность. Не заметив, что опорная нога моя ступила на самый нижний конец стремянки, выступающий за пределы крыши, то есть висящий в воздухе, как консоль, я перенёс тяжесть тела именно на неё.

Дальше всё произошло так, как и должно было произойти согласно законам физики и, в частности, её разделов динамики и сопротивления материалов. Конец стремянки с моей ногой, не имея под собой

крыши, прогнулся вниз; верхний конец, напротив, взлетел вверх над коньком и таким образом отцепился от него, а я?

Я полетел вниз.

Ударился, правильнее сказать, грянулся я спиной. Земля приняла моё тело тяжело; удар ошеломил меня и сокрушил всё живое во мне, всё моё мироощущение. Не могу с достоверностью утверждать, сколь долго я пребывал в таком состоянии, ибо находился в полной отключке.

Ощутил себя лежащим на спине с непониманием, осталось ли во мне что ещё кроме слабого сознания. Казалось, мои жизненные силы разрушены; я решительно не знал, смогу ли хотя бы пошевелиться. Летняя тёплая земля мягко, но мощно притягивала к себе моё тело, и я лежал, распластанный и неподвижный, в полном параличе. Боли не ощущал, но это могло означать, что и она убита.

Постепенно я находил себя и собирался в сознании. Ещё проверил свои ощущения, кажется, жив. Можно ли мне шевелиться и способен ли я на это? Я был в нерешительности, страхась узнать самое неприятное, однако, находиться долгое время в неизвестности так же невозможно, и я решился. Приподнял левую руку, затем правую, убедился в их исправности, обратился к ногам. Слава Богу, кажется, руки-ноги целы.

Я видел над собой бездонное сине-голубое небо, да угол амбара из красного кирпича, изрядно изъеденного временем. Время не ощущалось; я попросту не замечал его течения. Поэтому не берусь утверждать, в какой момент, но во всяком случае для меня внезапно, я увидел, а если точнее связать со своими ощущениями, почувствовал присутствие человека.

Я решительно никогда прежде его не встречал; вместе с тем ничего удивительного, а тем более страшного в его внезапном появлении не ощутил. Человек молча очень внимательно, вернее сказать, пытливо смотрел на меня, как бы сомневался, но вскоре заговорил.

— Не торопись, лежи. — он ещё помолчал, словно отсчитывая одному ему понятные интервалы времени. — А теперь перевернись на живот. Ну же, — повторил он, видя мою нерешительность. — Возьми себя в руки, ты не маленький, — добавил он очень благожелательно, будто продолжая разговор, начатый ранее.

Я лежал один.

Полежав ещё, стал поворачиваться на живот.

— Это будет хорошей проверкой, — подумал я. Долго, очень неуверенно, но перевернулся. Особой боли при этом не почувствовал: то ли отбито, то ли ничего особенного. На животе оказалось удобнее, кроме того, это хорошая стартовая позиция для дальнейшего подъё-

ма. Лежал я в малиннике на чернозёме, который только что тяжело принял меня, сокрушил и парализовал, а теперь постепенно наполнял живительным потоком, исправлял содеянное и возвращал к жизни.

В нескольких шагах увидел нашу старую яблоню Белый налив и громадный сук от неё, низко, всего в метре над землёй подпертый от слома крепкой рогулькой. Я пополз к яблоне, намереваясь ухватиться за сук и опираясь о него встать. Дополз. Ухватился за толстую рогульку и принялся вставать. Встал и некоторое время стоял, покачиваясь в слабости и неуверенности, проверяя себя.

Тоня в это время вышла в сад, увидела меня, ахнула и подхватила под руки.

— Пошли, — шепнул я, и мы двинулись к дому.

— Ты бледный с зеленью, — сказала она. Я кивнул, соглашаясь; кроме того, я был полностью поглощён процессом движения, чтобы реагировать на такие пустяки, как цвет лица. Дома лёг на кровать и лежал, приходя в себя и успокаиваясь.

— Куда он делся? — спросил я жену.

— Кто?

— Да там стоял человек.

— Никого там не было.

У меня не осталось ни сил, ни желания доказывать своё, но...

Я стал лечиться по-своему. Утром, скрипя зубами, умылся, выполз на заднюю дорожку за огороды и прошёл два километра. Идти терпимо, но держаться следовало прямо и даже откидывать спину назад, ногами перебирать мелко. Через километр понял, что надо возвращаться, иначе останешься в поле. Ходьбой и движениями я пытался побороть травму.

Тогда я ещё не знал, что у меня перелом позвоночника и, следовательно, все эти мои процедуры могли принести только непоправимый вред.

Догадываясь, однако, о серьёзности повреждения, я добрёл до станции, сел в поезд, лёг животом вниз на гладкую деревянную полку: первое истинно правильное, что я сделал за время после падения. Дотерпел до Москвы, с трудом выдержал поездку в метро, где меня не щадили, принял душ, пришёл в поликлинику, где меня просветили рентгеном и обнаружили перелом, кинули на носилки, немедленно, не давая вставать, в лежачем положении доставили в госпиталь и заковали в мощный гипс от горла до пупа.

В этом непригодном для жизни положении я просуществовал полгода, пока мой позвоночник не излечился.

Анатолий

Сегодня, слава Богу, истекает високосный год; болею гонконгским гриппом, болит сердце, кашель рвёт грудь и не первый день. Легче не становится, на врачей махнул рукой, одна надежда на предстоящий новый не високосный год. Очень надеюсь, он меня поправит.

К девяти вечера стол сервирован. Небольшая ёлка обильно украшена игрушками, рядом мраморный терем, освещённые окна и мраморная труба которого образуют полную натуру и олицетворяют уют. На столе закуска, скромно и по справедливости отдавшая главную роль коричневой блестящей, будто полированной, жареной, томлёной в духовке и набитой сочной капустой утке.

Бутылка гаванского рома для взрослых и вишнёвая вода крюшон для детей, а на мельхиоровом подносе, живописно засыпанное конфетами, застыло в ожидании салюта шампанское.

Взрослые, это моя Тоня, её красивая, ещё незамужняя сестра Лида, тёща Евдокия Николаевна, в семейном общении баба Дуня; так зовут её дети, да и я, признаться, тоже; её это, кажется, устраивает, и, наконец, я собственной персоной, среднего роста немного полноватый артиллерийский подполковник.

Дети представлены девятилетней Ольгой и пятилетним Димой; наша взаимная любовь не мешает им терзать мои нервы разнообразными проказами, а мне урезонивать их словесно, а Диму даже шлёпками. Ольгу шлёпать категорически недопустимо: она считает себя взрослой, и даже намёк на возможность быть подвергнутой физическому наказанию кидаёт её в шок и истерику. Дима, крепкий малыш, слов моих не слышит напрочь, если только я раз восемь подряд не проору своё; у него толстая попка, и шлёпать по ней истинное удовольствие. К тому же, он не делает из этого трагедии.

Сегодня по случаю встречи Нового года они просили не укладывать их спать, и мы согласились, лишь выговорив одновременно:

— Интересно, долго ли выдержите?

Выдержали они стойко, засыпали, но не сдавались; без пятнадцати двенадцать всё ещё смотрели телевизор. У Дмитрия разъезжались глазёнки, а голова моталась из стороны в сторону. Ольга лежала на полу, уложив мордочку на ладони и уперев локти в пол; от усталости она распласталась, уложила живот на пол и смотрела на экран. Пол у нас тёплый, и мы не беспокоились, что она простудится.

В первое утро Нового года мне оказали честь лично вынести мусор, а затем мы отправились на Москву-реку, захватив санки. Один

сидел на санках, остальные везли. Мороз невелик, ветер слаб, мы дышали. Вернулись, пообедали и находились в приятном дремотном безделье, когда прозвонили в дверь. Вошли Нина и Анатолий, всем своим видом выражая всепроникающую радость по поводу встречи.

Анатолий на сороковом году своей жизни впервые летал на аэроплане, и его распирало желание поделиться впечатлениями об этом эпохальном событии. Едва войдя, он тут же и приступил, ибо оттягивать далее был решительно не в состоянии. К моему ужасу, рассказ его длился бесконечно. Я по характеру своей службы летаю часто, но летать не люблю, и слушать его трёп мне не только неинтересно, но и утомительно. Хотел даже сказать ему об этом, но гнилая интеллигентность натуры моей воспротивилась честному порыву: это, видите ли, не учтиво. А вгонять меня в тоску учтиво?

Анатолий на всё в жизни имел твёрдое, сложившееся мнение, и я молчал, я терпел. Но когда на моё восхищение югославским певцом Марьяновичем он заявил, что тот в антрактах между выходами глотает порошки для возбуждения, я не выдержал.

— Если с такой меркой подходить к оценке мастера, то Чайковского надо зачеркнуть, ибо известно, он... Но так не правильно, не по существу.

Он сразу пошёл на попятную и перевёл разговор.

— Давай ещё выпьем, — предложил он.

Пить мне не хотелось, а Анатолий только входил во вкус, он одурел и пошёл вразнос. Я налил ему, он выпил. Заметив, что Нина вышла в кухню, он попросил ещё и выпил так же торопливо, продолжая жадно глядеть на бутылку. Нина, однако, увидела, стала ругаться и засобира-лась домой. Он старался уйти последним, чтобы успеть выпить ещё, но Нина его уволокла.

Я вздохнул с облегчением, но, как оказалось, преждевременно. Анатолий вернулся и заявил, что забыл авторучку.

— Проверь карманы, — предложил я, понимая, однако, что дело не в авторучке. Так и есть!

— Давай выпьем, — сказал он. Я налил рюмку.

— Что так мало? — я вылил весь коньяк в чашку, подал.

— Это много! — я отлил в рюмку.

— Ты пей тоже! — потребовал он.

— Не хочу.

— Боишься? — давил он меня.

— Нет, просто я хозяин во взаимоотношениях с этим добром. — разъяснил я.

— А-а, — промычал он и выпил коньяк до дна. — Дай закусить.

Я дал ему конфету.

— Иди, там тебя ждут.

Он засуетился, нежно обнял меня и стал целовать слюнявым, противным до тошноты, подобным мокрице ртом.

После его ухода я долго и тщательно мыл лицо тёплой водой с мылом и щёткой; ощущение мерзости, однако, долго не проходило.

Нине он сказал, что ручка нашлась под столом, соврал, как обычно.

Анатолий, свои называли его Толиком и в глаза, и за глаза, среднего роста и редко встречающегося, плюгавого вида. Худ до дистрофии, физиономия узенькая, как лезвие топора, крысиная. Своё физическое ничтожество он тщательно скрывал под нарочито просторной одеждой. Бабе Дуне хвалился, что, дескать, стал поправляться и даже пузочко наметилось! Чтобы не вызывать насмешки своей тощей вздорной плотью, в баню не ходил. Часто врал, полагая это нормальным. Выпивку почитал за наидостойнейшее занятие для мужчины.

— Прилетаю в Катангу, — рассказывает, — и прежде, чем начать работу, выпиваю два стакана спирта.

Мне не верится, неправдоподобно это.

— Полных? — уточняю я.

— Полных.

— А ты знаешь, сколько это водки? Более литра!

— Ну и что же?

— Как что, умрёшь.

— Нет, — до него, всё же, доходит абсурдность дела, и он отступает, но в споре и с трудом.

— Не чистого, а разведённого, — поясняет он, — ну и не полных, чтобы до краёв.

Всё идёт из семьи, от обычаев в ней, из смешения крови в роду, из признаков, переданных предками. Телосложения, как уже сказано, вздорного, узкоплечий и тощий, Анатолий обладал, однако, натурой цепкой, как у клеща. Отец его и брат шабашили по церквам: лепили внутреннее убранство храмов, а заработанные немалые деньги пропивали с чувством исполненного долга. Пропив, брались за новый подряд: лепили, красили и... пропивали. Указанный образ жизни считался в семье как единственно правильный.

Рождённый и воспитанный в указанном духе, Анатолий некоторое время трудился в составе семейной бригады, но постепенно отошёл, так как был ленив. Стал наниматься на различные работы, ища какую

полегче, а ещё лучше, на которой можно вообще не обременять себя трудом. Пристрастился пить по-черному. Женился.

Жену Нину избивал и всячески изгалялся над ней; мог запросто запустить в неё утюгом или топором. Бил её, наматывая косу на свою руку, чтобы покрепче ухватиться и ловчее бить, а женщина чтобы пребывала в покорности. Таким образом он постепенно полностью подавил её волю к сопротивлению и терзал безответно.

Случилось, однако, что даже её безвольная натура не выдержала. Нина схватила его за горло и разбила нос. Анатолий сел на пол в углу и горько заплакал, а Нина в сотый раз простила его.

Однажды он пришёл, как всегда, выпивши, рявкнул:

— Дай пообедать, есть хочу!

— Сейчас разогрею борщ, — сказала Нина.

— Нет, подавай немедленно! — он принялся бить по столу и швырять посуду. Нина вытолкала его за дверь, но он изловчился, схватил её за волосы, намотал косу на кулак и стал бить ребром ладони по оголённой шее, норовя попасть по сонной артерии. Задышавшись от боли, Нина кое-как освободилась и от всей души отколотила его.

На другой день, проспавшись, жалкий, как суслик, ручки на груди, грянул на колени.

— Прости! — возопил. Ходит за Ниной, как тень, вздыхает. Она его, однако, прогнала.

— Уходи, куда хочешь.

Он собрал вещички, ушёл. Забрёл к родне. Там ему открыли глаза:

— Куда уходишь? Кому ты нужен? Твоя доля в комнате!

Он и вернулся.

— Никуда не пойду!

Живут.

Тёща в деревне его ненавидит, говорит дочери:

— Чтобы с ним ко мне не приезжала!

Но он увязался. Пьянка беспробудная. По дороге со станции в село свалился с насыпи железной дороги. Зима. Плачет вниз:

— Ниночка, не бросай, замёрзну я тут.

Та помогла. Эх, сердобольная душа.

Он постоянно лечится в больнице от нервного расстройства, как порядочный засранец. Занимает койку. Бить Нину стал сразу, с начала совместной жизни. Случился выкидыш. Всё было.

Вот натура одного из людей! И что дальше? Родилась дочь. Насмотрелась, стала глубоко ненавидеть отца.

Зачем продолжают жить вместе?

Инстинкт бросил их друг к другу; общественные традиции и необходимость существования держат их и не дают разойтись. Они рабы действительности — такой, какая она есть, а ведь времени им отпущено на жизнь не жирно. Так они и жили.

В Анатолии образовался его собственный стойкий мир понятий и правил жизни. К добру он относился с подозрением, лучше сказать, не верил в него. Заботился исключительно о себе, стараясь удовлетворить свои животные потребности. Людей не уважал. Нечист на руку. Обмануть для него — нормальное дело. С предприятий, на которых работал обычно короткое время, тащил всё подряд, то есть крал. Необузданную выпивку почитал за доблесть, однако когда его хватил инфаркт и он оклемался, перестал пить, как отрезал. Испугался смерти!

По натуре предприимчивый, он гнушался нормального труда и с охотой брался за всякие сомнительные, прямо скажем, аферные дела. Вышел на пенсию, несмотря на своё тунеядство и хроническое пьянство, тут же принялся искать в этом новом состоянии наибольшие выгоды.

Фронтовикам платят больше; они имеют много привилегий и льгот. Анатолий решил стать фронтовиком. Не имея к боевым действиям на фронте никакого отношения, он принялся доказывать в различных инстанциях свою «несомненную» принадлежность к войне. Со временем преуспел на этом безнравственном пути, доказал то, чего не было, и получил кое-какие прибавки к пенсии.

Затем в целях укрепления созданного образа стал скупать фронтовые награды у вдов истинных фронтовиков, участников боёв в войну. В селе он их покупал за бесценок. За орден сто рублей, за медаль пятьдесят, знаки скупал за копейки. Не разбираясь в деталях, кроме боевых наград он приобрёл знак отличника инженера по технике безопасности в угольных шахтах, медаль ветерана труда, причём этих медалей две, чего никак не может быть по отношению к одному человеку, и прочие подобные нелепости. Соответственно, орденских планок он нашёл на пиджак множество рядов.

Теперь он расхаживал по селу, приучая селян к своему новому облику заслуженного фронтовика. Утвердившись в своём новом статусе, он вошёл в роль и принялся терроризировать местную власть, требуя для себя почет и различные привилегии, подобающие его заслугам.

И не нашлось человека, который поставил бы хама на истинное его место.

Несмотря на мерзости и возраст, его по-прежнему по привычке называли Толиком. С годами здоровье его естественно ухудшалось, а

далеко не полностью утолённое стремление выглядеть заслуженным фронтовиком всё усиливалось. Для поддержания здоровья он решил лечь в стационар, но не в какую-то там общегражданскую больницу, что было бы теперь для него унижительным, а непременно в военный госпиталь. И ОН ЭТОГО ДОБИЛСЯ!

Утомлённые его мошенническим напором, медики поместили Анатолия в госпиталь для ветеранов Великой Отечественной войны на Соколиной Горе. Какое оскорбление для истинных солдат войны! На третий день пребывания в вожделенном лечебном заведении он проснулся после дневного отдыха, сел на кровати, чтобы потолковать с соседом по палате о своих, придуманных им, фронтовых подвигах, как внезапно захрипел, рухнул на кровать и стал помирать.

Ворочая воспалёнными глазами, он смертно мучился. Жизнь текла в нём всё более бесконтрольно и хаотично. Он не один раз обделался и всё размякал. Из него текло, уходили силы. Он шарил руками по кровати, томился. Умирать он не хотел.

Красиво умирают только в романах, да и то положительные герои.

Отдал душу. Кому? Я бы не взял такое дерьмо. Куда её девать, одна вонь.

Мечты Толика, таким образом, осуществились, хотя и не совсем, ибо смерть не входила в его ближайшие планы.

Нина известила нас по телефону об этом скорбном событии днём, а в наступившей ночи я увидел его явственно совершенно живым: стоит, с людьми разговаривает.

— Как же так, как это может быть? — в растерянности размышлял я. — А, вот в чем дело, он сам ещё не знает, что помер. Как же теперь быть, что случится, когда узнает? Да и кто скажет ему о его реальном состоянии? Как-то неудобно, ещё обидится.

Хоронили Толика с отпеванием в церкви. Странно, ведь он не верил в Господа.

Всё-таки убедил он власть в своей принадлежности к заслуженным фронтовикам. В военкомате Нине выплатили десять тысяч рублей на памятник.

— Он стоит дороже, но уж Вы доплатите. — сказали ей.

Толик получил, таким образом, удовлетворение быть зарытым на военном кладбище, упокоился. Но сулит ли ему, грешнику, покой?

Избавленная от мужа с его тиранством и оставшись одна, Нина, однако, совсем подкосилась. При всём том, но он служил ей всю жизнь какой-никакой опорой, и она привыкла к своему состоянию. Жить в деревне стало ей нелегко; она бросила дом, нехитрое своё хозяйство

и уехала в Тулу. К тому же, ближайшая её душевная соседка Шура Мишина этой зимой померла, надорвавшись на непосильном труде, а так как на ней держалась семья и хозяйство, то всё тут же и рухнуло.

Муж её Виктор, а по паспорту Валерий, ветеринар и горький пьяница, запил вовсе по-черному, бросил дела и всё кричал:

— Хозяйство моё, добро моё, никому не достанется.

Его незамедлительно, как мухи помёт, обступили местные бездельники, алкоголики и посылно помогали пропивать его добро и пенсию, а что не пропивали, то уворовывали. Естественно, однажды ночью, ещё зимой, ближе к весне, дом загорелся и сгорел до кирпичных закопчённых стен и печи с трубой, то есть дотла.

Несчастный, видно, как обычно пьяный, спал. От пожара очнулся, пытался выползти из дома, но достиг лишь веранды, где полностью сгорел. В гроб положили косточки, но без головы, каковая не нашлась. Проползли слухи, что убили его, отрезали голову, а дом подожгли.

Только Господь знает, как всё случилось в натуре.

Теперь от нашей усадьбы вверх к Выглядовке подряд десять брошенных или сгоревших домов с садами и огородами. Порою становится жутковато от такого вымирания села.

Семейство Извилистых

Мы с женой вышли на Странное шоссе и тихонько двинулись, гуляя.

Ещё издали увидел я на шоссе человека и рядом с ним животное, как мне показалось по виду, лошадь. Пара очевидно двигалась по направлению к нам и быстро приближалась.

— Это бык! — в испуге вскрикнула Тоня и сошла с шоссе на пахоту. Она с детства опасалась быков. Но вот объект поравнялся, и нашему изумлённому взгляду предстали Александр Извилистых и его корова.

Они совершали вечернюю пробежку.

Александр полагал модным беговой моцион и непременно с собакой. Однако, хотя собак у Извилистых обитало множество, но всё плюгавые. Они ничего общего не имели с настоящей собакой, образ которой был намертво вмонтирован в воспалённое воображение Саши. Тогда он приспособил для указанного почтенного занятия свою корову.

И вот Саша Извилистых и его корова, топочущая рядом с ним подобно чудовищно огромной собаке, мчались во весь опор по шоссе. Крупное животное, слегка нагнув голову с наставленными рогами и

выкатив огромные глазища, тяжело грохотало копытами по бетону. Одичавшая в неестественной, не свойственной корове, созданной Сашкой жизни, без отёлов, с высохшим выменем, корова подобно собаке совершала вместе с ненормальным хозяином своим эту безумную спортивную пробежку.

На наш изумлённый вид и возглас Сашка прокричал нечто, смысл коего не дошёл до нашего сознания. Как безумное видение воспалённого воображения, они ураганом прогрохотали мимо нас и вскоре исчезли из вида.

— Непременно спрошу у Сашки, что это он выдумал, — сказал я.

— Не вздумай разговаривать с ним, — категорически и почти истерично наставила меня жена.

Подумав, я согласился с ней, хотя мне очень хотелось поговорить с Александром на эту тему, расспросить о его соображениях.

Софья Яковлевна Извилистых, до выхода на пенсию геолог, и её совершенно взрослый сын Александр Извилистых по прозвищу Козлятник прибыли из восточных краёв Сибири и Дальнего Востока. Здесь они поселились в доме ныне покойной матушки Софьи Яковлевны. То ли в силу привычки жить в диких местах и слиянии с природой, то ли каких наследственных роковых причин, но жизнь свою они устроили на новом месте в виде, решительно не соответствующем привычному для аборигенов села, да, пожалуй, и вообще человека.

Они водили множество коз и прилежно пасли их на местном сельском безхозяйстве, то есть, на брошенных и одичавших землях, обратившихся со временем в прекрасные луга; зато остальное своё поголовье содержали бестолково.

Коровёнку запустили с доением, и у той пропало молоко; она постоянно ревела голодным рёвом и тоской по быку. Множество худых до ужаса кошек и собак стало истинным бедствием для соседей и пешеходов. Проходить мимо поместья Извилистых неприятно, если не сказать опасно. Собаки бешено лают, кружат и норовят укусить. Хорошо ещё, что были они мелки и смертельной угрозы для взрослого человека не представляли, а больше досаждали. Всякий раз меня охватывало желание запустить в них камнем, но на тропе, заросшей травой, камней, к сожалению, не находил.

Однажды громадное дерево, американский клён, рухнуло на крышу их избы; от удара и тяжести дом изрядно покосился, искривив свой вид до нелепости, а Сашка и не думал исправить своё жилище. Дерево так и осталось лежать на крыше, как уродливый памятник мировоззрению Саши и Софьи Извилистых.

Для полноты образа необходимо сказать, что Александр ранее был женат. Брак его с некоей женщиной оказался недолговечным, а причина развода любопытна. Саша с молодой женой своей занимали комнату на первом этаже четырёхэтажного дома железнодорожного типа из красного кирпича. Вот в эту комнату, кстати, принадлежащую жене, он привёл лошадь.

Лошадку он нашёл на поляне между двумя густыми посадками, где она по неизвестной причине паслась в полном одиночестве, то есть без хозяина. Александр решил, что бродяжку следует приютить, не пропадать же животному. Саша любил животных.

На полном серьёзе он, хотя и с трудом, ввёл лошадь в комнату, при этом она заняла не менее половины квартиры, привязал к комоду и стал раздумывать, где бы раздобыть корм.

Реакцию жены можно вообразить лишь в малой степени и весьма приближённо. Как откликнулась женщина на создавшуюся ситуацию, в натуре исчерпывающе представить невозможно; всё будет мало и бедно красками.

— Вон твою лошадь! — вопила она в промежутках между истерическими слезами.

Александр проявил, однако, решительное упрямство.

— Лошадь станет жить здесь, — твёрдо заявил он и ласково потрепал животное по шелковистой холке. Справедливости ради следует признать, что лошадь была на его стороне.

Понятно, женщина, не колеблясь, тут же выставила мужа и лошадь вон и навсегда вычеркнула их из своей несчастливой жизни.

Мать с сыном любили рассказывать о том, в каких ужасах они живут. Плохие люди в них стреляют, преследуют, и вообще мир полон злодеями и опасностями; Извилистых в этом были единомышленники. На претензии соседей по поводу собак они смеялись, утверждали, что собаки ведут себя правильно, как и подобает сторожам; неудобства людей они отметали как мелочь и непонимание.

Местный медицинский авторитет Лидия Ивановна Шестакова, фельдшер, пользующая всех сельских жителей от мала до стара, однажды и навсегда изрекла. Она сказала, что Извилистых подвержены шизофрении. Простое же окружение, не отягощённое медицинским образованием, смотрело на дело проще и определило их сумасшедшими, тронутыми умом или людьми с поехавшей крышей.

Во время прогулок я часто встречался с Александром, обычно на полянах, где он стоял в позе древнего библейского пастуха в окружении множества пасущихся коз. Эти несомненно полезные животные с

любопытством, не прекращая жевать, останавливались на мне своими бесовскими глазками и так неотрывно и коварно смотрели, пока я не уходил.

Меня интересовало мироощущение Александра. Я терпеливо выслушивал его не очень-то связные и явно неправдоподобные рассказы и отдельными вопросами пытался выудить из него суть его натуры. Главное, что мне удалось уловить, это необычайная лёгкость, с какой он отвечал на любой вопрос; то есть, для него не существовало вообще ничего непонятного, всё ему ясно, как Божий день. Ответ на всякий вопрос следовал мгновенно и даже весело.

Иное дело, содержание этих ответов; оно обычно весьма далёкое от здравого смысла и тем более от истины. Очевидно и несомненно, что окружающий его мир представлялся ему ясным и не требовал размышлений. Его ирреальная эрудиция не знала границ; для него не существовало непонятных тем. Во всём он, по его мнению, разбирался, понимал и судил. И никаких сомнений.

Всё ясно.

Он не оптимист; предпочитает говорить об опасностях, неустроенности, неприятностях, всё это так, но зато ясно и ему понятно. Чего не скажешь о его собеседниках, если таковые случались.

Саша словоохотлив до легкомыслия, но порою кажется, что он о своём окружении судит здраво. Невольно, однако, когда он переходит грань разумного и заключает свою мысль парадоксальным выводом, возникает сомнение в целостности его рассудка. Здесь непонятно, то ли его выводы всё же осмысленны и он сознательно проявляет волю, ну нравится ему изображать события таким образом, то ли они плоды повреждённого разума.

Скажем, я, опираясь на опыт яйцеголовых ученых, утверждаю, что по закону джунглей «сильная тварь пожирает слабую».

— Ни в коем случае, — реактивно возражает Саша, — совсем даже наоборот! Слабая тварь — пожирает сильную.

— Как это? — изумился я.

— Просто. Сильный мнит себя таким мощным, что вроде все его боятся и тронуть не посмеют. Идёт открыто, грудь вперёд нараспашку, а слабенькая тварь тихонько смотрит, соображает. Вот мышка заберётся слону между пальцев, и слон, не зная, как её вытащить, погибает.

— Что же, он хоботом её не достанет?

— Ни в какую. Там у слона в стопе полость такая, что хоботом не вытащишь. Вот и получается, громадный слон и мышка. Тьфу на неё, а пожирает сильного. И вот ещё, кто сильнее льва или, скажем, амур-

ского тигра? Ого-го! Но нападает на него хворь от крошечного ничтожного существа микроба, и кранты Вашему льву или тигру.

Крыса зубастая и яростная, а помести её в место, где всё мягкое, где грызть ей нечего, и каюк крысе! Сдохла.

Во всех случаях слабая тварь пожирает сильную.

Убеждённость Саши в его суждениях поражает, и переубедить его решительно невозможно, лучше и не браться.

— Саша, слушай, надо каким-то образом помочь нашему президенту наладить жизнь в России. Вон как мужик старается. Ты-то помогаешь?

— Кому? Да он трус!

— Здрасте, наш президент в разведке служил, а там дристунов не держат.

— Вот там как раз все трусы.

— Да он дзюдоист, мастер спорта.

— Ну и что? В дзюдо самое главное в схватке вовремя убежать. Вот и всё.

Саша продолжал путь на станцию, а я по Странному шоссе в обратную сторону.

Странное шоссе влечёт к себе Сашу, как некая роковая сила. Не разумом шёл он по шоссе, а неудержимым влечением инстинкта. Он то и дело выходил на асфальтовое полотно шоссе, и я видел его идущим то в одном, то в обратном направлении. Он останавливался, заглядывал на обочину, нюхал траву, снова шёл то по левой стороне, то по правой, решительно не имея сил сойти с этого завораживающего пути.

Как уже упоминалось выше, Извилистых прибыли из дальневосточных краёв, где Софья Яковлевна имела, с её слов, разумеется, некое отношение к предприятию, связанному с добычей золота. После приватизации онога она решила доказать своё право на долю прибыли с этого высокодоходного дела и стала настойчиво добиваться получения акций. Опиралась она при этом на бессмертную тягу человечества к справедливости, но... не на тех напала.

Ей показали кукиш.

Она подала в суд и получила отказ. Подала в вышестоящий суд — отказ. Подала в Верховный суд — пересылка дела обратно в суд первой инстанции. Крут замкнулся. Казалось, всё. Однако, как все ненормальные, Софья Извилистых надеялась на успех; она стала собирать силы и документы, дабы послать своё дело в Страсбургский суд по правам человека.

Обо всём этом она доверительно поведала мне. Я пожелал ей успеха на этом тернистом и неблагодарном пути.

Она меня трогательно благодарила.

Софья Яковлевна повстречалась мне утром и после приветствия, озаряясь внутренним волнением, сказала проникающим голосом:

— Вы, Лев Николаевич, великий человек.

— Согласен, — смиренно ответил я, — Лев Николаевич был истинно великим человеком, но ведь я всего-навсего Лев Васильевич.

— Ой, простите, — виновато произнесла Софья Яковлевна, — оговорила. Мой сосед Лев Николаевич, вот я по привычке.

— Ничего, не берите в голову, — успокоил я её.

— Так вот, я считаю Вас великим человеком. Знайте это.

— За что? — изумился я. — Совсем недавно я проходил своей обычной прогулкой окраину села и отчётливо услышал женский голос от одного из домов: «Этот дурак опять пошёл».

— Вы не курите, не пьёте. Таких людей в селе больше нет.

— Софья Яковлевна, курить я действительно бросил, а вот рюмочку в двадцать восемь граммов раз в неделю позволяю себе принять.

— О, это даже для пользы!

— Я тоже редко, но двадцать девять граммов выпиваю, — вклинился Саша.

До этого разговора Софья Яковлевна дичилась, а тут её истинно провало доброжелательным ко мне и явно преувеличенным откровением.

Она, впрочем, сообразила, что для «великости» не курить, не пить маловато; тогда она попыталась расширить круг моих достоинств, и главное, убедить в этой, по её мнению, истине меня самого. Но даже этими дополнительными словами она не смогла выразить то грандиозное впечатление от меня, которым охвачено всё её существо.

За всю мою жизнь меня впервые признали великим, и я стал ощущать себя несколько по-иному.

Лёгкое полупрозрачное облако перекрыло солнечный поток и тем сильно смягчило полуденный зной. Жёлтые цветы крупными соцветиями на длинном хрупком стебле пали в поклоне к моим ногам, выражая своё уважение и желание услужить.

«Ступай по мне! Тебе удобно, а для меня это великая честь!»

Я ощутил, как яд гордыни просачивается в меня, я испугался. Не отравиться бы.

«Грешен. Не загордиться бы», — забеспокоился я. Я знал себя и своё место в мире, что греха таить. Ведь какие мысли иногда приходят в голову!

Вот, скажем, эти сельские хулиганы-отморозки воруют, ломают заборы, пакостят. «А хорошо бы их огреть дубиной, — с наслаждением мечтал я, — да как следует!», но тут же опоминался. «Нет, уж пусть лучше озоруют, чем такой грех с моей стороны».

«А если меня каждый день станут называть великим, — думал я, — что же тогда станет со мной?» Я ужаснулся.

Мать и сын Извилистых жили своей жизнью, как они её понимали, но сильно непохожей на жизнь аборигенов. Именно по этой причине те полагали Извилистых подвинутыми рассудком.

Я дошагал до верха холма и далее шоссе пошло с лёгким уклоном.

Валентина Волкова, в давнее время сожительница Анатолия, двоюродного брата моей жены, повстречалась мне на повороте с шоссе на шлагбаум у своего огорода.

После краткого приветствия она незамедлительно и крепко ухватила меня за рукав и стала рассказывать о своей жизни.

— Когда Витю подстрелили, его отвезли в Тульскую больницу.

Витя — это родной брат Валентины.

— Поехала я к нему, сердце-то болит, и увидела Витю. Лежит он на кровати, весь увешанный баночками и пузырьками. Я тут же всё и поняла. Посмотрела, пошла к врачу, спрашиваю:

— Зачем Вы его увешали, его же лечить надо!

— Будем делать операцию, — ответил врач.

— Как операцию?

— А так, разрежем тело, распилим рёбра, вытащим пулю, зашьём и все дела.

— Так же нельзя, — сказала я.

— А как?

— Следует ушить тело с двух сторон от раны. Мышцы. Тогда не надо ничего пилить и резать, всё будет видно.

Врач посмотрел на меня, но ничего не сказал. Через день я снова приехала. Операция уж сделана.

— Каким образом сделали? — спрашиваю.

— А вот как Вы сказали. Так всё и получилось, и откуда вы всё это знаете? Это же медицинские наши секреты.

— Да вот, знаю.

— Валя, — усомнился я, — действительно так было?

— Святой Истинный Крест, правда, — и она истово перекрестилась.

— Да, вот ещё. Порезали меня, истекла кровью. Отвезли в больницу в Чернь, стали лечить. Однако, вижу, дело нечистое.

Заходит в палату врач и почему-то в белом халате. Сразу ко мне, а ведь в палате ещё больные. Чую, здесь что-то не то. Почему в белом халате? Из головы не выходит.

Так вот, этот врач говорит:

— Вот вам порошки, вот пилюли, таблетки. Выпейте воду из пузырька, — и он постучал ногтём по бутылочке, — дальше продолжим лечение.

А сам в глаза не смотрит. Ушёл. Я, конечно, поняла, что приходил он неспроста. Не с добром. Надо спастись. На следующий день рано утром я тихонько оделась и ушла домой.

— Валя, зачем же ты ушла? Врач тебя натурально лечил, — упрекнул я её.

— Какое лечил! Сгубить он меня хотел. Святой Истинный Крест, — и она истово перекрестилась.

Брат её Виктор, тот, из которого пулю вытаскивали, всю свою жизнь состоит в районной власти, прилепился. Посильно вытянул из своего властного положения коттедж в селе. Двухэтажный, по проекту, с участком и садом. Да и в иных местах построил. Часть продал.

Саша Извилистых извлёк из сельской мусорной свалки, расположенной в разных местах на обочине шоссе, полезные предметы, и с чувством глубокого удовлетворения поволок их к дому.

Двадцатилитровую стеклянную бутылку, настенные батарейные часы «Кварц», негодные, но, по мнению Саши, способные к ремонту, и пенопластовые перегородки из-под телевизионной тары.

— Хорошая бутылка, — одобрил я, — но знаешь ли ты, из-под чего она, вдруг керосин?

— Ну что Вы, нет. Она из-под серной кислоты, — пояснил Саша, — будем заливать вареньем.

— Саша, — укоризненно возразил я, усмотрев в ситуации непорядок, — в такой бутылке следует хранить сок или вино. Варенье сложно затолкать, у бутылки слишком узкое горло.

— Нет, варенье, — упрямылся Александр.

— Саша, умоляю тебя. Только вино или сок.

Мы разошлись.

Сегодня мать и сын Извилистых необычайно торжественны и строги обликом. Они идут на станцию по некоему, видимо, очень важному делу. Лицо обычно говорливого и легкомысленного Александра приняло на сей раз медальный вид, от легкомыслия не осталось и следа.

Из общения с Извилистых и Волковой я заметил, что нравлюсь сумасшедшим. Они, очевидно, испытывали ко мне доверие и делились своим беспокойством, подавляющим их натуру. Во мне они видят человека своего круга, с таким же, как у них, пониманием окружающего мира. Они приняли меня в свою стаю.

Хайям

Мне повстречалась Вера Резьба из избы через улицу напротив. Собственно, фамилия её Сенова, но мужа в селе прозвали Резьбой, и кличка эта к ней прилипла. У Веры коза, сын и внук. Жизнь её ужасна; люди в селе на виду, ничего не скроешь.

Сын Саша, тоже, естественно, Резьба, пьяница; сноровистый в технике, для людей за бутылку мастерит, помогает в ремонте, а для матери бездельник, палец о палец не ударит, никакой помощи. Тунеядец, ест, что она приготовит, нагло требует жратвы и денег; периодически выгоняет мать из дома.

Внука Романа прозвали Хайямом от фамилии Харламов, в которой он не произносил букву «Р». Вор, не вылезает из тюрем, совершенно несчастный погибший человек, по сути приговорённый с детства, ибо мать его, дочь Веры, по справедливости сказать, сучка и потаскуха, пила и блудила, сына забросила. Малыш с двух годиков то и дело шёл пешком через всё село к бабушке Вере от пьяной бесшабашной матери. Отца он не знал вовсе.

Дядя его, Саша Резьба, обычно безжалостно колотил мальчика, выгонял из дома. Ребёнок нередко ночевал в бочке возле дома. Холодными ночами застудил почки, от чего страдал в самом раннем возрасте. Позже мать уехала в Тулу и навсегда забыла сына. Он же всё порывался уехать к ней, родимой, а она пила, блудила и не думала о нём.

Помню, прибежала Вера.

— Пропал Рома!

Я сел на велосипед и помчался на станцию искать её внука. Обнаружил его за перроном, затаившегося в тени дерева, в ожидании электропоезда.

— Рома, ты что же здесь?

— Хочу уехать к маме.

— Бабушка Вера волнуется, тебя нет. Поехали домой.

Он не противился. Я обнял это несчастное заброшенное дитя, сам едва не плача от жалости, посадил его на раму и покатил в село.

Вера меня благодарила за заботу и извинилась за беспокойство.

Мальчик тихонько рос, возился с техникой, однажды даже приспособил к мотоциклу двигатель от доильного аппарата, взятого на заброшенной ферме, осколке развалившейся советской экономики. Так и ездил.

— Вон, Ромка-доярка поехал, — смеялись люди и добавляли: — Золотые руки.

В технике он соображал, а по жизни нет, а мать пила и блудила.

Окружение, которое его воспитывало, состояло из отпрысков семейства Домовых, рождённых в тюрьме, да из змеюшного рода Вальцовых. Старшие Вальцовы сидят в тюрьме за убийства; один из них отрубил голову старику-пенсионеру в процессе их взаимоотношений, а средний после того, как придя за самогоном к своему дяде Павлу и получив отказ, убил его, и все дела. Мальчик Домовых тоже отличился на этом пути, забив металлическим прутком до смерти Анну-самогонщицу за отказ выдать бесплатно всё тот же самогон.

Роман пил, принимал различную дешёвую наркоту, воровал, словом, шёл по весьма кривой дорожке, неизменно приводящей его к тюрьме. Вместе с тем, он слаб, не приспособлен к жизни и обычно не в состоянии за себя постоять. Дружки поколачивали его, а после приносили водку с миром; он пил с ними и легко прощал побои и унижение.

Оба тунеядца, сын и внук, жили на мизерную пенсию Веры, висели на её шее, как жернова, но они ей родные, и оттого тяжесть умножалась. Несчастливая жизнь, безысходность гнули Веру, загоняли её в желтизну, дряхлость и полную погибель. Тем не менее, Вера жила, но жизнь её всё более напоминала конвульсии умирающего человека.

В призывном возрасте Романа взяли в армию, но он занедужил, его положили в госпиталь, увидели, разобрались, признали его негодным к несению нелёгкого ратного труда да и комиссовали по чистой. Вера-то радовалась, надеясь на благотворное влияние воинской службы на формирование внука в хорошего человека, но увы... он быстро вступил в свою прежнюю колею несправедливой жизни.

Ну вот, только рассказал людям о несчастной Вере, её непутёвых сыне и внуке, как услышал шум и крики. Вскоре из всего этого отчётливо выделился вой. Выла Вера. Вначале она кричала, кричала отчаянно, но постепенно крик её перешёл совершенно в вой, выражая запредельное горе и страдание.

Народ сбегался.

— Что случилось? — спросил я у проходящей женщины, полагая в душе, что парни снова устроили своё обычное nepотpeбствo по отношению к несчастной Вере, но я ошибался.

— Ромка, внук Веры, в морге.

Дело прояснилось, но, как обычно в подобных случаях, прозвучало несколько версий.

Вроде, Рома и оба его скверных забулдыжных неприкаянных товарища ехали на мотоцикле от дискотеки из деревни Орлик. Мотоцикл зачихал, а затем заглох вовсе. Они вынужденно влекли свою бесполезную машину по шоссе, когда проезжающий мимо грузовик сбил мотоцикл и одновременно Рому в кювет.

Подокон за рулём не остановился, чтобы увидеть, какой ужас он сотворил, и оказать помощь пострадавшему. Напротив, на полном газу он трусливо скрылся.

Вальцов-младший и Домовых уцелели, и теперь находятся в Плавской больнице. Роме же несовместимо с жизнью снесло половину головы со стороны затылка. Испугаться он не успел. После удара железным углом грузовика и падения Рома вскочил, сделал несколько шагов, вроде озираясь, повёл мгновенно омертвевшими глазами и упал в агонии.

По другой версии, дружки его Вальцов и Домовых от бессмысленности разума, из одного лишь хулиганства и привычки издеваться над Ромой, не думая о последствиях, толкнули его в сторону ревущего мотором мчащегося автомобиля.

Теперь они стояли поодаль от людей, частью соболезнующих, а больше пришедших поглазеть, да ещё выпить на халяву, и не печатался на их физиономиях грех совершённого злодейства. Свидетелей трагедии, кроме них самих, не было. Разве что шофёр грузовика, возможно, заметил их роковое движение, но, скорее всего, не разобрал суть. Думал, что виноват он сам, и теперь где-то маялся от боязни разоблачения и наказания. Чувствуя свою вину, он затаился и никоим образом не желал стать свидетелем.

Роман лежал в гробу, красивый молодой мужчина. Смерть не обезобразила его, но придала его облику роковую портретную неподвижность, решительно не свойственную сути живущего человека. Он лежал, осыпанный цветами, как совершенный портрет гениального живописца, и выражал предельную отстранённость от природных людей, а также глубокое понимание того, что мир, в котором он отныне пребывает, очень хорош, и он доволен состоять в этом мире. Роман лежал торжественно красивый и не пугал людей.

— А ведь ты, Саша, колотил его, — укорила того Тамара.

Саша отрицал.

— Не бил я его, — говорил он на похоронах. Он понимал, что теперь, когда племянник мёртв, всякое скверное отношение к нему, пусть даже в прошлом, выглядит очень нехорошим.

— Как же не бил, все знают, — настаивала Тамара.

— Не бил, я говорю, — уже отчаянно бормотал Саша. Видя Романа в гробу, он не хотел признаваться в своём грехе.

— Вечером, перед роковой ночью, — рассказывала Вера, — Рома побрился, поодеколонился, надел чистую рубашку и отправился в Орлик на встречу со своей смертью.

Ужасное предопределение судьбы. В несчастье, никому не нужным, родился, рос вором, безрассудно жил и жестоко погиб. Не дай, Господи, стать свидетелем такого.

Зачем люди рожают детей?! Одни с великой любовью и неуёмным желанием сотворить и увидеть родного хорошего человека, а иные лишь по тяге инстинкта, безответственно, без понимания своего многотрудного долга перед ребёнком. Нерадивая мать его давно померла, отец за всю короткую несчастную Ромкину жизнь проявил себя дважды: в начале и в конце. Породил и захоронил.

— Все расходы на похороны я беру на себя, — солидно произнёс он. Вера его поблагодарила.

В селе появлялись и исчезали различные люди: плотники, шофера, иные профессии, алкаши, воры, тунеядцы. Все они находили здесь место для завершения своего последнего этапа жизни, то есть, последнее пристанище. Профессии быстро стирались, растворялись в пространстве, и все пришлые становились просто людьми, опустившимися на дно.

Угасали они при обстоятельствах, хотя и различных, но имеющих одни общие причины — пьянство и безделье. Тела их, однако, не оставляли заброшенными, но обязательно относили на сельское кладбище и зарывали, где они вновь обретали свою человеческую сущность, становились людьми, такими же, что и остальные обитатели этого печального места. Сказанное, несомненно, свидетельствует о главном, в здешних местах ещё не утрачена нравственная привычка проявлять заботу о людях, ушедших из нашего бренного мира.

Во второй половине июня подошла земляника.

— Рая, тебе ведь нужна ягода, могу продать, — предложила Любка, опустившаяся женщина по прозвищу Мартышка.

С таким же, как она, падшим Серёгой они проживали в брошенной избе. Деревянные детали дома они давно пожгли в печке, чтобы не замёрзнуть в зимние холода, и теперь их обиталище представляло

собой жалкое и одновременно ужасающее жильё не для человека. По способу хозяйствования Любка и Серёга типичные собиратели.

Рая сказала об этом предложении Тоне.

Та в негодовании замахала руками:

— Ни в коем случае! Собирает ягоду немытыми руками. Как в рот-то взять.

Рая вняла и решила идти по ягоду сама, но, не зная ягодных мест, зашла к Любке, чтобы проконсультироваться. Вошла. В комнате на омерзительно грязной постели спала пьяная Мартышка. Серёга сидел за столом, имея перед собой бутылку пустую и бутылку полную, пучок зелёного лука да полиэтиленовый пакет с конфетами, кощунственно собранными с могил на кладбище. Вчера была Троица, и люди в изобилии оставляли на могилах сладости в память о своих близких усопших. Серёга пил водку и закусывал конфетами.

Всё идёт из семьи.

Если отношения в семье проникнуты любовью и доброжелательностью, если в ней нет места для подражания скверному, ибо в семье его нет как такового, то человек выходит из неё и идёт по жизни нормальным и добропорядочным.

Семья — основа воспитания человека; она, как молоко матери для ребёнка, даёт ему весь набор свойств, необходимых для жизни, — любовь, стыд, жалость, мораль и прочее в этом ряду. Семья — это корни человека, его фундамент. Молодой человек, уходя в жизнь, расширяет свой ореол, и он выносит из семьи заряд мировоззрения. По жизни он и поступает, исходя из этого заряда, расходует его и добавляет к нему иной, в зависимости от того, как складываются у человека взаимоотношения с миром.

Слева от зимней тропинки, соединяющей посадку с селом, лежит на снегу упавшее крупное кустообразное растение с вывороченными обнажёнными корнями. Корни выглядят густо переплетённой мелочью, вроде мха, слабыми; не то, что могучие узловатого сложения корни, присущие ствольным деревьям. К тому же, место, где оно росло до падения, постоянно затоплено водой, а почва болотистая. Словом, выросло дерево без фундамента, как человек без крепкой дружной семьи, и неудивительно, что однажды сильный удар ветра вырвал его и швырнул на погибель.

В селе соревнуются, кто несчастнее в этой жизни.

— Я уже пять лет без мужа!

— А я уже десять лет без мужа.

— Как поживаете, Анна Тимофеевна? — спрашиваю я соседку.

— А что хорошего? Вот, льготы отнимают.

— Так взамен деньги дают.

— Обман, какие деньги. Всё плохо, а как Вы?

— Нормально.

Женщина смотрит на меня с возмущением, как на явного лжеца.

— Креста на тебе нету! — слезливо вопит старушка. Это означало, что её номер не прошёл, и она давила своей беспомощностью, то есть последним, что у неё оставалось.

Дом построили по проекту талантливого архитектора. Вышел он добротный, красивый, таким и оставался... пока его не заселили люди.

Нелепость

Проходя по Странному шоссе, я частенько находил различные предметы, свалившиеся с проезжающего транспорта или обронённые людьми. Я неизменно подбирал их без особой цели, машинально, просто так. Дома кидал в большую картонную коробку из-под стиральной машины «Ока», приобретённой в городе Мценске и по причине своей простоты и надёжности исправно служившей мне безотказно в течение не менее пяти лет. И то, бочка с болтушкой, вот и вся её конструкция, ломаться нечему.

Однажды я заглянул в указанную коробку с целью определить, достаточно ли в ней накопилось всего, чтобы отнести этот мусор на свалку. Разнообразие содержимого меня удивило.

После некоторого колебания я принялся в свободное от повседневных трудов время соединять предметы между собой без всякой логики и соображения. Соединял как придётся: где приворачивал винтами с гайкой или приваривал на своём бытовом сварочном аппарате, а где вульгарно прикручивал проволокой. И повторяю, всё это без всякого инженерного плана и соображения, по наитию. Голова занята иными соображениями, решительно далёкими от этого пустого занятия, а руки творят. Если, вообще, это пустое занятие можно назвать творчеством.

Израсходовав содержимое коробки и таким образом опорожнив её, я забросил своё творение в амбар, в свободный угол рядом с рулонами рубероида, а в коробку день за днём продолжал швырять найденное на Странном шоссе. Если мне не изменяет память, всего я насобирал и использовал не менее трёх коробок указанного добра.

Дело дошло до того, что, заходя в амбар, я нередко натыкался на предмет своего вышеуказанного творчества, ибо он принял внушительные размеры и очевидно мешал хозяйственной деятельности в этом углу. Терпение моё иссякло, я решительно вытащил его из амбара и расположил возле верстака.

«Да, переборщил, — подумал я, — такую тяжесть до свалки не донести. Не распиливать же его на части».

Тем не менее, привычно привинтил к какому-то его боку последнюю находку и впервые за всё время внимательно всмотрелся. На этот раз удивился я чрезвычайно.

Мало того, что моё сооружение достигло внушительных размеров, соразмерных с человеком, но главное, оно приобрело весьма странный вид. Я бы даже осмелился сказать, облик. Ощущение бесформенности исчезло. Хаотично расположенные предметы неожиданно наполнились некоей гармонией, правда, ничего общего не имеющей с логикой построения инженерных изделий.

Это была гармония непонятная, нелогичная, антиинженерная, однако, какая-никакая, но гармония!

Уж я-то знал содержимое этой кучи, так сказать, её нутро. На вид одни угловатости, перекошенности, винты, гайки, пластины и прочее, к тому же, самых разнообразных форм, цвета, предназначения и размеров. Словом, нелепость, да и только. И тем не менее, я очевидно различил в этой куче железок нечто подобное по форме человеческой фигуре с руками, ногами и даже головой. Естественно, всё это в сильно расплывчатом, неявном виде, как бы некое подобие. Я продолжал рассматривать кучу с нарастающим интересом.

«Нелепица, как есть нелепица», — заключил я. Но вот эта нелепость сложилась в улыбку.

— Здравствуй, хозяин, — прозвучал рядом тоненький голосок. Я оглянулся, однако никого возле себя не обнаружил.

— Здравствуй, хозяин, — прозвучало снова, и я сообразил, что... «Да быть того не может, чтобы эта образина...» — я осёкся в своих мыслях, ибо до меня дошло, что я невольно подумал как бы о живом существе. Ведь под словом «образина» подразумевается именно нечто живое.

Мои предки

Мне нравится входить в Сумрачную долину ощущений и бродить в ней с неугасимой надеждой познать свою суть. Прежде всего, я сгу-

щаю внимание на глазах и осматриваюсь. Затем, закрепив таким образом себя в Сумрачном мире, я обращаюсь в различные места внутри себя и напряжённо слушаю, смотрю, ощущаю.

Раз за разом повторяя указанные экскурсии, я всё глубже проникал в этот свой потрясающе интересный мир и однажды решительно случайно обнаружил, вернее сказать, наткнулся на весьма любопытное место. Я отчётливо ощутил мощное скопление некоей информации и остановился, как вкопанный, подобно охотничьей собаке, учуявшей дичь. Немедленно попытался определить, что бы это означало, но безуспешно.

Вообще говоря, постигнуть истину возможно никак не разумом, а единственно на уровне интуиции и озарений. Истины, увы, обладают весьма неприятным свойством хорошо прятаться от разума. Следовало запастись терпением, ибо ни интуиция, ни озарения не приходят по воле человека. К счастью, упорства и терпения мне не занимать; они, несомненно, свойство моей натуры.

Вскоре мне был дан намёк, из которого пришло слабое понимание, скорее, догадка содержания находки. Для начала этого было с лихвой достаточно. Достаточно настолько, чтобы основательно меня потрясти. Долго не мог прийти в себя, ибо ощутил, что обнаружил я бесценный клад.

Информацию о моих предках!

С этой минуты я только и думал, как проникнуть в тайну обнаруженного клада. Я приходил в радостное возбуждение от одной лишь мысли, что смогу прикоснуться к этой тайне и познать себя через своих предков. Потрясающая перспектива! Узнать о своих предках, начиная от Адама и Евы, их характерах, помыслах, поступках. Узнать, наконец, себя в предках!

Ну это уж слишком, размечтался.

И я трепетал в ужасе о возможной утере способности проникать и находить драгоценное место, затерять его где-то в себе. Я бесконечно повторял свои попытки, чтобы ввести эту мою способность в привычное дело. Как бы заучивал её. Вновь и вновь я крутил своё внимание возле драгоценного клада, пока не убедился, что твёрдо усвоил необходимые действия.

Теперь я мог спокойно, без боязни утери клада попытаться добраться до его содержимого. И я принялся за дело. Я залезал всё глубже в этот чудовищно сложный сгусток информации, постепенно познавая его через свои ощущения.

Не стану утруждать внимание уважаемого читателя подробностями этой своей исследовательской работы, а также того времени, кото-

рое ушло у меня до получения первых осязаемых результатов. Скажу лишь, что это случилось не вдруг. Что касается подробностей, так они, смею уверить, вовсе не интересны, как всякая черновая предварительная работа, в которой больше золы и грязи.

Мне удалось установить, что информация эта не слита воедино, как общие сведения обо мне как о человеке, и не перемешана в виде информационной сути произвольно расположенных свойств моих предков. Нет, вовсе нет. Образно говоря, а потому и не строго научно, она существует как бы в виде стопки листочков, каждый из которых есть генетическая суть свойств и поступков каждого отдельно взятого предка. Каждый лист или, если хотите, слой представляет собой невероятно сложную структуру, устроенную по неким законам хранения биологической памяти, суть которых даже в самом приближённом виде решительно недоступна моему пониманию.

Информация, повторяю, имеет многослойную структуру. Всякий слой — это натура, судьба, словом, суть одного из моих предков. В пачке столько слоёв, сколько предков.

Я проникал в эту структуру, затем в один из слоёв и пытался считывать историю своего предка. Пробовал определить их количество, но вскоре махнул рукой, ибо сообразил, что дело это для меня непосильное. Я изнемогал от напряжения, но в конце концов понял лишь то, что «пачка» — это не более, чем примитивное и очень грубое сравнение, необходимое, чтобы вообще толковать о предмете. В натуре это были скорее не слои, а лишь нечто похожее с точки зрения моего несовершенного разума.

Что касается количества моих предков, то я подсчитал их простой математической выколоткой, не заглядывая в себя. Разумеется, весьма приближённо. Получилось где-то около одной тысячи. Не так уж и много за бездну веков.

Получается, что всякий человек вроде как смесь из своих предков и в то же время он один из них, ибо каждый предок в особом виде спит в нём, и который из них проснётся в один прекрасный момент и станет натурой человека, его носителя, предсказать немисливо.

Скорее всего, здесь смешение вышеизложенных мною предположений. Без сомнения одно, моя натура сильно зависит от этих ребят, спящих во мне.

Понятное дело, это весьма приближённое толкование, лишённое всякого научного порядка. Истинная суть явления есть тайна за семью замками, и не с моим разумом лезть в её отображение. Великая честь для меня состоит уже в том, что я сообразил, пусть примитивно,

пусть приближённо, сумел прочитать хотя бы чуть-чуть эти чудовищно сложные шумерские клинописи и определить некоторых из людей моего рода, которые приняли самое непосредственное участие в сотворении меня как человека и составили мою суть.

Так, я узнал, что один мой предок был кочевником и владел верблюдом. Другой предок состоял вождём германского племени и жил у Рейна. Среди предков я не обнаружил людей из восточных азиатских племён, а в большей части они проживали в Европе и на Ближнем Востоке. Я оказался слепленным из людей самого разного образа жизни, а вовсе не одного определённого чистокровного племени.

Убедён, что всё сказанное выше позволит в дальнейшем правильно оценить моё поведение в различных ситуациях, в плену которых я неоднократно оказывался, найдёт понимание у читателя и расположит его ко мне по-доброму, и о чём засвидетельствует моё дальнейшее правдивое повествование.

Вне всякого сомнения, один из проснувшихся во мне предков был путешественником. Всю жизнь, сколько я себя помню, меня тянуло желание отправиться в странствие. Не важно, какое именно, но странствие вообще, как понятие. Разумеется, всякий раз, отправляясь в путь, я имел конкретный план и маршрут. Понятно, этот предок не был путешественником в нашем современном понимании, то есть туристом ради отдыха и из любопытства, вероятнее всего, нет, а скорее в смысле сопутствия со своим образом жизни и жизненной хозяйственной необходимостью. Скажем, он был купцом, терпеливо идущим со своим караваном. Так или иначе, но открылась во мне, передалась от некоего неизвестного, но по сути родного человека жилка пешехода. По этой причине меня неудержимо, как-то изнутри, тянет к странствию. Одно слово, натура.

Иные люди, будучи в отпуске, устремляются в санатории, дома отдыха, дабы подправить здоровье и вкусить воздух вольницы от рутинной службы, а я нет, иду себе пешком, да непременно в одиночку, чтобы быть вовсе свободным от людского окружения. Ведь людское окружение — это тоже гнёт, и не малый. Правда, не для всех.

Так вот, захотелось мне, загорелось пройти среди Кавказских гор, где-то из середины их массива к Чёрному морю. Это желание овладело мною и настырно понуждало к действию. Тоня в таких случаях неизменно удивлялась моей задумке, старательно, но безуспешно отговаривала от авантюры и, в конце концов, отступалась, объявив ласково: «Упряма, как пень». А уж жена знает меня со всех сторон и вглубь. И если она так сказала, значит, так оно и есть в натуре.

Иногда мне кажется, что я сам не знаю себя так глубоко, как она, моя жена.

Итак, если Вы желаете отдохнуть от рутинных дел и решили странствовать, Вам, прежде всего, следует не глядя ткнуть пальцем в географический глобус, естественно, в реально доступных для Вас пределах родного государства. Затем внимательно осмотреть место, прижатое пальцем, и приступить к подготовке маршрута.

Уверяю, Вы не разочаруетесь. При таком подходе Вас несомненно ждёт интересное путешествие. Единственно, избегайте мест хорошо Вам знакомых, ибо это снова падение в рутину.

Если кто полагает, что все тайны на Земле отгаданы, сильно ошибается. Есть, есть ещё места на Земле, наполненные удивительными, необъяснимыми явлениями, суть которых решительно непонятна человеку. Кунгурские пещеры на Урале, Странное шоссе между Орлом и Тулой, лестница в Лукараке... да мало ли где ещё иных, скажем, на Кавказе. Кавказ полон тайн не природного свойства, а больше принадлежащих к духовному миру прикосновения с иными мирами, если не прохода в них.

Я так и поступил. Мой палец уткнулся в Кавказ.

Этот горный край густо заселён различными народами, извечно враждующими между собой за жизненный ландшафт и самостоятельность. Они живут каждый привычной ему жизнью, враждуют, но и взаимно терпят своих соседей. Мятежность — натура людей народов Кавказа. Они очень ранимы за свою самостоятельность, среди них много разбойников. Проживание под властью империи изрядно гасит их мятежность, но последняя, хотя и сильно придавленная, не исчезла.

На Кавказ, на Кавказ. С этого решения мои мысли сосредоточились на обдумывание и на сборы.

Другой проснувшийся во мне предок, несомненно, был натурой, склонной к уединению, с этакой неодолимой тягой уйти в пустынь или иное место, где бы он мог проводить время в размышлении и слиянии с собой, что решительно не терпит суеты, неизбежно возникающей при общении с людьми, пусть даже в общечитии весьма приятными. Здесь речь идёт именно о склонности к уединению, и ни в коем разе не об одиночестве, ибо в последнем, напротив, ощутимо разумеется некая тоска по общению с людьми, то есть, всё та же суетность.

На следующий день рано утром, как обычно, согласно своей многолетней привычке, я вышел на прогулку. Позавтракал, снял с дверно-

го косяка ключ от амбара, отомкнул массивный монастырский висевший замок и отодвинул тяжёлую дверь. Я всегда открываю амбар перед выходом в свет, чтобы не утруждать Тоню тягостной для неё возней с тугим замком. Я уж собрался отойти, когда услышал тоненький голосок.

— Хозяин, возьми меня с собой.

Я глянул в угол и обнаружил Нелепицу, стоящего в покорной просительной позе.

— Ты желаешь пройтись? — удивился я.

— Очень хочу, хозяин.

— Ну что ж, пошли.

Я повернулся и двинулся в сторону Странного шоссе. Нелепица семенил за мной с правой стороны чуть позади.

— Куда мы идём? — спросил он, стараясь не отставать.

— На Странное шоссе. Я постоянно гуляю там. Мне там хорошо.

— А как мне-то хорошо, — подхватил Нелепица, — меня прямо-таки тянет к нему.

— Неудивительно, ведь твоё родное место.

— Вот именно, хозяин, я это чувствую.

«Он, видите ли, чувствует. Это же надо, куча железок. Он чувствует. Однако, если он утверждает, значит, так оно и есть, значит, чувствует», — дивился я своим мыслям.

Мы пересекли поле, поднялись по насыпи и зашагали по твёрдому бетону шоссе. Нелепица возбуждён и говорлив.

— Хозяин, как тут красиво, прямо пахнет красотой!

«Ты смотри, как выражается, «пахнет красотой», прямо в точку. Человек такое не придумает».

— Да ты поэт, Нелепица, — тот застеснялся.

— Ну что ты, хозяин, это так, всплеск души.

— Ты полагаешь, у тебя есть душа?

— А как же, я же чувствую, значит, душой.

Мы помолчали.

— Хозяин, можно тебя попросить?

— Валяй.

— Можно, я стану звать тебя папой?

Я был удивлён и озадачен. С какой это стати? Какой я ему папа?

— Ну как же, ты мой создатель, значит, мой папа.

«Резонно», — подумал я.

— Зови, если тебе это нравится.

— Очень нравится. Спасибо тебе, папа. Папа, я очень тебя люблю.

Я был растроган этим признанием и ласково потрепал его по голове. Этот уродина нравился мне всё больше.

Некоторое время он шёл молча, а затем с наслаждением повторил:

— Папа, я люблю тебя, — при этом он преданно смотрел на меня.

— Ты уже говорил это, зачем повторять-то.

— Папа, я готов произнести это сто раз, нет, двести раз, — усилил он.

— Папа, ты чего-нибудь опасаясь? Теперь не бойся. Я стану тебя защищать.

Смешно, но я был искренне растроган.

Я в затруднении

Сборы мои успешно завершены. В походе, хотя и нужно много всего, но лишь в пределах жизнеобеспечения при полной автономии. То есть, в любой ситуации я обязан иметь при себе всё для жизни. Для меня это не впервой, и всё, что нужно для путешествия, мне давно известно: необходимые вещи и предметы ожидали своего часа, покоясь в полном порядке на полках в амбаре. Оставалось лишь уложить их в рюкзак.

Я возился с укладкой рюкзака, а Нелепица внимательно наблюдал за мной и очевидно мрачнел.

— Что тебя тревожит, Нелепица? — спросил я, заметив это его состояние.

— Папа, ты куда-то собираешься?

— На Кавказ.

— Зачем?

— Отдохнуть, побродить по горам.

Он некоторое время помолчал, но я видел его беспокойство.

— Папа, возьми меня с собой! — закричал он со слезой в голосе. Меня даже шатнуло; я уронил электрический фонарик и растерянно посмотрел на Нелепицу.

— Ты это серьёзно?

— Да, папа, очень, очень серьёзно. Ты даже не представляешь, как серьёзно.

— Но это невозможно, — твёрдо сказал я, — совершенно невозможно.

— Почему?

— Прежде всего, и самое главное, я привык ходить в одиночку.

— Это опасно, папа, я пойду с тобой и стану тебя защищать. Даже не спорь со мной. Одного я тебя не отпущу.

Вот это поворот! Он ещё диктует мне свою волю. Однако, надо ему доходчиво объяснить ситуацию. Он же не на шутку беспокоится за меня.

— Понимаешь, если я иду не один, меня это обременяет. Я хочу быть совсем свободным, а иное присутствие мне досаждаёт. Человеку свойственно навязывать другим своё мнение.

— Ты это хорошо сказал, папа. Я с тобой полностью согласен. Я тоже не люблю, когда ко мне лезут со своими дурацкими соображениями, — важно произнёс он.

— Вот видишь, ты меня хорошо понял. Поэтому я и хожу в одиночку.

— Папа, я не помешаю твоему уединению. Честное слово, не помешаю. Ты сам с собой разговариваешь, папа?

— Разговариваю, и для меня это самый приятный собеседник. Я сам себе никогда не перечу, — усмехнулся я.

— Так вот, папа, представь себе, что я и есть этот твой внутренний собеседник.

— Как это?

— А так. Я тебе не стану перечить и буду тем твоим внутренним приятным собеседником! — торжествующе прокричал Нелепица и радостно заплясал.

Признаюсь, доводы Нелепицы были настолько убедительными, что я заколебался. Может, взять его? С учётом сказанного им вариант вполне проходной. Но это в принципе. Однако я представил себе трудности, сопряжённые с нашим проездом в транспорте, и сомнения вновь ко мне вернулись. Таким образом, я состоял в нерешительности, пока не обратил взгляд на Нелепицу. Весь вид его обратился в ожидание моего согласия; он умоляюще и преданно уставился на меня.

Я растаял и дал согласие. Нелепица пустился в радостный пляс и плясал долго, пока я не выдал ему шлепка.

— Друг мой, — произнёс я усиленно внушительно, — мы с тобой выходим в свет. То, что годится для домашнего употребления, непотребно в широком обществе. Ты меня зовёшь папой, это нормально, ибо в конце концов, в натуре, я твой создатель. Папа так папа. Но вот, прости меня, я называю тебя Нелепицей, пусть с лаской и добром, однако это грубо и не каждому объяснишь суть наших добрых отношений. Я предлагаю на твой суд иное имя — «Миляга». Как это тебе? Миляга имеет тот же смысл, что и милый.

Нелепица от переизбытка чувств рухнул на колени.

— Папа, ты мудр, и ты, папа, добр. Спасибо тебе, папа. Я очень люблю тебя. Спасибо тебе, что ты мой папа и что ты мудр и добр.

Пришлось дать ему хорошего шлепка, чтобы он вышел из этого словесного ступора.

Вот так, ненавязчиво пояснив мою тягу к странствиям и приведя обстоятельства, сопутствующие предстоящему походу, я отправился на Кавказ, который интуитивно притягивал моё внимание, открывая, таким образом, таинственную связь между мыслями, желаниями человека и энергетическим состоянием иных неприродных явлений.

Полёт

Лететь нормальным рейсовым самолётом у нас не получилось. Милягу не выдержал детектор, установленный на проходе к регистрации. Милягины железяки вызвали такой звон, что детектор неминуемо сгорел бы от перенапряжения, а нас схватили бы, как террористов, если бы мы... словом, мы благоразумно и, главное, спешно ретировались, и всё обошлось. Тогда мне пришла удачная мысль лететь чартером.

На заброшенном аэродроме, который никоим образом не правильно называть аэропортом, с огромным трудом я отыскал старый замызганный аэроплан неизвестной фирмы. Единственно, что я твёрдо установил, обследовав этот летательный аппарат, так это наличие у него крыльев и кабины для пассажиров. Это меня вполне удовлетворило, а Миляга просто был в восторге.

Не меньшего труда составило для меня отыскать его хозяина. К счастью, тот оказался трезвым. Цена, которую назначил пилот, вполне меня устроила, и мы отправились.

Восхитительная картина открылась под нами на подлёте к месту назначения. Между двумя морями, Чёрным и Каспийским, я увидел царство гор, сверкающее в ослепительных солнечных лучах своими снежными верхушками, и подавляющий всё своей громадой в центре Эльбрус, подобный циклопическому царскому дворцу.

Миляга не отрывался от окошка; он был совершенно подавлен в хорошем смысле величиим вида.

Сели мы в Черкесске. Затем проехали автобусом до станции Зеленчукской, огляделись, передохнули и двинулись к ущелью Архыз.

Поход

Далее в своём правдивом повествовании я стану выступать лично от себя, несмотря на то, что фактически рядом со мной неотлучно находился мой Миляга. Так мне станет удобнее излагать происходящее, ибо, как сказано выше, мы с Милягой договорились, что он не станет досаждать мне своим присутствием, в смысле, не будет нарушать моё право на уединённость.

Итак, я двигаюсь по одной из горных троп Кавказа, ни много ни мало как напрямик к Чёрному морю. Известно, однако, что «прямоком» — это образное выражение как бы цели путешествия, а не реальное направление самого движения. В горах ходят по тропам, которые не имеют ничего общего с геометрическим направлением пути. Тропа виляет, петляет вправо-влево от воображаемого истинного направления, вверх-вниз, нередко заворачивает в обратное направление, но если путник опытный и хорошо знает маршрут, так сказать, горную дорогу, то в результате он всё же продвигается как бы вперёд, то есть туда, куда нацелился.

Тропа никогда не кончается тупиком. Склоны гор изрядно покрыты тропами; они тянутся, петляя, параллельно равнинной части земли выше или ниже.

Опыт моего хождения в горах равен нулю, маршрута своего я не знаю напрочь. Вместо этого, столь необходимого для похода в горах, у меня в наличии только устремление и упрямство.

В течение первого дня я шёл по Архызскому ущелью.

Архыз — это очень глубокий каньон, разрезавший тело огромной горы. Солнце здесь освещает дно ущелья и дорогу лишь короткое время до и после полудня, а остальное время царит мрачный полумрак. Путь, однако, не трудный, часто встречаются ключи, бьющие из скал. Вода в них сильно минерализована, напоминает нарзан или боржоми и очень вкусна. Я неизменно у каждого такого ключа достаю свою походную кружку и с наслаждением пью.

Дорога в ущелье шла на подъём, и вскоре вывела на крутой склон огромной горы; я ступил на тропу где-то в срединной части горы по её высоте.

Тропа вполне удобна для ходьбы и достаточно широка, чтобы не свалиться в пропасть. Левая сторона прямо-таки обрушивалась в невидимый мне провал, откуда чрезвычайно слабо, едва слышно доносился шум мчащейся горной речки. В эту сторону даже смотреть неприятно.

Миляга держит своё слово: он не докучает мне, но лишь к месту и не к месту сообщает о своей глубокой любви ко мне. Он творение человека, и ему присущи все достоинства и все изъяны человека. Он высказывает свои соображения по самым разнообразным событиям, нередко показывая чисто человеческую корысть, но и благородство.

— Авантюризм, в чистом виде авантюризм, — ворчит Миляга, — и в самом деле, как можно, не зная особенности горного пути, не имея в голове чёткого маршрута, практически впервые кинуться в этот омут. Нам, видите ли, желательно и непременно пройти по горам до самого Чёрного моря. Романтика? Нет, безрассудство. Мне, может быть, тоже хочется прошвырнуться до этого моря, но надо же и соображать прежде, чем решиться.

Где-то я был согласен с Милягой, но его доводы отскакивали от меня, как от стены горох. Вперёд, только вперёд. Да и сам Миляга, хотя и ворчал, но шёл с большим удовольствием и наслаждался красотой горного ландшафта.

Тропа удобна и на вид безопасна. Я шёл, вдыхая вкусный воздух, шёл легкомысленно, пренебрегая и, тем более, не заботясь об осторожности.

Внезапно я резко притормозил, ибо вдруг обнаружил, что пути передо мной нет. Я остановился в некотором недоумении, но ещё без ощущения опасности. То, что я увидел, мне очень не понравилось. Насколько видно, моя тропа впереди полностью засыпана мелкой скальной породой, ссыпавшейся сверху, этаким гравием, да ещё под крутым, вернее сказать, обрывным уклоном, так что ступить на эту россыпь было не только опасно, но решительно губительно.

А ведь я едва не ступил из-за своего легкомыслия.

Я был слегка раздосадован, но скорее на себя, чем на ситуацию. Подумаешь, препятствие, нет хода вперёд, так повернём назад. Найдём другую тропу, и все дела.

Я развернулся с намерением двинуться обратно и к ужасу своему убедился, что и здесь моя тропа обратилась в каменную россыпь, пусть не в таком непроходимом виде, как та, что впереди, но довольно сильно. Однако, каким же это образом я её прошёл? Видимо, механически, не задумываясь. Шагал, где-то перепрыгнул, не представляя опасности, словом, прошёл.

Но теперь, глядя трезво и осмысленно, я решительно понял, что обратно я тоже не пройду, ибо отчётливо увидел россыпь с едва различимой тропой, увидел бездонную пропасть с одной стороны и почти отвесный нависший надо мной склон горы с другой. Понял, что если я всё же рискну ступить в обратный путь, то от одного сознания

очевидной опасности и почти непроходимости тропы я неизбежно свалюсь в гибельный низ, ибо той непринуждённости, которая была присуща мне, когда я не осознавал всего этого, теперь во мне нет.

Погода стояла тёплая, а я ощутил холод в спине и даже ниже. Что греха таить, я струхнул. Однако, страх хотя и слегка проехался по мне, но не ослабил и не вогнал в панику. Следует трезво оценить обстановку и искать выход из этого, казалось бы, безвыходного положения.

Я огляделся. Итак, слева пропасть и беспощадная гибель; нечего и думать спуститься вниз по отвесному склону, если возможно вообще назвать это склоном. Стена, истинная стена. Впереди тупик, позади тупик, во всяком случае, для меня он таковой. Я задрал голову и осмотрел верх. Здесь склон весьма крут, но не до такой степени, вовсе не стена и ещё, где-то метрах в десяти, там наверху мне привиделся вроде край тропы, проходящей по склону параллельно моей. Добраться до этой тропы, скорее всего, и есть спасенье, ибо оставаться здесь весьма опасно, и дело не только в том, что я могу надолго застрять на этом месте, но перспектива могла стать ещё хуже.

Если осыпи уже разрушили в двух местах мою тропу, то они могли в любой момент обрушиться прямо на меня, а это уже канты. Лавина камней сметёт меня, как пылинку. Я в капкане обстоятельств и вполне осознал это.

Известно, если ставкой в борьбе становится жизнь, а именно такой сложилась ситуация, силы человека удесятерятся, а инстинкт жизни делает его богатырём. Следует ещё добавить, что на мне был рюкзак с совершенно необходимыми в походе предметами и провизией, и даже в такой отчаянной сложившейся ситуации мне не хотелось его бросать. Я и мысли такой не допускал.

— Что станем делать, Миляга?

— Лезть вверх, — твёрдо ответил он.

И вот я, неопытный, прямо скажем, никудышный альпинист; ко мне и близко это понятие не применимо, но полный решимости, ступил на этот опасный путь. Я полез вверх.

На краю

Медленно, как только это возможно, я отыскивал глазами местечко на скале, ставил на него ногу, многократно пробуя надёжность опоры, и наконец, сильно рискуя, переносил тяжесть тела с рюкзаком на эту точку. Уклона скалы едва хватало, чтобы я при этом сохранил

равновесие и не опрокинулся спиной в пропасть. Затем переводил дух и отыскивал следующий упор, всё так же неторопливо. При этом, чтобы не опрокинуться, я вонзал, более подходящего слова подобрать невозможно, пальцы ногтями в породу, не обращая внимания на боль и раны в руках, и таким образом как бы держался за скалу.

Впрочем, я находился в таком запредельном напряжении, что боли не ощущал. Все болевые ощущения были начисто поглощены волей и инстинктом жизни. Всякий раз, когда я чувствовал, что вот-вот опрокинусь и сорвусь, я всем телом прижимался к скале, прикидал к ней, впивался ногтями, стремился слиться со скалой и сохранить кроху моего веса в равновесии. Я вжимался в скалу, держался на сомнительной надёжности опоры под ногами, а более всего — вцепившись в скалу ногтями и подбородком.

Путь мой вверх приобрёл анизотропный характер: об отступлении не могло быть и речи. Спуск в сложившейся ситуации наверняка был более безнадежен, чем подъём, который, хотя и трудный, но более удобный для сохранения равновесия и устойчивого положения тела. Я не могу с уверенностью сказать, как долго был мой путь по времени. Время потеряло для меня реальность. Я весь, вся моя натура без остатка карабкалась вверх.

Когда до желанной и, возможно, спасительной кромки оставалось чуть больше метра — я увидел это верхним зрением, поднять голову выше не мог из-за боязни утратить опору — так вот, когда до кромки оставалось не более метра, силы покинули меня, и я почувствовал, что до верха мне не добраться. Вдобавок, я не увидел мест в скале, чтобы поставить ногу для надёжной опоры.

Вниз невозможно, вверх нет сил и опоры. Я завис в трепетном, ещё более обессиливающем состоянии на иррациональной грани между жизнью и гибелью, а всякая секунда времени неукротимо уменьшала мою способность устоять. Я вошёл в такое состояние полной безнадежности, что был готов ослабить сопротивление и смиренно принять судьбу. Но вот неожиданно я увидел над собой, на той самой верхней тропе женщину. Лицо её, родное, милое мне лицо моей мамы, было исполнено страданием за меня.

— Что это ты, сынок, остановился, надо двигаться. Ты же видишь, ещё немного, ну же.

— Не могу, мама, нет сил.

— Так я помогу тебе, — твёрдо сказала она.

— Как ты поможешь, — в отчаянии прошептал я, — ты такая слабенькая.

— Ничего, ничего, ты даже не знаешь, какая я сильная.

— Знаю. Ты столько пережила и преодолела столько ужасов.

— Ну вот, давай, — она протянула руку и коснулась моей головы. В меня устремилось живительное тепло её руки. Видимо, какие-то силы, где-то на доньшке у меня оставались.

Я сделал несколько поступательных усилий вверх. Мама молча повела рукой, указывая на кромку скалы возле себя. Я понял, что за кромку можно ухватиться, но для того, чтобы совершить необходимое для этого движение, надо было оторвать ладонь от скалы, которая, собственно, и удерживала меня в спасительном равновесии. Однако, я отчётливо представлял себе, что если этим движением мне не удастся вцепиться в указанный верх, то принять прежнее, первоначальное положение мне не удастся никоим образом и я бесповоротно свалюсь в пропасть.

Отбросив колебания, я оторвал ладонь от скалы и кинул её вверх. Тело моё от рывка отшатнулось от скалы и готово было начать свободное падение, но рука, ладонь моя успела мёртвой хваткой вцепиться в кромку. Ощувив прочность и надёжность этой верхней опоры, я подтянулся и лёг животом на крохотную, но ровную площадку в скале.

Повернулся на спину и даже сел. Затем огляделся: я находился на небольшом горизонтальном месте, размером едва достаточном, чтобы вместить человека. Я повёл глазами вправо, влево, но никакой тропы, как предполагал ранее, не обнаружил, зато отчётливо виднелся лаз в тело горы, а у меня не оставалось иного выбора, как войти в него. Собственно говоря, не войти, а вползти.

— Ну что, Миляга, войдём в этот непонятный лаз?

— Деваться некуда, папа, придётся войти. Он нас куда-нибудь приведёт.

— Мудрые слова, Миляга, вперёд, поскольку всё равно другой дороги не проглядывается.

Я продвигался на четвереньках подобно собаке, ибо лаз оказался низким. Посветил в него фонариком и усмотрел, что впереди он ещё ниже. Вскоре мне пришлось ползти. Однако, ползти и освещать при этом одновременно дорогу было неудобно, если не сказать невозможно. Мне пришлось выключить фонарь и продвигаться в полутьме, ощупывая руками впереди грунт, чтобы не свалиться в возможную яму.

Я не знал, куда приведёт меня этот анизотропный путь. Вполне вероятно, я уткнувшись в стену или туннель станет таким тесным, что проход станет невозможным и мне придётся остановиться и остаться,

таким образом, в полной безнадёжности. Выбора у меня, однако, не было, и я продолжал ползти по пути, вырубленному природой в горной скале.

Теперь я продвигался исключительно на ощупь, ибо вскоре по мере удаления от входа в лаз тьма стусилась совершенно. Прежде, чем сделать движение вперёд, я тщательно ощупывал землю перед собой. Туннель то шёл под уклон, то, к счастью, некруто поднимался. Земля подо мной довольно гладкая, острых камней не ощущал.

Время перестало существовать, вернее, оно потеряло для меня всякое значение. Ползти пусть в полной темноте, но по относительно надёжной дорожке вроде было безопасно, так мне казалось. По причине потери ощущения времени я не могу с уверенностью утверждать, долго ли я полз таким образом. Решительно не могу, но вот я отчётливо запомнил, как постепенно темнота стала бледнеть, затем она перешла в полумрак, и впереди показалось светлое пятно.

Сомнения вновь охватили меня. Смогу ли я одолеть этот последний спасительный отрезок пути, достаточен ли станет туннель для прохода? Я медленно подползал к источнику света. Успокаивало то, что до сих пор мне ни разу не встретилось препятствие, способное преградить мне путь к спасению.

Всё, однако, обошлось, и вот я у выходного лаза. Встал на ноги и огляделся. Выход наружу мне преграждала скалистая плита, словно огромная дверь из преисподней. Плита, однако, не закрывала проход вплотную, а отстояла на некоторое расстояние, достаточное, чтобы обойти её с любой стороны, что я немедленно и осуществил. И вот я стою на тропе, хорошо утоптанной, без щебёночных осыпей и достаточно удобной, чтобы двигаться по ней без опасения сверзиться в пропасть, которая, кстати, угрожающе зияла тут же с одной стороны.

Предельно измученный физически, но облегченный душой избавлением от опасности, я бросил рюкзак на землю, уронил на него голову и мгновенно опрокинулся в сон.

Спал я, видимо, долго, да и что удивительного: я был измотан до предела, и организм требовал отдыха. Проснулся довольно свежим, но некоторое время лежал в забытье, ещё не полностью осознавая себя. Довольно странное ощущение.

Прежде всего, следовало проверить своё состояние; я вошёл в Сумрачную долину и прощупал себя. Не обнаружив в себе никаких дурных последствий от всего пережитого, успокоился. Признаться, я вовсе не был уверен в том, что всё обойдётся без повреждений.

Зубры

Снова иду к Чёрному морю, по тому же направлению на Запад, без малейшего представления о том, приведёт ли моя тропа к моей цели, ибо, как все тропы в горах, она хаотично петляет по склону горы и вовсе не в нужном мне западном направлении.

Я не прошёл и ста шагов, как обнаружил ключ минеральной воды, бьющий из гранитной скалы. Привал. Пора как следует перевести дух и хорошенько отдохнуть. Мне это решительно необходимо. Я извлёк из рюкзака походный портативный примус, сварил гречневую кашу и вскипятил воду для кофе.

Миляга крутился неподалёку, с любопытством разглядывая древний рисунок на скале. Я видел, что он хочет спросить меня об этом рисунке, но стесняется нарушить данное им обещание не досаждать.

Весь этот день я шёл по тропе, которая в конце концов привела меня в долину, поросшую лесом. Лес превосходный, чистый, воздух наполнен хвойным ароматом, источающим целебность. Сказка. Внезапно лес оборвался, и я вышел на обширную поляну овальной формы. Слева от меня, не далее, чем в ста шагах я увидел трёх огромных животных диковинного вида. Мощный зубр, весь из мускульных бугров и крутой спины, и две зубрихи.

Заметив меня, зубр-бык свирепо заревел, наставил в мою сторону рога и принялся рыть землю задними копытами, далеко отбрасывая ошмётки.

Зубр, по большому счёту, был прав; его агрессивное поведение очевидно и с лихвой оправдано присутствием рядом с ним двух его прекрасных жён — зубрих такого же ужасного облика, как и он сам. Он нёс за них ответственность и он обязан был их защищать от врага, не щадя живота своего. Я в его понимании, несомненно, представлял одну из многочисленных опасностей, которые то и дело возникают в жизни животного, то есть, врага.

Словом, зубр был настолько грозен, что я кинулся обратно к лесу, дабы найти защиту за деревом, когда этот урод бросится на меня. Но не успел отыскать подходящее дерево покрепче, способное выдержать удар этого монстра, как тот взревел на пределе свирепости и умчался в сторону от меня; зубрихи с тяжёлым топотом своих прелестных ножек его преданно сопровождали. Я двинулся дальше.

Через пару часов увидел небольшое селение. По своему испытанному правилу, я не вошёл в него, а разбил палатку шагов за двести, ещё на подходе.

Я готовил ужин, когда услышал шаги. Подошёл мужчина, ещё молодой, кавказского облика, одетый в удобную для хождения по горным тропам одежду, с ружьём за спиной. Он вежливо пожелал мне здоровья и заговорил. Он егерь. Поинтересовался, с какой целью я иду. Он не сомневался, что я не кто иной, как браконьер, и он упорно искал предметного подтверждения своим соображениям.

Чтобы снять подозрения, я пригласил его в палатку, налил в кружки водки и предложил выпить и закусить, что есть. Он не отказался. Мы завели разговор, в ходе которого я сообщил егерю, что я в отпуске и хожу из любви к походам, особенно в таких замечательных местах, как эти.

Он согласился, что места эти действительно замечательные. Это Центральный Кавказский заповедник, сказал он.

Надо же, оказывается, я забрёл в Кавказский заповедник!

Для меня было очевидно, мысль о том, что я всё же браконьер, не покидала его, и он взглядом обшаривал интерьер моей палатки с упорной целью обнаружить вещи, которые полностью изобличали бы меня как правонарушителя, скажем, ружьё или капканы. Таких предметов он не обнаруживал, и это его сильно удивляло. Практика его нелёгкой службы редко имела примеры такого добропорядочного путешественника, как я.

То обстоятельство, что улик он всё же не обнаружил, весьма расположило его ко мне, а выпив водки, он расслабился и стал рассказывать о себе. Он егерь, а теперь идёт из соседнего селения, где живёт его любовница, русская женщина. В разговорах прошло время; он встал, попрощался и предложил мне ночевать в школе, пустующей по ночам. «Там теплее и лучше, — сказал он. — А утром двинемся вместе. Мне это будет по пути».

Я поблагодарил его, переключившись в школу, где и заночевал, однако охоты снова встретиться с егерем и тем паче продолжить путь в его компании, то есть лишиться себя самостоятельности, я не ощущал. Рано проснулся, быстро собрался да и ушёл своим путём, не ожидая прихода егеря. Я чувствовал себя превосходно, лишь пребывая сам по себе, и спутник мне никак не нужен. С меня достаточно моего Миляги. Любое общество с неизбежной суетой испортило бы мне всю прелесть моего уединения и единения с природой.

Единственно, что немного смущало меня, так это то, что я по-человечески поступил, прямо скажем, неучтиво. Прости меня, егерь. Больше мы с ним не встретились. А моим местом обитания остался я и мой внутренний мир.

Начал свой кавказский поход я в конце сентября, шёл несколько дней в условиях тёплой погоды, но наступил октябрь, а это уже для высокогорного Кавказа поздняя осень. Теперь я шёл по тропе, устланной толстым ковром опавших листьев, мягко шуршащих под ногами. Листья лежали таким толстым слоем, что скрывали тропу, и мне приходилось то и дело искать её глазами, чтобы не сбиться с пути.

Высоко в горах зима наступает рано. Я шёл в окружении тепла и зелёных деревьев, но всякий раз, минуя очередной перевал, обернувшись назад, видел, как над ним, только что пройденным мною перевалом, бушует пурга.

«Успеть пройти намеченный путь до снега», — беспокоился я. Я представлял себе, что двигаться по тропе, заваленной снегом, малопривлекательное, если не сказать безнадежное, занятие. В этих диких безлюдных местах зимой идти без ориентиров по бездорожью, полному горными опасностями в виде скал, ущелий, пропастей, было решительно невозможно, безумием. По этой причине я торопился. Подумал было двигаться ночью, но тут же отбросил это намерение. Даже по видимой тропе ночью идти чрезвычайно рискованно. Обратив взгляд в пройденную сторону, я увидел над перевалом снежный хаос, и хотя до моря, по моим прикидкам, оставалось меньше, чем пройденно, тревога не покидала меня.

Однако, следовало организовать ночёвку.

Чтобы не заблудиться и не утратить тропу, разбил палатку тут же, не далее пяти шагов. Место удобное. Густая трава послужила прекрасной мягкой подстилкой под полом палатки. Привычно вбил колья, потолочные жерди и разжёг примус. Сварил гречневую кашу, заварил чай. Всё это я успел проделать в уже несколько сумеречное, но ещё достаточно видное время.

Ужинал, однако, в полной темноте, которая накрыла меня внезапно, как опрокинулась. Еда подкрепила, придавала оптимистический настрой, тревога ушла. Я лежал в своём походном убежище, укрытый и отгороженный от опасностей и неудобств внешнего мира, под надёжной защитой спального мешка, и грезил. Мне хорошо. Завтрашний день уже не внушал особых опасений.

Даст Бог, дойду я до своего заветного Чёрного моря. Тем более, иду-то к теплу. Главное, не сбиться с тропы, не утратить её под листовым покровом. Я не знал здешних мест в подробностях, как, скажем, абориген, но я твёрдо знал направление — на Запад, и знал цель — Чёрное море, и я был упорен. Разве этого мало? Натура тянула меня в это странствие, натура, сидевшая во мне, влекла и заволаживала

мечтой о путешествиях. Словом, никто меня не тянул, кроме самого себя, если не считать сидевшего во мне предка. Я ощущал себя в этом состоянии совершенно комфортно и удовлетворённо. Комфортно не только в духовном смысле, но и в природных ощущениях.

Я лежал в палатке, в тепле спального мешка, в диких местах кавказских гор, под угрозой подступающей зимы и чувствовал себя прекрасно.

Некое шевеление подо мной отвлекло от грёз; я удивился. Что бы это могло быть? Я провёл ладонью под собой и явственно ощутил бугорок. Ах, как не хотелось мне выползть из моего комфортного убежища! Однако, пришлось. Я вышел из палатки, запустил руку под пол к тому месту, где находился бугорок... и укололся.

Ёжик. Как это я не заметил его, когда ставил палатку?!

Я приподнял пол с одной стороны и устроил ему выход. Ёжик оказался понятливый. Его не радовала перспектива оставаться подо мной; он был рад убежать, что и незамедлительно осуществил, заметив устроенный мной проход.

Освободившись от неудобств и оказав посильную помощь милому животному, я вернулся в палатку и быстро погрузился, нет, не в сон, а в некое странное состояние очень ясного, можно сказать, полного осознания себя. Вот такое ощущение меня охватило.

Стояла безветренная ночь. Тишина, глубокая до ощутимости. Но вот в этой совершенной тишине я услышал мелодию. Мелодию в чистом виде, без понимания источника, из которого она возникала. Рафинированная музыкальная мелодия, едва доступная человеку. Мелодия не знакомая, но она проникала в меня и, более того, выражала мою суть. Так я ощущал. Затем совершенно непринуждённо одиочная мелодия перешла в звучание хора, такое же естественное и глубоко человеческое. Звучание изменялось; оно переходило в знакомые мне голоса. Вот проникновенный бас Шаляпина, вот рвущие сердце «Грёзы» Шумана.

Вместе с тем, разумом своим я понимал, что никакой мелодии в действительности в окружающем меня природном мире не существует, если не принимать за реальность факт самого звучания её во мне. Ведь я-то мелодию слышу и я разумею себя решительно в реальности.

В какой-то момент мне показалось, что она исходит из горной реки, ибо понимал, что поблизости людей нет и быть не может. Да и не в способности человека творить такую совершенную музыку. И тем не менее. Река, протекающая где-то там, в глубокой пропасти, так далеко, что шум от её бешеной скачки по порогам и сшибке с валуна-

ми в пене и брызгах до меня не доходил, а мелодия внезапно зазвучала во мне, как её порождение. Но вот загремела и река.

Мелодия и грохот реки гремели во мне во всю едва терпимую мощь, когда я увидел человека, который как бы возник из мелодии, как порождение её, и он состоял в ней и передо мной в некой вибрации.

Проснулся совершенно отдохнувшим. Сон окончился. Посветил фонариком на часы и определил, что наступил день и, согласно прибору, время близко к полудню. Однако, совершенно темно. «Очень странно», — подумалось мне. Я отдернул шторку палаточного оконца, но оно не показало света, ровно никакого. Оно рисовалось полной чернотой глубокой безлунной ночи.

Я удивился, но не более того, и никакой тревоги не ощутил. Эта странная ситуация вроде не коснулась меня, не вошла в меня. Спокойствие, гасящее тревогу. Но едва это соображение пришло мне в голову, как вот оно, появилось и беспокойство.

Человеку свойственно опасаться всего, что ему непонятно. Непонятно, значит, таит в себе некую опасность, впрочем, равным образом и не таит. Пятьдесят на пятьдесят, но лучше разобраться в этой тайне и принять меры предосторожности. Так устроен человек. Природа научила его выживать, в том числе и таким образом. Суть человека такова, что он постоянно должен знать и оценивать размер угрозы. Если угроза известна, человек мобилизует свои силы в противостоянии ей. Не знает человек сути опасности — он беззащитен.

В натуре опасность может быть такого угрожающего размера, что знание о ней человеку не поможет, но это уже крайняя ситуация, и указанные рассуждения здесь, естественно, бесполезны.

«Так вот, — подумал я, — странно, по времени светлый день, но полная темнота, что бы это значило?»

Выбрался из палатки, посветил фонариком, огляделся. Всё возле палатки и сама палатка — всё как было вчера, без изменения, в натуре. Я взглянул на небо; оно неестественно для данного времени суток густо усыпано звёздами. Больше того, подобного неба я в жизни не наблюдал, звёзд было не просто много, как это обычно бывает в безоблачную ночь, их было чудовищно много. Небо от горизонта до горизонта пылало звёздным пожаром.

Солнца не было, но я прикинул по времени, где оно должно находиться, и разглядел черный диск, по размерам равный солнцу. Это было единственное место на небе, не охваченное звёздным пожаром. Никакого свечения и тем более обычной для солнца мощи от диска не

исходило. Он виделся лишь чернотой, окружённой сияющими звёздами. Обнаружить его можно было именно по тому признаку, что здесь, на этом кружочке неба, не было звёзд, и никак иначе. В противном случае, найти его на небе было бы невозможно.

Вид неба привёл меня в ужас; оно нависло надо мной, как разительно грозная, неведомая мне ранее опасность космического масштаба. Это не наши земные дела и делишки, с которыми мы возимся и худо-бедно пока справляемся. На меня навалилось сокрушительное осознание своей человеческой малости и абсолютной беззащитности человека перед беспощадной мощью бесконечно могучего Космоса, Вселенной.

«Что это?» — беспомощно, в полной растерянности думал я. Мысли закружились, а разум отказывал от невозможности понять увиденное.

«Возможно, солнечное затмение», — мелькнула слабая догадка-надежда.

Я напряжённо всматривался в тёмный диск в попытке отыскать признаки подтверждения моего облегчающего предположения. Однако, сколько я ни тужился, ничего такого не обнаружил. Диск чёрен, и никакого движения света или теней мне увидеть на нём не удалось. Оставалось одно и самое страшное: Солнце, наше дорогое милое светило, погасло.

Но это означает гибель всего живого на Земле. Разве такое возможно?!

— Господи, — обратился я к Нему. — Пощади нас. Если Ты решил покарать народы Земли за греховный путь, Ты ведь знаешь, не все люди плохие. Пощади людей. Они такие, как есть. Если Ты твёрдо решил покарать их, покарай меня. Я добровольно согласен.

Странник

Я находился в таком разрушенном состоянии разума на грани полной потери себя, когда услышал:

— Успокойся, всё не так страшно, — и я увидел Странника.

— Цела твоя Земля, и Солнце твоё не погасло. То, что тебя поразило так сокрушительно, это крохотный кусочек Вечности, который предстал перед тобой через окно, открывшееся для тебя. Почему для тебя? Так предопределено: изредка один из людей бывает допущен к Вечности. Для чего? Не знаю. Так предопределено.

Я не верил своему рассудку. Взглянул на Странника, и моё сознание опрокинулось в бездонную глубину его глаз. Я не верил в реальность происходящего.

— Однако, Землянин, тебе придётся поверить, ибо вот ты здесь и я рядом с тобой, и это реальность. Если вообще корректно говорить о реальности в данных обстоятельствах, — неопределённо добавил он. — Всё зависит от того, как понимать реальность. Впрочем, это не важно. Скажи, что тебя беспокоит или интересует? Я буду с тобой откровенен, лукавство здесь не принято.

— Почему я? — повторил я свой вопрос, ибо его «предопределено» ни о чем мне не говорит.

— Хорошо, поясню. Сиреневый мир всюду, он не имеет пространственных границ, ибо не материален, но через него лишь и возможно прикоснуться к Вечности. Ты один из немногих, ты же вхож в Сиреневый мир.

Ответ прозвучал немного определённое, но для меня равно непонятно.

— Многое меня беспокоит, — начал я, — и многое интересует. Я не уверен, что сумею понять всё тобою сказанное, учитывая ограниченность моей земной натуры, моей малости, но я надеюсь на это и, кроме того, мне жизненно важно выговориться.

Прежде всего, человек. Я жажду понять самого себя. Казалось бы, сотворили тебя, так и живи себе на здоровье, не лезь в суть жизни. Однако, вдаётся, вникает, мятётся, соображает мозгами, пытается определить своё место в мироздании, интересуется далёкими перспективами человечества.

Зачем ему это, ведь он за бездны лет успеет превратиться даже не в пыль, не в атомы, а вовсе в ничто? Ему же не жить в эти отдалённые времена, чего хлопочет-то? Ты, человек, кроха, что ты тут можешь? Ну, скажем, немного поймёшь, чуть-чуть, ну и что, малость ты этакая...

Странник смотрел на меня с очевидным сочувствием.

— Страдания и горечь, — продолжал я, — сопровождают, можно сказать, составляют жизнь человека. Выходит, они, эти страдания и горечь, и есть сама жизнь. Смерть устранил их, и люди говорят «это хорошо». Как же хорошо, напротив, скорее жаль, что страдания уходят, ибо с ними уходит и жизнь.

Я замолчал, ожидая реакции Странника.

— Хаос мыслей, — тихо и не спеша произнёс он, — тебе следует привести их в порядок. Человек. Да, интересное это существо.

Человек испытывает влияние трёх мощных основополагающих воздействий. Первое, несомненно, — инстинкт жизни, сохранения себя и своих близких. Выполняя требования этого инстинкта, человек выступает больше, как животное. Инстинкт жизни присущ всему живому, и рядом с ним неразлучно механизм самоликвидации, заложенный в памяти предков.

Второе — требование общества через власть и законы.

Здесь он пополам, человек и животное.

Третье — влияние духовного начала, заложенного в человека при его сотворении.

Очерёдность здесь не означает деление по важности предмета, это просто принятая мной последовательность изложения. Более того, именно в третьем, по этому принятому мной порядку, заложена вся суть и сложность человека, именно здесь содержатся все тайны и ответы на вопросы, которые тебя мучают. Здесь страдания и сострадания, сомнения, совесть, стыд, страх смерти и иные душевные ощущения нематериального свойства.

Особую сложность придаёт сути человека данная ему свобода помыслов и поступков. Насколько проще было бы человеку, не имея он свободу, однако...

При этих словах Странник усмехнулся.

— Так вот, именно духовное начало делает человека человеком. ОН в своих заповедях указал путь человека к спасению, а человечеству в совокупности — здоровья и процветания. Он есть Спаситель в том смысле, что даёт каждому человеку надежду на спасение, а человечеству — стать вечным. Здесь речь идёт о спасении не от множества угроз физического свойства, таких, как космические и земные катаклизмы, а о фундаментальной угрозе, сидящей внутри человека, в его сути, в его поведении, греховных устремлениях и океане требований животного инстинкта.

Люди, захлёбываясь, набирают богатства, привилегии, воруют, творят законы, удобные для воровства, с наслаждением смотрят на мучения людей, и они при этом не думают о том, что жизнь человека, в том числе и их собственная жизнь, неуловимо коротка.

Проявляются и такие, которые уверены в своём абсолютном превосходстве над людьми, почитая их прахом под своими ногами и полностью отвергая их право на жизнь. Это ощущение превосходства застилает разум таких людей; они не понимают и не хотят понять того разительного обстоятельства, что сами-то они фатально уязвимы и что жизнь их также чрезвычайно хрупка и может оборваться в любой момент, в том

числе, и от рук того же «праха». К чему тогда все их алчные усилия? Неискоренимо зло, совершаемое людьми по отношению к человеку. Оно посеяно в людях, перемешалось в них и стало сложноотделимым.

Вера, только вера является истинной альтернативой злу природной животной жизни. Вера — это идеология, идущая от Него. Верит человек не разумом, а сердцем. И ещё, любовь. Ощущение такое же врождённое, что и духовность. Любовь несёт в себе истинную доброту. Любовь, однако, многообразна по глубине и отношению к доброте. Чувство мужчины к женщине сильно и соответствует понятию «любовь» обычно лишь в начальный период их общения. Затем нередко к любви примешивается скверна: охлаждение, измена, ревность, ложь и прочее с наслоением лицемерия и ненависти, из чего и складываются трагедии.

Истинная мощная любовь без остатка — единственно лишь чувство родителей к своему дитяти.

Тем не менее, люди не устают выдумывать различные идеологии, вроде бы с теми же целями. Однако, в отличие от Веры, человеческие идеологии далеко не всегда противопоставлены злу. Более того, они нередко возникают на потребу животным устремлениям человека. И тем не менее, идеология способна овладевать разумом и диктовать человеку соответствующее поведение.

В самом деле, если атеисты не верят в Творца, а уповают на могущество человеческого разума, возможно ли в принципе придумать идеологию, отчётливо, подобно вере, противостоящую злу? Полагаю, нет, ибо всё, что исходит из разума природного человека, неизбежно несёт в себе условность, то есть зависимость от инстинктов.

Слова Странника о хрупкости жизни напомнили мне ужасное ощущение безысходности, охватившее меня несколько лет тому назад в одну полнолунную ночь. Это случилось в деревне, где я жил в летние сезоны. Я лежал без сна довольно долго, как внезапно...

Меня охватил, потряс бездонный ужас. Ужас из непостижимой глубины моей натуры, столько же бесконечной, сколь бесконечна и необозрима сама Вселенная. Ужас как стихийный накат, как требование инстинкта жизни, приобретённого на заре её и закреплённого в мириадах поколений. Сознание моё металось, корчило в конвульсиях от обессиливающего страха исчезнуть навсегда. Не сознавать себя, не чувствовать... ничего. И навсегда. Факт движения времени в одном направлении, обычно выглядящий банальной физической истиной, в этот раз высветил в моём мятущемся сознании законченное и убедительное понимание неотвратимости «Конца».

Высветил понимание гибели моей вселенной, каковой, без сомнения и совершенно справедливо, представляется собственная жизнь всякому человеку, и мне в том числе. Гибели центра мироздания, несравненно более значимого, чем все звёздные галактики вместе взятые. Проснулся я глубокой ночью и ощутил на себе взгляд. Повернул голову и увидел за оконным стеклом лицо, ярко освещённое лунной. Сразу, вроде изнутри, я понял, что «Оно» из той же непостижимой глубины, откуда ранее приходил ужас. Я замер.

— Что, — мысленно прошептал я, — пора?

— Нет ещё, — после короткой паузы донёсся беззвучный ответ.

Лицо исчезло.

С этого момента взгляд мой всё чаще устремлялся в вечность, ибо смерть понятие природное; она не охватывает всего содержания жизни человека.

— Лучше не скажешь, ты прекрасно выразил это ощущение, — с пониманием произнёс Странник.

— Что страшнее для человека, — продолжил я свои размышления, — исчезнуть навсегда или надеяться на продолжение жизни, но при этом держать ответ перед Ним?

Реальность первого утверждается природной наукой, и она понятна для человека-атеиста. Реальность второго заключена в вере человека; она не доказана, но и не опровергнута, хотя атеисты из всех сил маниакально отрицают её. Те грандиозные, умопомрачительные сложности природного мира, космоса, Вселенной вовсе не свидетельствуют отсутствия Творца.

Независимо от того, где истина, в материальном мире или в Творце, ощущение страха смерти одинаково присуще для людей того и другого взгляда. Страх реален для человека при его жизни в природном мире. Страх составляет часть его природной жизни; со смертью он исчезает, и вот здесь-то для человека наступает момент осознания истины.

Не важно, кто окажется прав. Все люди оказываются перед истинной и познают её, но это уже потом. Если истина в первом варианте, то безразлично, какого взгляда придерживался человек: всё прах и тлен. Если же истина во втором варианте, то торжествует человек верующий, ибо он ещё при жизни в природном мире готовил себя в духе веры и праведной жизнью к переходу в иной мир. Понятно, праведная жизнь не всем по зубам, но, тем не менее, человек хоть в малой степени придерживал себя на этом пути и не допускал в себе безгражданного зла. Немало людей среди атеистов также не приемлют зла.

Хочется верить, что это их отношение к вере не повредит им в их будущей жизни. Впрочем, этого знать нам не дано.

Так что же страшнее для человека, исчезнуть без следа или надеяться на продолжение жизни в ином состоянии, но держать при этом ответ перед Творцом за содеянное зло и ощущать страх возмездия?

Каждый решает сам.

— Как ты понимаешь веру? — спросил Странник.

— Я различаю набожность и духовность, — ответил я и заметил его одобрение.

— Это как?

— Набожность — это, по моему мнению, поклонение людей ритуалам, служителям церкви, а поведение по жизни вольное, что, дескать, всё им простится.

— А духовность?

— Признание Творца, ибо Он держатель мироздания и источник вселенской безусловной нравственности. Безусловная вселенская нравственность пригодна для человека с любой религиозной ориентацией и даже атеиста. То есть, она объединяет всех, кроме, разумеется, убеждённых носителей зла, живущих по своим понятиям. К сожалению, таких людей, понимающих и принимающих духовность мироздания, чрезвычайно мало, а значительно больше людей всего лишь набожных. Люди очень часто, можно сказать, обычно обращаются к вере для помощи в своих житейских и, увы, греховных делах. Скверно.

— Таковы люди, — сказал Странник. — Говоря притчей, Каиново потомство перемешалось в людях, вот в чём сложность.

— Выходит, потомки Авеля и Сифа — это то, что Творец заложил в людях в процессе творения, а Каин и его потомки — отбросы, как выхлоп из автомобиля? — не знаю, удачно ли, но я смешал притчу с сугубо материальным предметом.

— Вот именно, как выхлоп, — согласился Странник. — Я полагаю, набожность присуща большинству людей. Истинно духовному человеку не обязательны ритуалы. Он душой обращён к Творцу и Вселенской безусловной нравственности.

— Отчего же люди не принимают этого напрямую, без помощи ритуалов?

— Таков человек, — был ответ, откровенный и беспощадный к людям. — Они не созрели для прямого духовного общения.

— Я не совсем понял.

— Вера означает полную свободу человека в выборе ориентира — веры, ибо вера по принуждению отторгает духовность. Невозможно

понять и принять веру только через чтение текстов, созданных людьми, даже таких великих, как Библия. Вера в высшую безусловную суть, какой является Творец, вот главное, а тексты следует принимать в качестве основ веры, понимания их. Тексты нельзя понимать буквально.

— Но как понимать выражение «рабы божьи»? Какая свобода, если «рабы»? Какая свобода, если твёрдо следовать установленным ритуалам?

— Ну, «рабы» это слово из притчи. Оно сказано в том смысле, что человек осознанно привержен духовности и вере в безусловное вселенское начало в лице Творца.

Что кается ритуалов, то это величайшая заслуга и миссия церкви; она с её ритуалами влечет людей в сторону духовности. Нет пока иного способа отвернуть человека от зла. Ибо таковы люди.

Иисус Христос суть веры и церкви, однако основали церковь Его ученики и их последователи, с целью сохранить Его святое учение, иначе без церкви вера не охватила бы половину мира. В этом великая заслуга учеников и созданной ими церкви. Без церкви нет в людях веры, ибо они склонны забывать или попросту отторгать самые жизненно необходимые идеи. Таковы люди.

Людям необходимо проявлять терпимость к делам церковным и к самим священнослужителям, ведь те всего только люди. Им так же свойственны человеческие слабости и грехи. Но это никоим образом не умаляет их великой роли хранителей и распространителей идей Иисуса Христа, Сына Бога. Без церкви люди были бы значительно гаже, и они никогда не ступили бы на праведный путь. Нелепо судить о вере по греховности отдельных церковных служителей, а ведь такой подход весьма распространён в народе.

— Хорошо бы уничтожить всё Каиново потомство.

— Хорошо бы, — согласился Странник, — но как это сделать, если в каждом человеке перемешалось Каиново и Авелево? Убить всех?

Теперь нас трое: Странник, я и человек во мне. Я слушал и того, и другого, пытаюсь понять каждого. Я понимал сомнения человека, но и слова Странника проникали в меня, давая моему мятущемуся рассудку свежесть иного восприятия.

Я с нетерпением ожидал, когда же человек задаст свой главный вопрос; не сомнение, а именно вопрос, более иных занимающий разум мыслящего человека. В чём тайна мироздания, смысл всего сущего, Вселенной, самого человека, каков механизм творения, что есть великое начало всего?! Кому или чему понадобилось, чтобы всё это возникло и существовало?

Человек во мне, однако, молчал, то ли оттого, что этот вопрос вообще не возникал в его сознании, то ли возникал, но он боялся даже спрашивать, опасаясь разрушительного для рассудка ответа, и уж вовсе не потому, что знал ответ и им разгадана эта великая тайна.

Решительно убеждён, что не второе и не третье, а скорее — первый вариант: человек просто не дорос до того, чтобы задать этот вопрос. Его так захлёстывают земные дела, что ему не до этой бесконечно далёкой от него проблемы.

Странник помолчал.

— Великая тайна бытия, мироздания, — тихо произнёс он, — с одной стороны, — её непознаваемость, но упорные попытки человека постичь её суть — с другой. Вот ещё одна тайна. Пытливость, любознательность, да просто элементарное любопытство позволяет человеку раскрывать свойства природы и использовать их для создания материальных благ и обеспечения безопасности, это понятно, но тайна бытия-то зачем ему сдалась?

Следует, однако, признать, что над этой проблемой бьются лишь одиночки — мыслители, их чрезвычайно мало; они не убеждены в непознаваемости тайны. Они надеются раскрыть её. В механизм, запущенный Творцом, действующий независимо от понятий человека, входит и человеческая любознательность. Вместе с тем, этот же механизм изначально содержит в себе также и принцип непознаваемости тайны бытия.

Что это, парадокс?

Как бы то ни было, но всё это в совокупности спасает человечество от загнивания и гибели. Собственно говоря, стремление познать тайну бытия происходит не из желания познать сам механизм как таковой, а как логичное выполнение его функции по запредельно сложной и далёкой от потребностей природного человека задаче, заглянуть в необозримую даль своего будущего.

Так в чём же состоит великая тайна бытия, мироздания?

Существует ли Разумное Начало необозримой Вселенной, некое управляющее Начало, или всё есть бессмысленный хаос материальных частиц, время от времени по закону вероятности образующих жизнь и человека? Или это творение безусловной силы, но в любом случае, в чём смысл всего этого грандиозного хаоса и жизни?

— А ты познал тайну бытия? — спросил я у Странника.

— Ведь я твой озарённый разум, а следовательно, пусть в меньшей степени, чем ты, но так же ограничен в возможности познания мира. Кроме того, — он взглянул на меня с усмешкой, — ты ведь сам призна-

ёшь, изнутри ощущаешь, что тайна сия непознаваема, однако, размышляешь. Впрочем...

Мне показалась в его словах недоговорённость. Неужели познал?

Миляга и власть

Если, ступив на свою анизотропную дорогу, я не шибко разбирался в маршруте, то теперь пребывал в полном и совершеннейшем неведении относительно верности своего пути. Единственно знал твёрдо, что иду на Запад, то есть к морю. Всё остальное я доверил интуиции и конкретным соображениям по месту. Собственно говоря, идти на Запад означало для меня идти по Солнцу, которое, по моим скромным познаниям, восходит на Востоке и садится именно на Западе.

Я обходил горы, известные мне из глобуса. Это гора Аджара, гора Пишиш, гора Уруп, гора Чугуш. Названия-то я знал, но какую из них я проходил в конкретный отрезок времени, понятия не имел. На них же не написано огромными буквами, что есть что. То же и с реками; где-то там внизу, на дне пропасти они явно шумели и гремели на перекатах, то есть, обозначали свою реальность, но мне-то откуда знать, какая из них Большая Лаба, а какая Малая, Большой Зеленчук или Малый.

Впрочем, такая ерунда меня не занимала вовсе и тем более не тревожила. Так, лишь в рассуждении. Вон их сколько, рек и гор на Земле. Моё дело идти строго на Запад и, главное, к морю.

— Скажи, Миляга, — обратился я к нему, двигаясь по тропе, петляющей по одной из вышеуказанных гор, — скажите, мой друг, — тебе нужна власть?

Следует пояснить, к этому времени я снял свой запрет, наложенный на Милягу, не досаждать мне, не мешать моему уединению. Признаться, длительный пеший поход изрядно утомил, мне хотелось общения и не только с самим собой. Для этой роли мой Миляга подходил, как никто иной.

— А что это такое «власть», папа?

— Власть — это вид управления животными, в том числе и людьми. Такова её задача изначально, а что получается в реальности, увидим из наших рассуждений.

Чтобы было понятно, начну издалека. Животный мир применительно к власти существует в двух видах — отдельном проживании и стадом. В первом варианте власть не нужна. Животные живут, исходя из

своих представлений о жизни; они поступают согласно инстинкту самосохранения и продолжения своего рода. Но уже таким, как лев или волк, присуще наличие власти, хотя бы в масштабе прайда или стаи.

Власть существует и действует в полную силу у стадных животных, например, у буйволов. У животных есть свойство — устремление к власти над стадом. Здесь вожаком-властью становится, естественно, самый сильный и мудрый буйвол. Вожак организует и ведёт стадо. Он отвечает за его безопасность и увлекает в нужном направлении. Причем, Миляга, запомни — он делает это бескорыстно!

— Как это бескорыстно, папа, зачем ему тогда этот чирей на заднице, если ему ничего за это не перепадёт? Дело-то хлопотное.

— Миляга, это же буйвол, таким его создала природа, он не может действовать иначе. Понимаешь?

— Да-да, папа, я понял.

— Так вот, поведение буйвола не вызывает протеста у животных стада, они подчиняются и выполняют его приказы. Стадо никогда не ропщет. Иное дело человек с его способностью размышлять, с его радикально усиленным свойством — мощным разумом оценивать происходящее и прежде всего верность поступков вожака, то есть власти. Увы, скажем прямо, люди извратили суть власти. Разум, всё тот же разум. Он усилил приспособляемость, но дал пагубное разнообразие замыслов и поступков. А теперь, Миляга, замри, напряги свою лобную кость и вникай.

Человек, в отличие от животных, стал не только способным в освоении природы. Благодаря своим мозгам он приспособился устраивать свою жизнь в коллективе за счёт своих соплеменников. Усекаешь? За счёт своих соплеменников.

Я подождал, ожидая реакции Миляги, однако тот молчал.

— Тебя это не возмущает, Миляга?

— Нет, папа, не возмущает. Я же тебе говорил, папа, человек умнее буйвола, и он догадался, что можно и пожить. Человек умница.

— Здесь я с тобой не согласен, Миляга, догадаться-то ему ума хватило, а вот совести нет. Однако, я продолжу свою мысль. Сказано, всякая власть от Бога. И это истина, так оно и есть, ибо человеческое общество не может существовать без управления. Власть по своей природе предназначена управлять людьми, обществом. Без неё, точнее, вместо неё, — власть толпы, охлократия, безумие, хаос и аннигиляция — самоуничтожение, вымирание. Нет ничего более разрушительного и губительного для общества, чем власть толпы. Поэтому, всякая власть — от Бога.

По отношению к людям, власть — это общественная форма управления жизнью этноса. Она идеально или почти идеально проявляется в семье, где управление происходит из естественной кровной близости во благо людей, составляющих семью. Когда же дело касается управления более крупными группами людей и в особенности этносом, ситуация решительно изменяется. Здесь нет таких кровных отношений, как в семье, и управление через власть принимает иную суть.

Господь дал людям способность рожать детей с разными способностями, чтобы каждый на своём месте и по своему таланту выполнял вид труда для своей пользы и для пользы общества. Творец создал таким образом условия для жизни согласно с добрыми нравами... и что же?

Люди последовали завету Творца?

Нет. Они кинулись занимать места, исходя не из своих способностей, а где выгоднее для прокормления и где легче отхватить себе кусок жирнее. Где можно украсть, что ещё прискорбнее.

Здесь работает глубинная функция животного, в том числе и человека, извлекать выгоду для себя из всякого места и поиск мест, дающих больше выгод. Этому способствует сильно усложнённая структура общества. Увеличилась возможность выбора, расширилась область поиска при выборе выгодного места. В этом поиске наиболее лакомым местом оказалась власть; обладать властью значит повелевать. Нахождение в ней позволяло подбирать под себя, притом без особых хлопот, лучшие куски жизненных благ, созданных людьми общества. Без личного интереса никто во власть не полезет. Разве что те, у кого призвание «рулить» в натуре. Люди со способностями идут в медицину, искусство, науку, ремесло и иной полезный труд.

Нахождение людей во власти и вне её делит этнос на власть и народ. И тут есть особенность, поведение людей не зависит от происхождения людей, составляющих эти понятия. Только само нахождение, как таковое, во власти или в народе определяет поведение человека. Если, скажем, человек попадает в иной общественный слой, то мгновенно перенимает понятия людей этого слоя, и пороки их уже не кажутся ему таковыми, а напротив, нормальными и даже достойными, хорошими, предметом гордости и подражания.

Власть видит перед собой по сути, как это ни звучит унижительно, не людей, а стадо, которым необходимо управлять, и она неизменно бессовестна по отношению к человеку, ибо управляет силой и законом, а не совестью.

Вот в чём беда.

И ещё, власть фатально глупа в смысле рачительной организации хозяйственной жизни и заботы о людях. Какие земли кругом, какие луга и пастбища, и всё пустует, дичает. Как же так, что за глупое управление! Она не может организовать условия для нормального труда людей. А ведь это главное. Ничего не может сделать полезного для людей, кроме стяжательства для себя. Ну как же так! Столько всего, и притом полное неумение или нежелание всё это обратить в пользу для людей.

Во власть рвутся бесталанные, но жадные люди ради кормления, увы, не способные и не ощущающие в себе потребность к благому управлению, а с одной лишь целью отхватывать себе лично. Люди, лишённые качеств истинного вожака-управленца, ответственного за население и оберегающего его от опасностей. Люди безнравственные, но сильно способные хитроумно и бессовестно проникать во власть и обустривать своё довольство. Чтобы лучше понять суть человека во власти, сказанного недостаточно. Необходимо показать, хотя бы ориентировочно, его устремления. Вот они.

Наслаждение властью как таковой. Возможность понукать людьми, быть над ними, видеть их робость, преклонение, зависимость. Возможность достижения своих целей вплоть до имперских. Получение лучших кусков из общественного продукта. Получение комфортного проживания и достатка до богатства включительно. Да мало ли чего человек в своей голове возжелает иметь. И всё это для бессовестного человека во власти доступно.

Увы, на этом печальном пути человек не в силах притормозить. Он одержим жадной стяжательством — приобретением домов, земель, автомобилей, аэропланов, кораблей, денег. И всё ему мало, мало, мало.

Управление во благо человека сменилось, таким образом, управлением во благо людей во власти, для сохранения этой своей власти и себя в ней.

— Зачем же допускать таких людей к власти?

— Хорошо бы не допускать, но эти люди энергичны и безнравственны. И тут ничего не поделаешь, ибо основой в наших рассуждениях предполагается естественный природный характер людей. Поборы и продажность — это их родной мир с его правилами поведения и понятиями. Они живут в этом мире в полной гармонии с ним. Они заявляют о своей беспощадной борьбе с коррупцией и поборами: нельзя не говорить, общество требует. Но поручают эту «беспощадную борьбу» себе подобным, живущим в их мире и берегущим его.

В то же время их можно понять. Ну не могут же они своими руками разрушить собственный, родной, кормящий их мир. Они же нормальные люди, только во власти, в смысле, не глупые.

По этой причине существующая власть скверна по определению.

— Папа, а ты не переборщил?

— Нет, Миляга, увы, не переборщил. Такие люди во власти, если и управляют, то не во благо людей, а исключительно для себя. В иных, других местах, делах человек может трудиться лучше или хуже, но не трагично, а вот во власти — беда. Здесь он лжёт, ворует, унижает, вымогает, угнетает, убивает, кидает людей в тюрьмы, устраивает войны.

— Да они просто бессовестные, папа. И что, папа, все люди во власти таковы?

— Несомненно, встречаются люди не такие скверные, как здесь показано, однако...

Однако, хорошие совестливые люди не могут пребывать во власти, именно из-за своей совестливости, порядочности, ибо человеку приходится принимать решения, противоречащие истине, жалости и совести. Человеку порядочному, таким образом, во власти делать нечего. Либо он должен жить по её понятиям, либо отойти от этого поприща, осознав свою непригодность. Заняться иным полезным трудом по призванию.

К тому же, власть портит людей. Она постоянно подминает их, стремится сделать удобными для себя. Она формирует человека-пластилина. При этом человек теряет себя. Человека отнимают от него самого. Вот что хреново. Однако, кто кого портит в смысле нравственности, власть людей или люди власть? Портит и то, и другое, но зато делает их более пригодными для сидения во власти. Возможно, так и надо? Человек нравственный непригоден, а управление, как таковое, неизбежно попирает нравственность.

— Я понимаю, папа, ты меня сотворил, и вот я такой, какой есть, но не сделал меня пластилином, потому что ты не власть.

— Я рад, Миляга, что ты понял, однако продолжаю.

Таким образом, Миляга, человек извратил суть власти как добро-совестного хранителя людей и организующей их благосостояние; фактически, власть паразитирует на них. Да, это всё даже не мерзость, но значительно хуже. В принципе, это дорога в никуда. Истинная власть, как укор человечеству, сохранилась лишь в животном мире на уровне стада буйволов, где буйвол истинный представитель власти в перво-зданном, разумном смысле.

— Какой молодец этот буйвол. Папа, давай заведём себе буйвола, он организует людей в нашем селе.

— Миляга, ты что, ненормальный, куда мы его поставим и чем станем его кормить?

Однако, Миляга, это наше общество, наше жильё, власть наша, и без неё нельзя никоим образом. Как обустроиться? Как спасти человечество?

— Да, папа, надо спасать людей.

— Для этого, Миляга, необходимо немедленно и беспощадно увольнять чиновников, уличённых в поборах, очищать власть и общество через веру в безусловную вселенскую нравственность и прислушиваться к людям, способным к свободному размышлению — мыслителям. Мыслитель в поисках истины неизменно приходит к несогласию со скверным режимом.

— Так всего этого ещё не существует, папа!

— В том-то и дело. Ну что ж, не будем торопиться.

Теперь, Миляга, необходимо сказать о нескольких чрезвычайно важных вещах, лежащих в основе, фундаменте, так сказать, поведения людей. Об инстинктах. Это, возможно, скучно, но ты уж потерпи, без них нам не обойтись.

На людей, живущих в обществе, давят две мощные силы — инстинкт самосохранения человека как личности и групповой инстинкт. Это моторы цивилизации. Они находятся в глубинном противоречии и постоянно сталкиваются в человеческих муках и жертвах. Групповой инстинкт требует от человека подчинения интересам группы, ибо выживает общество, наиболее сплочённое. Человеку не выжить в одиночку, отсюда групповой инстинкт. Отсюда жертвенность человека, терпение к лишениям, патриотизм, согласие идти на войну и покорно сложить свою голову во имя сохранения группы. И это притом, что инстинкт самосохранения вопиет в человеке и требует жить.

Групповой инстинкт реализуется через власть. Власть подавляет волю человека, который с одной стороны, под давлением сидящего в нём группового инстинкта, покорно выполняет требования власти, страдает, покорно ложится на жертвенный стол, а с другой, находясь под воздействием не менее мощного инстинкта самосохранения, стремится выжить.

Групповой инстинкт овладевает человеком наиболее полно в периоды реальной опасности для общества, когда только так и не иначе возможно сохранить свою жизнь и жизнь своих близких, только жертвуя собой. В вышесказанном содержится ключ к разгадке

взаимоотношений человека и власти. Беда, однако, заключается в том, что власть зачастую использует групповой инстинкт вовсе не в его истинном предназначении, а неимоверно, ужасающе эгоистично.

Кстати, групповой разум слабее разума одного человека из этой группы; разумеется, не самого глупого, а напротив, умного. Группа сильно разбавлена глупыми людьми. Её разум усреднён.

— Какой ты у меня умный, папа, ты мудро высказал такое, что я одурел от невозможности понять.

— Да, Миляга, и здесь море трагедий и океан таких мерзостей, что волосы встают дыбом.

Прежде всего, власть оберегает державу, ибо она кормушка и гарантия сохранения людей, состоящих во власти.

Она неизменно твердит, что народ хозяин страны, но народ никогда и нигде не был хозяином страны. Человек и держава в вечном противостоянии и противоречиях за жизнь, за самосохранение. Они повязаны оковами и порознь им существовать не суждено, ибо они повязаны одним инстинктом самосохранения — и держава, и человек.

Беда, однако, заключается в том, что держава через власть решает свои проблемы, не считаясь с интересами человека. Она норовит придавить его и измордовать. Человек сопротивляется; он не хочет, чтобы его придавили. Если бы он не сопротивлялся, то власть по глупости своей придавила бы его вовсе, чтобы он и дышать не мог.

Она делает человеку гадости, а взамен требует патриотизма.

Патриотизм, держава, долг, честь, полный хаос. Чтобы более или менее разобраться в этом хаосе, решительно необходимо установить место человека в мироздании. Расставить всё остальное по ранжиру, исходя из важности его.

На первом месте по важности, вне всякого сомнения, находится ЧЕЛОВЕК. Он центр Вселенной, а не чёрная дыра или Млечный Путь. Потом страна, ибо человек не может жить изолированно, в одиночестве, вне общества. Это важно, но уже вторично, после человека как такового. Патриотизм. Да, он необходим. Надо защищать страну, но это снова вторично. Держава, долг, честь, политика, и прочее, и прочее. Всё это важно, но следует твёрдо уяснить: только ЧЕЛОВЕК — центр Вселенной.

Пока люди не усвоят этого твёрдо и навсегда, будет хаос в отношениях людей, сопровождаемый скверными, а порою ужасными поступками и событиями. По какой причине люди до сих пор не усвоили такого понимания места человека?

Хрен его знает.

Скажем, патриотизм. Вне всякого сомнения, он необходим. Родину надо защищать! Однако, как можно ощущать патриотизм, если не знаешь, во что он уходит — во благо или во зло? Прежде всего, патриотизм необходим для защиты родины, то есть для войны. Но войны двадцатого и двадцать первого веков ничего общего с защитой родины не имели. За единственным исключением, Великой Отечественной войны с фашистами.

Ради сохранения и тем более усиления державы она готовит и устраивает войны. Это как бы для отражения внешней угрозы и обеспечения безопасности населения. Здесь, однако, следует установить важный, но и щекотливый нюанс. Для чего война-то, для обеспечения безопасности населения или сохранения державы? Вроде для того и другого. Вроде. А человека загоняют на войну... Природа моя, моё я требуют жить в мире, любить женщину, воспитывать детей, трудом добывать хлеб насущный и жить в гармонии с окружением, жить самому и продолжить род свой, а власть гонит меня убивать или быть убитым, отрывая от исконной моей натуры.

Инстинкты требуют от меня жить, а они гонят меня на смерть. Эти люди. Вся натура моя вопиёт против этого. Власть меня насилует, грубо ломает, убивает. Да что же это!

— Убей человека! — приказывает мне она, а натура моя кричит:

— Не делай этого!

Душа моя корчится от такого ужаса, от того, что заставляют меня делать. И восстал против этого Иисус Христос. Он принял на себя нашу боль, прочувствовал нашу смерть во всей её человеческой реальности и подарил нам Заповеди Свои, как путь к спасению. Не убий, не лги...

— Ребята, — сказал Он. — Вот как следует жить. Это путь вашего спасения и нормальной жизни.

И что люди? Они возблагодарили Его? Увы, нет. Они распяли и убили Его. Думали, что убили, ибо Бога убить невозможно. Но в душе своей они убили Его.

— Подожди, папа, если враг напал, надо защищать свою родину. Разве не так?

— Несомненно, так, если враг напал, тогда ты прав, но войны кто-то начинает и организует, и вовсе не оттого, что кто-то напал, а из глупости, эгоизма и жадности.

К примеру, на кой хрен Павлу Первому надо было посылать Суворова в Альпы? Какая выгода для Российского этноса? Никакой. Для державы, тоже сомнительно.

На кой хрен Николаю Второму было влезать в мировую войну? Какая выгода для Российского этноса? Никакой. Один вред. Держава от этого рассыпалась, а человека бросили в муки ада.

Власть силой, убеждением, через патриотизм, иными способами загоняет людей в события, связанные с жертвенностью. Загоняет их в ячейки для заклания, требует отдать жизнь. Но вот что интересно, человек сам в этих случаях чаще всего не считает себя жертвой. На него давит сила, требующая жертвенности. И это вопреки требованию инстинкта самосохранения, который прогибается под давлением власти.

Различие, по сути, между человеком Запада и Россиянином заключается в том, что первый за две тысячи лет сумел более или менее защитить себя перед властью. Россиянин лишь совершает самые робкие попытки в этом направлении, а то ведь всё за державу.

А себя прошлёпал.

Неужели наша монгольская основа сильнее, чем прошлое у народов Европы?

— Так как же, Миляга, хочешь ты обладать властью? — вернулся я к началу нашего разговора.

— Очень хочу, папа.

— Для чего?

— Власть сделает меня уважаемым человеком; со мной станут считаться, станут бояться, а это так приятно.

— Ну и что, это так уж важно?

— Ещё бы! Я стану повелевать людьми, а ощущения сильнее этого наверняка на свете нет. Но самое главное, папа, должность с властью обеспечит меня материально.

— Это каким же образом?

— Очень просто, папа. Скажем, приходит ко мне человек.

Я сижу за большим красивым столом, а он, этот человек, стоит передо мной, потому что он пришёл ко мне просить. Заметь, папа, не я пришёл к нему просить, а он. Теперь смотри дальше, папа, он, этот человек, просит разрешения на постройку домика на земельном участке. Он мечтает построить себе домик, у него семья большая и ему необходимо жильё на всех своих детушек и внучат. Короче, ему моё разрешение нужно позарез. Без него строить нельзя, категорически не положено.

Для меня это дело плёвое, взял шариковую ручку и, не читая, подписал его бумагу. Зачем читать-то, он сто раз проверил свой документ, ему это нужнее. А я, вместо этого, говорю ему: никак нельзя, уважаемый, ибо сей земельный участок муниципальный и он очень необхо-

дим нашему муниципальному образованию. Это я нашу контору назвал так по-учёному, чтобы человек-проситель понял значимость и величие власти.

Человек и так, и этак, да мне позарез, да будьте, пожалуйста, добры не отказать в моей просьбе, а я в свою очередь в долгу не останусь и Вас отблагодарю.

Вот, дошла до него, наконец, суть дела, но это его «отблагодарю» для меня пока ничего не значит, хотя уже кое-что. Начало, так сказать, правильных отношений человека с должностным лицом, посаженным во власть. Молчу и значительно смотрю в потолок. Для него моё молчание кость в горле, которую может извлечь единственно я. Тогда человек-проситель окончательно осознёт ситуацию и осторожно кладёт на край моего стола свёрток. Я с благородным негодованием в него заглядываю, оцениваю, и, если он меня устраивает, ставлю свою подпись на его бумагу. Все дела.

Самое главное, папа, мы оба довольны исходом дела, значит, что, папа? А значит, я делаю добро. Ты сам говорил, папа, что человек должен приносить добро. А раз ты мой папа, и тебе перепадёт.

— Правда, папа, здорово это я придумал? — Миляга по завершении своей пространной речи ударился в лезгинку; плясал долго, с упоением, а я переваривал им сказанное.

«Безупречный ход мыслей», — вынужден был признать я.

— Вот, Миляга, именно таким образом поступают скверные люди, и от этого страдает всё общество, наступает беззаконие и неверие. Общество загнивает и разваливается. Это не управление обществом, а мерзкая коррупция. То, что сделал бы ты, вовсе не добро, а побор.

— Какой ты у меня умный, папа, всё растолковал, а я-то думал... — Миляга пригорюнился.

Кто виноват?

Следует признать, здесь нет виновных. Такова жизнь. Человек, власть, держава. Поразительно интересное трио. Власть измывается над человеком, лишает его родины, делает его мучеником и изгоем, чего только с ним не вытворяет, а он испытывает при этом радость и торжество от участия своего в делах во имя державы.

Всё возвращается на круги своя. Все беды, безобразия и неурядицы, о которых здесь идёт речь, всё это происходит по вине самого человека — или состоящего во власти, или человека вне власти, но его руками. Всё равно человек. Во власти-то тоже человек. Круг замкнут. Что делать-то? Не знаю. Вывод получается неутешительный. Жалуйся на самого себя. Человек, таков ты.

Что дальше?

Надо надеяться на лучшее.

Правило золотого соотношения применимо и к жизни человека в обществе. Сознательно или нет, но эволюция решительно устремлена к золотому соотношению в триаде человек — власть — духовный мир. Решительно главное, это вселенская нравственность. Только она, другого не дано. Только через нравственность возможно постепенно отодвинуть людей от ужасов, которые они сами же и творят. Через исправление самого себя. Увы, власть не способна исправлять человека в сторону добра. Она может только уродовать, насиловать его и не более того. Она не способна к этому благому делу.

Нравственность в человеке — свойство внутреннее, для окружения она тайна и проявляет себя через поступки, иначе была бы бессмысленной вещью в себе.

Полагаться на натуру людей, не связанных с вселенской нравственностью, бесполезно и бессмысленно. Люди не идут к улучшению своего поведения. Всякие технологические штучки-дрючки, дребедень не улучшают его. Люди при этом остаются равнодушными по отношению друг к другу.

И вообще, Миляга, не все дела человеческие следовало бы доверять человеку, особенно такие, как война. Тут мы, однако, входим в иррациональную область, словом, Миляга, не знаю я, что тут сказать. Убеждён в одном — не всё можно доверять людям.

Ну вот, Миляга, наговорили мы с тобой много чего нехорошего про власть, можно подумать, что она вовсе плоха и людям не пригодна. Это решительно не так. Она настолько плоха или хороша, насколько хорош или плох человек, и от этого никуда не денешься. Это объясняет и успокаивает. Есть о чём подумать.

Крепко запомни одно — власть жизненно необходима, независимо от того, плоха она или хороша. Без неё — кранты. Без неё аннигиляция.

Всякая власть от Бога.

Чёрный квадрат

— Папа, у тебя случаются озарения?

— Бывают, Миляга, вот я как-то заговорился с тобой на тропе, да так врубился лбом в толстенную дубовую поперечину, что часа два во мне всё светилось, так сказать, озарялось.

— Это, папа, ты шутишь, я знаю, ты великий шутник.

— Нет, Миляга, какой из меня шутник, я даже анекдоты не умею рассказывать. Другой расскажет, хохот стоит, а после моего доклада молчание и недоумение.

— Это ты, папа, говоришь от скромности, и я тебя за это очень люблю, но я тебя спросил не про то озарение, когда ты башкой об дуб, а об озарении разума, понимаешь?

— Ну, если об этом, то да, случались, — я немного помолчал, припоминая, — хорошо, расскажу об одном таком озарении.

Однажды, будучи в Третьяковской галерее, я остановился перед картиной и долго стоял в недоумении. На небольшом по размерам полотне был изображён квадрат, полностью покрытый черной краской, и ничего более. Ровным счетом ничего. В нижней части этой, с позволения будь сказано, картины виднелась надпись: «Чёрный квадрат, художник Малевич». Я немало слышал об этой картине, и все разговоры сводились к одному: это, несомненно, шедевр, а художник Малевич гений.

Я всматривался в полотно, силясь обнаружить и понять его смысл. Ведь в каждом произведении искусства обязан содержаться смысл, иначе всё пустота; никакой раскраской невозможно возместить отсутствие смысла. Смысл — основа любого творчества. Недаром люди упорно ищут смысл даже в таком великом творении, как мироздание. Голова моя разболелась от напряжения, но я не обнаружил в картине и следов искомого. Нелепость, да и только, однако отчего же люди безоговорочно признали её шедевром? Это было для меня загадкой. Чего-то я здесь не доглядел.

Тем не менее, я ушёл с выставки с полным убеждением, что никакой это не шедевр, а скорее человеческое затмение, этакий голый король Андерсена, и тогда прав в своём непризнании шедевра я, а вовсе не специалисты в живописи, профессионалы-художники, задурившие головы самим себе. Может быть, может быть, однако червячок сомнения поселился во мне и беспокоил. Что видят, глядя на чёрный квадрат, люди и чего не вижу я? Странное, диаметрально противоположное понимание одного предмета.

Чёрный квадрат стал для меня наваждением. Я вырезал из старого журнала «Огонёк» фото картины и периодически взглядывал на него.

Однажды я гулял, по своему обыкновению, в Битцевском лесу. Это совершенно рядом с моим жильём в Ясенево. Голову я не загружал ввиду решительной бесполезности этого усилия. Напротив, я изгнал из себя пустые, идущие от суеты мысли и открылся для информации из себя или извне, сохранив в уме лишь сам предмет поиска. Я шёл и дышал превосходным смолистым воздухом.

Внезапно распахнулось окно, и истина предстала передо мной, ясная и понятная. Я увидел Чёрный квадрат в решительно ином виде.

Я понял, что на полотне изображено окно в миры, которых множество вокруг нас и внутри нас. И эти миры не материального свойства. Чёрный он для того, чтобы зритель, человек заметил, обнаружил это чудесное окно. Будь он окрашен менее броского отчётливого цвета, так глаз человека не остановился бы на нём, а пустую скользнул мимо, не заметив его потрясающей сути окна в миры, которые человек способен себе вообразить. Художник чернотой этой привлёк внимание человека на окно, заставил его размышлять, разбудил и отправил в полёт разума.

Никчемность и бессмысленность квадрата казались мне оттого, что я рассматривал его как предмет живописи, и в этом случае был прав — мазня и чушь. Истина же состояла в том, что мастер, предложив людям окно в воображаемые миры, вышел за границу искусства и вошёл в философское видение реальности.

Вот что изобразил Малевич на своём полотне «Чёрный квадрат».

Нарисуй он простое окно, скажем, прозрачное, то человек увидел бы за ним предметы обычного природного мира и только. И человек при этом никогда не обнаружил бы иных, воображаемых миров во Вселенной и внутри себя.

Фотография — это копия того, что увидел человек. Картина живописца тоже может быть копией, а настоящее искусство содержит мысль. Чёрный квадрат — это смысл. Живописи в нём нет вовсе.

Вот такое озарение у меня случилось.

— Ну как, Миляга, понравилось тебе моё озарение?

— Папа, у меня нет слов. О, как ты мудр! До чего же я рад, что у меня такой папа!

Афонский монастырь

Каменистая, изрытая и покорёженная местным гужевым транспортом дорога, пробитая сбоку горы, серпантином вела вверх к монастырю, который я заметил ещё на подходе, издалека. Монастырь возглавлял гору, подобно драгоценной короне древнего короля.

Во дворе монастыря я увидел старика в монашеском одеянии, который радушно приветствовал меня и пригласил в свою келью.

— Я как раз собирался к трапезе, — сказал он.

В келье было прохладно, но не холодно. Феодосий, так звали монаха, налил в тарелки борща, а я извлёк из своего рюкзака бутылку

Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь

водки. Однако, Феодосий замахал руками, категорически отстраняясь от моего спиртного, даже прошептал молитву, затем подошёл к шкафчику, достал сильно запылённую глиняную флягу, аккуратно протёр её тряпочкой и разлил в чашки золотисто-бурую жидкость.

— Приемлю только этот настой из трав на спирту, чрезвычайно полезный для здоровья человека, — произнёс он.

Я не возражал. Мы пили весьма вкусную настойку и вели неспешный разговор. Я рассказал монаху о своём пристрастии к странствию, о том, что случилось со мной в течение похода по Кавказу. Он слушал меня с очевидным интересом, очень уважительно и с доверием к тому, что я говорил. Особенно его заинтересовало происшедшее со мной ночью в палатке и встреча со Странником. В этом месте он даже весь подался вперёд ко мне, боясь пропустить всякое слово.

Я окончил своё повествование и замолчал. Затронутая мной тема его очевидно чрезвычайно заинтересовала, и он желал её продолжить. Действительно, едва я закончил свой рассказ, как он с присущей ему степенностью заговорил о своём.

Первый рассказ Феодосия

Вот что рассказал мне Феодосий о случившемся в монастыре несколько лет тому назад.

— Слушай, Николай, уж пять лет прошло с того события, а я помню всё до мельчайших подробностей. Однажды вечером перед

заходом солнца к нашему монастырю подошёл некий человек, увидел меня у ворот и попросил провести его к настоятелю. Я с сомнением оглядел незнакомца, и не найдя в его внешности ничего предосудительного, молча провёл в нужную келью, постучал в дверь и доложил батюшке о причине своего прихода.

— Пусть войдёт, — сказал настоятель. Он сел на небольшое деревянное, без каких-либо мягких подкладок, но удобное кресло и обратился взгляд на вошедшего.

— Присядьте, — пригласил он с доброй улыбкой.

Человек представился Петром; он осторожно сел на табурет и некоторое время молчал. Настоятель повёл рукой, приглашая к разговору; он не выказал нетерпения и тем более раздражения.

— Преподобие, — наконец произнёс незнакомец, — я хочу петь в храме, дозвоьте мне петь в хоре.

Настоятель удивлённо взглянул на него и спросил:

— Да ощущаете ли Вы в себе певческие свойства?

— Ощущаю, — ответил тот, — но лишь с некоторого времени. Ранее петь прилично я не умел вовсе.

— Что же с Вами случилось такого?

Человек укрепил себя на табурете.

— По правде сказать, петь я любил всегда, однако понимал, что не умею, и голоса певческого у меня нет. Но вот однажды, не далее чем месяц назад, я отдыхал в полдень и в отличие от обычного состояния, когда сон приходил не вдруг, в этот раз я словно провалился в небытие. Затем, не знаю уж через какое время, я вошёл в себя, ощутил своё сознание и явственно услышал разительно проникшие в меня слова: «Дан тебе голос, пой в храме». После чего я снова провалился в подобие мёртвого сна.

Проснулся я на три часа позже обычного и долго лежал в растерянности, в попытках понять, разобраться в своих ощущениях в связи с происшедшим. Первое, что пришло мне в голову, это отнести всё к обычному, но очень, очень глубокому сну, а во сне чего только не увидишь. Однако слова из сна гремели во мне с такой необыкновенной силой, что я отбросил данное соображение. В обычных снах образы и слова сильно расплывчаты, размазаны, а здесь чеканная ясность.

«А что, если отнести серьёзно и с доверием?» — подумал я. Попробовал запеть. Голос, который прозвучал, поверг меня в такое шоковое состояние, что я испугался за свой рассудок. Это был решительно не мой голос. Я повторил свои попытки, пел и так, и этак, прислушивался к звучанию и всё более убеждался в реальности

изменения голоса. Можно сойти с ума. Следует всё обстоятельно обдумать.

Я так и поступил, взял себя в руки, несколько успокоился и привёл чувства в относительный порядок. Это принесло ощутимый результат. Более того, я стал привыкать к этому новому голосу, так что вскоре ощутил его совершенно своим. И вот я здесь.

Человек замолчал и сидел в напряжённом ожидании. Настоятель не смог скрыть своего удивления от услышанного, но недоверие и сомнение в правдивости истории не покидало его. Уж слишком невероятным казалось ему событие, происшедшее с этим странным человеком.

Оба помолчали.

— А Вы можете теперь же при мне изобразить пение этим своим голосом? Ведь то, что, возможно, показалось Вам, как бы наверняка может не показаться иному человеку, скажем, мне.

— Что спеть? — кротко спросил человек.

— Ну, хотя бы вот это... — и настоятель напел мелодию одного из молитвенных песнопений. Тот повторил её, но в отличие от рядового пения настоятеля, его голос прозвучал благородной медью, проникал в душу, охватывал её всю без остатка и приводил в религиозный восторг. При этом исходило оно из человека без всякого напряжения, присущего всякому вокалисту. Будто не человек издавал эти звуки волшебной красоты, а они исходили из него сами собой без всякого его физического участия, будто некий певческий источник содержался в этом человеке, а тот лишь совершал движения певца. Пение выражало суть веры, убеждало и влекло к Богу.

Настоятель потрясён. Однако, теперь сомнения иного толка обеспокоили его. Ему было необходимо обдумать.

— Ступай и отдохни с дороги, Феодосий покажет тебе место. Продолжим разговор завтра.

С тем он и отпустил незнакомца, а сам погрузился в глубокое раздумье.

Настоятеля сильно беспокоила мысль о происхождении, причинах появления у этого человека такого великолепного голоса. Явления природного порядка он не допускал; он не знал подобных случаев среди людей ни ранее, ни теперь. Это было истинное чудо, но каков его источник, вот в чём вопрос, на который настоятелю совершенно необходимо найти ясный ответ, прежде чем разрешить просьбу пришельца.

Суть веры в противостоянии добра и зла. Настоятель, как глубоко верующий человек, не мог допустить в храм носителя зла. Это исключено, но каким образом определить источник чуда в реальности, в

данном конкретном случае? Видимо, прежде всего, по воздействию чудо-голоса на чувства и сознание тех, кто его слушает.

«Что ощущал я?» — задал себе вопрос настоятель.

Он очень боялся ошибиться в своих тогдашних чувствах, от этого слишком многое зависело; он старался не упустить ни малейшего нюанса в прежних ощущениях. Ночь перешла в раннее утро, когда сомнения, наконец, покинули его. Пение, несомненно, выражало суть веры, оно убеждало и влекло к Богу. Перед мысленным взором настоятеля возникал образ Иисуса Христа. Что может быть значительнее и убедительнее такого ощущения? Зло на такое не способно, и это никак не может стать его целью.

Настоятель принял своё решение, произнёс молитву, и, совершенно успокоенный, прилёг отдохнуть.

Люди потекли в храм. Они передавали из уст в уста известие о появлении в монастыре удивительного монаха. Многие ранее неверующие атеисты изъявили желание быть крещёными. Люди, посещающие храм, становились уважительнее в своих человеческих отношениях, в семьях уменьшились ссоры, на улицах грубость чуть ли не сошла на нет.

Служил в нашем монастыре монах брат Порфирий. Он прилично пел и внешне был весьма хорош собой. Многие прихожане приходили, чтобы послушать его пение, а женщины млели в душевном восторге.

— Как хорош и красив брат Порфирий! — восклицали они. Это была слава в масштабе нашей маленькой округи. Теперь представь себе, Николай, что стало с появлением Петра. Люди, восхищённые его голосом, только и говорили об этом. Прихожан в те дни, когда пел Порфирий, становилось всё меньше; обычно присутствовали лишь те, кто посещал храм впервые или которые уж очень сильно ему были преданы. Порфирий воспринимал сложившуюся ситуацию с большим беспокойством и душевными переживаниями. Наконец он возроптал.

У нас ведь, Николай, в храме тоже, как в мирском театре среди артистов, существует и зависть, и ревность и, прости Господи, даже зло. В конце концов, в храме служат люди, порою такие же грешные, что и в миру. Так вот...

Да что же это такое, думал Порфирий. Так ли уж хорош этот чужак, чем он так пленил людей? Внешность самая заурядная, голос действительно хорош, тут ничего не скажешь, но не настолько, чтобы им восхищаться. Разве я пою хуже? Полагаю, что даже душевнее. Нет, здесь дело нечистое, определённо оно не обошлось без помощи чего-то греховного, недостойного верующего человека.

Он даже обратился к настоятелю со своими мыслями и подозрениями. Тот выслушал его, но, имея своё сложившееся, хорошо обдуманное мнение, а также проницательно понимая истинные намерения Порфирия, он не согласился с ним и посоветовал успокоиться.

Тот отошёл от настоятеля решительно не примирённый и тем более не успокоенный. Напротив, не найдя поддержки у своего храмового начальства, он решил действовать самостоятельно, однако, соображая и так и этак, строя всяческие планы устранения соперника, в том числе попросту убив его, он по натуре своей не был способен к радикальному активному действию. Он ушёл в себя, в безнадёжность своего положения, пожелтел лицом, исхудал и стал совершенно дурён собой. Последние бывшие почитатели его певческого таланта от него отвратились. Он уединился в своей келье и не покидал её даже для принятия пищи.

Братья-монахи заботливо посещали его, приносили еду, но он отвергал её с негодованием, а сам продолжал изводить себя. Он угасал. При этом он не успокаивался в своих душевных муках и продолжал строить мысленные, эфемерные планы отмщения за себя.

Порфирий извёл себя.

Он находился при смерти, когда к монастырю подошла весьма диковинная пара. Мужчина, одетый в полувоенную одежду, с подвешенным к широкому ремню, в том месте, где воины обычно крепят револьвер, предметом в парусиновом чехле, по форме напоминающим топор. Предмет этот смотрелся на пришельце вполне уместно, как влитой. С человеком рядом, как пришитая, трусила крупная собака, похожая на дикого кабана, покрытая длинной полосатой щетиной. Этакий вепрь. Минувя ворота, мужчина не остановился, он только глянул на меня и прошёл.

И тут, Николай, меня как жаром обдало. Один глаз у него выглядел вроде обыкновенно, а вот другой, веришь ли, истинно пылал пожарным огнём. Прямо полыхнул на меня.

Они напрямиком, не испрашивая разрешения, прошагали, словно по следу, в проход, ведущий в келью Порфирия. Я было кинулся, чтобы остановить их, сказать, что так нельзя нарушать установленный монастырский порядок, приструнить, так сказать. Однако, не успел я сделать и нескольких шагов, как они вошли в келью и заперли за собой дверь.

Я не знал, что и предпринять. Однако, пока я пребывал в затруднении, дверь распахнулась, и мужчина в сопровождении вепря покинул келью со словами:

— Опоздали мы, Ефросий, зря столько вёрст оттопали. Этот говнюк нам теперь без пользы. Пойдём искать, где мы с тобой нужны в натуре.

Теперь уже не спеша, они вышли за ворота и вскоре исчезли за поворотом дороги.

Я вошёл в келью и обнаружил Порфирия. Он был мёртв, а глаза его неестественно выпучены в предсмертном ужасе. Что же он увидел перед кончиной?

— А что же Пётр? — спросил я.

Феодосий ответил не сразу. Видимо, его более занимала страшная судьба и ужасная кончина Порфирия; эти его выпученные в ужасе глаза, а также несомненно связанный с этим приход мужчины с огненным глазом и собакой, похожей на вепря.

— Пётр, спрашиваешь?

Пётр посчитал себя виновным в судьбе Порфирия.

«Я своим появлением принёс ему столь страшное душевное потрясение, — говорил он, решительно обвиняя себя в бессердечии и невнимании по отношению к брату Порфирию. — Я никогда себе этого не прощу».

Он пошёл к настоятелю, исповедовался и попросил отпустить его с миром. «Здесь, — сказал он, — всё станет напоминать мне об этом тяжком грехе моём».

Ах, как не хотел настоятель расставаться с Петром! Он просил его не торопиться, крепко подумать, что душевная рана его заживёт, что прихожане его так любят, и для них будет весьма огорчителен его уход, однако все усилия и уговоры настоятеля были напрасны.

Пётр оставался упорен в своей просьбе. Силой удержать его было бессмысленно, да и невозможно. Настоятель разрешил Петру покинуть монастырь.

Пётр собрал рюкзак, да и вышел за ворота монастыря. Множество прихожан пришли проститься с ним, пожелать здоровья и удачи.

— Куда же он отправился? — спросил я.

— Не ведаю. Вот останавливался у нас в прошлом году человек, так он рассказывал, что слышал, будто в Валааме служит монах с необыкновенно красивым голосом. Так я подумал, возможно, это и есть наш Пётр? Хотя, мало ли живут людей, умеющих хорошо петь.

Только я хочу верить, что это Пётр.

Однако, пошли спать, Николай. Завтра ещё поговорим.

Вечером следующего дня Феодосий завершил свои немалые монастырские обязанности, в которых я ему посильно помогал, а затем вернулся к нашему разговору.

Война и зло. Второй рассказ Феодосия

— Я вот думаю, что мужчина с ведром ясно носители зла, это я догадался сразу, как вошёл в келью Порфирия, мне непонятно другое. Каким образом они нашли его, учуяли? Получается, задумал человек зло, и они шасть к нему. Как это? Зло притягивает зло? Знаю, много его накопилось на Земле, и множество мест, где скоплена энергия зла. Тяжко жить человеку в таких местах: он болеет телом и душой, озлобляется на себя и на людей, и при этом не знает, по какой причине. Невидимая энергия обволакивает, проникает в человека и понуждает совершать скверные поступки. Я человек пожилой, много размышляю. У нас в монастыре меньше мирской суеты, хорошо мыслится и кое-что мне становится яснее. Много загадок, но всё же главная, по мне, загадка — это отношение добра и зла. Когда берёшь вообще, без привязки к реальности, то вроде понятно, зло это плохо, добро хорошо, но это примитивно. А вот едва обратишься к реальным делам человеческим, так всё темно.

Понял я, что две причины, образующие в наше тяжкое время массовое зло, — это уничтожение своих людей деспотическими правителями, такими, как, скажем, Джугашвили, и войны. О деспотическом правителе разговор особый, а вот война — это истинный разгул, взрыв насилия и зла, убийство миллионов людей. Мало того, вот, скажем, война закончилась, однако сполохи ужасов, порождённых войной, подобно ядовитым гадюкам продолжают терзать людей. К тому же наступает послевоенная шизофрения, ибо для людей, обожжённых войной, характерна жестокость как таковая.

О войне пишут не от человека, попавшего в бойню и там забитого, а от генералов, руководящих бойней, от власти, обеспечившей процесс забоя людей, от ветеранов, которым повезло остаться в живых, и от иных субъектов общества, не относящихся к её жертвам. В то время, как именно принадлежность к жертвам войны лишь и даёт право говорить о её сути. Повествуют о стратегии боевых действий, о расстановке на фронте полков и дивизий, их передвижении, о производстве оружия, о массовом героизме солдат и офицеров, которые якобы с восторгом кладут свои головы, всё это, несомненно, рисует картину войны, но вовсе не отражает её глубинной сути.

Авторы фатально боятся касаться этой сути, ибо она немислимо, непереносимо страшна. Если об этом написать истинно, мир рухнет, а люди сойдут с ума.

Суть же войны, именно суть, а не обрамление её технологическими вещами, заключается в колоссальной личной трагедии, страданиях

человека, просто человека, которого вопреки естественному желанию жить убивают. И ещё суть в лицемерии и жестокосердии власти.

Суть войны не в победе одной армии над другой, а в том, что на ней убит человек.

К нам в монастырь приходят разные люди, порою весьма неожиданные. Вот лет пять назад возник у нас человек. Почему возник? Да как-то появился он незамеченным, хотя был мужчина видный и даже толстый. Вошёл в ограду монастыря, огляделся, увидел меня и спросил, как пройти к игумену.

— Как сказать батюшке, что за дело у Вас?

— Скажите, мол, воин пришёл с покаянием и за советом.

Я доложил игумену о просьбе этого человека и получил добро.

— Пусть войдёт.

Тот двинулся, и я обратил внимание, что вид у него отчётливо сильно потерянный. Будто нёс он на себе тяжёлый груз.

— Что угнетает тебя, сын мой?

— Сильно виновен я перед людьми.

— В чём же винишься?

— Я в войну командовал дивизией и гнал солдат в сражение, зная, что на смерть. За войну я послал на смерть многие тысячи живых людей. Тогда я полагал, иначе нельзя, война ведь, а вот теперь все они в душе моей, но явственно, проходят передо мной, каждый с укором во взоре.

— Но ты воин, ты был призван вести сражение за Родину. В чём твоё сомнение?

— Я тоже так думал, тогда. Так-то оно так. Вроде так, а вот теперь, в возрасте и по размышлении, засомневался. Попробую рассказать, если получится.

Он, однако, замолчал. Молчал долго.

— Не могу, трудно мне это вразумительно изложить словами. Владыка, вот я изложил на бумаге про себя и про свои мысли. Пожалуйста, прочтите, а затем дайте мне Ваш совет. Мне он очень необходим. Я изложил это в виде рассказа о себе, как бы со стороны. Так мне способнее.

Мясорубка не телескоп, через неё не увидишь небо

Господи, будь прокляты те, кто начинают войны.

Войну от бойни отличают лишь ритуалы, а по сути, то есть по лишению людей жизни, они решительно совпадают.

— Я вам так скажу, — генерал в отставке Ковалёв Сергей Фёдорович, ста сорока килограммов весом, поджал губы, — человек не воспринимает с пользой для себя опыт других людей. А в целом общество не использует опыт предшествующих поколений. И то, сказать по размышлению, всякий человек живёт в своей реальности, и для него не пригодны советы людей, живущих, опять же, в своих реальностях. Такие советы мало пригодны для него. И всё же.

Генерал проверил реакцию окружающих и, обнаружив очевидное несогласие с его утверждением, приступил основательно.

— Под Кюстрином в марте сорок пятого года немцы подались на Восток. Почему на Восток? Дело в том, что к этому времени наши передовые части обошли их, и отступать на Запад стало для немцев невозможным. Их цель теперь состояла в том, чтобы пройти наши тыловые части, пересечь железнодорожную ветку и разойтись по лесам, коими покрыта значительная площадь в округе.

С криком: «Идем на отдых, славяне!» — у них было много добровольцев-славян, знающих русский язык, — они прошли значительное расстояние и наткнулись на банно-прачечный батальон. Пока немцы возились с женщинами, которые обслуживали стирочный процесс, командир батальона поднял своё войско по тревоге и занял полосу вдоль железнодорожного полотна, отрезав, таким образом, немцам путь в леса.

Теперь, когда немцы двинулись, он подпустил их возможно близко и начал уничтожение.

Кто уцелел, те попали в плен. Потом подсчитали по трупам и пленённым, получилось всего семьсот пятьдесят один человек. Пленных построили.

— Славяне, выйти из строя!

Вышло пятьдесят человек.

— Отвести в сарай, расстрелять!

В сарай вошли славяне и автоматчики. Одни умирали с криком, иные в молчаливом оцепенении, некоторые плакали. Им всем хотелось жить.

Остальных пленных приказали отвести, как положено, в тыл. Поручили это сержанту Фролову, зная его беспощадность. Тот без команды отвёл немцев к болоту и покосил из пулемёта.

Вот такое произошло кровавое дело.

В Майданеке сжигали трупы, а пепел собирали для удобрения фермерских полей. Капуста там росла выдающаяся, шикарная. Волосы убиенных шли для набивки матрацев, из кожи мастерили поделки.

— И что же? — генерал иронически посмотрел на слушателей. — Воспринимают ли с пользой для себя нынешние люди все эти ужасы?

Решительно нет! Разве что так, умозрительно.

Я так скажу. Черепа своих собратьев люди крошили всегда.

Вначале камнем, затем кремнёвым топором, бронзовым топором, стальным топором, пулей, бомбой, снарядом, ракетой. Чем будут крошить в будущем, мне неизвестно.

В первой половине двадцатого столетия произошли две грандиозные войны, очевидно бессмысленные и невообразимо трагические. В одной лишь последней Германской войне забито двадцать шесть миллионов россиян, и подсчет продолжается.

Война есть один из способов в борьбе за власть и её удержание, отвлечение населения от раздумий о скверном управлении, имперские амбиции, экономические интересы, искушение пограбить, зов полководцев... и многое прочее, присущее людям. История человечества — это непрерывная цепь войн.

Поразительная ситуация. Постепенно исчезают причины возникновения войн. Уровень и состояние мировой экономики позволяют успешно решать извечный вопрос о смерти людей от голода. Другие проблемы также находят своё решение без войны. И, тем не менее, войны происходят. В чём дело?

Правительства и люди традиционно обращаются в ряде ситуаций к насилию и не видят ничего дурного в том, что они лишают жизни людей, то есть убивают их. Характерной чертой самих правителей и одновременно необходимым условием для развязывания ими войны является решительное отсутствие у них совести и способности ощущать жалость к людям. Это главная причина.

Цивилизация изобрела эффективные методы подготовки населения к войне, в том числе воспитание, агитацию, ритуалы, законы и многое прочее. Всё это направлено на то, чтобы люди шли на войну не только покорно, но испытывали при этом глубокое понимание необходимости своего участия в битвах и даже чувство восторга. Главное, чтобы люди видели в войне не то, что она есть по сути, но место славы, доблести и геройства. Им упорно вдалбливают в голову, что война необходима ему, народу. На общество обрушивают поток агитации и пропаганды; в дело идёт всё, от голой демагогии до непристойных приёмов и откровенной лжи.

Хотя чем гордиться-то? Тем, что ты намереваешься убить человека, в то время как он — твоё зеркальное отображение, лишь одетое в иной мундир, — так же охваченный своим патриотизмом, жаждет убить

тебя? Какая нелепая, трагическая и унижительная ситуация! Ты получил орден за то, что доблестно уничтожил трёх солдат противника, а твоё зеркальное отображение, одетое в иной мундир, случайно оставшись в живых, получило свой орден, застрелив пятерых твоих земляков.

Защита Отечества! Сильнейший аргумент радетелей войны.

Но что общего у войны с защитой Отечества? Ровным счетом ничего. Цели войны такие же гнусные, как и суть её самой; они ни в какой мере не совпадают с интересами людей, но лишь правителей.

Где они, эти благородные войны?

Двадцатый век. Первая мировая война — глупость императора и никакой необходимости для России. Гражданская война — безумие большевиков и затмение в головах людей. Финская война — откровенная агрессия со стороны советского руководства. Великая Отечественная война — результат безумных соображений Кормчего. Афганская война — безумная авантюра большевистского руководства.

Где тут защита Отечества?! А в этом безумии пролито море человеческой крови и забито бесчисленное количество живых людей, не желавших умирать.

Истинная защита Отечества, которая только и может служить оправданием и необходимостью войны, проявляется в особенности, когда одна из воюющих сторон терпит поражение. Вот тогда и начинаются вопли и сопли, призывы к жертвенным чувствам и героическим традициям любимого народа, и опять же без следов жалости к нему.

Смысл воплей прост, как топор.

— Иди на защиту Отечества, то есть, иди и умри!

Всё прикрывается этим благородным кличем. Бездарность генералов, безжалостность к людям и цинизм политиков. Любая попытка снять прикрытие карается без промедления.

— Умри без ропота, потому что «защита Отечества».

Вся правда будет скрыта за режимом секретности. Сколько значимости и цинизма в этой секретности! В ней планы войны, результаты войны и вся трагедия людей. Поэтому за нарушение тайны кара. Люди не должны знать гнусной правды.

— Не смей сомневаться в гениальности политиков и генералов. Потому что «защита Отечества».

Люди порою сами ищут и находят в патриотизме отдушину для себя, иначе можно сойти с ума. Им легче переносить тяготы, если они убеждены, что война необходима как действие, адекватное угрозе. Самый болезненный момент возникает, однако, когда, следуя к исти-

не, человек срывает с понятия «война» её благородные патриотические героические одежды, скрывающие и скрашивающие её отвратительную суть, и называет эту суть истинным названием, простым, но беспощадным для многих людей словом — бойней.

Истинный патриотизм исходит из нутра человека, как ощущение своего места на Земле, где его родили и где всё связывает его с этим родным местом на Земле. Иные места для него чужие, во всяком случае, не его. Он, человек, нутром своим готов защищать это своё место, не щадя живота своего, ибо потеря места для человека катастрофа. Никакие понукания и призывы не нужны. Он и сам знает, что он должен делать.

Иное дело патриотизм, который ему внушают сверху. Это уже не истинный патриотизм. Это, по сути, внушение жертвенности ради требований власти и в её интересах. Такой патриотизм может быть близок к истинному, если цели власти и человека совпадают, но может быть и решительно далёк от него. Далёк до цинизма.

Как закричат в ужасе и благородном патриотическом негодовании политики и генералы! Истина настолько ужасна, что трудно и страшно поверить в неё.

А как же «защита Отечества», это что, мираж? Нет, не мираж, а суровая необходимость, но не так просто отыскать ту грань, которая отделяет войну в патриотическом, в какой-то степени даже благородном понимании, от бойни.

Какое бы причинное обоснование войны не приводилось, она по сути остаётся понятием, означающим организованное массовое убийство людей, и никуда от этого беспощадного вывода не деться честно-му исследователю.

Следует всё же отличать бойню-войну от скотобойни; они, несомненно, различаются своей организацией и конструкцией, так сказать, архитектурой и технологией. По правде сказать, различия эти не так уж существенны, ибо суть одна — сознательное убийство живых. Мыслящие люди давно обратили внимание на эту чрезвычайно важную особенность, но у многих людей, у народа настолько силён вбитый государством стереотип мышления, что суть остаётся прикрытой такими прекрасными словами, как «защита Отечества» и «патриотизм». Люди жуют эти понятия, живут подавленные ими, не в силах, да и не пытаясь разобраться в сути.

Со скотом, несомненно, проще. Скот грузят в вагоны или фургоны, везут на бойню, этикие производственные помещения, где специалисты-мастера оглушают животных электрическим молотком, режут горло, выпускают кровь в чан и разделывают туши, то есть доводят до

товарной кондиции. Дальше вступают в дело колбасные фабрики и кулинары. Вот, собственно, и всё.

Бойни-войны значительно сложнее. Здесь имеет место щекотливость ситуации, ведь забивать-то надо людей, то есть себе подобных. По этой важной причине дело организуют таким образом, чтобы война решительно не напоминала скотобойню и не содержала в себе ничего похожего на неё. Задача, впрочем, несколько упрощается тем, что сами люди не желают считать себя скотом, даже попадая на войну.

Кроме войны, наиболее простым и близким к скотобойне возможно отнести концентрационные лагеря. Различия тут сводятся к специфике образа жизни, физиологии и морфологии скота и человека, а также к специфике дальнейшего использования забитых.

Скот идёт в пищу, а человек нет. Технология же похожа. Вместо электрических молотков и ножей людей забивают из ружей или морят голодом до смерти.

Можно бы сохранить орудия скотобойни, но следует признать, что для мастера подносить молоток к голове человека или быка это психологически совсем не одно и то же. Хотя мастер мог бы и привыкнуть, достаточно поупражнявшись.

Другая причина различия заключается в том, что скот идёт в пищу, и следовательно, забивать его следует аккуратнее, а человека после выстрела или голодной смерти элементарно волокут и закапывают без дополнительных хлопот.

По указанным выше причинам, бойня-война организована чрезвычайно сложно.

Прежде всего, чтобы людей, честных перед законом, поместить на бойню, их необходимо выхватить из общества. Для этого заводят учёт всех и вся через специальные конторы, которые отбирают самых здоровых, лучших, наиболее приспособленных к жизни.

Как ни совершенна бойня, но всё население через неё не пропустишь, да и нельзя этого. И сами устроители спасают себя и своих близких, да и общество должно сохраниться, пусть в урезанном виде. Для этого конторы устанавливают очерёдность призыва на бойню через сложную систему вызова, бронирования, отсрочек и прочего.

Чтобы человек не чувствовал себя скотом, ему через воспитание и пропаганду внушают патриотизм. При надлежащем уровне воспитания человек идёт на бойню достаточно покорно.

Тыловики заблаговременно набивают склады обмундированием, оружием, едой, сапогами, обмотками, шинелями, шапками, гимнастёрками, консервами и прочим, необходимым для поддержания жизни

людей вплоть до их забоя. Какой солдат пойдёт на бойню без воинской одежды и как он станет колоть штыком, если ослабеет без пищи?

Назначенных на бойню людей определяют солдатами, ставят над ними начальников из лейтенантов и капитанов, и всех вместе отводят в забоечный агрегат, то есть отправляют на войну под пули и снаряды, где их и забивают. Солдат идёт в разведку, стоит в заслоне, мёрзнет и мокнет в окопах, бежит в атаку и совершает прочие ритуальные действия, твёрдо полагая, что всё это и есть защита Отечества. Он и мысли не допускает, что это ритуал, специально разработанный для бойни. Если отбросить красочные слова, то останется одно: он на бойне и его забивают. Состояние человека, брошенного в войну, сродни ощущению животного на скотобойне.

Шокирует, но это так. И там, и здесь живое существо лишают жизни, и там, и здесь делают это намеренно. Другое дело, животное забивают без выкрутасов, а человека в сплетении ритуалов. Суть одна, а ритуалы всего-навсего шелуха на страшной сути. Ужас животного и человека, попавших на бойню, одной глубины.

Как же люди во власти, полководцы посылают людей на смерть?! Да если бы в них содержалась хотя бы капля истинной нравственности, так они предпочли бы лучше себя пропустить через бойню сто раз, чем решиться послать туда человека. Значит, нет в политиках и полководцах понимания бесценности человеческой жизни, а все их слова — сплошная фальшь, и нет в них сочувствия.

«Я пропускаю смерть каждого солдата через своё сердце», — заверяет маршал в своих мемуарах. Лицемерие. Если бы это было так, то он сам бы трижды умер, прежде чем послать человека на смерть.

Люди, брошенные в войну, испытывают непрерывные попытки избежать гибели и ужас перед неизбежным. Забитых сваливают в братские могилы, сказать просто — в ямы, и заваливают землёй, но ещё больше их остаётся лежать незахороненными в местах, где их застала погибель. В лесах, полях, болотах лежат они, и души их вопиют к небесам.

Если солдата ранят, его не добивают, как, скажем, корову на скотобойне, а везут в госпиталь и усиленно вылечивают, чтобы затем вновь отправить на войну. Калек, однако, отпускают, ибо они уже не способны выполнять ритуалы. Нелогично. Здоровых отправляют на убой, а искалеченных оставляют в живых, но это, во-первых, есть ритуал, а во-вторых, поднимает моральный дух солдат, оставляя им надежду на жизнь.

Интересна по замыслу организация забоя. Противники взаимно дополняют ритуал и взаимно предоставляют своих солдат для забоя.

Солдаты, таким образом, выполняют двойную роль мастера и жертвы. Совмещение функций в одном лице. Гениально!

Те, кому повезло выполнить роль мастера и остаться в живых, оцениваются как доблестные воины на поле брани за Отечество. В каждой стране готовят таких мастеров. Им шьют красивые забойные костюмы, их награждают забойными орденами.

Запрещено слово «убивать», как таящее в себе суть. О противнике говорят: уничтожено столько-то. О себе: понесли потери. На войне не говорят: «послал в бой шестьсот живых человек», но «я послал батальон», и вроде уже не так страшно. «Батальон» это, вроде, как-то не сразу «люди».

Генералы сравнительно с солдатами находятся в ином положении. Они представляют собой привилегированную касту профессионалов забойных дел, так сказать, руководителей-специалистов забойного производственного процесса, подобно тому, как инженер электростанции следит за показаниями приборов и обеспечивает необходимый режим и выход электроэнергии. Согласно своему статусу они не ходят в атаки и всячески оберегают себя от опасностей, неизбежных в работе забойной машины. Если кто из них погибает, больше по собственной неосторожности, то в ничтожном количестве, как следствие несчастных случаев на производстве. Хоронят их с почестями в гробах, с подобающими скорбными речами и залпами из ружей.

Дело генералов — организовывать сражение, определять, кому подниматься под пули и взрывы, кому ползти в ночь, в темноту за «языком», да там и остаться стыть в воронке, напоровшись на автоматную очередь в упор. После чего, промучившись сутки, закоченеть навечно. Дело генералов — доносить командованию о забитых и раненых в дивизии.

Согласитесь, это совсем не то же, что самому получить пулю в живот.

Для генералов война — работа, для солдат — великое бедствие и ненормальность.

В случае победы генералы, увешанные многочисленными орденами и ублажённые различными льготами, везут из страны поверженного противника товарными вагонами, автомобилями и аэропланами ценное иноземное добро: хрусталь, мебель, ткани, драгоценные металлы, камни и прочее. А на родине уцелевшие в войне воины и пленные солдаты противника строят генералам загородные дома на обширных участках отборной земли, которые позже достанутся их жёнам и детям на раздор и вражду.

Каждый год, особенно в круглые десятилетия, официальное общество России торжественно отмечает день победы над Германией в

Великой Отечественной войне. Речей о героике и заслугах солдат, офицеров, генералов и народа в победе не счесть. Они льются рекой по телевидению, радио, в интервью и на торжественных собраниях. Обвешанные, а правильнее сказать, покрытые, как бронёй, орденами и медалями старики захлёбываясь повествуют о героизме тех военных лет, превознося своё участие в войне.

«Мы понесли жертвы, но они были не напрасны», — говорят эти оставшиеся в живых счастливцы. Они судят о войне с позиции живых; они оправдывают смерть солдат, как необходимую и неизбежную плату за победу.

Если бесталанный командир в своём тупом непрофессионализме и в страхе гонит на верную, порою бессмысленную смерть тысячи, а очень большой командир — сотни тысяч людей, то возможно ли с таким пафосом говорить о жертвах? Казалось, фронтовики имеют моральное право судить о войне. Война пощадила их и позволила им жить, жить, но только не говорить за тех, кого только истинно следует послушать — убитых на войне. Они не в состоянии сказать от себя, ибо война убила их, разорвала на куски, живём засыпала обгорелой землёй и оставила умирать. Их, оставшихся гнить незахороненными в размётанном окопе, устлавших своими растерзанными телами болота и леса, лежащих в госпиталях без рук и ног, с выбитыми глазами.

Только жертвы войны вправе говорить и судить о войне. Не говорите за них, лучше печально помолчите, оставшиеся в живых ветераны. Честные, совестливые истинные фронтовики молчаливы; они не любят говорить о войне, ибо заглянули в её жуткую суть.

Альтернатива войне — добровольность. Тут осознанность, ответственность и подвиг. Осознание опасности для этноса. Для родных людей своих в этносе. Вот это альтернатива.

— Сержант Крокин, оправдываете ли Вы действия командира, пославшего Вас на смерть?

— Нет, — глухо произнёс человек Крокин, разорванный снарядами.

Судить о жертвах допустимо только от христианской безусловной нравственности. И пусть закроют рты политики, должностные лица и даже ортодоксы-фронтовики, живущие под впечатлением своих несомненных заслуг перед обществом и всю правоту свою базирующие на участии в войне. О забитых в войне по велению власти возможно судить не по информации официоза и бездушных чиновников, не по лживым пафосным выступлениям фронтовиков, счастливцев, уцелевших в боине, а единственно по скорби близких людей. Трагедия войны прошла метастазами в последующие поколения людей.

Истинные фронтовики в подавляющем большинстве погибли, а оставшиеся в живых замкнулись и окаменели в молчании, ибо ужас, испытанный ими, был такой силы, что одни лишь воспоминания о войне невозможно выдержать без потери рассудка.

О войне станут вспоминать и вещать ложью люди, не принимавшие участия в боях, в том числе прачки в госпиталях, работники КГБ всех рангов и специальностей, охранники в тюрьмах, палачи, военные тыловых служб и прочие, прочие в этом ряду. Наконец, просто купившие фальшивые справки о нахождении на фронте и скупившие за бесценок боевые награды у вдов почивших воинов.

В поезде.

— А я, папаша, демобилизован. Служил на Колыме, охранял заключённых. Вот домой еду, — его упитанная физиономия излучала довольствие и уверенность в своей значимости.

— Стану рассказывать, как воевал, о своих фронтовых подвигах, — он цинично ухмыльнулся, — а кому же ещё вспоминать? Фронтовиков поубивало, так что кроме меня некому.

Он налил в стакан водки, выпил и зачавкал колбасой с хлебом.

Вагон бил по стыкам рельсов и по моему сердцу. Меня охватило бессилие от наглости этого человека и величайшей несправедливости.

Общество, увы, не осознало бесценности человеческой жизни не на словах, а в головах. Эта величайшая истина не проникла в души людей и не стала её основой. Отношение к человеческой жизни паразитично лицемерно.

Героики на войне нет. Какая возможна героика у живого существа, приговорённого к закланию? Героика — это миф, придуманный властью, как ритуал и стимулятор для человека, идущего на войну. Солдатом на войне движет инстинкт жизни, ответственность перед родными, ожесточение к противнику, который его убивает, страх перед немедленным расстрелом за неповиновение и страх быть убитым в бою, но с надеждой остаться в живых. Обычно первый страх пересиливает второй.

— • —

Игумен дочитал рассказ-исповедь; теперь ему надо ответить на сомнения человека. Однако Игумен сам находился в великом сомнении и нерешительности.

Как иерарх церкви, он твёрдо знал ответ воину. Ответ давно установлен. Официальный ответ, одобренный иерархами. Церковь живёт в обществе, она вынуждена учитывать его требования, ибо люди, как

и всякий человек в отдельности, даже самый одухотворённый, вынуждены к тому же, ибо живут в природном мире. Однако, как человек, от себя, без подсказок и давления официоза, Игумен понял сомнения воина, но ответа, увы, не знал. Кривить душой перед человеком, который ждал не формального, а глубокого ответа, по сути, он тоже не мог.

Вот такие дела.

Феодосий надолго замолчал.

Послевоенная жестокость. Третий рассказ

Феодосия

Войну и первый послевоенный год я встретил мальчиком. Город Бобруйск, где я жил с родителями в конце войны, был наводнён воинами самых различных родов войск. По улицам города разгуливали лётчики, пехотинцы, артиллеристы, танкисты и прочие, и даже моряки Березинской речной флотилии; какие-никакие, а моряки, хотя и не ходят по морям и океанам.

Дух у них был истинно моряцкий, и по отваге и отчаянности они мало отличались от своих морских собратьев.

В городе были два места, где воины, столь различные по своей воинской специальности, обычно собирались в больших количествах. Это танцевальный зал в областном драматическом театре и базар.

Для поддержания порядка и пресечения бесчинств со стороны воинов, которые неизбежны в указанной ситуации, ибо они присущи всякому воинскому скоплению, по городу ходили комендантские вооружённые патрули. Указанную воинскую массу, готовую с величайшей охотой в любой момент и по любому поводу подебосировать, побуяннить, необходимо усиленно содержать в узде. Милиция здесь бессильна, к тому же, воины её откровенно не уважали, а точнее, на дух не переносили. Кроме поддержания порядка, комендантские патрули ещё отлавливали дезертиров, а также солдат, убежавших в самоволку, то есть в отлучку без разрешения полкового командира.

Мы, юнцы, тоже слонялись по городу в поисках приключений. Однажды к нам пристал сержант пехоты. Он был едва немного старше нас, и мы быстро сошлись. Володя служил в полковой разведке, был награждён двумя орденами Ленина и тремя Красного Знамени — невиданно высокие награды даже для того боевого времени. Так вот, он походя, в разговоре с нами ударом ноги убил довольно крупную

собаку. Просто так. Мы были восхищены. Теперь-то думаю, зачем он убил ни в чем не повинное животное? А дело-то ясное — у Володи сработал рефлекс убийства. На фронте, если ты не убил противника, он убьёт тебя. Этакая спасительная жестокость.

Однажды мы зашли на базар. На базаре в то время бесчинствовали инвалиды. Изуродованные и оскорблённые войной, они отыгрывались на несчастных местных жителях. Многие из них, покинув госпиталь, не решались из-за своего уродства уезжать на родину, стеснялись показаться своим близким в таком осквернённом войной виде; они жили нищенством и мародёрством. Ковыляя на культях или обернув к людям лицо с выбитыми глазами, они просили милостыню и пели трогательные песни о своей горькой судьбе, вызывая слёзы у женщин, потерявших в войне своих близких, а таких было множество.

На моих глазах инвалид отнял у женщины бутылку самогона и не думал оплачивать товар.

Пожилая женщина закричала и заплакала в своём бессилии перед мародёром, а ведь она принесла самогон, чтобы продать его и купить хлеба.

Этот возмутительный факт заметили проходящие базаром моряки. Один из них, мичман, не торопясь, в развалку подошёл к инвалиду, одним ударом опрокинул его на спину, левой рукой сдавил ему скулы, так что у того широко раскрылся рот и вывалился язык. Правой рукой, как клещами, мичман ухватил язык у корня, вонзил в него ногтями пальцы, вырвал его и отшвырнул в сторону.

Бросив инвалида, изо рта которого струёй хлестала кровь, мичман выхватил из его кармана злосчастную бутылку самогона и вежливо отдал её женщине.

— Бери, мать, — душевно произнёс он.

Та, дрожа от ужаса, совершенно онемела и машинально приняла бутылку. Поражённая случившимся, она тем не менее взяла. Её разум не успел переварить то, какой ценой была восстановлена справедливость по отношению к ней. Люди с любопытством окружили место. Мичман у ближайшей колонки аккуратно ополоснул руки, подошёл к своим, и моряки двинулись дальше по своим делам.

Инвалид захлебнулся в собственной крови, подёргался и затих.

Затем я увидел: по базарной площади бежит солдат, за ним патрульный. Солдат, вроде, убежал, но не заметил впереди ещё одного патрульного, а когда обнаружил, то поздно.

Этот патрульный взял свой карабин за ствол и сноровисто рубанул прикладом по бритой голове солдата. Тот рухнул, как подкошенный.

Что стало с ним дальше, я не увидел, а прошёл мимо. Жестокость была натурой человека войны; жалость пряталась, но сохранялась глубоко в человеке и ожидала, когда пройдёт весь этот ужас.

Тайна сержанта. Четвёртый рассказ Феодосия

Германские войска под Бобруйском оказались в котле; много их солдат попало в плен. Пленённые немцы понуро шли длинной колонной в сопровождении автоматчиков, а я стоял и смотрел.

Моё внимание привлёк идущий в колонне немец. В отличие от остальных солдат, покорно идущих с усталыми безразличными невыразительными физиономиями, он сильно выделялся своим утончённо интеллектуальным лицом. Оно, вылепленное гениальным скульптором — природой и цивилизацией, выглядело поразительно одухотворённо.

Я, как завороченный, впился в него взглядом и был решительно не в состоянии отвести глаз. Немец шёл раскованно; он со вниманием и даже интересом смотрел по сторонам. Словом, он своим обликом и поведением сильно отличался от остальных пленных солдат. Пленные люди двигались медленно в своей грязной, покрытой землёй воинской одежде, выпачканной длительным нахождением воинов в окопной обстановке. Усталость и напряжение от смертельных боёв, державшие их в напряжении, хотя и не стёрлись вовсе, но значительно смягчились. Вместо этого ими овладело безразличие людей, избавленных от смертельной опасности. На их лицах, однако, не отражалась радость избавления от смерти, нет. Сутью своей они оставались воинами, хотя уже не воевали. Они шли так же послушно, как послушно воевали.

Тот немец, который меня заинтересовал, шёл спокойно и равнодушно. Внезапно лицо его резко изменилось. Теперь он напряжённо всматривался в мою сторону.

Я оглянулся в поиске объекта, на который обратил такое очевидное внимание пленный, и обнаружил в трёх шагах от себя одного из конвоиров, русского сержанта с автоматом на груди. Сержант шагал спокойно до тех пор, пока не ощутил на себе разительный взгляд пленного. Он повёл глазами, увидел немца, и лицо его мгновенно напряглось так же, как до этого момента переменялся вид пленного при взгляде его на сержанта.

Я отчетливо видел их, и мне не составило труда понять, что эти люди взаимно узнали друг друга, а по выражению их лиц догадался

определённо: встреча эта их не обрадовала, ни того, ни другого. Несомненно, этих людей связывало нечто, имеющее начало, значительно более раннее настоящего момента. Некая тайна в их прошлых отношениях, не ограниченная простым случайным знакомством. И ещё, эта встреча могла сильно повлиять на их судьбы.

Лицо пленного в первый момент выразило удивление и надежду.

Физиономия сержанта вначале отразила сильнейший испуг, но через мгновение окаменела в суровой решимости. Он выхватил из кармана пистолет, вошёл в колонну, растолкал пленных и подошёл к немцу. Тот не отрывал своего взгляда от сержанта, глаза его выразили смертельный ужас и отчаяние. Он сделал попытку отойти, но не успел. Сержант выстрелил ему в голову. Сержант шагнул от тела, покинул колонну, встал сбоку и закричал:

— Пошёл, пошёл!

Колонна стронулась и поползла в прежнем направлении. Конвоиры привычно шли на своих местах, исполняя свои охранные обязанности, и с таким же равнодушием, будто ничего такого не случилось. Поступок сержанта их даже не заинтересовал. Сержант их начальник, ему виднее.

Я подошёл к телу несчастного пленного немца. Он лежал на спине, кровь ещё вытекала из пробитой головы, а глаза уже устремились в вечность. Смерть не успела обезобразить его; кровь не коснулась лица, и оно было прекрасно, только одухотворённая красота его застыла в неподвижности.

Как понять без ужаса то, что произошло на моих глазах? В чём причина поступка сержанта?

Можно лишь догадываться. Видимо, пленный узнал в сержанте человека, который никоим образом не желал быть узанным именно этим немцем, ибо прошлое содержало в себе такую тайну, раскрытие которой грозило сержанту смертным приговором. Выстрел из пистолета укрыв тайну.

Это, однако, всего лишь догадка, возможно, не единственная, но которая, хоть в малой степени, проясняет причину страшного преступления, по сути, злодейства. Вот какой отпечаток наложила война на людей и во что она их превратила.

Как же война не разгул зла?

— • —

— Я слышал, что здесь, где-то в горе есть пещеры весьма протяжённые, труднодоступные, и по этой причине почти не изведанные. Это правда?

— Есть такое.

Феодосий помолчал, подыскивая нужные слова, чтобы яснее ответить на мой вопрос.

— Понимаешь, тут дело не простое. Я как-то попробовал проникнуть туда, однако прекратил.

— Отчего же?

— Чем глубже я опускался, тем тягостнее мне становилось. Нет, устал я не телом, а совсем иначе. Я всё явственнее ощущал приближение, скорее присутствие, ибо приближался как раз я, чего-то чуждого человеческой природе, инородного и совершенно непонятного. Человек инстинктивно опасается всего непонятного ему, а тут ещё мои эти ощущения.

И страх, меня обволакивал страх. Я провёл немало времени в размышлении об этом.

Мне кажется, там, в пещере нашёл своё место иной мир, непохожий на наш. Большого сказать не могу, ибо не знаю, а лезть в пещеру глубже не решаюсь, сильно опасаясь подвинуться разумом. Существуют загадки, непосильные и непостижимые для человеческого разума, а тот, этот человеческий разум, — Феодосий усмехнулся, — в силу врождённой любознательности пытается их разгадать.

Единственно, что не даёт мне покоя, интуитивно подсказывает мне — родственность наших миров. Или некое их взаимное продолжение.

— Феодосий, ты вот живёшь на Кавказе, видишься с разными людьми народов этого края. Как ты полагаешь их в отношении со славянами? Ощущают ли они себя россиянами по симпатии, не формально, а по ощущению?

— Нет, конечно. У них своя жизнь, свои понятия и поведение иное, чем у русских. Они безусловно разные, как, впрочем, вообще люди, но нет у них этнической близости по отношению к русским. Терпимость, да, понимание того, что они в России, да, но близости нет. Глядя на русского человека, они, несомненно, ощущают его, как чужого для себя. Кожей, как говорится, ощущают. Это ощущение не зависит от разума, оно идёт из глубины их натуры. Тут ничего не поделать. Разные этносы.

— Да, — сказал я, — вот, Феодосий, теперь моя очередь. Я расскажу тебе о судьбе одной семейной пары с Кавказа, которая заехала в исконно русское село для устройства жизни.

Рина

Человек по жизни неизменно следует велениям своего родного этноса, понятиям и характеру поведения, принятым в нём. И он не может оторваться от этого мощного этнического влияния, так же, как не в состоянии человек, попавший в болото, вытащить себя за собственные волосы, ибо в том и другом случае действуют законы мироздания.

Такое понятие, как интернационализм, здесь пригодно лишь для абстрактных размышлений философа.

Аборигены Кавказа — это истинно чирей на обширной заднице России. Не знаю наверняка, каким местом соображали правители России, когда посылали своих солдат на завоевание Кавказа, но догадываюсь, что именно тем, какое упомянуто в конце первого предложения.

На Кавказе живёт тьма различных народов. Гонимые со своих родных мест, люди издавна находили здесь убежище и устраивали свою жизнь основательно, благо, что условия для этого несомненно существовали. Мощные, труднопроходимые горы сильно препятствовали завоевателям, которым в те суровые времена не было числа. Горы представляли собой естественную оборону, а возводимые людьми несложные фортификационные оборонительные сооружения дополняли и в совокупности позволяли жителям отбиваться даже от многочисленного противника. Между грядями гор располагались восхитительные долины, удобные для ведения сельского хозяйства и разведения скота, а многочисленные реки и ручьи с минеральной вкусной водой удачно дополняли и благоприятствовали жизненному устройству людей. Так что, однажды заняв, а чаще всего захватив себе место на этой благословенной земле, люди никоим образом не желали её покидать. Они жили в постоянной готовности отразить любое чужое посягательство на их владения. По этой причине каждый житель Кавказа не только труженик быта, но прежде всего воин.

Следует также отметить ещё одну немаловажную сторону жизни этих народов — беззаветно отстаивая свою землю и свою независимость, они очень даже не прочь были пограбить своих соседей, пожить их имуществом. Можно сказать, что в некотором смысле они содержали в себе бандитский менталитет.

И ещё, среди них существовала кровная месть.

Словом, натура людей Кавказа образовалась вполне соответствующая условиям их жизни — воинственная и вспыльчивая, с повышенным ощущением понятия «свой — чужой».

Указанное краткое предисловие, полагаю, весьма необходимо для лучшего понимания того, что произошло с одной семьёй выходцев из Кавказа, попавшей волею судьбы на чужую для неё российскую землю. То ли места им не хватило для жизни на родной кавказской земле, то ли по причине кровной мести, это нам неизвестно, но только появилась в селе молодая супружеская пара, Мамед и Рина. Поселились они недалеко от нас, через три дома. Детей у них не было.

Быстро развели скот — корову, овец, кур, свиней. Как водится, Мамед взвалил все хозяйственные домашние дела на Рину, а сам укатил в Москву на заработки, по типу купил-продал, барыш в карман. Рина стала приносить нам молоко, и мы общались. Она говорила, что хочет иметь детей, но пока их нет, и ещё, здесь она очень скучает по Кавказу.

— А вот Мамеду в России нравится, — с сожалением добавляла она.

Рина, молодая красивая женщина, едва понимала русскую речь, а говорила вовсе скверно; она родилась в горном селении, и в отличие от кавказских горожан, неизбежно знающих русский язык в общении с людьми, она в той своей жизни не ощущала такой необходимости. Однако будучи человеком способным, она старалась освоиться в этом чужом для неё краю и вскоре научилась понимать и даже выражать русскими словами свои мысли.

Для полноты изложения следует сказать, что несколько ранее в селе уже поселились несколько семей из тех же кавказских мест, так что Мамед и Рина не стали одинокими, а естественно влились в это маленькое сообщество. Вместе с братом Мамеда Анатолием и его женой Аней, их детьми — рыженьким мальчиком Асаном и малышкой Юлей, они составили дружную, трудолюбивую общину. Другие семьи из Кавказа тоже жили по сельским масштабам неподалёку, но они не состояли в семейном родстве с нашими героями.

Аня красивая изящная молодая женщина, необыкновенно стройная, с походкой горянки, привыкшей носить на голове кувшин с водой, проходила по селу под восхищёнными взглядами аборигенов, для которых такой облик женщины в диковинку. Рина была ей под стать, этакая горная козочка. Местные женщины, согнутые тяжёлым крестьянским трудом и переносом тяжестей в руках, производили решительно иное впечатление.

Познакомился с этими приезжими людьми я на пожаре. Каждую весну, когда сходит снег и солнце сильно подсушивает прошлогоднюю траву, в полях возникают пожары. Это происходит по разным причинам, но в основном от человеческой безответственности и элементар-

ного хулиганства. По существу, такое сжигание травы даже необходимо, зола — удобрение для посевов. Кроме того, прожжённое поле не даёт случайному огню приблизиться к домашним постройкам, но делать это надо с умом и осторожностью, а эти кавказские ребята запалили на своём поле траву, и огонь валом повалил во все стороны, в том числе и к нашему саду.

Вовремя заметив дым, мы кинулись тушить пожар на своей стороне, а заодно помогать кавказцам, которые быстро сообразили, что они натворили, и старались изо всех сил. Мы граблями и лопатами пробороздили заградительную полосу и запалили траву навстречу пожару. К счастью, ветер нам благоприятствовал: он дул от нас навстречу пожару. Два эти огня встретились, и вскоре пожар утих. Кавказцы с благодарностью оценили нашу помощь. С этого, в общем-то, волнительного эпизода началось наше знакомство и очень дружественные добрососедские отношения.

Следует сказать, что отношение аборигенов к приезду кавказцев в селе разное, в основном равнодушное, но нередко сводилось к решительному соображению: «Понаехали эти черножопые!» При чем, чаще всего такое суждение высказывали люди сильно пьющие и ленивые в труде.

Проходя мимо нашего дома, Рина неизменно останавливалась, дожидалась, когда к калитке подойдёт Тоня, обнимала её и с чувством говорила: «Бабушка, ты нам, как мать!» Она видела и ощущала наше доброе к ним отношение и всей душой тянулась со своим ответным добром. Со временем она, однако, всё чаще добавляла, но уже с тоской: «Бабушка, я так скучаю по Кавказу, хочу туда!»

Мамед, напротив, полюбил Россию; его заветной мечтой и целью стало получить российское гражданство.

Асан и Юленька с утра до ночи бегали мимо нашего дома в своих бесконечных детских играх, с грохотом катили какие-то тележки, катались наперегонки на велосипедах, словом, жили своей детской беззаботной жизнью. Нам было приятно наблюдать за ними, а они по несколько раз в день кричали нам: «Здравствуйте!» Кстати сказать, дети очень быстро усвоили русский язык.

Случались и неудобства от указанного соседства. Их скотина изредка забредала на наш огород, и тогда мы в панике кидались спасать свои посевы. Однажды я обнаружил их корову; крупное красивое животное с завидным аппетитом с хрустом раскусывало наши кабачки и при этом приветливо поглядывало на меня, как бы приглашая перекусить. Я не мог на неё сердиться, уж больно умильно она на меня

смотрела. Тем не менее, я ухватил верёвку, которая волочилась по земле вслед за ней, и с огромным, прямо-таки непосильным трудом отвёл милое животное к месту её законной дислокации.

В нашем селе расположен детский дом, а директором этого воспитательного учреждения Екатерина Викторовна, полноватая, ещё молодая женщина со средними чарующими качествами. Нам неизвестно, при каких обстоятельствах состоялось знакомство Мамеда с этой женщиной, важно одно — оно состоялось.

Мамед — высокий, статный молодой мужчина, да ещё к тому же кавказец, и нет ничего удивительного в том, что указанная дама положила на него свой глаз. Словом, она влюбилась в него до потери совести и соображения. Опять же, нам неизвестно, кто из них озвучил идею оформить фиктивный брак, который позволил бы Мамеду получить российское гражданство. Мамеду такой союз обеспечивал реализацию его заветной мечты, а Екатерина Викторовна, видимо, надеялась со временем ненавязчиво перевести фиктивный брак в реальное супружество. Мы, опять же, не знаем, как к указанному переводу отношений относился Мамед. Этот момент, пожалуй, самый тёмный в нашей истории, да, собственно говоря, он не является решающим в ходе дальнейших событий.

Впрочем, возможно, и не совсем так. Возможно.

Вот теперь читателю известны цели этих двух людей. Пора переходить к рассказу о средствах, которые использовали эти взаимно заинтересованные люди для достижения своих намерений.

В отсутствие Мамеда, как уже было сказано, часто отлучавшегося в Москву по торговым делам, Екатерина Викторовна, сильно хлебнув спиртного, приходила к его дому и громко с матерной руганью заявляла Рине о своих правах на её мужа. Обычно её сопровождала закадычная бесшабашная подруга Татьяна, жена бывшего почтальона, а ныне спившегося человека Игоря. И так изо дня в день. Люди видели это безобразие, но не нашлось человека, который осудил бы бессердечное поведение Екатерины Викторовны и встал на защиту Рины. Видно, надломилась у людей некая основополагающая сердцевина души сочувствия к человеку, терпящему беду. Как же надо было со стороны властей так изнасиловать души людей, чтобы они лишились великого свойства сочувствия! Но об этом разговор отдельный, а здесь речь идёт о судьбе Рины.

Бедную женщину, заброшенную на чужбину, оторванную от родной, понятной ей обстановки, скверные люди подвергали издевательствам и мучениям, и она не получала поддержки не только со стороны

окружения, но даже от мужа. И в самом деле, поведение Мамеда было более чем сомнительным. Вместо того, чтобы решительно встать на защиту жены и осадить зарвавшуюся бабу, он продолжал поддерживать двусмысленные с ней отношения, видимо, всё ещё надеясь получить желаемое российское гражданство. Возможно, были у него и иные соображения, а скорее опасения; он, возможно, боялся, что в случае его открытого разрыва женщина станет вредить, мстить ему и сделает его жизнь в селе невозможной. Однако не исключено и его чисто мужское влечение к этой женщине. Кто знает.

А тут ещё повадилась посещать наших кавказцев женщина Галина, которая после своего третьего замужества получила право претендовать на наследование одной шестой части дома, в котором проживали Мамед и Рина. Это право наступило после того, как владелица дома Валентина, её муж Николай, их сын Геннадий и сын Юрий убили себя в результате бессрочного непрерывного беспробудного пьянства.

Фактически Мамед занял пустующий дом не самовольно, а по совету и разрешению сельской администрации, для которой заброшенные участки были обузой и доставляли немало хлопот. Места эти зарастали, становились источником пожаров, а пустующие дома — местом сборища местных лоботрясов. Тем не менее, эта Галина, учуяв из людской молвы о вселении Мамеда с Риной, срочно, подобно стервятнику, прибыла из Тулы, где она постоянно проживала, и как бы на правах хозяйки дома потребовала, а точнее, заломила такую цену за аренду дома, что Мамед побледнел.

Мамед понятия не имел о юридической силе претензий Галины; ему и в голову не приходило, что он может смело послать эту даму в известном всем направлении, ибо там среди родственников, претендующих на дом, полное и устойчивое несогласие по данному вопросу. В силу чего им решительно никогда не удастся прийти к соглашению и оформить наследство. Никто из них не хотел нести судебные издержки и расходы на нотариальное оформление, а до этого недостижимого для них состояния дом по закону им не принадлежит и Галина никакая ему не хозяйка.

Однако, повторим, обо всей этой юридической стороне дела Мамед не догадывался, а лишь, унижая себя, уговаривал Галину подождать с уплатой, а та корчила из себя недовольство, ворчала, настаивала на своём, требовала своё и, как бы сменив гнев на милость, соглашалась подождать, но за это Мамед должен дать ей мяса, яиц, кур и иных припасов. Словом, она тянула у них всё, на что обращался её нечестивый глаз. Мамед безропотно выполнял её требования.

Галина уезжала к себе в Тулу, перегруженная припасами, но жадность и наглость её были безмерны. Вскоре она наезжала вновь и с теми же требованиями. Хорошо ещё, если Мамед был дома, а в его отсутствие вся эта мерзость сваливалась на Рину, которая трудилась, по сути, одна и тащила на себе хозяйство и уход за скотиной.

Тоня видела это и сердце её обливалось жалостью к Рине. Она часто проводила назидательные беседы с Мамедом.

«Мамед, — говорила она ему, — у тебя прекрасная жена Рина, мы так её любим. Брось ты знаться с этой Екатериной. Ты доставляешь душевную боль Рине».

Тот соглашался с доводами Тони, говорил, что Рина прекрасная жена и он её любит и так далее. Я однако, чувствовал, что усилия Тони падают в бесплодную почву. Мамед пропускает её слова мимо ушей.

Однажды он пришёл к нам сияющий от радости и попросил взаимы две тысячи рублей.

«Неделю тому назад отвёз Рину в Тулу, рожать. Звонил, сказали, что родилась девочка. Я такой счастливый! Деньги нужны, чтобы отблагодарить доктора». Тоня охотно выдала просимую сумму.

Мамед съездил в Тулу, забрал Рину с долгожданной дочкой и, внутренне торжествуя, доставил их в село. Сбылась мечта супружеской пары. У Рины началась новая жизнь. Она целиком поглотилась уходом за ребёнком, и так продолжалось несколько месяцев. Затем, увы, прежние беды возвратились и превратили существование Рины в суший ад. Одно время Рина надеялась, что рождение ребёнка всё изменит в лучшую сторону, однако этого не произошло.

Мамед некоторое время пребывал в радости, но не долго. Ощущение счастья по случаю рождения девочки вскоре пошло на убыль, и всё вернулось «на круги своя». Он стал чаще покидать семью ради торговых дел в столице, снова взвалив, таким образом, тяготы ведения хозяйства на жену, которая теперь вынуждена была совмещать уход за ребёнком с уходом за коровой и овцами, разрываться между этими делами.

Больше того, Екатерина Викторовна со своей беспутной, склонной к гадостям подругой не оставляли в покое Рину и продолжали безжалостно терроризировать бедную женщину. Они подходили к дому, поносили её грязными словами и требовали оставить мужа.

«Мамед мой!» — кричала захмелевшая Екатерина Викторовна, стучала палкой в калитку и материлась. Подруга Татьяна посылно помогала ей в этом безобразии.

Снова необходимо высказать жестокую правду: люди и тем более соседи всё это видели и слышали, и никто ни разу не вступился за Рину. Трудно утверждать, что подобное равнодушие к чужому несчастью сохранилось бы у людей, коснись оно аборигена. Скорее всего, да, разве что с большим обсуждением происшедшего, но равнодушие, как таковое, осталось бы неизменным.

Рина жаловалась мужу, плакала, просила бросить это чужое им место и уехать на Кавказ, говорила, что не в состоянии больше выдерживать такую жизнь, но Мамед был непреклонен. Он прикрикнул на жену и велел ей замолчать. Судя по всему, он и отношения с Екатериной Викторовной не прервал, и своего возмущения ей не высказал. Да и было ли в нём это возмущение? Рина, доведённая до края, не чувствуя поддержки мужа, задавленная непосильным трудом и затравленная мерзкой женщиной, наконец решилась.

Она отнесла дочку к Ане, взяла из дома табурет, вышла в сад, привязала верёвку к толстому ответвлению на старой яблоне, устроила на верёвке петлю, запрыгнула на чурбак, просунула голову в петлю и ногой отшвырнула из-под себя последнюю в своей жизни опору.

Обеспокоенная длительным отсутствием сестры, Аня заглянула в дом и, не обнаружив её там, вышла в сад; она увидела висевшую на верёвке Рину, бросилась к ней, вытащила из петли и уложила на траву, однако Рина была уже холодна.

Сообщили Мамеду, и тот приехал.

Только теперь, когда Рина безвозвратно обрубила свои связи с миром, до него дошёл весь ужас происшедшего. Однако даже теперь в своём примитивном эгоистичном мышлении дикаря он и мысли не допускал, что в этой трагедии именно на нём лежит главная вина за смерть жены.

«Рину довели до самоубийства эти подлые женщины!» — кричала Аня.

Эти слова Ани дали Мамеду направление для понимания им причины случившейся беды и послужили ему руководством к действию. В какой-то момент мысль о его собственной вине слегка ужалила его, но не уязвила глубоко, этак промелькнула и прошла мимо, зато им овладело намерение отомстить за смерть Риной. Месть — естественное понятие для кавказского человека Мамеда, а в сложившейся ситуации, исходя из того же понятия, единственно для него верное. Желание отомстить решительно завладело его сознанием, и все его последующие поступки совершались единственно под влиянием чувства мести.

Он не строил планов и не знал предметно, что станет делать. Обезумев от горя, в великой ярости, он помчался в дом ребёнка, чтобы увидеть Екатерину Викторовну, но там ему сказали, что её нет, она в Черни на совещании у главы районной администрации и вряд ли сегодня будет на месте.

Это обстоятельство притормозило Мамеда, но не охладило и не остановило его. Хаос безумия покинул его голову, он почувствовал некоторую способность к размышлению, но не в смысле переменить своё устремление относительно мести, а напротив, как осуществить его наилучшим образом. Сохраняя внешнее спокойствие (он опасался всяческих уговоров со стороны родственников), Мамед прошёл в сарай, отыскал мясницкий нож, обернул его тряпкой, увязал для надёжности шпагатом, удобно пристроил свёрток под курткой и отправился к автобусной остановке.

В Черни он подошёл к секретарше главы администрации и осведомился о месте совещания. «Никакого совещания сегодня нет», — ответила та.

Мамед покинул здание администрации сильно озадаченный; он не знал, где теперь искать Екатерину Викторовну. На его счастье или несчастье, здесь уж не знаешь, какое слово подобрать, он встретил знакомого человека, и тот сообщил, что видел эту женщину не далее, чем полчаса тому назад в кафе возле автостанции.

Мамед поспешил в указанном направлении, вошёл в кафе и увидел Екатерину Викторовну и её подругу Татьяну, распивающих спиртное. Его увидели.

— Мамед, — радостно произнесла Екатерина Викторовна и пригласила его к столу.

Мамед молча подошёл сзади, схватил её за причёску, потянул вверх, обнажив таким образом её шею, и сноровисто, как человек, зарезавший на своём веку немало баранов, полоснул ножом по горлу. Хлынула кровь.

Чтобы отмщение получилось наиболее полным, он завершил его предельно жестоким движением. Уже после рассечения горла он продолжал удерживать её за волосы. Затем с силой опрокинул голову к спине, не давая ей таким образом совершить последнее усилие, закрыть разверзшуюся рану рукой, как это инстинктивно делают солдаты на войне, когда они в безнадёжном состоянии пытаются запихнуть свои вырванные взрывом кишки обратно внутрь живота.

Да, именно так он оттягивал голову Екатерины Викторовны к спине и, торжествуя, смотрел, как извергается её кровь, а с нею и

жизнь. Отбирая её жизнь, Мамед истинно торжествовал, он ощущал в этом своём поступке высшую справедливость. То, что в глазах людей выглядит, как несомненно убийство, для него — акт возмездия, священный ритуал мести.

Татьяну он зарезал просто, как овцу, не испытывая никаких эмоций. Он не считал её главной в своей беде, но сильно причастной.

Мститель покинул кафе спокойно и совершенно довольный собой. Он ощущал себя человеком, который завершил очень трудное, но чрезвычайно важное и полезное дело. Он не пытался скрыться; ни милиция, ни суд, ни наказание ничего не значили для него теперь, когда он завершил дело своей жизни — отомстил. Он был недостижим для всего этого, ибо ничего не страшился. Он был счастлив.

На суде он сидел, погружённый в себя; высший момент опустошил его. На вопросы судьи, адвоката, прокурора отвечал вяло и не пытался оправдаться. Его удивляла наивность этих людей, которые, очевидно, не поняли высоты и величия его поступка.

«Да и адвокат, чего он плетёт о каком-то моём состоянии аффекта, что он позорит меня? В тот великий момент я был разумнее, чем вы все, вместе взятые», — думал Мамед.

А что люди?

Людей прорвало. Они изо всех сил осуждали кавказца, возмущались его злодейством. А где были эти люди, когда равнодушно проходили мимо безобразий, творимых этими женщинами, затравивших бедную Рину и доведших её до самоубийства?

Мамеду присудили пятнадцать лет тюрьмы.

Малышку дочку забрали к себе брат Анатолий и Аня. У кавказских народов существует прекрасный обычай не оставлять детей в беде; известно, что на Кавказе нет детских приютов. Они просто не нужны, ибо там не бывает брошенных детей.

Через месяц после суда все родственники Мамеда продали свой скот и убыли в неизвестном направлении. Они опасались мести со стороны людей из окружения Екатерины Викторовны. Насколько у них существовали основания для подобных опасений, трудно сказать. Среди русского народа месть не распространена, однако не исключена.

Чего же в этой истории больше — чужеродности народов, распутства, жестокости, равнодушия к людям, своеобразия обычаев и поведения?

Видно, всего хватает.

Снова с нами соседствуют пустующие дома. Кто их займёт и что это будет за люди, нам не известно. Жаль, мы привыкли к тем кавказ-

ским людям, вежливым и трудолюбивым, но, увы, живущим по иным, непонятным нам понятиям.

До слёз жаль Рину.

В этой печальной истории существует нюанс, о котором до сих пор ничего не сказано, даже хотя бы лёгкого намёка не дано. Дело в том, что дом, в который вселились Мамед и Рина, люди считают проклятым. Проклятие это началось с того давнего времени, как Иван Корытов, отец Валентины, пользуясь тем, что он власть, несправедливо отнял его у весьма достойного человека, исконного жителя села Георгия. Сам Иван, его дети, иные родственники, словом, его род, попавшие в дом на жительство, заканчивали свою жизнь весьма прискорбно, скажем, не как люди. Одни вдруг тяжело заболели, другие попадали в катастрофы, но главным образом спивались до смерти от беспробудного пьянства.

Откуда было знать кавказцам об истории дома, вот и попали они в жернова чужой судьбы, чужих грехов. Никто им об этом не сказал, не предупредил. И то, скажи им об этом, так посчитают за глупость, суеверие, невежество. С другой стороны, проклятие, по всему, должно распространяться на Ванькин род, а не на чужих ему людей. Впрочем, что мы знаем обо всём этом, выходящем за границы материального мира? Ничего, кроме догадок, а очень хотелось бы знать.

— • —

— Скажи, Феодосий, ты ведь знаешь из истории, как большевистская власть уничтожала церковь и священнослужителей, особенно в тридцатые годы, не коснулись ли эти зверства Афонского монастыря?

— Эх, дорогой мой, как же не коснулись, коснулись, да ещё как. Кто не успел скрыться, всех увезли, и никто не вернулся, сгинули. Царство им Небесное.

— А вот теперь, Феодосий, слушай, я покажу тебе место, куда их доставили и что с ними сделали.

Бутово

Не отыскать на Земле места, не осквернённого злом, идущим от человека. И всякая жизнь естественно и неизбежно появляется, складывается и существует в энергии этого зла.

В село я приехал в начале мая. Во дворе пламенели огромные чаши огненно красных тюльпанов, а нежные нарциссы расслабленно склоня-

ли к моим ногам свои белокурые головки. Я вышел на Странное шоссе, по которому за зимнее время пребывания в городе сильно истосковался. Я шёл и наслаждался природой. Вскоре, как это нередко случалось со мной и ранее на Странном шоссе, во мне начались изменения, предвестники моего входа в Сиреневый мир. И вот, по необычайной лёгкости и пронзительной ясности в сознании, я ощутил своё присутствие в нём, затем в Вечности, и наконец — своё движение в ней.

Фантастически сложно и трудно человеку попасть в состояние присутствия в Вечности, почти невозможно. Ну скажем, способен осуществить это один человек из сотен миллионов людей. Невыигрышная лотерея. И тем не менее, по непонятным причинам этот единственный выигрышный билетик достался мне, счастливцу или носителю креста? Можно по этому поводу рассуждать и строить всякие догадки, но так или иначе именно я однажды ощутил себя в состоянии присутствия в Вечности.

Следует, однако, сказать, что произошло это не вследствие усилий моего разума, а единственно через озарение, то есть совершенно неожиданно для меня, как некая потребность души, которая и стала причиной, творцом моего сказочного состояния и движения в Вечности.

Дальше сработала известная закономерность, заключающаяся в стремлении всякого предмета и его состояния к стабильности, нерушимости. Другими словами, всякий предмет и его состояние обладают инерцией самосохранения. В моём случае стремились сохраниться моя способность входа в Вечность и передвижение в ней; они, таким образом, стали свойством моей натуры. Нельзя сказать, что это стало для меня обычным делом, конечно, нет, но повторение так или иначе крепко закрепились во мне.

Вечность — это субстанция Вселенной, но меня ограничили Землём.

На сей раз меня прибило, если возможно и уместно употребить здесь сугубо морской термин, к некоему месту на Земле, проходящему свою реальность в середине первой половины двадцатого столетия, когда здесь всюду свирепствовали люди в чёрных кожаных пальто.

Я вошёл в незнакомый мне мир и проникся им. Тут же исчезло чувство волшебной лёгкости, сдавило сердце, навалилась и разлилась в душе тяжесть и тревога.

Я огляделся.

Сияло солнце. По тротуару бежал мальчик со школьным ранцем на спине. Я разительно чётко ощущал своё присутствие в этом мире;

естественно и непринуждённо, без усилий, которые, впрочем, были бы в данном случае бесполезны, проникал в события, происходящие здесь, и понимал их, не производя при этом никаких контактов с обитателями мира, чувственных или физических.

Я и мир этого кусочка Вечности существовали решительно отделёнными; образно говоря, мы взаимно пронизывались, но не соприкасались. Меня для обитателей этого мира не существовало. Я же видел их и проникал в их суть, мысли и поступки. Я наблюдатель, которого для них нет. Не знаю, как точнее и понятнее изобразить земному человеку ситуацию этого нашего, несомненно, загадочного взаимного отношения. Скажем так, я человек-невидимка, но ещё более абсолютно скрытый, чем тот фантастический невидимка в романе Герберта Уэллса.

По моим ощущениям, я передвигался по Вечности в натуре не физически, а как бы по островам информации, то есть со стороны места и одновременно проникая в него. Резюмируя свои соображения, могу предположить, что моё пребывание и движение в Вечности происходит не материально в пространстве, а на порядки по более сложному пути во Вселенной, во всеобъемлющей субстанции «пространство — время — матрица Вечности».

Мне позволено ступить на этот путь, но не более того, и решительно не дано познания его внутренней сути. Да и как могло быть иначе при несомненной ограниченности моего разума в познании великой тайны бытия. Я честно, без возмущения понимал и признавал свою малость во Вселенной и не роптал.

Но вот вид места изменился. Я увидел. Солнце исчезло. Стояло очень раннее утро, туман ещё не рассеялся и скрывал обширную поляну не менее, чем в несколько футбольных полей, окружённую старым густым лесом.

Невидимый в тумане, загудел автомобиль. Вот он подъехал. Верх плотно закрыт брезентовым тентом с тщательно зашнурованными разёмами. Автомобиль остановился у несуразно длинного бревенчатого строения безобразной архитектуры, скорее назвать, большого амбара, с небольшими оконцами, заделанными мощными металлическими решётками.

Сержант в форме ведомства государственной безопасности с красными петлицами на гимнастёрке, вооружённый карабином, с грохотом сдвинул тяжёлую, железнодорожного типа дверь и остался стоять, взяв оружие на изготовку. Солдаты в такой же форме сноровисто образовали собой коридор между автомобилем и проёмом в строение,

имея при себе с каждой стороны свирепых служебных собак. Затем они расшнуровали тент с задней стороны автомобиля и откинули его, обнажив содержимое кузова. Поднесли приступку.

После резкой команды из кузова один за другим стали с трудом выходить истощённые замученные люди, в большинстве своём пожилые и в тёмном церковном одеянии. Они тяжело шли конвойным коридором, подгоняемые сквернословием солдат, остервенелым лаем овчарок, рвущихся с поводков, и скрывались в проёме безобразного бревенчатого строения.

Я увидел.

Снова сияло солнце. По тротуару бежал мальчик со школьным ранцем на спине.

И ещё я увидел человека, стоящего на тротуаре с собакой диковинного вида. Собака своим обликом сильно напоминала дикого кабана, но по тому, как она преданно смотрела на хозяина, мысль моя показалась мне нелепой, и я её отбросил. Так смотреть на человека способна из всех животных единственно собака и тем более, никак не дикий кабан.

Эта пара, однако, меня заинтересовала, и я некоторое время наблюдал со вниманием. Дело в том, что указанный человек оглядывал прохожих с необыкновенной заинтересованностью, не то, чтобы с симпатией, но не в состоянии отвести от них свой взгляд. Больше того, один его глаз, а именно правый, огненно светился, и в зависимости от того, на кого он в данный момент был обращён, то загорался огнём и поистине огненно пылал, то принимал тусклое безразличное выражение.

С левой стороны его к широкому командирскому ремню из толстой свиной кожи был прикреплён продолговатый предмет в парусиновом чехле, по форме напоминающий топор. Смотрелся этот предмет на человеке весьма уместно. Человек этот показался мне вроде знакомым, кого-то он мне напоминал, но сколько я ни напрягал память, ничего конкретного вспомнить не смог.

Между тем, я видел перед собой небольшой посёлок, состоящий из типовых двухэтажных жилых домов и его инфраструктуры, то есть магазинов, клуба, поликлиники и прочего, необходимого для рутинной жизни человека в условиях режима, установленного людьми в чёрных кожаных пальто. Словом, посёлок как посёлок при единственном предприятии, которое я бы назвал по своим понятиям градообразующим, ибо всё население либо трудилось на нём, либо обслуживало его медициной, торговлей, школой и прочим.

Он, таким образом, не отличался бы от сотен подобных селений, раскиданных на бескрайних российских землях, если бы не одна, чрезвычайно важная особенность его градообразующего предприятия. Там не плавили чугун, не шили одежду, не собирали трактора, не производили иных вещей, полезных и потребных человеку, делающих его жизнь возможной и удобной. Напротив, здесь, на этом предприятии, людей убивали, а само оно значилось в государственном учёте как секретный расстрельный полигон. Убивали людей, вредных для режима, и просто так, для устрашения. Убивали людей самых различных профессий, но преимущественно служителей церкви.

Дело в том, что главным и наипаснейшим противником режима были не дворяне и буржуи-эксплуататоры, а христианская вера в лице церкви, ибо она запрещала человеку из его нутра творить все те ужасы, которые творили бесноватые люди в чёрных кожаных пальто.

Служащие расстрельной команды, так сказать, кормильцы семей, трудились на самом предприятии, то есть выполняли главную его функцию на ключевом производственном участке. Они убивали людей. Вот такое здесь, в этом месте и в такое время существовало градообразующее производство смерти.

Жизнь в посёлке между тем протекала рутинно, по установленному режимом порядку. Дети учились в школе, их воспитывали как будущих строителей светлого коммунистического общества; они пели хором песни, прославляющие самую гуманную Советскую власть и любимого мудрого вождя всех народов Кормчего, маршировали под барабан в красивых пионерских галстуках.

Женщины смотрели за детьми и готовили еду, стирали бельё, водили ребятишек в детский сад, словом, содержали быт, чтобы их мужья-кормильцы, убивающие людей, ни в чем не нуждались и чувствовали себя уютно. Молодёжь ходила в клуб на танцы, гуляла, веселилась, женилась, а взрослые семейные мужчины трудились на различных технологических участках расстрельного полигона.

Сержант Ветров Сергей служил в подразделении по приведению приговоров в исполнение, то есть, непосредственно в расстрельной команде. Он привык к своей службе и ничему не удивлялся.

Приговорённых людей здесь долго не держали. Их привозили и загоняли в бревенчатое строение не более, чем на сутки, если, разумеется, не случалась какая-нибудь неполадка, сбой в работе. Однако, такого на памяти Сергея Ветрова не происходило, ибо технология уничтожения людей была хорошо продумана и отлажена.

В течение этого краткого промежутка времени их в установленный час выводили наружу, строили и производили перекличку, дабы не допустить ошибки. Перекличку устраивали не из боязни расстрелять человека по ошибке, а напротив, чтобы ни в коем разе кого не пропустить и непременно расстрелять всех, означенных в списке. Порядок требовал строгой отчётности.

Произведя перекличку и установив полное соответствие списку реально стоящих людей, их отводили на поле, изрядно изрытое длинными глубокими канавами типа воинских траншей, и ставили в ряд с интервалом в вытянутую руку между собой спиной к траншее, так что, сделай они шаг назад, так и завалились бы вниз.

Так делали для удобства палачей, чтобы не тащить тела к траншее.

Далее им приказывали повернуть лица в сторону берёзовой рощицы и ни в коем случае не смотреть перед собой, а тем паче на солдат. Расстрел производили строго по инструкции, утверждённой вышестоящим командованием, согласно которой солдатам было также строго-настрого запрещено смотреть в глаза несчастным. Солдаты становились в десяти шагах, по команде вскидывали карабины, по команде стреляли: каждый в человека, стоящего против него и как бы прикреплённого к нему.

Всё это выполнялось по команде для того, чтобы палач не засомневался, не задумался о своём поступке.

Впрочем, палачами солдаты себя не полагали, ибо злодейство это для благозвучия называли акцией. В цепи ответственных за грех убийства были многие: те, кто организовал террор, те, кто подбирал людей для заклания, те, кто допрашивал и пытал их, те, кто привозил их на казнь и, наконец, те, кто убивал. И главный цинизм власти заключался в том, что сами командиры, будучи основными виновниками злодейства, обходили грех убийства человека и перекладывали его на палача. Именно он, солдат-палач, своими руками и разумом брал на себя смертный грех: он убивал людей и тем замыкал эту отвратительную цепь.

Затем несчастных, кто не упал сам, сталкивали в траншею и закидывали землёй.

После каждого расстрела палачам выдавали по стакану водки, как горнякам в золотодобывающих рудниках, предоставляли им отдых и в последующие дни меняли их производственное место: ставили на охрану, на сопровождение следующих партий людей и прочие работы, не связанные напрямую с расстрелом.

Партии прибывали обычно к вечеру, а казнь совершали ранним утром, так что на жизнь несчастным отводили всего одну ночь. Утром, когда человеку особенно хочется жить и с особой силой просыпаются его жизненные силы.

Жизнь Сергея Ветрова, сержанта, протекала безоблачно в установленном русле, и причин для душевного волнения у него не возникало — до тех пор, пока одно событие не нарушило это её плавное течение.

В этот день он сидел за столом и проверял домашнее задание дочери по русскому языку и литературе. Отметил несколько грамматических ошибок и пожурил дочь за невнимательность, выслушал декламацию заданного стихотворения под названием «Наше счастливое детство, спасибо партии родной...» Затем выпил стопку водки, поспал, а к вечеру отправился на службу, чтобы встретить очередную партию приговорённых людей, которых ему предстояло охранять в эту ночь.

Как обычно, подошёл крытый брезентом грузовик, выскочила охрана. Солдаты, и Ветров в их числе, выстроили коридор, оставив проход в сторону бревенчатого строения. Под остервенелый лай собак и брань охранников из кузова потянулись люди. Солдат заглянул в кузов, проверяя, не остался ли кто, и доложил старшему, что всё в порядке.

Охрану возглавлял человек страшноватого вида, с длинным предметом в парусиновом чехле у бедра, ладно прикреплённом на командирском широком ремне наряду с пистолетом в кожаной кобуре. В нарушение установленной формы предмет висел со стороны крепления портупей, где обычно крепят кавалерийскую саблю, но начальник охраны не был кавалеристом, и тем не менее. Он и левую руку держал непринуждённо и привычно пониже ремня, как бы поддерживая саблю.

Я тотчас узнал в нём человека, которого видел стоящим на тротуаре и с очевидным интересом разглядывающим прохожих. На сей раз он был в форме командира службы безопасности. С ним неизменно, как пришитая, находилась та самая очень крупная собака чрезвычайно странного, решительно необычного вида. В ней хотелось признать не столько собаку, сколько вепря, да и шерсть её больше напоминала по окрасу и структуре мех дикого кабана.

Однако, это всё мои личные соображения. Конечно, это была собака. Ну не вепрь же, странно даже предположить такое.

Ветров стоял с карабином крайним у самого проёма в бревенчатое строение и равнодушно смотрел на проходящих людей. Рутина.

Сколько их прошло мимо него за службу! Главной заботой его было, чтобы шли они прямо и никак не в сторону.

Они не вызывали у него чувства жалости или тем более сострадания. Эти люди — преступники перед властью, которая и наказывает их. Поделом им. Ветрова заботило лишь то, что входило в его служебные обязанности: он бдительно следил, чтобы установленный порядок прохождения преступников не был нарушен, чтобы они двигались в пределах отведённого им коридора-прохода, не выдаваясь ни вправо, ни влево, и тем более не пытались бежать.

На этот случай охране предписано действовать решительно и совершенно определённо, то есть лупить нещадно прикладом карабина или даже стрелять на поражение.

Итак, Ветров стоял и внимательно следил за прохождением преступников. Он не смотрел и тем более не вглядывался в их лица. Видел лишь контуры человеческого обличья, лишённые для него всякого интереса. Проходили чужие ему люди, к тому же преступники, и они были ему глубоко безразличны. Из грузовика вышли двадцать приговорённых. И вот они проходят мимо Ветрова. Первый, второй... пятый... десятый.

Десятый в тёмном одеянии священнослужителя тяжело проходил, опустив глаза вниз к земле.

Внезапно взгляд Ветрова непроизвольно метнулся к этому человеку, выделяя его среди серых однообразных остальных. Человек показался ему до боли знакомым, но... не может того быть! Небо опрокинулось над Сергеем. В десятом он узнал своего родного брата Фёдора, священника сельского прихода, с которым он виделся не далее, чем в прошлом году, проводя в селе свой отпуск.

Фёдор прошёл мимо и очевидно не узнал брата, вернее, не заметил его, ибо не смотрел в его сторону. Он скрылся в тёмном проёме безобразного бревенчатого строения. Прошёл последний преступник. Сергей навесил огромный висячий амбарный замок на дубовую дверь, укреплённую мощными железными креплениями, и заступил на охрану.

Стоял май. Оглушительно торжествующе и жизнеутверждающе гремели соловьи. Жизнь бурлила с неистовой силой, а в безобразном бревенчатом строении сидел его брат Фёдор. И завтра он должен умереть, и не своей естественной природной смертью, а через расстрел, и убить его предстояло ему, Сергею Ветрову, его родному брату. Уж кому, как не Сергею знать это.

Сергей находился в совершенном потрясении. Мир опрокинулся в нём. Он ничего не видел перед собой, сверлили и металась мысли.

«Почему Фёдор и почему он здесь? Как это вообще может быть?» Одно дело, если чужие люди: кто их знает, что они натворили. Раз здесь, значит, поделом, по закону. И вообще, их проблемы вместе с ними вместе для Сергея ничего не значили. Тут и думать-то нечего. Иное дело Фёдор, брат. Сергей любил и глубоко уважал своего старшего брата. Это был умница, совестливый человек, идущий по праведному пути и призывающий людей жить честной, праведной жизнью. Сергей разительно ощущал свою малость рядом с духовной, сильной натурой брата, в которой было нечто основательное, привлекающее к себе людей.

Что же такое совершил Фёдор, чего Сергей не мог даже представить? Но ведь что-то было? Власти не могли загрести человека под расстрел без всякого основания. Никакого злодейства со стороны Фёдора Сергей не допускал, тогда за что? Не может быть, чтобы он не был виноват перед властью. Не зря же он здесь?

Сергей цеплялся за этот вопрос, как за соломинку понимания. Именно соломинку, ибо вопрос этот завис в его разуме непосильной тяжестью, и без ответа на него натура Сергея раскалывалась на куски.

Если допустить, что схвачен Фёдор ложно, то есть, ни за что, то рушился мир, в котором ныне состоял Сергей с его службой, всем жизненным укладом, с его представлением о справедливости, о существующей власти. Если же допустить, что Фёдор всё же нарушил закон и теперь он, как преступник, терпит заслуженное наказание, то брата, несомненно, жалко, но мир Сергея остаётся в целости и жизнь его, Сергея, привычная жизнь продолжается. Остаётся лишь жалость.

Сергей, однако, и представить себе не мог, какая истина откроется, какая бездонная пропасть разверзнется перед ним. Они сокрушат всё ему привычное и сделают его самого решительно иным человеком. Но ещё до этого нового своего состояния Сергей уже стал немного иным, ибо впервые в жизни он задумался и встал на путь поиска истины, истины о своём брате Фёдоре.

Впервые за свою беспорочную службу он вознамерился нарушить установленный порядок её несения, притом самым решительным и вопиющим с точки зрения командиров образом. Сегодня ночью очередь Сергея нести охрану помещения с преступниками. Завтра ранним утром их отведут ко рву и казнят. И он, Сергей, встанет перед Фёдором с ружьём.

Действуя уже не разумом, ибо его разум противился тому, что он намеревался сделать, Сергей, корчась от страха перед возмездием за

такое вопиющее нарушение служебной инструкции, дождался ночной темноты, когда все рутинные дела закончены и место обезлюдело, отомкнул и снял тяжёлый замок, сдвинул мощную роликовую дверь. Он вошёл внутрь и поставил дверь в прежнее закрытое положение.

Большое помещение уставлено нарами и тускло освещено электрической лампочкой, укреплённой высоко под потолком и оправленной железной решеткой. Невольники обратили взгляд на вошедшего Сергея в вопросительном ожидании; некоторые сидели на нарах, иные лежали. Ведь вошёл этот охранник для чего-то. Несомненно, его приход их каким-либо образом, но касается. Ничего доброго для себя они ещё с момента заключения не ожидали; напротив, всё это время они терпели лишь зло над собой.

Сергей окинул взглядом помещение и тут же споткнулся о фигуру брата. Тот сидел в углу на нарах с опущенной головой. Сергей подошёл к нарам, присел рядом, Фёдор поднял голову и всмотрелся. Они обнялись и молчали.

Сама обстановка была настолько очевидной, что овладела братьями и некоторое время не требовала слов. Первым нарушил молчание Фёдор.

— Серёжа, почему ты здесь? — с ужасом спросил он. Заметим, не Сергей произнёс эти слова, что было бы естественно, а именно Фёдор.

— Я здесь служу, — нерешительно ответил Сергей.

— Вот здесь? — Фёдор повёл руками вокруг. Будто не Фёдор заключённый, а Сергей.

— Что же ты здесь делаешь?

— Охраняю...

— И всё?

— Участвую в акциях, — с трудом выговорил Сергей. Он назвал своё дело акцией, так звучало приличнее, но Фёдор понял.

— Что с нами станет? — спросил Фёдор, хотя про себя он знал, что с ними станет.

— Вас казнят.

— Когда?

— Завтра.

Фёдор опустил голову и надолго замолчал.

— Федя, что же ты, чтобы тебя вот сюда? — прервал молчание Сергей. Он наконец задал свой сакральный вопрос, который раскалывал его голову.

— Ничего плохого, — после раздумья ответил Фёдор.

— Как ничего плохого? — в растерянности сказал Сергей. Он и мысли не допускал, что такое возможно. Раз Фёдор здесь, значит, совершил, однако мир Сергея заколебался.

Фёдор посмотрел на него с сочувствием.

— Когда я сказал «ничего», я имел в виду «ничего плохого против людей, против человека», а так — совершил, конечно, совершил. Сама жизнь моя, как священника и человека, оказалась преступлением против власти. Они, эти люди в чёрных кожаных пальто, призывают к убийствам, а я к любви и прощению. Они провозгласили безверие и материальное всеисие человека, а я призывал к вере и указывал людям на малость человека перед Создателем. Они отнимают у людей их имущество, а я призывал не грабить и чужого не красть. Они обрушили на людей поток лжи и обратили их в быдло. Они натравили брата на брата, а я... — Фёдор прервался и с ужасом посмотрел на Сергея.

До него вдруг с жуткой ясностью предстала беспощадная реальность библейского сказания о Каине и Авеле. Пусть причины поступка Каина были иные: там была ревность к брату в служении Богу, а здесь результат правления людей в чёрных кожаных пальто, но суть греха — убийство брата — совпадала полностью и с ужасающей очевидностью.

Но самое страшное, это касалось не какого-то там Каина или иного человека, что по понятиям людей в чёрных кожаных пальто было обычным и даже поощряемым делом, а их, Фёдора и Сергея.

Реальность и неотвратимость Каинова греха повергла Фёдора в шок. Он в бессилии рухнул на нары. Впервые в жизни он столкнулся с жизненной ситуацией, из которой он не видел выхода. Как священник, он неустанно боролся с этим мерзким поносом на людей, но так близко и осязаемо для самого себя он ещё не встречался.

— Как же это происходит? — помолчав, спросил Фёдор.

— Мы ставим преступников у рва и стреляем в них, а кто после этого ещё жив, приканчиваем, добиваем.

— Бедный ты мой, — произнёс Фёдор, с жалостью глядя на брата, — что же это они с тобой сделали? Они опутали тебя чудовищной ложью и загнали внутрь истинные, заложенные Создателем требования христианской нравственности. Они подменили их своими понятиями, которыми допускаются и даже поощряются убийства, ложь, ненависть, жестокость, грабёж и ещё много чего скверного, чего не приемлет христианская нравственность.

Они вбили эти свои понятия в твою бедную доверчивую головушку, и ты творишь по их команде страшные дела. Создатель запретил

убийства, а ты убиваешь людей и не видишь в этом дурного, не видишь греха. Потому, что не веруешь. Ты, Серёжа, живёшь атеистом и доволен своей жизнью, но оттого лишь, что ты слеп. Ты не ведаешь, что существует у человека душа, и у тебя тоже. Ты смиренно понимаешь свою природную жизнь совершенно материалистически, как единственную реальность. Ты не ощущаешь своей духовности, будто её и в самом деле нет, а уж в себе её даже не попускаешь.

«Я земной человек, — полагаешь ты, — такой же, как любое живое существо. Я подобен животному, червяку, растению и отличаюсь от них лишь более изощрённым, более развитым головным мозгом, способным мыслить и создавать вещи, пригодные для комфортной жизни и не более того. Я признаю, что жизнь моя конечна и продолжения не имеет ни материального, ни духовного, ни какого иного. Смерть есть предел моего существования. И это всё».

— Что же, можно жить и с таким убеждением. Не знаю, правда, Серёжа, легче это или тяжелее. Легче и одновременно тяжелее. Легче потому, что любой свой поступок, даже самый злой, не отягощает твою душу, а труднее оттого, что живёшь ты против своей внутренней духовной сути, заложенной Создателем, то есть в противоречии со своей натурой.

Но самое страшное, с чем ты столкнулся уже теперь, это то, что ты должен убить меня, своего брата.

То, что сказал здесь Фёдор, ранее прошло бы мимо ушей Сергея, как религиозный вздор, но сейчас перед ним сидел его родной брат, которого он, Сергей, должен завтра убить своими руками. Это обстоятельство меняло ситуацию разительно.

С Сергеем произошло то, что случилось со всем населением России в режиме, созданном людьми в чёрных кожаных пальто. Властям удалось провести в сознании людей подмену требований христианской нравственности на понятия, установленные режимом. К счастью, требования христианской нравственности в людях уцелели на подсознательном уровне. Режим лишь загнал их внутрь, но натуру человека при этом обволокла шелуха требований режима. Режим подчинил себе животное начало человека, но духовная суть его оказалась им не по зубам, ибо принадлежала она миру, где всё определяет Он.

Роковая встреча с братом сбросила с Сергея эту шелуху. Он ощутил свою духовную суть.

Казнимому запрещено смотреть палачу в глаза единственно из опасения, что своим отчаянным взглядом жертва сможет проникнуть в него так глубоко, что пробьёт всю эту мерзкую шелуху лжи, коман-

дирских указаний и прочего. Сможет добраться до его сути как человека, ведь палач тоже человек, и он тоже творение Создателя, и он тоже сохраняет, как в подполье, эту самую духовную суть, заложенную в него изначально.

— И ты делаешь всё это? — с ужасом произнёс Фёдор.

— Так приказ же. Иначе нельзя. Нам только меняют место. После акции мы сутки в охране, затем сутки на приёме новой партии. По инструкции, нам запрещено смотреть в глаза преступникам, чтобы не возникла жалость к ним. Так сказал командир. Потом заваливаем их землёй.

— И как же ты после этого?

— Я, ничего. Нам выдают по стакану и бутылку с собой. Примешь, и ничего. Так ведь, чужие они мне, какое мне до них дело. Главное, не смотреть им в глаза при стрельбе. Они ведь не хотят помирать, и это в их глазах. После можно. Никакого в них выражения.

«До чего довели человека, — горестно думал Фёдор. — Брат идёт по пути смертного греха, но ещё больший грех совершит, если он станет стрелять в меня».

— Слушай, Серёжа, что случилось на заре человечества. Жили на Земле два брата, Каин и Авель. «... И восстал Каин на Авеля, брата своего, и убил его. И Сказал: что ты сделал? Голос крови брата твоего вопиет ко Мне от Земли. И ныне проклят ты от Земли, которая отверзла уста свои принять кровь брата твоего от руки твоей. Когда ты будешь возделывать землю, она не станет более давать силы своей для тебя; ты будешь изгнанником и скитальцем на Земле».

Братья просидели всю ночь в этом тяжком разговоре.

Фёдор единственно опасался, что Сергей не услышит его, не примет. Но тот услышал и воспринял. Он сидел потерянный и прибитый открывшейся ему от брата страшной реальностью; он уже становился другим человеком.

Наступал рассвет, сюда скоро придут солдаты, оставаться Сергею становилось опасно.

— Что ты намерен предпринять? — спросил Фёдор.

— Значит так, брат, — решительно произнёс Сергей, — я выведу тебя отсюда и помогу бежать.

— Нет, Серёжа, этого тебе никак нельзя. Ты подведёшь под погиль и себя, и семью. Пусть станет так, как определено. Мне ты этим не поможешь; меня всё равно схватят, я не умею скрываться. Мне не спастись. Сделаем так. Запомни, для тебя и для меня теперь главное, чтобы ты там, у рва, сам не целил в меня. Пусть это совершит другой

человек. Для него это хотя бы не станет Каиновым грехом, а для тебя непременно станет. Твёрдо обещаю выполнить эту мою просьбу. Я уйду с миром, если будет так, как я прошу. Ты ещё не готов до конца понять меня, но ты уже не тот, каким был вчера.

Сошлись на болезнь, придумай любую причину, что угодно, но не участвуй. Пожалей меня. Для меня это станет лучшей опорой перед казнью. Я же понесу свой крест с именем Господа на устах и опорой в сердце.

— Страшно тебе, брат? — рыдая, спросил Сергей.

— Страшно, Серёжа, но страх за тебя сильнее, что ты возьмёшь на себя Каинов грех. Если ты выполнишь мою просьбу, я донесу свой крест до Голгофы, но если стрелять станешь ты, то это станет вторым крестом на мне, а двух я не снесу. Я ведь только человек. Господь и то нёс один.

— Скажись больным, — утешал он плачущего Сергея, своего палача. — Затем просись в монастырь. Там тебя научат общению с Господом. Молись. Грех твой тяжёлый, но Он милостив. Я же стану молиться за тебя даже под дулом ружья. А теперь прощай, брат, идут солдаты, мои палачи.

Они обнялись. Сергей был неутешен.

— Ступай, — подтолкнул его Фёдор к выходу. И вовремя.

Едва Сергей вышел и навесил замок, как послышались шаги и подошли солдаты под командой старшего с неизменным топором на левом боку и преданным вепрем позади.

— Сдавай помещение и вставай в строй, — приказал старший.

— Товарищ командир, — обратился к нему Сергей. — Я сильно приболел, разрешите мне уйти домой.

Лицо Сергея и в самом деле осунулось, лоб горел в лихорадке, и вид его был натурально человека тяжело заболевшего. Старший всмотрелся в сержанта, поворчал для порядка, дескать, кто же за него будет стрелять, но разрешил.

Несчастных людей вывели. Пятым шёл Фёдор. Он жадно окинул взглядом команду палачей и облегчённо вздохнул. Брата среди них не было. И он понёс свой крест. Второй предстояло нести Сергею.

Сергей шёл по берёзовой аллее, не понимая, где он и не осознавая себя. Встреча с Фёдором в столь роковой обстановке, его откровение и смерть сбросили с Сергея шелуху отвратительных понятий людей в кожаных пальто, обнажили его истинную, изначальную суть человека. Теперь Сергей увидел себя изнутри и ужаснулся, ужаснулся той жизни, которую вёл, ужаснулся на себя. Он увидел себя в состоянии

незнакомых ему ранее душевных мук и полного неведения, как жить дальше.

«Брат сказал, что мне нужна вера, чтобы стать человеком, а зачем она мне нужна, эта вера, для мучений? Без неё я не знал своего греха и не испытывал мук от него, жил спокойно», — подумал Сергей, но тут же перед ним мысленно предстал Фёдор, и сомнения исчезли.

«Как мне теперь жить, и возможно ли? — сверлил его голову вопрос. — Я убивал преступников... людей, — поправился он, — прятал их тела в земле и не видел ничего худого в этом труде. Работа как работа, не хуже любой иной. Платят деньги, и неплохие. И так было до тех пор, пока я не встретил Фёдора. Мне предстояло в этом моём труде убить брата собственными руками, предварительно заглянув в его глаза, а такого выдержать человеку невозможно».

Где-то за решётчатой оградой мчался товарняк. Он с грохотом обрушился на рельсы, принялся утюжить их так, что те стонали и приседали под его несоразмерной массой. Тяжко, раз за разом, вагон за вагоном, проносился поезд, создавая зону, смертельную для человека.

«Хорошо бы, — подумал Сергей, — лечь на рельсы, надёжно».

Навстречу Сергею проковыляла с клюкой пригнутая старостью старушка Варвара, его соседка, Сергей её, однако не заметил. Он двигался по аллее, а видел в себе несчастных людей, казнённых им в разное время его службы; они тянули к нему изо рва свои окровавленные руки и укоризненно спрашивали:

— За что ты, Сергей, с нами так поступил?!

Сергей пришёл домой, заглянул в зеркало, увидел своё отражение и отшатнулся. В зеркале перед ним стоял незнакомый ему человек.

Прошло ещё немало времени, прежде чем ответ на вопрос «как жить» пришёл к Сергею. Привычный мир разрушен. Сам Сергей стал решительно другим человеком. Обрести иной мир, в котором он смог бы благополучно существовать, после того, что случилось с Фёдором, он не мог. Поэтому он не жил, а пребывал в неопределённом состоянии поиска этого своего нового мира и одновременно в мучениях, ибо его духовная суть, теперь обнажённая и разительно уязвимая для совести и сострадания, извивалась и корчилась в конвульсиях.

Кошмары мучили его; в разуме его постоянно возникали казнённые им люди, в которых он бездушно стрелял, будто это были не живые люди, а манекены. Всякий раз неизменно одно и то же видение: окровавленные руки изо рва и лица, смотрящие с укором, и голоса: «За что ты нас?» Он не знал, как ответить им. Ему казалось, что если бы он нашёл правильный ответ, то видения прекратятся; люди будут

удовлетворены. Но он не знал правильного ответа. Не мог же он сказать им, что казнили их по справедливости, по приговору советского суда, за измену и вредительство, которых они не совершали.

Теперь это казалось Сергею такой ложью по отношению к людям, что голова его раскалывалась от стыда за себя.

«Кем же я был?»

«Что я должен им сказать?» — мучительно думал Сергей.

Он, атеист, пошёл в монастырь и попросился в монахи. Игумен выслушал его несвязную сбивчивую просьбу и понял. Он определил Сергея в послушники. Сергей стал жить в монастыре; он исполнял хозяйственные работы, занимался огородом, пилил и колол дрова, а ночи проводил в келье с братией и молил о прощении за прежние злодеяния. Он не щадил своих сил; изнурял себя в работах и молитвах.

Проходило время, но не наступало ему душевного облегчения. Мучительные видения продолжались; всё те же руки и укоризненное «за что?»

— Верно, велики твои грехи, что мало твоего покаяния и молитвы, — сказал ему игумен.

От полной безнадёжности, измученный донельзя, он пожелал наложить на себя руки, но игумен в ужасе отмахнулся от него и просил изгнать из души это своё греховное намерение.

— Ищи в себе сильное покаяние. Ищи, — сказал он.

Сергей внял его словам и стал просить Господа открыть ему путь к спасению, назначить такое покаяние и такой крест, такой тяжести, какой он только сможет пронести.

Так продолжалось долго, и показалось ему, что Господь отвернулся от него и не желает простить, ибо непомерные злодеяния были за Сергеем. Простить которые нельзя. Но вот однажды ночью, когда Сергей лежал в своей келье в полном отчаянии от безысходности, он получил желанный ответ.

«Я должен пройти тот же путь, какой прошли казнённые мною люди и мой брат Фёдор, — сказал себе Сергей. — Как просто! Стоило ли мне мучиться столь долго в поиске ответа на вопрос «как жить?»

Приняв решение, Сергей успокоился. И ещё он понял, что это его успокоение и есть одобрение его намерения. Впервые за долгое время страшное видение не повторилось.

Сергей сказал о своём решении игумену. Тот долго, очень долго молчал, не зная, как понять правильно это желание Сергея, да так ничего ему и не сказал, лишь перекрестил и обнял. Сергей простился

с игуменом и братией, вернулся в посёлок и обрёл себя в своём давно забытом земном состоянии. Вопрос «как жить?» отпал за ненужностью, ибо он нашёл на него ответ. Рассудок его перестал метаться и прояснился.

Сергей оделся добротно, как в дальний путь, да и отправился к месту своей прежней службы. Он шёл по берёзовой аллее и видел прохожих, ответил на приветствие старушки Варвары, и казнённые им не тревожили его и не укоряли, напротив, они звали его к себе.

Старший командир сидел в своём присутствии за двухтумбовым канцелярским столом; в углу на дерюжке удобно устроился его верный вепрь. Командир, аккуратно уложив на столе свой топор на чистую хлопчатую подстилку, не торопясь тщательно полировал его и без того сверкающую поверхность.

Сергей постучал в дверь и вошёл, не дожидаясь разрешения. Командир недовольно взглянул на него, явно не узнавая своего подчинённого сержанта.

— Вам чего? Видите, я занят. Кто таков?

— Ветров я, Сергей, сержант.

Командир всмотрелся в него и признал.

— Эко тебя болезнь изменила, не узнать. Верно, Ефросий? Не узнать сержанта Ветрова, — сказал он.

Вепрь хрюкнул в знак полного согласия.

— Так что тебе, какая нужда? Опять служить?

— Нет, — с трудом выговорил Сергей, — я по другому делу.

Он помолчал, а затем решительно сказал:

— Командир, вставь меня в партию приговорённых.

Тот в полном недоумении выпучил глаза. Вепрь вскочил со своей дерюжки, подбежал к Сергею и смотрел на него в упор в безмерном удивлении.

— Ты хочешь сказать, включить тебя в расстрельную команду на службу?

— Нет, в партию приговорённых преступников, которую сегодня пригонят.

— Зачем это тебе? — всё ещё не понимал Командир.

— Желаю вместе с ними смерть принять, разделить с ними их участь.

Ситуация для командира совершенно неожиданная и решительно ему непонятная.

— Ты что, сдурел?

— Прошу.

Командир, наконец, уяснил. Ему даже это пришлось по нраву. «Ну хочет человек отдать концы, так на здоровье, — рассуждал он, — впрочем...»

— Не положено, — сказал он, — тебя в списках нет.

— Что ж, что нет. Вы большой командир, можете и сами решить, — польстил ему Сергей.

— Так-то оно так, — тот самодовольно выпрямился и глянул на вепря.

— Ефросий, ты у меня самый главный и мудрый советчик. Скажи своё.

Вепрь приосанился.

— Желает человек помереть, что ж нам препятствовать. Так я соображаю, хозяин.

— Ох, и мудр ты у меня, Ефросий, а как же начальство?

— Да откуда оно узнает, кто их считать-то станет?

— И то верно. Ну смотри, сержант Ветров Сергей, не передумаешь? Поздно будет.

Командир смотрел на Сергея уже совершенно одобрительно. Очень ему понравился этот оборот. Решительно необычный. Потешимся, а то всё одно. Правый глаз его, обращённый на Ветрова, пылал огнём полного удовольствия.

— Ну что ж, ступай.

Он отвёл Сергея к безобразному бревенчатому строению, приказал открыть дверь и втолкнул его в тёмный проём.

У рта, стоя против ружейных стволов, Сергей вглядывался в лица палачей в надежде обнаружить в них хотя бы признаки жалости. Но, увы, к нему были обращены равнодушные, сытые от казённых харчей физиономии и глаза, деловито и беспощадно смотрящие на него и на других несчастных сквозь прорезь прицельной рамки.

Его собственное лицо в недавнем прошлом.

Лишь на физиономии одного солдата, того, который стоял прямо против Сергея и целил в него, отпечаталось, прямо-таки светилось чувство глубокого удовлетворения. Удовлетворение от своего участия в великом таинстве пожирания чужой жизни.

Уловив миг, когда солдат надавил на спусковой крючок, Сергей обнял раскалённую добела тысячекилограммовую чугунную болванку и стал таять, как плевок на сковороде, наслаждаясь взрывом боли и страдания. Ослепительное пламя выстрела сменилось ничем. Сергей сгорел.

Простит ли его Господь?

Я вернулся в своё время и своё место, то есть спустя семь десятилетий от событий, увиденных и ужаснувших меня. Желание посетить то расстрельное место захватило и не отпускало, как наваждение, и оно нарастало. Я сел в автобус маршрута номер восемнадцать и через полчаса подъехал к остановке «Бутовский расстрельный полигон». Справа, за высокой металлической оградой, — почерневшие от времени руины длинного бревенчатого строения без одной стены. Рядом, как бы во дворе, груды распиленного на пеньки дерева. Я узнал это место, узнал строение безобразной конструкции, однако сильно порушенное временем и ненадобностью, оставленное единственно как память.

Дальше за оградой новый великолепный храм Новомучеников.

Слева, через шоссе, тоже за оградой, но не металлической, а из бетонных панелей, обширное поле в несколько футбольных полей. Я проник туда через небольшие ворота. Сразу за воротами бревенчатая часовня с пятью куполами и само поле, чётко размеченное мошёнными тропами. Я прошёл одной из них к противоположной стене с укреплёнными на ней вертикально мраморными досками, испещрёнными фамилиями священнослужителей, убиенных здесь.

Сан, фамилия, имя, год рождения, всё разные, и только убиты они в одном 1937 году.

На второй доске справа выбита фамилия митрополита Санкт-Петербурга Серафима, расстрелянного в возрасте 81 года. Убили и этого старика.

Поле расстрельного полигона после закрытия такового передали совхозу «30 лет партсъезду» под сельскохозяйственные угодья, но, несмотря на усилия агрономов, ничего кроме сорняков на нём не росло. А после того, как рабочие совхоза стали находить при вспашке то человеческий череп, то ботинок с торчащей из него ногой и они наотрез отказались выходить на работы, поле это забросили окончательно, и долгие годы оно пребывало пустырём.

Видно, ошибаются люди, полагающие, что прах живого — хорошее удобрение.

Позже, когда в людях стала пробуждаться духовность и до них стала доходить суть происшедшего, они поставили часовню, а затем и храм. Нет, люди не покаялись, а всё свалили на злодейскую власть, вроде не их руками творила власть это своё зло.

Я попробовал прочитать все фамилии убиенных, но это оказалось выше моих сил. Я стоял на поле, когда вдруг ощутил под ногами шевелящую вибрацию, идущую от земли и бьющую в сердце. Меня охватил

сильнейший озноб, до дрожи. Чрезвычайно подавленный, я вернулся домой, принял аспирин и глоток коньяку.

На этом расстрельном месте в земле, несомненно, скопилась энергия зла.

Зловещую пару, командира с его верным вепрем, после закрытия полигона в этих местах больше не видели. Видно, отправились искать место, где они по своим способностям более всего нужны. Таких мест по России множество. Каиновы потомки расселились повсеместно, и они живут своей жизнью в своём мире зла.

На следующее утро, как это у меня заведено в течение многих лет, я вышел в зону отдыха Битца и пошёл тропой прекрасного леса. За Горбатым мостиком через озёрный залив-протоку, на холме я увидел человека, который трубил в рог, поворачиваясь и посылая трубный призыв во все стороны света. Вот уже третий день он приходит на это место и трубит, призывая вернуться пропавшую собаку.

В полумраке раннего утра по лесной тропе бежит другой человек с фонариком на лбу. Третий при встрече с людьми неизменно кричит «дорогу!», пугает их и вынуждает вздрагивать. Бородатый старик-учёный купается в холодной озёрной воде, а смотритель зоны отдыха купается, бежит и призывает встречных собирать мусор. Он сколачивает общество мусорщиков-единомышленников. Гремят соловьиные концерты. Постепенно они слабеют, и вскоре последние соловьи образуют свою заветную семейную пару, исполняют заключительные волшебные трели и надолго замолчат, чтобы в тишине вырастить своих маленьких, чудных, прекрасных, талантливых детей.

После часовой ходьбы я остановился на опушке леса, плотно прислонился, сказать, прижался к дереву спиной, икрами ног, до хруста, до явственного ощущения позвоночника, и хорошо подышал берёзой. Между тем я слышал частый звон. Прислушался. Звон явственно исходил из дерева. Я взглянул вверх и увидел на самой верхушке берёзы дятла. Красноголовый труженик долбил своё, добывая тем самым себе пищу. Стук опускался по стволу дерева вниз, резонировал и, обратившись в частый, тихий, мелодичный звон, раздавался во мне.

Я взобрался на крутой холм и закричал во весь голос, спросил:

— Когда же прекратится злодейство на Земле, идущее от человека?!

И со всех мест Вечности, отовсюду отозвались голоса, но не услышал я среди них ответа мне.

Не единожды я оказывался в таких местах и в такое время, куда намеренно, известными земными путями и средствами я никоим образом не направлялся. Заявляю об этом достоверно, находясь в ясном уме и твёрдой памяти. Соответственно, ничего членораздельного сообщить об этом способе перемещения в пространстве «Земля — Время» я не в состоянии. Несомненно, однако, что на этот раз побудительной причиной такого путешествия-видения стала судьба братьев Ветровых Фёдора и Сергея, трагично связанная с Бутовским расстрельным полигоном.

Я увидел реку Иордан, вытекающую из Ливанских гор, покрытых драгоценным кедром; шестьдесят с лишним километров течет она на юг, образует собой Тивериадское озеро и далее, оживляя бесплодную скалистую равнину, впадает в Мёртвое море.

Меня прибило к озеру. На берегу, возле большого плоского камня, изрядно отполированного водой и временем, стоял человек. Тут же лежали аккуратно свёрнутые рыбацкие сети. Берег покрывала густая трава и множество цветов. В озере плескалась лодка.

Я подошёл. Он обернулся на меня и сразу приковал к себе моё внимание. Необыкновенная доброжелательность освещала его лицо, и одновременно — очевидная печаль. Это сочетание в его облике произвело на меня сильнейшее впечатление; я не мог оторвать глаз своих. Я уверенно, без колебания, изнутри, своей натурой узнал Его. Уже в одном облике Его отражалось отношение к человеку и миру.

— Здравствуй, — сказал я.

Он уважительно и приветливо ответил.

Внезапно словно рухнула стена разномыслия. Мне стал понятен глубокий, не разделённый национальными свойствами, человеческий язык.

— Здравствуй, — сказал я, — прости, я чужестранец и здесь впервые. Что за город там, за береговым откосом? Я поднимался наверх и видел его издали.

— Назарет, — мягко ответил Он и полюбопытствовал:

— Откуда ты?

— Из России. Я из того времени, где ты наш Бог.

Он смущённо взглянул на меня и ничего не сказал.

— О тебе я знаю из Евангелиево, которое сотворили Твои ученики по своим воспоминаниям о жизни с тобой. Но они люди, а людям присущи забывчивость или, напротив, фантазии, искажающие истину. Так ли всё было в действительности?

— Не суди их строго, — произнёс Он. — Эти люди совершили гораздо более важное, чем просто литературный труд, они создали церковь — оплот веры, и они приблизили людей к Богу. Они сумели передать людям мои заповеди, надежду на будущее и осветили путь человечеству. Я полагаю, это важнее, чем их людские недостатки. Они чисты душой и они поверили в меня.

— Коришь ли Ты Пилата?

— Как я могу корить его, если Пилат истинно дитя своей природы? К тому же, он не желал моей казни. Он был противник её, но несчастный иудейский народ настоял.

— В чём же несчастье иудеев?

— Бунтарство против Него и нежелание жить по заповедям Его.

— Скажи, ты знал, что не погибнешь? Что Отец Твой возьмёт Тебя к Себе, избавит от мук природной смертной казни?

— Нет, не знал. Я всегда ощущал в себе Отца моего, но истинно, в натуре, не знал себя Его сыном. Предчувствовал, но не ясно, и вовсе не был уверен в этом. Это ученики мои повествуют в Евангелиево в манере уверенности моей, но это их разумение, а я, нет, не знал с уверенностью. Муки природного человека я принял истинно без всякой надежды на спасение. Именно в этом заключался промысел Божий, ибо, если бы я знал, то это были бы не муки. Тогда весь великий смысл принятия на себя страданий и грехов человеческих потерялся бы.

Я несомненно ощущал свою родовую причастность к Богу, но не более того. И Он взял меня к себе лишь после того, как я, испытав все ужасы казни и смерти, выполнил Его волю.

— А вот у Булгакова Воланд просил тебя отпустить Пилата. Это так?

— Булгаков ошибался. Я давно простил Пилата. Но... — Он улыбнулся, — автор сильно изобразил его наказание. Эта лунная дорожка и Пилат с собакой в ногах в вечном мучительном ожидании. Ужасная кара, — сочувственно произнёс Он и помолчал. — Нет, Воланд не просил меня. У него нет того, что есть суть у Бога и хороших людей — сочувствия в несчастиях. Он постоянно смущает людей ко злу. Что ж, это его предопределение. Ты Россиянин, и тебе ли не знать, к чему приводит это его смущение.

Я вздохнул, потому что знал.

— Но вот что интересно, — продолжил Он, — даже его иногда тянет совершить доброе дело, хотя бы маленькое. К Мастеру и Маргарите он несомненно питал добрые чувства.

Общение с Феодосием было для меня истинным наслаждением, однако, мне пора в путь. Мы обнялись. Я оставил ему свой домашний адрес и просил непременно зайти при okazji.

Удивительное дело, но я пришёл к Чёрному морю. Вот оно, лазоревое, ласкающее глаз утомлённого пешехода как достигнутая им цель.

Тропа незаметно обратилась в каменистую дорогу, не ахти какого высокого класса, но вполне пригодную для проезда по ней транспорта. Огибая последнюю перед морем гору, я наткнулся на чайхану, с облегчением сбросил изрядно намявший мне за время путешествия спину рюкзак и немедленно заказал абхазу два десятка чебуреков и вина. В обычной обстановке не съел бы и половины, но здесь, после такого горного перехода, да ещё с вином, я управился с чебуреками махом без всякого для себя затруднения.

Остановился в Новом Афоне, посёлке, расположенном сразу же за Афонской горой, в доме возле моря у хозяйки-армянки. В разговоре со мной она со знанием предмета сообщила, что в самом скором времени все эти места у моря заселят армяне, как более плодовые и умные.

Я никак не среагировал на это её соображение, возможно, очень важное для науки и этногенеза великого древнего армянского народа, ибо мне было решительно всё равно, кто станет здесь печь чебуреки, лишь бы человек, приехавший на отдых, ощущал комфорт.

Моё пребывание в Новом Афоне было приятным, но не представляло для меня ровным счетом никакого интереса. Здесь человека не озаряет, он не общается со Странником и не входит в Сиреневый мир. Отдых, когда нет усталости — обуза. пляж, море — это, конечно, хорошо, но... суета, однако.

— Скажи, друг Миляга, куда нам теперь двигаться, в горы или в пещеру?

— Ну их, папа, с горами и пещерами, хватит нам с тобой и того, что мы исходили. Поехали домой в деревню, в наш родной амбар.

Эссе

Уход людей

Более четырёх тысяч лет назад царь шумерского города-государства Урука Гильгамеш проливал слёзы отчаяния от неизбежности смерти. Люди не хотят умирать, исчезнуть навечно. Они в обессиливающей безнадёжности, рыдая, ищут возможности избежать этой участи. Они ищут вечную для себя жизнь. Они не хотят исчезнуть. Нет исключения от этого и нет утешения.

Археологи спустя тысячелетия откопали в песках пустыни на месте древнего Урука глиняные таблички с клинописным текстом эпоса Гильгамеша.

«В моём городе люди умирают, сердце печально. Люди умирают, на сердце тяжело. Я взглянул со стены, увидел трупы, плывущие по реке.

А я? И меня ждёт та же судьба? Да. И меня ждёт та же судьба».

Чем глубже я погружался, проникал в старину, в глубину веков, тем НЕЧТО заставляло меня говорить серьёзно, и тем серьёзнее становился мой стиль изложения событий минувшего. То, что характерно для современного изложения, ирония, юмор, становилось для меня решительно недопустимым в случае показа жизни далёких предков, их суровой, как мне казалось, жизни. Не позволяло некое необъяснимое, идущее изнутри, благоговение перед ними. На уровне ощущений. Одновременно разумом я понимал, что в их жизни несомненно присутствовал и юмор, и ирония, всё у них было, что и у нас. Не мы же придумали юмор и иронию.

Тогда отчего благоговение и такое гипертрофированное уважительное почтение? Не оттого ли, что их уже нет, и то же ожидает всех нас?

Подобно льдине в арктических водах, плывущей не по своему желанию, а по воле течений и ветра к теплу, как гибели своей, я дрей-

фовал по жизни с такой же безрадостной перспективой. Я неудержимо становился старше, и всё больше людей моего поколения уходило из жизни. Всё отчетливее изменялось моё окружение, а я неотвратимо быстро оказывался в незнакомой стране, где живёт незнакомый мне народ. Чужие слова, странное для меня восприятие жизни, иной быт и интересы. Это усиливалось с каждым ушедшим человеком моего поколения. Терялось ощущение общества как своего, своей страны, словом, своего естественного места обитания.

Чувство от потери человека у людей различно. Ребёнок в ужасе и отчаянии на генном уровне от ухода своей матери, главной его защитницы; чувство беспомощности, несамостоятельности младенца, боязни за свою жизнь, для которого мать это всё. Уход иных людей неизменно вызывает горечь и печаль, но до тех пор, пока их, оставшихся, ещё достаточно, трагичности и боязни для своего существования человек не ощущает. Однако, нарастает непонимание интересов, образа жизни, вкуса, новых слов, искусства, бытовых аппаратов и прочего, словом, существа самой его жизни.

Молодые люди, со своей стороны, плохо понимают, а то и вовсе перестают понимать пожилого человека. Он устареваеет, и на общение с ним у них нет желания; они не хотят терять время. «Не стоит обращать внимание на старческие причуды и отупение», — полагают они.

У пожилого человека ещё остаются связи, несущие содержание жизни, её смысл. Это дети, внуки, родные люди. Они тоже иное поколение, но любовь к ним на том же генном уровне частично компенсирует их взаимное непонимание и умаляет отчуждение. Они только и остаются подобны кровеносным сосудам, питающим человека и связывающим его со всё более чуждым ему окружением. И всё же, увы, в конце концов наступает полное отчуждение человека от общества, и он уходит, как осенняя трава, уступая место для зелени следующего сезона.

Можно из всего изложенного прийти в ужас, но не всё так плохо. У человека, если у него с разумом в порядке, появляется возможность осмыслить жизнь свою и дорогу, по которой и куда топают все люди в совокупности: во зло или в добро шествуют они?

Конфликта поколений не существует; это выдумка умников от социологии, но есть молодость, зрелость, старость и есть естественный уход в вечность. Понятие поколений существует лишь в ощущении человека и не более того. Их столько, сколько людей; они перемешаны и неразделимы. Какой же тут конфликт.

Каждое утро я выхожу на Странное шоссе и произношу молитву за упокой ушедшим и здравие живым, родным мне и близким по духу людям.

Со скорбью воспринимаю известия о кончине известных мне людей. Вот, шестого сентября две тысячи седьмого года ушёл из жизни великий Паваротти, истинный гений пения. Недавно, но в разное время, двоюродная сестра моей жены Нина, мой племянник Юрий. В душе печаль. Я находился в этом состоянии, когда вдруг рассмеялся. Смеялся и долго не мог остановить этот непонятный, решительно не отвечающий моему настрою смех. Мне стало стыдно. Не приведи Господь, если кто узнает. Возможно, от странности жизни, зыбкой и непредсказуемой. Грустно.

Я вышел на утреннюю прогулку и помолился за Нину. Иду, голова и воздух такие свежие! Сегодня приехала из Москвы жена, куда она выезжала на похороны сестры.

Вечером позвонила Оля.

— Ну что, приплыли? — спросила она, — небось, пешком в темноте шли со станции?

— Пешком. Вечер прекрасный, звёзды яркие, луна, да ещё мой фонарик. По дороге мама обо всём рассказала. Так что всё в порядке.

— Ну и отлично. Спокойной ночи. Целую вас.

— Спокойной ночи.

Видение

Однажды морозной, крупнозвёздной ночью, тихой, как надгробный обелиск, и глубокой до печали, я шёл, вдыхал красивый вкусный воздух и размышлял, проникая в сущность. Там, где-то впереди, вдали я увидел Нечто, настолько далеко, что Оно едва рисовалось: неустойчивое и трудноуловимое. Мною овладело интуитивное ощущение важности увиденного Нечто и держало в напряжении. В стремлении сохранить его в фокусе зрения я весь напрягся, до боли в затылке. Никким образом нельзя было потерять его, что стало бы для меня катастрофой. Вместе с тем, ничего конкретного: ощущение, единственно ощущение.

Нечто дрожало, покрывалось рябью, а я, ничего о нём, по сути, не зная, панически боялся потерять. Так бывает, если забудешь что-то важное и ужасаешься при мысли не вспомнить; напрягаешь разум.

В какой-то момент мне, кажется, удалось мысленно пробиться сквозь пространство, отделяющее меня от феномена, и углядеть в нём реальность.

То был забор. Но не какой-то особой формы или цвета, нет. Я ничего не мог сказать в этом смысле. Его особенность, прежде всего, состояла в том, что он нереально далёк, невероятно далёк, как бы недостижим мною. Так мне казалось, и очень хотелось, чтобы никогда. И она, эта отдалённость, такая, чтобы никогда не достигнуть, как ни странно, меня успокаивала. В то же время забор вроде приближался, или это я придвигался к нему? Словом, сплошная неопределённость.

Несомненно другое — это Нечто имеет прямое отношение ко мне, то есть это как бы мой забор. Этим он замечателен, поэтому и тянет к себе. Видение вызывало во мне болезненные противоречия, раздваивало и раздирало на части. Повторяю, все вышеуказанные ощущения были исключительно интуитивными: ни крошки логики или плодов размышления. Я находился в отчаянии от того, что мне никогда не подойти к забору, но страшился и подойти, а желание добраться до него, заглянуть дальше, за него неодолимо нарастало.

Я шёл, забор приближался, хотя и очень медленно, почти неуловимо, а пройденное мною тут же оказывалось ничем, теряло ценность и растворялось, как облако. Ясным в моих ощущениях присутствовал лишь тот миг, который люди называют настоящим моментом. Пока человек жив, он ощущает его постоянно, осознаёт реалии жизни именно в этот момент, в эту узенькую полоску, этот солнечный зайчик сознания, дающий представление о бытии, подобно тому, как граммофонная игла даёт представление о музыке. Миг скользит, он неуловим, его невозможно схватить, остановить; он ускользает из сознания, бежит, бежит, танцует всё дальше и дальше. Жизнь человека — это дорожка, по которой пробежал солнечный зайчик сознания, ощущений и событий, коснувшихся его. Выражаясь математическим языком, Жизнь — это интеграл от рождения до смерти, где дифференциал есть миг, стремящийся к бесконечно малой величине, к нулю.

Биографии, которые мы пишем, упрощены до убожества и выполнены шумерскими клинописными знаками на глиняной дощечке. Это лишь кривой осколок жизни.

Итак, прыгая по жизни с события на событие, как по кочкам, вначале легко, как балерина, а затем всё более натужно хрипя и дыша подобно паровозному сифону, я наконец добрался до моего забора.

Забор как забор. Ничего особенного. Из последних сил налёг дряблым животом на верхнюю планку и, плача от слабости, перевалился

на ту сторону. Полежал. Встал на четвереньки, а затем в рост, поднял голову, огляделся.

Вдали, как и прежде, смутно виднеется Нечто. Однако, добраться до него у меня уже нет сил.

Я упал на траву и лежал, когда в звенящей тишине послышался слабый колокольный гул, но без характерных колокольных ударов. В этом пустынном краю источником звука мог стать лишь аэроплан, но звук не похож на рёв самолётной турбины. Звук нарастал. Постепенно он перешёл в вой и достиг такой силы, что подавлял волю и давил физически. Странно. Усиливался, а возник вроде из ничего. Мощь и таинственность его приводила в ужас. Наступил странный день. Солнце раскалённое, но не сияющее, небо без единого облачка, чистое, сквозное, но пронзительно-хищное. Впервые в жизни я увидел такое небо; меня охватило болезненное чувство. Душа томила в тревоге.

Гигантская молния, подобно секире божественного героя, с жутким грохотом расколола небо и вонзилась в Землю, приводя в ужас туземцев. Они в страхе заползли в пещеры, лежали там ничком и лишь изредка, одним глазом, униженно выглядывали наружу.

Листья деревьев тряслись на ветру в ознобе от страха перед неизбежной кончиной. Мириады их собратьев беспорядочно летали с шелестящим шумом вокруг, а ещё больше лежало на земле; по ним ступали люди и вдавливали в землю с шелестящим чавканьем. Листья висели живыми круглый год, а теперь они представляли собой сплошную абстракцию.

Листья гибли; смерть чёткая, ясная и одновременная, как по команде, как у людей на большой войне. Перед кончиной, предчувствуя беду, они оделись в торжественные одежды и окрасились в хватающую душу красоту. Предстоящая трагедия заставляла их трестись в трепетном ожидании, и вот... большая стрелка кладбищенских часов дёрнулась на одно роковое деление и в напряжённом внимании, боясь пропустить очередной прыжок, замерла на девяти часах утра.

Я упал, опустил лицо вниз и немного набок на Землю, нежно обнял её, приник к ней, родной, и хотя земля в сентябре была уже прохладна, я не ощутил холода, а напротив, ощутил теплоту и успокоился. Прижался к ней.

Так отчего же я страшился, чего более всего опасаются люди, ведь это так просто, так естественно, думал я, постепенно забываясь, уходя в небытие.

Мне теперь восемьдесят...

По шоссе проехал автотягач, тяжело таща прицеп с бетонной фермой, натужно гудя и выбрасывая плотную струю синего удушающего выхлопного газа. В небе, тяжёлые, как дредноуты, но стремительные, неслись рельефные черно-фиолетовые тучи. Временами между ними ударяло плотным ослепительным светом солнце, кажущееся ещё более ярким на фоне мрачного неба. Солнечный луч, как волшебный ключ, отомкнул дверь в неопишемую красоту леса; рябина, покрытая сверкающими ярко-красными плотными гроздьями драгоценного рубина, сверкнула таким чудовищным великолепием, что захватило дух.

Красота грянула на весь лес; заиграл красавец-клён, благородная липа мгновенно призрачно пожелтела, как перед разлукой. Люди оставались в великом изумлении, любовались и ахали; иные подолгу стояли с открытым ртом и в потрясении долго забывали его закрыть.

Лишь сосновый бор выглядел обычно, как и должен смотреться хвойный лес в конце октября, да ещё три небритых мужика суетились, не замечая всей этой красоты; они соображали выпить на троих.

Незаметно, исподволь я достиг возраста, когда из дома меня стало возможно выводить только на поводке, чтобы не заблудился, и в наморднике, чтобы не пугал встречающих людей, и когда мне самому

Мальчик в калмыцкой тюбетейке

стало неприлично смотреть людям в глаза. Другие уходят, а я живу. Как и мои туфли, протертые до дыр и сквозных трещин, я почти полностью износился.

— Сколько Вам лет, дедушка? — спрашивают меня.

Я отвечаю. На меня взглядывают изумлённо и недоверчиво, удивляясь, какой же я дедушка, если не хромаю и хожу без палки, не кашляю, вижу перед собой, соображаю, не брызгаю слюной и не несу чушь, челюсти мои при ходьбе не хлябают, не кричу о своих заслугах...

«Так не бывает, — заключали люди и в сомнении поджимали губы, — тут что-то не то».

А мне что делать?

Жить, пока Господь даёт силы. Надежда умирает последней. Даже когда человек хрипит в агонии, он ещё надеется.

Во время утренней прогулки солнце обдало меня потоком лучей, я закрыл глаза, и мне представилось моё собственное лицо из детства. Лицо мальчика в калмыцкой тюбетейке; мальчик стоял, прищурившись под ярким степным солнцем; юное, прекрасное лицо.

А мне теперь восемьдесят.

Я побрился, и передо мной в зеркале отразился совсем другой человек. Каждому возрасту свой облик. Вот, скажем, лопух, он же

репейник: цветы нежные, глубокого бордового оттенка, потаённо красивые, а созреет, цветы опадут, и возникнет из них колючка-приставучка зловредная и мерзкая.

Так и некоторые люди.

Страх смерти

Резкая боль в левой ступне возле большого пальца создала приятное ощущение, что я ещё жив. Все серьёзные жизненные опасения человека исходят из фундаментального чувства страха смерти. В собственном сознании, посредством которого люди единственно и получают представление о реальности своей земной жизни, к смерти своей они обычно относятся бездумно, то есть никак. Мудрый внутренний механизм не допускает подобных мыслей, начисто отсекает их как вредные, мешающие жить весело, без опасений за будущее.

Но иногда... вот как теперь...

Я будто проснулся и лежал в забытьи с решительно незнакомым ощущением себя. Невозможно любое движение, не было и позывов к нему. Нимало не беспокоясь, а скорее из любопытства, при полном равнодушии к себе, я тронул и подержал некоторое время запястье правой руки, где обычно прощупывается пульс.

Пульса я, однако, не ощутил; его попросту не было.

В моём сознании произошли изменения, что-то сдвинулось, отошли некие заслонки, и «Это» накатилось неотвратно с ужасающей ясностью. Меня охватил, потряс бездонный ужас. Ужас из непостижимой глубины моей натуры, столько же бесконечной, сколь бесконечна и необозрима сама Вселенная. Ужас как стихийный накат, как реакция инстинкта жизни, приобретённого на заре её и закреплённого в мирадах поколений.

Сознание моё металось, корчило в конвульсиях от обессиляющего страха исчезнуть навсегда. Не сознавать себя, не чувствовать... ничего. И навсегда. Факт движения времени в одном направлении, обычно выглядящий банальной физической истиной, в этот раз высветил в моём мятущемся сознании законченное и убедительное понимание неотвратимости Конца. Высветил понимание гибели моей вселенной, каковой несомненно и совершенно справедливо представляется собственная жизнь всякому человеку, и мне в том числе. Гибели центра мироздания, несравненно более значимого, чем звёздные галактики вместе взятые.

Я снова проснулся уже глубокой ночью и ощутил на себе взгляд. Повернул голову и увидел за оконным стеклом лицо, ярко освещённое луной. Сразу, вроде изнутри, понял, что «Оно» из той же непостижимой глубины, откуда ранее приходил ужас. Я замер.

— Что, — мысленно прошептал я, — пора?

— Нет ещё, — после короткой паузы донёсся беззвучный ответ.

Лицо исчезло.

С этого момента взгляд мой всё чаще устремлялся в вечность, ибо смерть понятие природное; она не охватывает всего содержания жизни человека. Она встреча с вечностью. Это видение время от времени приходит ко мне, как наваждение, как напоминание, как приказ не забыть.

Будучи на Кавказе, я рассказал об этом Страннику; он отнёсся к нему серьёзно, с пониманием.

Почему так хочется жить? Это желание, несомненно, идёт от бессмертного духовного Начала.

И всё же, откуда эта неукротимая жажда жить? Если человеку предназначено прожить свой, отведённый природой срок и отойти к предкам, благостно соединиться с ними и дать место потомкам? Зачем страх от убытия? Если это закон, неизбежность и природная необходимость, зачем страх? Если душа бессмертна и нет конца жизни, зачем страх беспощадный, лишаящий сил и ввергающий в совершенное отчаяние?

В человеке не желает исчезнуть животное! Это оно вопиет и стонет и плачет.

Неужели так уж хороша животная жизнь? С её страданиями и фальшивыми ценностями, даже если они настоящие алмазы и золото червонной пробы? Так ли она хороша, если случаются люди, которые расстаются с ней добровольно и без всякого принуждения, когда человеку настолько скверно, что хочется решительно избавиться от неё, и нет иного способа?

Отчего страх?

От неверия. Нет у людей убеждённости в бессмертии души. Нет материальных доказательств непрерывности жизни. Глубокая вера творит убеждённость, но наличие такой веры — удел немногих. Вера у людей обычно поверхностна и не определяет их понимание мира. Возможно, человеку надлежит пройти полностью все стадии жизни, и страх возникает из неисполнения этого закона? Но тогда старик должен уходить без страха и даже с радостью, но этого не происходит.

Или не всякий старик выполнил закон, как надо? Стадии должны быть заполнены делами, и в данном случае речь идёт о неисполнении дел как обязательных. Но каких дел?

Задача кажется неразрешимой, даже в рассуждении. С одной стороны, доказать наличие реальной духовности природными средствами не представляется возможным принципиально, а с другой стороны, в людях отсутствует глубокая вера, которая лишь и адекватна доказательству. Какова перспектива?

Врастание человека и человечества в своё духовное Начало.

В человеке заложен механизм самоликвидации.

В какой-то момент он начинает посылать сигналы на свёртывание жизни, на угасание. Человек порою действует в одном направлении с этим механизмом и усиливает, ускоряет процесс самоликвидации. Скажем, если он внушает себе некую беду для себя, то мысли эти не исчезают бесследно, но входят в каналы механизма и действуют.

Истинная смерть, это смерть исключительно самого человека; уход других людей — это для него печальное зрелище со стороны.

В чём смысл и необходимость мучений перед кончиной? Отчего природа не предусмотрела милосердного варианта? Боль естественна, она сигнализирует о беспорядке в организме и, значит, необходима. Какой уж больше беспорядок, чем смерть, но всё равно, хорошо бы эту неизбежность смягчить и дать человеку безболезненный уход.

Она после инсульта в тяжёлом некомфортном состоянии, а у меня обязательные прогулки по утрам. Она не понимает, патриархально требует, чтобы мы сидели вместе и угасали одновременно и чтобы я сидел и утешал и непременно сам жаловался на свои боли, и чтобы она при этом несла всякую чушь, а я обязательно слушал. Вот такое представление. Как тут быть?

Иные люди сознают свою судьбу иначе. Я знал одного такого человека.

Постепенно, без напряжения и страха он втягивался в колею своего ухода в иной мир обстоятельно, по-хозяйски. Представив мысленно свой уход, не отпрянул в ужасе и не покрылся холодным потом. Он решительно отринул остроту и беспощадность изречения «истинная смерть только твоя собственная». Он не позволил своей душе покориться леденящей мысли; не отгородился от ужаса и паники стеной «табу». Он просто изгнал из себя представление о своём уходе как роковой катастрофе и гибели своей вселенной, изгнал леденящую мысль, страшную и нестерпимую для живого человека, кидающую в хаос паники, мысль о смерти.

Напротив, он сотворил в себе ощущение нормальной реальности и воспринял своё будущее без паники и стений. Больше того, он стал основательно и рачительно обустраивать своё место; ведь это надолго. К тому же, он не хотел этим делом обременять других людей, которые решительно не в состоянии угадать его мнение и непременно сделают по-своему, исходя из своих представлений. Делал он всё это естественно, без боязни представить себя усопшим, будто не его заруют в землю. Делал то, от чего люди обычно с ужасом отстраняются, не почитая его своим и страшась прикоснуться к нему.

Он ходил на кладбище, присматривал хорошее место, чтобы было чисто, подальше от пыльной дороги и вид красивый. Он обсуждал с женой, какое кладбище выбрать, в чём он будет лежать, какой принять ритуал, настаивал, чтобы не было музыки, но непременно с отпеванием и хорошим священником. Кого пригласить на поминки персонально; против иных возражал. Прикидывал, во что обойдётся дело, хватит ли денег. Просил не торопиться ставить памятник; пусть земля осядет основательно.

Одно его печалило. «Как скверно устроено дело захоронения человека, — думал он. — Зарывают в землю в одном месте, почти рядом, людей совершенно разных: добропорядочных, нравственных и скверных по жизни, даже убийц. Кладут рядом людей, которые по жизни не терпели друг друга. Как можно? Кладбище — это пристанище людей, это их мир. Так учитывайте их взаимные отношения при жизни. Выделите безнравственным, злым людям отдельное место. Пусть они существуют в своём обществе. Пусть кладбище станет пристанищем душевно совместимых людей, подобно клубу по интересам».

Меня неспешно несло по течению незнакомой реки. В полной растерянности я смутно, в самом общем виде ощущаю свою принадлежность к чему-то крайне необходимому и жизненно важному, но одновременно и тягостное томление от невозможности вспомнить.

Я потерялся.

Естественна и не вызывает протеста, и тем более отчаяния, безуспешная попытка разгадать тайну будущего, то есть того, чего ещё нет: вариантов множество. Манит отгадать, но не угнетает. А у меня память о родных и знакомых, о людях, с которыми я был связан в привычном мире, память, придававшая мне ощущение принадлежности к Земле и смысла жизни, эта сакраментальная память вдруг исчезла! Я остался не только без знания о будущем, что естественно, но и без образующего меня прошлого. Испытывая лишь сиюминутное ощущение

ние окружающего мира в виде реки, и то смутно, с утерянной памятью о людях и вещах, составляющих суть жизни, я оказался решительно одиноким и жалким, более голым и беззащитным, чем крошечный лягушонок на листочке лотоса.

Я потерялся.

Я томился и страдал в ужасных конвульсиях сознания в безуспешных попытках вернуть своё прошлое и тем утвердить себя. Меня несло по реке мимо незнакомых берегов. Ни лиц, ни голосов, ни запаха из прошлого. Никого и ничего. Только страстный позыв вспомнить и инстинктивное понимание того, что оно было и существует где-то, сохраняло мой разум от помешательства и оставляло надежду. Только бы вспомнить.

Меня несло по незнакомой реке. Я потерялся.

Не так ли ощущает себя человек, уходящий в иной, незнакомый ему мир?

Беседы с ней

Дома я оставил записку: «пошёл к ней», и отправился. Уселся на скамье и обратил сознание глубоко в себя. Всякая вещь содержит энергетику. Одежда живого человека — энергетику жизни, одежда умершего — мёртвую. По этой причине не следует надевать и носить одежду умершего человека, ибо её энергетика станет довлеть над человеком и увлекать его в свою суть. Каждому своё.

— Как ты там? — спросил я, — не страшно?

— Вовсе нет, — сказала она. — Мне здесь хорошо, и удивляюсь, как это я ранее страшилась, — добавила она.

Я не возразил, ибо верил её словам. Я не видел, но ощущал её теперешнюю суть, её мир общения со мной. Разговор наш шёл в мыслях, я говорил, как с самим собой.

— Не уходи, — просила она. Ей показалось, что я собираюсь покинуть место.

Уходить я не хотел, ибо этот её мир был мне по душе и, будучи моим предстоящим местом обитания, он вызывал во мне сильное желание узнать о нём возможно больше. Однако, к моему величайшему сожалению, кроме указанного общения с ней, никаких иных знаний я не приобрёл.

Впрочем, я не был твёрдо уверен, что беседую именно с ней как реально существующим лицом, ведь речь идёт о духовном мире. Что

человек знает о нём? Однако, я и мысли не допускал, что всё это плод моего воображения. Нет и ещё раз нет. Я реально беседовал с ней, решительно реально. Собственно говоря, в данном случае истинно реальным и несомненным, по моему пониманию, было только наше общение как таковое. Об остальном судить не берусь.

Я заметил, что наше общение происходит в строго определённом месте, а именно здесь, притом независимо от числа календаря и времени суток. Достаточно отойти от места хотя бы на несколько шагов, как общение исчезало, и никакие усилия разума его не восстанавливали. Если я при этом пытался вести беседу, то все мысли получались ощутимо единственно мои и диалога не происходило. Я обращался к ней, но не получал ответа, а если она как бы отвечала, то это я говорил за неё. Словом, беседа с самим собой.

Вот такая получалась головоломка.

Иное дело здесь, на этой скамье. Истинный мир нашего общения, в котором существуют две реальные сути жизни. Хочу надеяться, что я обнаружил маленькое окошечко в стене, отделяющей земной природный мир от мира духовного, и этим окошечком стало моё «здесь».

— Что ты есть? — спрашивал я, и она отвечала:

— Не знаю. Чувствую только, что меня готовят к иному моему состоянию, но в чём оно заключается, я решительно не понимаю.

Я настойчиво пытался получить от неё более конкретную информацию, ибо эгоистично жаждал знать своё будущее, хотя бы в малой степени. Она угадывала мои мысли, но помочь не могла. Или не хотела...

— Мы тебя искали, — пеняли мои ребята, — где ты был? Твоя записка очень неясного содержания, и ты долго отсутствовал.

Я хотел честно рассказать им о моих встречах и беседах с ней, но, к счастью, передумал. Они не смогли бы понять меня и непременно отнесли бы моё по сути реальное общение с ней к моему умопомешательству. Ребята не могли рассуждать иначе. Они ещё молоды и далеки от состояния, подобного моему. Не всем дано найти и посмотреть в моё окошечко. Возможно, я исключение.

Эта мысль меня беспокоила. Как жаль, что другие люди лишены счастья такого соприкосновения, какое выпало мне. Мне хотелось подсказать своей молодёжи, что неразумно недооценивать возможность заглянуть в заветное оконце, в которое удалось заглянуть мне. Возможно, им тоже дано такое. Однако я не знал, как втолковать им это. Они всё воспринимают с места молодого природного человека, которому жизнь его представляется бесконечной, а то, что говорил им

Мой внук Андрей и дочь Оля

я, находится слишком далеко от них, оно им неинтересно, бесполезно и, вернее всего, его следует отнести к моему умственному нездоровью.

Я объяснил своё отсутствие необходимостью побыть одному; иногда это нужно человеку. Моё объяснение показалось им вполне основательным, и меня оставили в покое, хотя и попросили в будущем не волновать подобным длительным отсутствием.

Я был тронут их вниманием. Про себя же твёрдо решил не терять связи с местом общения с духовным миром, ибо мне хотелось непременно со временем попасть в него, чтобы сохранить себя как живое продолжение моего земного «я». Я всё же мягко высказал им, правда, в малой доле, это своё пожелание, и они сказали: «Ну что же, правильно, но ты не думай об этом. Отбрось до поры эти печальные мысли».

Смешно. Ах, это рассуждение молодых!

Слева направо: племянник Сергей, сын Дмитрий и внук Александр

Конечно, неприятно, когда тебя не понимают, тем более родные люди. Однако, какое бы непонимание молодёжи я ни встречал, я должен быть мудрее, а значит, снисходительнее к порою резким суждениям о моих делах. Они моё кровное, родное продолжение. Как же мне сердиться и копить свои обиды! В любом случае, пока я жив, это мой земной мир. Я радуюсь жизни, порой несу свой крест, и это мой крест. Однако, в отличие от молодёжи, я признаю краткость своего пребывания на Земле, и меня неотвратимо тянет заглянуть в моё окошечко.

Поминки

Это произошло в тысяча девятьсот сорок третьем году после Рождества Христова на Орловской земле, беспощадно охваченной смертью. Где в животной ярости войны, многократно усиленной разумом человека, в безумстве схватились люди в солдатской одежде, загнанные туда отморозками из рода Каина.

Всё вокруг взрывалось, горело, убивало, и не оставалось места для жизни человека. И тем не менее, в этом неистовом вареве ещё оставались и цеплялись за жизнь слабенькие, беззащитные существа — мальчик и две девочки, да ещё их престарелая бабушка. Они не хотели погибать, и это было всё, что они могли предпринять.

Бабушка плоха; она понимала, что скоро помрёт. Два обстоятельства сильно её тревожили. Первое — что станет с внучатами, а второе — как её будут хоронить. Если на судьбу внучат она уже повлиять не могла, то о собственных похоронах ещё в состоянии посильно позаботиться. Одежда приготовлена давно; она лежала в укромном уголке и ждала своего часа.

«Ну, хорошо, — рассуждала бабушка, — люди придут, помогут, сделают, что надо. Но ещё полагаются поминки, а для этого нужно и то, и сё, а не один лишь гроб. О разносолах и речи нет, но уж кутья-то должна быть, как же без кутьи; вкушая её, человек как раз и поминает. Это же поминки».

Из последних сил она вышла из дома и побрела в поле, чтобы проститься со своей земной жизнью и поискать знак для кутьи. Вскоре, на свою удачу, она нашла затерянное, незамеченное людьми место, хотя поле многократно пройдено ими до этого в поисках съедобных растений. Крохотный квадратик не более пяти шагов в поперечнике, где чудом сохранился проросший прошлогодний посев проса. Просо, на удивление крупное, она собрала до последнего зёрнышка. Затем внимательно ещё раз осмотрела каждый стебелёк, чтобы, не дай Бог, не пропустить драгоценное зерно. Мало того, бабушка прошла место ещё несколько раз и покинула его только после того, как убедилась, что собрала всё.

Получилась изрядная кучка зерна, так что она с трудом уместилась на ладонях, сдвинутых вместе, словом, добрая пригоршня.

«Вполне хватит на поминальную кутью, ведь люди съедают её ложечкой по маленькому кусочку», — думала женщина. Она высыпала просо в небольшой холщовый мешочек и, тяжело ступая, ибо силы покидали её, но при этом весьма довольная, побрела домой. Она показала зерно детям и приказала строго-настрого его не трогать, беречь на поминальную кутью.

— Ждать вам недолго, — успокоила она их, — я скоро помру.

После этого слегла, да уж больше не вставала.

Теперь дети с нетерпением ждали, когда их бабушка помрёт. Они поглядывали на неё и даже трогали руками, чтобы убедиться, жива ли. Они опасались пропустить долгожданный момент; им очень хотелось съесть просо. Они бегали к мешочку с просом, любовались им и съедали по одному зёрнышку.

Словом, бабушка ещё жива, а зерно для поминальной кутьи уже съедено её внучатами. Она видела интерес детей к мешочку, но в силу своей великой любви к ним молчала и лишь через силу улыбалась. Так

что, когда померла она, то дело обошлось без кутьи: бабушку зарыли в землю, и люди разошлись.

Одну из девочек звали Леной.

Чтобы не умереть с голоду, брат и сестра пошли просить милостыню. Они приносили корки хлеба, так что хватало поесть, а девочка Лена не могла просить у людей в силу своей натуры, стеснялась. Брат и сестра ругали её за это; хлеб давали, но с неохотой и попрёками.

Случилось, что брат в неловком движении защемил Лене дверью ладонь, можно сказать, ударил. Рука сильно болела, а лечить нечем. Не было даже марганцовки, чтобы промыть рану, не говоря уже о врачебной помощи. Рука не заживала; девочке становилось всё хуже. Рана загноила, дурно пахла и дело, очевидно, шло к гангрене.

В это время с фронта вернулся их дядя без ноги, но с протезом; он посильно ходил и притом без костыля. Обнаружив племянницу в таком ужасном состоянии, он укутал её в тёплое, усадил на санки и повлёк в соседний городишко, где существовала больница. Стояла морозная зима. Как он одолел многокилометровый путь по бездорожью на протезе, влача санки с девочкой, одному Господу известно, но прошёл и поместил Лену в больницу.

В больнице Лену стали лечить и дело до ампутации не дошло; руку ей спасли, да и саму жизнь. Пробыла на излечении она три недели. В больнице кормили незатейливо, без разносолов, но сытно. Это было поразительно в то немыслимо тяжёлое, погибельное для человека время. Больше того, больным ежедневно к завтраку давали кусочек сливочного масла, крошечный на глаз, но ощутимый. Это была неслыханная роскошь.

Леночка, дитя своего ужасного времени, съедала всё, что подавали, но, помня о своих голодных близких, сберегала сливочное масло. Кусочек за кусочком она копила его. По-детски нестерпимо желала съесть, но вовсе не по-детски отказывала себе в этом.

Дома близкие встретили её с любовью, а она торжественно вручила им изрядный кусок превосходного сливочного масла.

Шестьдесят лет спустя

Собрались помянуть дедушку. Как водится в России, время сбора озвучили неопределённо, то ли к двум часам, то ли к четырём; сказано только «приходите». Мы подъехали к трём, привезли и расставили еду, сервировали стол, после чего вошли в режим ожидания прибытия

остальных, неотвратимо видя перед собой серебристые ломтики сёмги, красную икру, различные сыры и салаты, а также водку и вино. Время шло, а кворума всё не получалось. Кого-то ждали ещё. Глаза косили на кулинарное изобилие; смотреть на стол становилось всё более тягостно. Кое у кого возникло даже некоторое чувство раздражения, весьма непристойное для места и события. Разумеется, это чувство люди таили в себе.

Но вот в дверь прозвонили, и вошла Зинаида. Она совершила небольшой подвиг, а именно, протащила из дальнего района города кастрюльку с горячими блинами, которые она готовит превосходно. Несла в сумке между подушками. И это морозной зимой. Так что и разогреть их не пришлось.

Наконец, прибыли и муж с женой Тянтовы. Они также не ударили в грязь лицом, притащив блинчики, начинённые жареной капустой. Теперь полный кворум. Сели за стол и, согласно ритуалу не чокаясь, выпили по рюмке водки.

— Человек живёт в памяти живых. Возможно, он в этот момент видит нас. Выпьем и тем сотворим память о нём.

Огонёк

Я шёл по лесной тропинке ночью зимой в сильный мороз. Ночью, тёмной до черноты, в полном одиночестве. Лишь снег слабо белел по сторонам и немного темнее виделся под ногами. Ни звёзды, ни луна, закрытые плотной облачностью, не светили с неба. Я подошёл к огромной берёзе, прижался к ней спиной и подышал. Вся энергетика, образованная и накопленная за многие годы её жизни, со всем увиденным и услышанным, вошла в меня мощным укрепляющим потоком.

Одинокая ворона с неестественным тарахтением пролетела над головой. Она не каркала, как это присуще данной птице, а истинно тарахтела в своём длинном полёте. Да ещё скрип и шуршанье от моих шагов в снегу — вот и всё, что улавливал я из природы, окружающей меня.

Но вот я заметил, что изредка снег возле меня отражает свечение, источник которого в натуре не существовал. Этакое свечение в виде отблесков, идущих как бы из ничего. Далее мне показалось, что я вхожу в область ощущений, не имеющих ничего общего с окружающей меня природой. Внутренним зрением ощутил возле себя движе-

ние, оно свободно проникало в меня без всякого осязаемого прикосновения. Неведомая мне жизнь: я ощущал её присутствие, но ни малейшего понятия не имел о её сути. Она, однако, отчётливо влияла на моё настроение, то вносила тревогу, то успокаивала. Этакое внутреннее ощущение и только.

Вместе с тем, у меня не было сомнений в реальности этих новых ощущений. Странная непривычная реальность без предметного подтверждения. Это вполне возможно, если допустить, что я вошёл в некий странный мир и воспринимаю его натурально, как свой. Какие в этом случае надобны доказательства? Если я вошёл. Я двигался по зимней тропе, и мои эти ощущения то нарастали, то ослабевали до полного исчезновения.

С правой стороны заметил огонёк, двинулся по направлению к нему. Я был порядочно удивлён: здесь, в нашем обширном лесу, не существовало никаких источников света за исключением природных. Это я знал хорошо.

«Возможно, кто-то светит фонариком».

Вышел к искусно выполненному бревенчатому срубам с красивой крышей, устроенному над родником, со ступеньками к воде, лакированными перилами и лавками для ёмкостей с водой. На одной из лавок внутри сруба горела толстая свеча, уставленная в стеклянной банке. Фитиль свечи находился ниже краёв банки, в её глубине; свеча уверенно горела и подобно крошечному маяку освещала родник. На внутренней стене сруба виднелись иконы Господа и Святых. Это и был тот огонёк, который показался мне ещё вдали от родника.

У сруба мужчины с канистрами для воды образовали очередь.

— Будете за мной, — произнёс один.

— Я не за водой, а сам по себе, — сказал я и отошёл.

И тут я заметил — то прежнее удивительное ощущение моего присутствия в некоем незнакомом мне мире полностью испарилось, и произошло это не тогда, когда я заметил огонёк издали и шёл в одиночестве, а именно здесь, у сруба, то есть возле людей.

Кунгурские пещеры

Я и мой сын Дима шли на байдарке по Сылве от железнодорожной станции Шамары до уральского города Кунгур. В Шамары мы добрались пассажирским поездом и высадились в очень удобное для начала маршрута утреннее время. За рабочим посёлком и лесозаводом

Дима

быстро и сноровисто собрали байдарку, отдохнули, перекусили и уже к полудню спустили своё судно на воду. Вперёд!

Сылва приток Уфы, быстрая, извилистая, типично уральская река, шириной не более сотни метров с многочисленными перекатами и островами. Она красива: справа и слева крутые обрывы, много леса.

Словом, шли в своё удовольствие, наслаждались природой, и сплав наш в общем проходил спокойно. Лишь однажды у села Шилка я, преодолевая порог, свалился в воду, но Дима меня своевременно выловил. Да ещё у села Мазчевка мальчишки забросали нас камнями: общепринятая в мире манера аборигенов встречать путешественников таким скверным образом. Нас спасло стремительное течение реки; мы промчались мимо хулиганов без ущерба и потерь.

Десять восхитительных дней позади, и мы у Кунгура. Вечерело, предстояла ночёвка, последняя в этом нашем водном странствии. Мы подобрали на берегу красивую на глаз поляну, высадились, и о ужас! Мы попали в комариное царство. Эти мерзкие насекомые без промедления с радостью набросились на нас, и пока мы лихорадочно разбивали палатку, пили нашу кровь вёдрами.

Диму я тут же запихнул в палатку; он был на грани нервного срыва, и палатка спасла его, а я, как более закалённый и к тому же

Пеку блины

старший, самонадеянно решил в этом комарином аду нажарить блинов. Очень хотелось таким образом отметить завершение путешествия и порадовать сына и себя блинами.

Я не в силах изобразить словами, с какими мучениями и психическими издержками мне это удалось: комары вплотную облепили меня, руки, лицо и поедом ели, а я на примусе пёк блины.

Испёк.

Я даже немного похвалил себя после этого; если разобраться и быть честным, то я совершил небольшой подвиг, проявил великое терпение и принял мученичество. Зато какое удовольствие мы испытали, когда закрылись в палатке от этих кровопийц и принялись упиваться за четыре щеки пышные, поджаристые, тающие во рту блины! Вдобавок я вознаградил себя ещё и глотком водки.

На следующий день мы упаковали лодку и отправились в город. Купили билеты на поезд, сдали упакованное судно в камеру хранения и, свободные, как птицы, двинулись осматривать Кунгурские пещеры: побывать в Кунгуре и не увидеть пещеры было бы неразумным. Другого случая не представится.

С группой туристов мы пробирались подземной каменистой тропой, вернее, проходом из одной полости в следующую, и ещё, и ещё;

На реке Сылта

череда их казалась бесконечной. Гид честно признался, что всю длину пещеры никто не измерял, а в общем она не менее двенадцати километров, если учесть многочисленные ответвления.

Под ногами струился ручей. В свете электрических фонарей пещера от всякого вида отложений сверкала и переливалась красками. Давящую тишину нарушал лишь человеческий говор да звук шагающих людей. Таинственность и красота.

Пещеры, да ещё глубины океанов только и остаются географически неизведанными на Земле. В атмосфере летают, в космосе движутся, а вот земле да океану пока удаётся сохранить свои тайны в секрете, хотя и туда к ним упорно пробиваются особо любопытствующие, хитроумные и упрямые люди.

Возле одного из пещерных поворотов левая рука моя скользнула по шершавой поверхности огромного камня, можно сказать, скалы и неожиданно ощутила пустоту. Я остановился и обследовал место. Угадываю проход. Вступаю в него и делаю ещё шаг.

Мгновенно мир вокруг меня разительно переменялся. Вполне допустимо сказать, что эта перемена обрушилась на меня, настолько она оказалась радикальной. Стих шум и говор туристов; наступила глубокая тишина, как отрезало. Испугаться не успел. Пред-

ставшее зрелище парализовало меня и одновременно приковало моё внимание.

Не далее, чем в десяти шагах я увидел человека, сильно обросшего волосами и одетого в звериные шкуры. Он сидел на крупном камне, ссутулившись, как в предельной усталости, почти в изнеможении. У ног его расположилась огромная собака волчьего вида. Она лежала, удобно распластавшись на земле и уложив морду плотно на вытянутые мощные передние лапы. Глаза животного устремлены на человека, уши насторожены в готовности чутко уловить любую опасность, исходящую из окружающего мира. В углу, недалеко от входа, который отчётливо виделся за человеком, лежала охапка сучьев и ветвей кустарника. Это, очевидно, очаг, дрова горели. Над очагом облако дыма.

То, что я увидел, в первый момент удивило меня, но не до потрясения: неожиданно, почти невероятно, но уж не до такой степени. Ну мало ли, избрал некий чудака себе такое пещерное существование, живут ведь на Земле отшельники. Есть такая порода люди-мыслители. Бывает.

Однако, чем больше я всматривался, тем более убеждался, что облик человека мало походил на современного отшельника, каким я его себе представлял. Некая внутренняя суть, истинно дикое древнее угадывалось в нём.

Пришла в голову странная мысль: человек этот определённо имеет отношение ко мне; лицо его удивительным образом напоминало моего прадеда Максима, которого я знал по фотографии. Хотел подойти ближе, и уже было сделал шаг вперёд, но ощутил, что исполнить своё намерение мне решительно невозможно. Не то, что нога моя упёрлась в преграду, нет, преграды я не ощутил. Я просто физически не смог выполнить этот шаг. Не смог и всё. Забыл, как это делается. Будто некая внутренняя сила мне препятствовала.

Вот теперь меня по-настоящему потрясло, ибо выходило за грань понимания.

На этом, однако, дело не ограничилось. Не в состоянии подойти к пещерному человеку, я тем не менее продолжал упорно, как в наваждении, всматриваться в него, пытаюсь понять хоть что-то, осмыслить увиденное. Внезапно я сообразил, что есть во всём этом ещё загадка кроме человека с собакой, непосильная для моего разума. До меня вдруг дошло, я словно прозрел, заметил, что в пещере всё состоит в полной неподвижности.

Ни человек, ни собака не только не совершили никакого явственного движения, пока я наблюдал за ними, но они даже не пошевели-

лись. И уж тем более не обратили внимания на меня, а ведь я был рядом. Дальше больше. Узкий ручей в середине пещеры блестит, но не переливается красками, как обычно выглядит любой из ручьёв, журчащих во множестве на Земле. Этот ручей выглядел, как мгновенно схваченный космическим холодом водопад, навечно застывший в своём феерическом волшебном великолепии.

Он пребывал в неподвижности и исчезал без всякого движения в никуда. Неподвижным выглядел и огонь в очаге, и даже дым над очагом, что представлялось уже совершенно противоестественным.

Обращало на себя внимание также и то, что в пещере светло, всё явственно просматривалось во всех деталях, хотя вход едва обозначался и никоим образом не мог служить источником света. Сиреневый свет заполнял и прекрасно освещал весь объём помещения.

Глубокая оглушающая тишина, неподвижность, которую можно назвать покоем, и сиреневый свет — с лихвой достаточно, чтобы выбить человека из колеи. Всё это казалось решительно противоестественным.

Я был потрясён.

Однако, я не принадлежу к неврастеникам и постарался взять себя в руки. Постепенно, обретя способность соображать, я стал размышлять. Но как я ни старался понять, отталкиваясь, как от печки, от земных природных ощущений и одновременно находясь у них в плену, ничего толкового придумать не смог. Разум мой тужился, но, не достигая осмысленного приемлемого ответа, лишь тупел. Упёршись в полное умственное бессилие, я благоразумно решил покинуть место, дабы сохранить свой рассудок для иных проблем, а здесь не свихнуться.

Уйти, чтобы вернуться вновь с учёными людьми для основательного исследования обнаруженного мною бесконечно интересного феномена. Я развернулся и сделал шаг; ничто не препятствовало моему отступлению, ещё шаг, и я услышал шум и голоса людей, явно встревоженных моим отсутствием. Как долго я пробыл «там», мне неизвестно. Во всяком случае, меня искали.

Я уж не говорю о волнении моего Димы, который просто метался, как тигр, в попытках меня найти. Чтобы не забыть «место», я ощущал тот самый шероховатый камень-скалу, за которым скрывалось моё диво, но рука наткнулась на каменный пещерный бок... и никакого прохода. В панике от потери я вновь и вновь прощупывал скалу, но прохода не находил. Я находился в мучительном состоянии, теперь уж решительно не понимая происходящего со мной.

Дима у Кунгурских пещер

Пещера. Неподвижные, как изваяние, древние человек и собака, неподвижный огонь, дым и ручей без движения, пропадающий в никуда. Окно в «Вечность», кусочек «Вечности», Сиреневый мир я видел собственными глазами, находясь в здравом уме и твёрдой памяти! А в итоге всё это потеряно.

Пока я рассказывал Диме об увиденном, он смотрел на меня своими огромными голубыми глазами в великом сомнении. Ему очень хотелось поверить, но я чувствовал, он больше опасается за моё

умственное здоровье, относя это к моей нервной перегрузке, полученной при выпечке блинов в комарином аду. Он не видел того, что увидел я, а значит, ему трудно и поверить. Тем более, я не мог реально подтвердить правдивость моего рассказа. Проход-то исчез. Ну не придумал же я всё это!

Время

Ах, это загадочное понятие «время»!

Если по-простому, так это последовательность причинно-следственных событий, и все дела; для меня этого вполне достаточно. Если принять такое определение, то следует направленность времени от причины к следствию и его текучесть, то есть то, как мы его ощущаем. Для человека чрезвычайно важна связь времени с разумом; в противном случае все рассуждения становятся бессмыслицей.

Разум воспринимает информацию, то есть события, и таким образом осознаёт себя. Сигналы от предыдущих событий уже не поступают, они уже поступили и остаются лишь в памяти. Сигналы от событий, которые последуют далее, ещё не поступили; в разуме и в сознании они отсутствуют. Отсюда ощущение разумом разовости восприятия события и текучести времени.

Разовость восприятия достигает своего предела, если допустить, что в разуме отсутствует способность запоминать. В этом предельном случае всё, что было до события, для разума не существует. Ситуация повторяется при поступлении следующего события, и поскольку события оцениваются разумом как разные, и они следуют одно за другим, в сознании формируется ощущение текучести времени и притом в одном направлении.

Теперь представим, что память человека обрела абсолютный вид; она стала настолько совершенной, что ни одно поступившее событие не уходит из неё. Более того, все поступившие события находятся не в архиве разума, в его кладовой, а в его сознании и ощущаются как только что поступившие.

По-видимому, в указанных условиях сознание текучести и разовости времени исчезают, а всё прошлое, отразившееся в нём через чувства, ощущается как разовое. Следует предположить, однако, что для разума реального современного человека это означает хаос. Разум не в состоянии разобраться с этим разовым поступлением событий. Однако, допустим это, и тогда всё, что у человека «прошло», не будет

ощущаться им как прошлое, но как цельное настоящее. Разум как бы встанет над всей совокупностью событий, над временем.

Но это рассуждение годится для ситуации, которую люди называют «прошедшее», а как быть с «будущим»? Видимо, придётся пересмотреть суть последовательности событий и признать существование матрицы. Природный мир, существующий в режиме последовательности причинно-следственных событий, придётся рассматривать как бы вставленным в матрицу как субстанцию. Но это уже особый разговор.

Пойдем, однако, дальше. Поговорим о вечности. Наш природный мир четырёхмерен, как мир обитания природного человека, его испытание и отбор для жизни в мире более высокого измерения. Что же это за мир, куда пускают не всех?

В этом мире время отсутствует, в нём нет причинно-следственных событий. Вместо времени там «Вечность»: застывший океан жизни, который покоится на матрице, образующей и прошедшее, и будущее. А возможно, «Вечность» — это некое духовное существование, ничего общего не имеющее с сутью природного мира.

В первом случае ещё можно толковать, догадываться, предполагать, ибо остаются связи и понятия, относящиеся к природному миру, хотя уже сама очевидная попытка определить суть «Вечности» поставит в тупик самый изощрённый ум. Длительность событий-мгновений зависит от скорости прохождения сигналов в разум и от скорости обработки сигналов, дающих в сумме ощущение жизни. Прошлое существует лишь на основе памяти; как таковое, оно исчезает. Человек живёт мгновениями; его психика рассчитана на такое восприятие и ещё на память. Запоминание, вот суть прошлого для человека. Но в состоянии ли разум переварить информацию о сути вечности?

Сомнительно. Котелок закипит и начинка сгорит.

Во втором случае, мы имеем полную неизвестность. Никаких данных, понятий, хотя бы в малой степени знакомых человеку, никаких предпосылок. Известно одно. Это мир духовного существования. Какова его форма, каково содержание? Какие законы определяют его суть, какова его связь с природным миром и есть ли она? Когда проблема совершенно неясна, а понять её суть ужасно хочется, но не получается, человек хватается за математику.

Из математики известно, что одномерный мир — это линия. Двухмерный — плоскость, трёхмерный — объём. Перечисленные миры имеют чисто математическое содержание и не могут служить вместилищем жизни, разума. В самом деле, невозможно себе представить,

что точка, линия или даже объём без времени могут вместить в себе жизнь. Объём, то есть трёхмерный мир, способен вместить материю, но он лишён существа; без «времени» он логически не завершен. Это мёртвый мир, не имеющий вселенского смысла. Но вот мы вводим время, события, и он оживает. Четырёхмерный природный мир, предусматривающий объём трёхмерного и последовательность причинно-следственных событий, то есть время, — уже достаточноеместилище природного мира. Ось времени — это перпендикуляр к трёхмерному миру.

Математически, пятая ось пятимерного мира — это перпендикуляр к четырёхмерному природному миру. Пятимерный мир — это мир духовный, а пятая ось его — это путь человека в духовный мир. Люди движутся по пятой оси в духовный мир через веру и через исследование природного мира. Вера даёт человеку уже сегодня возможность успешного пути в духовный мир, а исследование природного мира неизбежно приведёт к истине о духовном мире через отрицательный результат опыта, то есть когда пытливый человек упрётся в стену невозможности разрешения таким способом фундаментальных вопросов жизни.

Вместе с тем, испытание и отбор людей для духовного мира не исключается. Вектор духовности заложен в основы вселенской жизни и в каждого человека в отдельности. Без человека все приведённые рассуждения лишены смысла, ибо только он является носителем духовной жизни на Земле.

Сегодня воскресенье, четырнадцатое августа 2005 года после Рождества Христова. Дневной отдых мой несколько испортил своим воплем петух, который не нашёл лучшего места для подиума, как прямо против моего окна. По этой причине я скорее чутко подремал, чем поспал. Я умылся, выпил стакан квасу и внимательно проглядел программу телевидения на неделю в намерении выбрать зрелище по душе.

— Посмотрю футбол, — остановился я, — сборная России против Латвии, среда, семнадцатого августа.

Переключаюсь во времени на среду семнадцатого августа и смотрю выбранный футбол. Посмотрел футбол, надо возвращаться в своё время, а где оно, моё время? Там, где люди моего поколения, но они также могут перемещаться во времени; они даже наверняка перемещаются. Что же это за время, куда следует возвратиться, этакое основополагающее время? Сомнительно, чтобы оно существовало. Трудно

представить себе вселенную, состоящую из человеческого сообщества, где люди перемещаются во времени, как молекулы в банке с водой, где теряются связи между людьми, без которых человечество существовать не может. Возможно, однако, связи сохранятся и лишь сильно, на порядок, усложнятся? Какова может быть эта сложность, человеку моего времени не понять. Люди, способные перемещаться во времени, несомненно, разбредутся и потеряются. Каковы координаты дома человека, родного дома, да и нужен ли он человеку?

Люди станут неизбежно блуждать по «Вечности», и удержать их станет невозможно.

Что это, невероятно сложная вселенная или фантазия больного воображения, которую следует с негодованием отбросить как невозможную? По своей натуре люди любопытны; они используют любую, даже самую пагубную новинку, пытаются примерить её на себя. Любопытство их всеильно. Оно всегда пересиливает так необходимое человеку здравомыслие. Нет чтобы пройти мимо, да ещё для надёжности откинуть ногой.

Таковы люди.

Продолжим, однако, жизненную ситуацию. Итак, я переключился на среду и посмотрел футбол. На это можно глянуть иначе, а именно: «Я переключил кусок событий со среды с футболом на моё сегодня, на воскресенье, на себя, в свой родной временной интервал, оставаясь при этом на месте, не перемещаясь во времени». То есть, не сам я перешёл в иной временной интервал, а перевёл на себя информацию из другого временного интервала.

Но это означает, что я стану черпать информацию «о событиях Вечности». Грандиозно!

Такое толкование снимет хотя бы некоторые проблемы, связанные с перемещением человека во времени, однако не все. Каково поведение человека в предложенной ситуации, если он получит возможность знать, что «было» и что «будет»? Здесь необходимо ввести одно очень важное условие. Человек не может своими действиями изменять события вечности. Авторы обычно ставят человека в ситуацию, когда только он один может перемещаться во времени, а остальное человечество живёт своей установившейся жизнью в своём времени. А если такую возможность приобретут все? Именно так и случится, если люди откроют секрет перемещения в вечности. Перемещаться станут все. И это будет означать, что уже одним своим перемещением они станут изменять вселенную, а ведь мы договорились, что изменять они её не смогут.

«Невозможность изменения вечности» — константа Вселенной. Люди не могут изменять «Вечность»; она вне их возможности, она над ними. Введение константы многое проясняет и во всяком случае ставит вещи на свои места. Это в первую очередь объясняет, отчего в нашей повседневности не случаются представители иных временных интервалов; то есть, хождения по вечности не наблюдается.

Однако, одно это не устраняет ужасающей сложности устройства человеческого общества и отношения людей в нём оттого, что человек получит доступ в информацию о прошедшем и будущем. Такой доступ не только докажет существование вечности как субстанции, но изменит до непредсказуемости отношения людей. Как поведут себя люди, познавшие своё будущее? Возможно ли при этом существование общества как такового?

Соответственно изменится понятие жизни. Понятие судьбы из иррационального представления примет чёткие очертания реальности. Если мужчина М, заглянув в экран, узнает, что женщина Ж, на которой он женится, убьёт его на десятом году их супружеской жизни, то он сделает всё, чтобы избежать роковой жены. Трудно предположить, что он не предпримет любые шаги, чтобы избежать указанного рокового брака. Так же трудно согласиться с тем, что, несмотря на знание будущего, он всё же неизбежно женится на женщине Ж. То есть, трудно поверить в неизбежность событий при наличии знания будущего.

Или, скажем, в зеркале будущего он увидит, что утонул в озере. Так этот несчастный сделает всё, чтобы держаться подальше от злополучного озера. Из константы о стабильности и неизменности вечности следует, что избежать предопределённого, даже зная будущее, невозможно. Жизнь заберёт человека в такую узду, то есть он попадёт в такие не зависящие от него обстоятельства, что противостоять им никак не сможет и всё сбудется.

Ситуация, вероятно, приведёт к образованию жизненной философии, на порядок более фатальной, чем в наше время, ибо, повторим, судьба примет свои реальные грозные очертания и определённость. В этом случае покорность человека заключается в том, что он следует не по воображаемому пути, а ясному и непререкаемому предопределению. Не потеряет ли при этом смысл сама жизнь?

Одних, кому определён успех, это вдохновит и поддержит, других, кому будущее не сулит радости, ввергнет в уныние и уход в сумрачность. Но если последние не поверят в незыблемость вечности, то они обязательно замахнутся на саму константу и падут в безнадёжной

борьбе с нею. Остальные же предадутся радостям плотской жизни, как участники «пира во время чумы».

И всё же, скорее всего, в неизбежность вечности люди до конца не поверят и станут жить надеждой.

Один из весьма загадочных каналов, связывающих человека с окружающим миром, — несомненно, «предчувствие», тревожное состояние души, ожидание беды, когда человек пребывает в страхе перед неведомой ему угрозой. Он не может определённо сказать, что именно его тревожит, но у него болит душа. Это всё, что он знает. Он ощущает дискомфорт, он боится, но не знает, чего. Нечто надвигается на него, угрожает, а он в растерянности, ибо не знает характера угрозы и, следовательно, лишён возможности своевременно подготовиться и отразить беду.

Каким образом возникает это ощущение, откуда и как оно входит в человека? Можно лишь с некоторой долей убеждённости предположить, что приходит оно из реального источника угрозы, но по пути теряет свою реальность и конкретику, становится расплывчатым в виде общих родовых понятий, выражающих ощущения. Что же это за канал?

Весьма возможно, сознание способно ещё до совершения события рассмотреть его сквозь тусклое стекло на матрице вечности, настолько тусклое, что оно доходит до человека в виде ощущения-предчувствия. Механизм проявления предчувствия — тайна за семью замками. Всё, что о нём говорят учёные люди, есть пустая болтовня, прикрытая наукообразным колером. Общеизвестно, однако, что предчувствие свойственно всякому живому, как человеку, так и животному.

В Чернь Тульской области привезли коров для сдачи на убой. Привели их на бойню; там ветеринар определяет пригодность животных для пищи, в смысле отсутствия опасных для человека болезней, специалист взвешивает их, и с учётом упитанности и возраста назначает цену. После этих процедур животное забивают.

В очереди на сдачу стоят три коровы в сопровождении хозяек, женщин, которые не один год ухаживали за ними, кормили, доили и заботились; коровы для них, как родные. Корова — крупное, приятное, тёплое, домашнее животное с огромными глазами, кормящее человека на протяжении всей своей жизни.

Расставание с двумя коровами представляло душераздирающую картину: женщины режут, коровы плачут крупными слезами, плачут по-настоящему, как животное, наделённое не только чувствами, но и разумом, чувствуя расставание и собственную гибель. Третья

корова стояла, однако, спокойно и мирно щипала травку, кое-где сохранившуюся у ворот бойни. Хозяйка так же не проявляла горя и даже укоряла женщин за их слёзы, ставя в пример собственное спокойствие.

— Вот вы рыдаете, — говорила она, — и, глядя на вас, коровы плачут.

Со стороны вроде так и есть, но вот что произошло дальше. Подошёл человек, поговорил с ветеринаром, осмотрел коров и купил как раз ту третью корову, но не на мясо, а для доения: корова была не старая и вполне здоровая.

Так как же? Выходит, корова была спокойной по той причине, что не ощущала свою скорую гибель? Как объяснить это? Каким образом, каким свойством узнала она, что её купят и тем сохраняют жизнь?

Нравственность. Преступление и наказание

Вселенская безусловная нравственность. Христианская нравственность как дозированный вид вселенской безусловной нравственности. Добрые нравы. Корпоративные нравы. Нравы общественных кругов. Национальные обычаи. Понятия криминального мира. Общественная мораль, формализованная в юридические законы.

Каждый уровень, вид нравственности устанавливает свой кодекс поведения человека, дозволенного и недозволенного, и меру наказания за его нарушение.

Нравственность — это изначально заложенное в натуру человека духовное свойство, определяющее его поведение в сообществе и эволюционирующее от обычаев (нравов) природного мира через Иисуса Христа к своему вселенскому безусловному состоянию. Сегодня Человечество живёт в эпоху Христианской нравственности, поэтому позволительно рассуждать об этом уровне нравственности как о реальности.

О вселенской безусловной нравственности всё, что известно человечеству, сказано в её названии; там же степень её реальности.

Ступени движения к вселенской нравственности — ритуалы в язычестве. Христианство к ритуалам добавило понятие-институт греха.

Грех — это нарушение вселенской нравственности.

Всякое наказание идёт от веры. Есть вера, есть наказание. Для христианина нарушение Нагорных Заповедей Иисуса Христа оборачивается душевной болью, раскаянием и покаянием. Это внутреннее нака-

зание душевного свойства; человек сам наказывает себя, он боится, но боязнь эта духовная. Напротив, наказания природного мира его страшат меньше; в них он усматривает искупление.

Нарушитель добрых нравов верит в их реальность и справедливость; он не сомневается в них. Он совестится, стыдится и боится осуждения людьми. Ему не грозят ни тюрьмы, ни казни, но он опасается человеческого морального суда.

Нарушитель нравов общественных кругов, корпоративных и национальных обычаев верит в их реальность. Он беспокоится за своё бытовое устройство и опасается изгнания.

Человек криминального мира верит в реальность понятий этого своего мира, в неотвратимость наказания за измену им. Здесь нет тюрем и лагерей, но есть единственное, но действенное наказание смертью.

Самые безверные, не затрагивающие душу человека, это юридические законы и судопроизводство. Даже в криминальном мире злодеи верят в справедливость и неизбежность своих понятий, возмущаются их нарушением, правда, без угрызений совести и стыда. Здесь же только одно желание человека, «во что бы то ни стало уйти от ответственности!» Вот душевный настрой преступника.

Нарушители юридических законов верят в их реальность, но не верят в справедливость судопроизводства, боятся тюрьмы. Главное, не быть схваченным за руку, «не пойман, не вор» — вот формула ощущения и надежды преступника. Если преступник не пойман, то никаких угрызений совести и лёгкость на душе, даже если убил человека!

«И сказал Господь Каину И ныне ты проклят от Земли, которая отверзла уста свои принять кровь брата твоего от руки твоей.

Когда ты будешь возделывать землю, она не станет более давать силы своей для тебя; ты будешь изгнанником и скитальцем на Земле.

И сказал Каин Господу: наказание твоё больше, нежели снести можно.

И сказал ему Господь: за то всякому, кто убьёт Каина, отмститися всемеро. И сделал Господь Каину знамение, чтобы никто, встретившись с ним, не убил его».

Ветхий Завет

*«... Призвал Бог души обоих братьев, Петра и Ивана, на суд.
— Великий есть грешник сей человек! — сказал Бог. — Иване! Не выбираю Я ему скоро казни; выбери ты сам ему казнь.*

...Иван сказал:

— Великую обиду нанёс мне сей человек: предал своего брата, как Иуда, лишил меня честного моего рода и потомства на земле... Сделай же, Боже, так, чтобы всё потомство его не имело на земле счастья! Чтобы последний в роде был такой злодей, какого ещё и не было на свете, и от каждого его злодейства чтобы деды и прадеды его не нашли бы покоя в гробах и, терпя муку, неведомую на свете, подымались бы из могил. А Иуда Петро чтобы не в силах был подняться и оттого терпел бы муку ещё горшую; и ел бы, как бешеный, землю и корчился бы под землёй!

Когда придёт час меры в злодействах тому человеку, подыми меня, Боже, из того провала на коне на самую высокую гору, и пусть придёт он ко мне, и брошу я его с той горы в самый глубокий провал, и все мертвецы, его деды и прадеды, где бы ни жили при жизни, чтобы все потянулись от разных сторон земли грызть его за те муки, что он наносил им, и вечно бы его грызли, и повеселился бы я, глядя на его муки! А Иуда Петро чтобы не мог подняться от земли, чтобы рвался грызть и себе, но грыз бы самого себя, а кости его росли бы, чем дальше, больше, чтобы чрез то ещё сильнее становилась его боль. Та мука для него будет самая страшная; ибо для человека нет большей муки, как хотеть отомстить и не мочь отомстить.

— Страшна казнь, тобою выдуманная, человече! — сказал Бог. — Пусть будет так, как ты сказал, но и ты сиди вечно там на коне своём, и не будет тебе Царствия небесного, покамест ты будешь сидеть там на коне своём.

И то всё так сбылось...»

Гоголь

И всё это за убийство одного человека.

Джугашвили со своими подручными-палачами убил и замучил миллионы россиян, и какое ему наказание? Лежит на Красной площади под пристойным памятником.

Что с нами происходит?!

Какая суть породила вселенскую нравственность? Разум? Усилия мысли, науки, хозяйствования? Мы всюду наблюдаем иное. Всюду нравственность есть субстрат религии. Христианская нравственность дана людям Иисусом Христом; мусульманам — Магомедом, буддистам — Буддой, иудеям — Богом через Моисея.

Множество вариантов иной нравственности, предлагаемой человеческим разумом, — или плагиат от Вселенской, либо утопии, приводящие в тупик или к деградации общества, такие как пролетарская, революционная, дворянская и прочие.

Разум организует реализацию желаний человека на уровне чувств. Следовательно, нравственность, которую предлагает разум, лепит варианты, угодные чувствам. Он в какой-то степени слуга желаний, но не их начальник. Разуму не под силу стать творцом вселенской нравственности; все его мысли и желания, вся его природная практика противоречат её требованиям. Должна существовать иная суть нравственности, лежащая на глубоком духовном уровне человека, в его основе. Несомненно главное — вселенская нравственность дана безусловным началом в качестве одной из сторон сути человека. Она его субстанция.

Отбросить её, выкинуть за ненадобностью человек не может, это ему не по силам, ибо она часть его самого. Без неё нет человека. Но увы, человек может, и это часто происходит, заглушить голос вселенской нравственности, звучащий в нём, и открыть себя удовлетворению животных желаний, и чем упорнее он отгораживается от голоса своей духовной сути, тем неизбежнее обращается в монстра зла.

Вселенская нравственность решительно не животного происхождения, она не продукт развития природного человека, ибо все её требования взаимно исключают его природные устремления. Природному человеку присуще убивать, обманывать, ненавидеть, воровать, а вселенская нравственность требует возлюбить ближнего своего, не допускать убийство, обман, воровство, ненависть.

Человек, открывший себя вселенской нравственности, формирует кодекс сокращения своих животных желаний, вместе с тем, позволяющий ему нормально жить как природному человеку. Разум в этом случае организует соответствующие отношения с людьми.

Никакие обстоятельства не служат оправданием нарушения требований вселенской нравственности, которая не одобряет зла, даже ради кажущего добра или необходимости. Другими словами, нельзя делать добро с помощью зла.

Всё в человеке от его духовности — и религия, и нравственность. Нравственность, оторванная от веры, от духовности, повисает в неопределённости и являет собой лёгкую добычу природных инстинктов человека.

Человеческая бытовая нравственность — это сплав религиозных представлений и природных обычаев, нравов.

Источником вселенской нравственности является духовный мир. Вместе с природной сутью он формирует человека. Духовный мир может занимать большое или малое место в человеке, но он всегда в нём и никогда не исчезает вовсе. Без духовной основы нет человека, но есть животное. К слову, в Сиреневый мир человек, оставаясь природным, может войти только своим духовным началом.

По жизни на человека воздействуют и юридические нормы поведения, и требования нравственности. За нарушение юридических норм общество наказывает преступника тюрьмой, штрафами и даже казнью. Эти нормы, однако, творение человеческое; они претерпевают изменения в зависимости от режима, целей, средств, демократичности власти и прочих атрибутов государства. Они суть властное управление, они дают на человека и требуют повиновения. Они идут извне и поэтому обычно вызывают сопротивление.

Нарушителей требований нравственности судят окружающие люди словами неодобрения, осуждения, но главным инструментом наказания является совесть самого человека. От общественного осуждения можно убежать в пустыню, а вот от угрызений совести сбежать невозможно никуда. Они всегда в человеке. Нравственные нормы живут внутри человека; они его духовная суть и потребность выполнения.

Если жизнь человека им соответствует, он умиротворён, доволен собой, он счастлив. Счастье — это ощущение человеком чего-то им достигнутого, удовлетворение жизненной ситуацией, избежание опасности и прочее в этом роде. В зависимости от значимости состояния или достигнутого, оно может казаться большим, огромным, всепоглощающим или маленьким, незначительным. Еда с аппетитом, ощущение сытости — тоже счастье.

Такое счастье недолговечно; оно изменяется или вовсе исчезает, переходя в равнодушие и даже уныние. Это счастье животного.

Вера подарила человеку величайшее счастье — жить, ощущать окружающий мир, любить, растить детей, трудиться. И она указала, как достичь это счастье. Заповеди, которыми человек должен свободно следовать, то есть, исполнять требования Христианской нравственности.

Счастливая жизнь — это праведный путь человека, который сам по себе является сутью жизни и составляет счастье. Отсюда, если жизнь человека безнравственна, то она не может дать счастья, как не может быть съедобной пища, приготовленная из скверных продуктов. Для счастья необходима гармония цели и путей её достижения, а и то,

и другое, в свою очередь, должны соответствовать требованиям Христианской нравственности, Его Заповедям.

Жизнь безнравственного человека теряет смысл. Требования всеенской нравственности стабильны и существуют в основе человека, даже при самых скверных режимах власти.

Жить праведно значит жить нравственно. Чем нравственнее общество, тем оно более жизнестойко. Высокая нравственность — основа космического долголетия разумной цивилизации. Это и есть путь человечества, имеющий перспективу. Путь долгий, трудный, через страдания, через Голгофу, но иного не дано. Или человек идёт по этому пути к добру и крепости, или человек вырождается и гибнет во зле.

Общество через нравственность осуждает половые извращения вовсе не оттого, что это некрасиво или кому-то не нравится, не от ханжества, а исключительно по той причине, что они идут во вред эволюции, обществу как системе, как организму.

Сексуальные меньшинства отстаивают право на свои извращения, аргументируя бессмертной идеей о свободе личности. Они требуют, чтобы общество не осуждало их и признало их право на свободное поведение. Это допустимо, если бы явление не вело к физической самоликвидации общества. Исходя из норм всеенской нравственности, люди, относящиеся к сексуальным меньшинствам, всегда будут рассматриваться как клетки-паразиты, ослабляющие биологический поток существования общества, ибо они выпадают из процесса продолжения рода.

Даже если в обществе находятся люди, относящиеся к ним терпимо, снисходительно, всё равно нравственность через большинство людей обязательно окажет своё моральное давление и осудит людей-носителей извращённого секса. И повторим, это не будет ханжеством, но необходимым условием духовной крепости общества.

Как пишут историю, что в неё закладывают?

Поступки личностей, влияющих на судьбы людей, описание судеб стран и народов, реформы и непременно перечисление войн. Историк описывает цели войн, их результаты, иные аспекты, но не встретишь исторического труда, в котором поступки людей любого ранга в государственной, общественной иерархии описывались бы с позиций нравственности. Разве что иногда и вскользь.

Это очевидно свидетельствует о том, что общество ещё не созрело до понимания решающего значения духовной составляющей человека для сохранения человечества как такового в обозримом будущем. Ему ещё предстоит понять и признать эту истину, понять и признать, что духовный мир существует не только как реальность, но и как основа мироздания, что он не есть продукт эволюции материи, но генератор всего существующего. Понять, что человек не животное, а носитель духа и естественная часть необозримого духовного мира, продуктом которого он и есть по сути.

Понять всё это и следовать требованиям вселенской безусловной нравственности, внесённой из духовного мира, открывая себя, своё сознание для принятия информации вселенского разума и всё более отдаляться от понимания себя как животного со всеми его бесчисленными, бесчеловечными проявлениями. Жизнь и здоровье общества создают люди-носители добрых отношений, добродушные, для которых выполнение требований христианской нравственности — естественное состояние души.

Зло не участвует в созидательной жизни общества, напротив, оно разрушает её. Люди-носители зла, безнравственные в мыслях и поступках, подобны болезнетворным микробам или ржавчине. Зная, что христианская нравственность не приемлет зла, они прикрывают свою суть лицемерием и подобно преступникам стремятся придать себе пристойный вид.

Можно сказать, что существуют два мира: мир созидательный, состоящий из добропорядочных людей, творцов жизни, и мир разрушительный, состоящий из людей-носителей зла. Человек волен выбирать, в каком из этих миров ему жить, и многие из людей своими мыслями и поступками живут и в том, и в другом одновременно.

Нравственные законы действуют на людей, творящих зло, как состояние души, как её реакция на мысли и поступки. Юридическое осуждение не исправляет человека, творящего зло, а лишь вызывает его раздражение и протест. Но исправление возможно через изменение состояния души; если она решительно отвергает зло, человек не может совершать злые поступки.

Если правила поведения людей противоречат требованиям нравственности, они плохие и негодные. Самое драгоценное приобретение человечества — это христианская нравственность с её общечеловеческими требованиями.

Она являет собой основу всякого рода законов, норм и правил, исполнение которых позволяет обществу существовать в стабильном

равновесии, не разрушаясь. Поскольку нравственность имеет духовную природу, она является основным признаком, отличающим человека от животного. Если человек исповедует нравственные нормы, и общественные законы им не противоречат, он без протеста воспринимает эти законы и прочие юридические нормы, он законопослушный гражданин, и общежитие людей гармонично. Если же христианская нравственность не звучит в его душе, то необходимость исполнения этих законов вызывает у него протест и ярость. Он может смириться, а возможно и нет, во всяком случае, он в таком состоянии есть потенциальный преступник и по-хорошему обязан покинуть общество как не признающий его правил. Но так не бывает: он живёт в обществе и творит зло.

Главное в этом рассуждении — понять и воспринять, что вселенская нравственность есть основа человеческого общества, без которой оно, общество, рано или поздно неминуемо развалится.

Понятие справедливости изъездили и измызгали до полного его неприятия на слух. Признание этого печального факта не означает, однако, ненужности и, тем более, отсутствия его как такового в жизни людей. Если рассматривать справедливость как мерило житейских благ и их распределения среди людей, то она применяется часто как синоним равенства; справедливо — значит, поровну. Но в природе нет равенства, а значит, понимание справедливости в указанном значении бессмысленно; его просто не существует.

Если же поместить его в духовную сферу человека наряду с нравственностью, и прежде всего, с совестью и любовью, то оно очень уместно и даже необходимо. Человек сам оценивает свои мысли и поступки через нравственность, совесть и говорит: «Это справедливо, а это несправедливо».

Если один человек купается в роскоши, не знает, куда девать деньги и выдумывает, мучается, что бы ещё «выкинуть» из ряда вон выходящее, чтобы поразить людей своим богатством, а другой не имеет средств на лечение в больнице, то как тут быть?

Это ненормально, это несправедливо.

Как примирить наличие природного неравенства и нравственной необходимости в справедливости?

Только с помощью совести и любви.

А если человек безнравственен и без совести?

Юридические законы позволяют ему быть и тем, и другим. Мир сегодня и живёт таким образом.

НЛО

На половину неба, подобно радужной дуге, раскинулся над Землёй, завис НЛО. Мерцающие, отчётливо видимые асимметричные очертания казались бесформенными и хаотичными, но стабильными.

Однако, при более внимательном рассмотрении замечалось движение всего НЛО одновременно и в одном направлении. Цвета его проглядывались в виде фиолетовых продолговатых веретён; они быстро меняли свой цвет, становились рубиновыми с венцами, искрились сиреневым тёплым светом.

НЛО заслонял звёзды. Ощутимого физического воздействия на Землю он не оказывал. Стояла типичная для ноября слегка морозная ясная погода. Животные не обращали к нему никакого своего внимания; они, как ни в чем не бывало, продолжали свою эволюцию, то есть щипали траву. Но вот психику людей НЛО потрясал. Люди оцепенели и ощутили себя как под гипнозом. Им казалось, что за ними наблюдают.

Дальше — больше.

Случилось невероятное. Впервые в жизни человечества они совершили первый разумный шаг. Люди внезапно перестали лгать, как отрезало. Появилась неведомая угроза для всех! Всех без исключения.

Но как жить без лжи?

Катастрофа. Ведь ложь — доминанта поведения человека в обществе. Ложь опутывает и цементирует отношения людей; она инструмент самоутверждения и самосохранения человека. Ложью он показывает свои лучшие стороны, реальные или придуманные, и скрывает скверные. Поведение людей и мемуары, в частности, — тому подтверждение. Ложь сглаживает и смягчает острые края правды, от сильной рафинированной дозы которой у людей раскололись бы головы, лопнули бы мозги, и они наверняка сошли бы с ума.

Безо лжи люди предстали воочию в истинном своём виде, не прикрытые лицемерием. Ясно, что привычный мир человеческих отношений стал на грани обрушения.

И что же дальше?

Люди в новом своём состоянии втянули головы в плечи, ощерились и защёлкали зубами в намерении драться за своё уже в открытом бою, без забрала. Они обрушили свою ярость на обидчиков с целью добиться справедливости. Мир опрокинулся в пучину анархии и беспорядка, ибо власть, лишённая лжи, не смогла существовать. Общество стало для людей чужим и непригодным для жизни.

И что же дальше?

Есть надежда, что люди приспособятся к своему новому состоянию, но наверняка нам это не ведомо.

К счастью, НЛО исчез. Или к несчастью?

Ложь — фундаментальная находка эволюции. Скрытие своих намерений и своей сути, выброс ложной информации, широко распространённые в животном мире, в человеческом сообществе расцвели сложнейшим соцветием. Сила, экономика и ложь — неперенные средства содержания общества в длительно устойчивом состоянии. Ложь как дымовая завеса или витрина.

Люди живут в коллективе, требующем взаимную терпимость, честность, доброжелательность и некоторое единство целей. Вместе с тем, через свои биологические корни люди во всех своих поступках устремлены к своему эгоизму, порою в ущерб окружению. По этой причине им присущи недоверие, себялюбие, жадность, зависть и прочие мало украшающие человека свойства. Правила коллектива отвергают, порицают эти свойства, и человек как бы вынужден скрывать их, то есть лгать.

Жить вне общества человек, однако, не может. Робинзон всё своё сидение на острове искал людей или хотя бы одного человека.

Правила коллектива воспитывают человека, способствуют избавлению его от вышеперечисленных скверных качеств, присущих низшим животным, а он врёт.

Природный мир сотворил маскировку: свойство, позволяющее замечать следы, незаметно подкрадываться к жертве, отвлекать врага от родного гнезда и прочее в этом ряду. Всё это для животного.

Но животное не умеет врать.

Человек, имея принципиально новый мощный аппарат — разум — усложнил это свойство животного и поместил его в сферу человеческих отношений. Он усилил его и превратил в ложь. Он стал лгать. Ложь стала его оружием, нормой жизни, а связка ложь—недоверие—ложь стала устойчивой системой.

Люди изнутри, от вселенской нравственности понимают, что лгать скверно, нехорошо, но при этом они охотно и способно воспринимают ложь. Пристойно, так сказать, позволительно, лгут дипломаты в своей службе, военные люди, чтобы сохранить в тайне свои намерения, политики врут ужасно и непристойно, чиновники для получения чинов и так далее до бесконечности. Словом, врут все; люди с помощью лжи скрывают свои недостатки, пороки. Они ста-

раются этим внушить окружению блестящее представление о себе, внушить почтение.

Вправе сказать, что способность лгать является свойством этапа эволюции. Образуется ли в будущем ситуация, когда сказать правду станет выгоднее, чем соврать?

Если сегодня допустить, что некий человек перестал лгать, он несомненно станет в глазах окружения решительно слабоумным. Достоевский превосходно показал это в своём романе.

Ну понятно, лгать скверно, а что такое правда и что истина?

Истина то, что существует. Правда — это примитивная, сотканная из эгоизма одного человека истина. Истина для одного человека. Сама истина неуловима, как иллюзия. Путь к ней, как к высшей правде, труден и бесконечно долг. Через непрерывный поиск правды для одного человека. Сомневаясь и отвергая одну правду за другой, человек приходит к правде для многих людей и, наконец, к устоявшейся правде для этноса и даже человечества.

Однако, это ещё не истина, это всего лишь путь к ней.

Путь к идеалу. Мыслящие люди идут по этому пути, отвергая одну правду за другой и устанавливая последующую. Путь этот тягостный, но улаждающий душу пытливого человека. Путь — несение креста, и он неизбежно вольётся в Него, как идеал истины.

Зло

Добро и зло понятия абстрактные. Родовые понятия в большинстве абстрактны. Видовые понятия чаще всего конкретны.

Человек ехал на автомобиле по шоссе; внезапно его охватило сильное желание задавить прохожего. Усилием воли он, однако, в предельный момент отвернул. Наваждение.

«Что это со мной?» — подумал он в смятении.

Добро и зло существовали в живой материи всегда. Ты съел — хорошо, добро. Тебя съели — плохо, зло. Зло — продукт низменной животной натуры человека и отсутствия у него нравственных тормозов. Злые помыслы формируют соответствующего человека; он всё более погружается в мир, где даже такие благие светлые понятия, как счастье и ему подобные, деформируются в противоположную сторону. Если счастье это состояние духа, то для такого человека злые

помыслы и дела формируют его дух и составляют предмет и суть его счастья.

Такой мир в себе человек создаёт сам, по своей воле, а основой его и первопричиной является эгоизм. Эгоизм образует базу, на которой человек строит свой мир. При этом он может достигать чудовищных размеров, являя собой основу всех поступков и подавляя нравственные позывы. Эгоизм — доминанта поведения людей. От него, как от ствола дерева, исходят ветви двуличия, жестокости и вообще весь сонм мерзости, присущий человеку. Всё происходит от эгоизма; он дремуч и неистребим, ибо без него не существует жизни. Он двигатель жизни. Даже у гениев.

Пушкин в свои тридцать семь лет дико ревновал свою жену Наталью, мучился ужасно, пошёл на дуэль и погиб, по сути, от ревности. Сам же в молодости безрассудно волочился за женой графа Воронцова Елизаветой Ксавьерьевной. Нагло, бессовестно, на глазах у мужа. Прижил с ней девочку Софью. И ничего, никаких душевных угрызений. Вроде, так и надо. Эгоизм.

Зло локально по своей природе и не бывает само по себе, оно не субстанция, но паразит на жизни. Зло без жизни невозможно, как ржавчина без металла, из окисления которого она происходит. Оно порождение жизни, её болезнь. К счастью, поражённые места неизменно зарастают жизнью. Можно, однако, допустить, что ржа поразила некое злаковое поле и урожай погиб. Прискорбно.

Применительно к человеку эта ситуация означает гибель нации или даже цивилизации. Жизнь утратила свой иммунитет и погибла.

Хотя добро составляет субстанцию жизни, а зло паразит на ней, но роль их обеих значительная, если не определяющая; с полным основанием возможно говорить о существовании двух миров — мира добра и мира зла. Добро бесконечно возрождается из поколения в поколение и точно так же множится зло.

Нет конца мошенникам, убийцам, ворам. Они плодятся так же неукротимо, что и добродетельные люди. Процесс стихийный, природный. Общество пытается регулировать его, но без видимого успеха. Одни полагают зло необходимым, чтобы отличать добро. Другие относят его к природным свойствам человека. Каин ведь убил Авеля! Возможно, зло и добро в совокупности служат мотором развития и самого существования, сутью жизни. Без добра зло заполонит всё, и это конец всего. Дело добра — противостоять злу, не доводя до абсолюта. При одном добре жизнь застынет.

Природный мир состоит из хитросплетения злых и добрых людей. Здесь признаются право и место добра и зла в любом общественном устройстве, ибо они сопровождают общежитие людей, которое заключает в себе как зёрна, так и плевел. Так было при царизме, при социализме, при капитализме, и так будет до тех пор, пока существуют общественные устройства по схеме «стадо — вожак», а именно такой тандем является основой бывших, настоящих и обозримо будущих форм власти.

При этом происходит непрерывный отбор людей для духовной жизни. Грех важен для понимания и оценки жизни человека, но ещё значительнее для направления его жизненного пути. От греха к совести или от совести к греху.

Так определил Он.

Никакими природными ухищрениями, химическими опытами, изобретениями, открытиями и прочим не искоренить зла из души человека, ибо оно имеет иную основу, чем всё содержание природного мира, и будет лишь благодарно человеку за те изыскания и плоды природного мира, которые придают ему ещё большую масштабность и возможность проявления.

Духовный мир и действия в его сфере способны освободить человека от зла. Неразумно и даже недопустимо отмахиваться, пренебрегать этой возможностью спасения из-за того, что мы чего-то не знаем. Дай свободу злу, поощри его, и оно распустится кровавыми цветами, захватит людей и пожрёт их, но не своими, а их же руками. В этом сила и ключ дьявольской задумки.

Человек вдруг утнул голову, оскалил зубы и зарычал.

Современная литература полна рассказами о природной жизни. Герои произведений ограничены своими животными запросами и живут интригой, враждой, убийствами, мучительством, плотской любовью и ревностью, воровством, жестокостью и злобой, злобой, злобой.

Людям нравится читать обо всём этаким. Почему? Отчего людям нравится криминальное чтиво? Болезненный интерес к таинству мучений, болезням и гибели людей? Влияние сидящего в людях инстинкта убийства? Нравится мучить врага? Свой, чужой. Человек нутром, кожей ощущает своего и чужого. Это от эволюции выживания. Ясно, что никакие конституции или иные общественные бумажные законы не в состоянии вытеснить это ощущение.

Господи, чего только нет внутри человека! Хочется выпотрошить это его нутро и посмотреть, но не увидим ли мы такое, от чего кровь застынет в жилах?

Увидим, непременно увидим. Увидим зависть, злобу, ненависть, жажду убийства, насилия, кражи... Всё вмещается в человеке; все инстинкты, приобретённые в эволюции природного мира, что помогло ему выжить, весь сонм первобытного зла навечно отпечатан в его разуме. И всё это дремлет, но иногда просыпается.

Для чего всё это?

Природа полагает, что пригодится в жизни. На всякий случай.

Цивилизация, социальное состояние, условия жизни, когда нет нужды пускать в ход всё это наследие, когда человеку и так хорошо, держат инстинкты в анабиозе, но если возникает угроза или у него болезнь разума, наследие просыпается во всём своём ужасе. Просыпается автоматически, независимо от желания человека, и наступает разгул зла. Беда.

Законченное полное зло, как родовое понятие, изобразить немислимо, оно многомерно, вот авторы и пытаются рисовать его по частям. Они его рисуют и будут рисовать, пока существует литература.

Странное ощущение двойственности охватило меня по прочтении книги «Мастер и Маргарита» Булгакова. Нечистая сила, этот идеальный рафинированный символ и носитель зла, выступает у Булгакова в благородном, симпатичном, не свойственном ей виде. В самом деле, Воланд по своему разумению помогает Мастеру и его подруге обрести покой и поручает это дело Азазелло — ангелу смерти.

Доброе дело.

Коровьев и Бегемот бесшабашно веселятся, бесчинствуют и потешаются над безнравственными людьми, погрязшими в грехах в отвратительном лживом обществе Москвы двадцатых послереволюционных годов. Нельзя сказать, что это с их стороны доброе дело, но и что плохого в этом? Во всяком случае, оно не вызывает осуждения и даже напротив, скорее одобрение.

Воланд одобряет прекращение мук и прощение прокуратора Понтия Пилата и его верной собаки. Хорошее чувство. Вроде, не дьявольские это дела, но правильные и понятные нормальному человеку.

С другой стороны, вполне вписывается в образ дьявола очевидное удовлетворение Воланда тем, что люди Москвы не изменились в своей мерзости и они всё такие же, что и прежде. И Воланд со своей свитой тогда лишь покинул Землю, когда убедился в этом. То есть, здесь всё в

порядке и отсутствует необходимость присутствия самого Воланда; всё, что желал сделать он, успешно делают сами люди. Здесь и без него господствует зло, следовательно, всё в порядке. Так что же это такое, этот Воланд у Булгакова, и каковы люди?

Есть ещё одна загадка у Булгакова. Мастера он изобразил весьма неприметной личностью. Почему? Из скромности, ибо видел в нём себя?

Любовь к ближнему отвращает человека от эгоизма.

Она определяет его путь по жизни, но не направленная ко всем людям и образующая только добро, как у Иисуса Христа, а напротив, эгоистичная к себе и выборочно к другим людям. Указанное отличие принципиально меняет суть понятия «любовь». В самом деле, человек стремится творить добро для того, кого любит, и вполне допускает зло к тем, к кому не испытывает этого чувства. Выборочная любовь открывает широкое поле жизни в добре, но и во зле, однако именно такая выборочная любовь движет поступками людей.

И на том спасибо.

Человек, не любящий никого и ничего, нереален, а если таковой и случится, так его путь единственно в бессмысленности. В самом деле, какой смысл творить зло, если человек ни к чему не стремится, а его универсальное внутреннее устремление притом единственно по чувству любви? Вот и получается, что именно любовь движет мыслями и поступками человека, в том числе и злыми, определяет его устремления, его жизнь.

Без любви нет жизни. Вот почему Иисус Христос — это любовь.

Случился на Земле человек, получивший от Него великое могущество, и сказал ему Он:

— Дерзай, покажи людям, в чём их зло и в чём погибель. Просвети их, в чём их спасение и каков их путь.

Человек сей пошептал, поклонился многократно во все стороны света, лёг животом плашмя на землю, прильнул к ней, замер, прислушался, встал, собрался с духом и убеждённо произнёс:

— Всё нечистое, рассыпся, сгинь!

Тут же раздался дикий свист, рёв, вой, скрежет зубов и... никого не осталось.

— Что ты наделал?! — в отчаянии закричал я. — Ты уничтожил природный мир, ибо он нечист и весь во зле.

— Не весь, — с доброй улыбкой успокоил меня этот умудрённый человек.

И я увидел. Действительно, вокруг стояли люди с просветлёнными лицами; их не много, но они были. Я видел их.

Вдали же во множестве люди в тюремных позах на корточках, бес- сильно уронив руки к земле и склонив головы с тупыми физиономия- ми, в полной прострации, ибо были пусты. Они не знали, как жить теперь без зла, с которым они только и жили. И они упали, ибо жить так не смогли.

Общество должно жить по законам Христианской нравственности.

Наказать очевидного злодея, не дожидаясь суда и следствия, было бы самым правильным, но общество во избежание произвола формализовало и опосредствовало процесс возмездия следствием и судом. Путь к нравственному обществу, таким образом, состоит в приведении формальных юридических законов в соответствие с требованиями Христианской нравственности. В противном случае, злодей через юридические ухищрения сможет уйти от возмездия, что нередко случается в нашей повседневной жизни.

Произошло это событие в городе Камышине, волжской арбузной столице. Не знаю, как и приступить, выдержу ли. Сердце моё разрывается, а разум стынет от непосильных усилий понять, объяснить...

Молодые люди, школьники последнего выпускного класса: им по семнадцать лет, три девицы, Людмила, Татьяна и Надежда, и трое юношей, Аркадий, Сергей и Виктор, устроились однажды на лавке в сквере напротив дома. Вели себя раскованно, выпивали, обсуждали свои дела, много смеялись. Как нередко бывает в таких обстоятельствах, молодым людям показалось мало выпитого. Выпить хотелось, а денег на спиртное не осталось; стали энергично обсуждать проблему.

Виктор кстати вспомнил, что отец их одноклассника Василия, нумизмат, обладает хорошей коллекцией драгоценных монет.

— Возьмём монеты, продадим и выпьем, — решительно произнёс Виктор. Общество с восторгом приняло предложение. Ребята не усматривали в предприятии никаких трудностей, равным счётом никаких. Всё им казалось простым и доступным.

Отправились, позвонили в квартиру, вошли и не теряя времени на переговоры, всем хотелось выпить, приступили.

— Да вы что, ребята, — возмутился Василий, — с ума съехали? Как это взять коллекцию отца? Он в эту коллекцию свою жизнь вложил. Вы знаете, как он дорожит ею? Уходите.

— Захлопни пасть, — мгновенно озверел Виктор, — выкладывай монеты.

— Да нет их в доме, — продолжал уговаривать их Василий, — отец унёс их на выставку.

— Врёшь, подонок, по-хорошему давай.

— Я сейчас позвоню в милицию, убирайтесь вон! — потерял терпение Василий и направился к телефону.

В комнату на шум вошла Вера, подруга Василия.

— Ребята, — поддержала она друга, — уходите, не скандальте.

Не обращая внимания на девушку, Виктор не раздумывая вытянул из бокового кармана куртки нож и наискось, снизу вверх ударил им Василия в грудь.

Юноша упал, заливаясь кровью. В страхе дико закричала Вера, но замолчала, увидев перед глазами нацеленный на неё нож.

— Замолчи, сука!

Виктор спрятал нож и переступил раненого.

— Ищите монеты, — хрипло приказал он. Совершив злодеяние, он поднял себя над остальными и получил право повелевать.

Не обращая внимания на Василия и обезумевшую в страхе Веру, все кинулись искать. Монет не нашли. Впрочем, они тут же забыли про них, вытащили из холодильника еду, из бара спиртное, девушки весело со вкусом сервировали стол.

— Ребята, смотрите, какой стол мы устроили, — сказала Надежда и пригласила всех на пир.

Василий мешал проходу; они ногами отпихнули его, истекающего кровью, в сторону и уселись. Кушали с аппетитом; в холодильнике нашлась и красная икра.

Вере уйти не дали, и она, сжавшись в комок, обессиленная страхом, полулежала в углу.

После обильной выпивки Аркадий объявил, что у него стоит на Веру.

— А что, давай, — одобрила компания. Девуцы захихикали.

Вера не давалась. Тогда Людмила взяла со стола большой хлебный нож, наставила его на Веру и приказала:

— Раздвинь ноги, сука, — и Аркадию, — давай.

Аркадий возбуждённо снял брюки. Вера билась и не давалась.

— Сейчас зарежу, раздвинь ноги, тёлка! — пригрозила Людмила.

Аркадий справил удовольствие и уступил место Сергею, тот — Виктору. Всё это время возбуждённая сексом Людмила держала над несчастной нож, угрожая смертью.

Василий умер не вдруг. Умирал он долго, жизнь не желала уходить из молодого здорового тела. Он заливал своей кровью пол, бился в предсмертных судорогах, агонизировал... а молодёжь веселилась.

И никому из ребят не пришло в голову помочь умирающему, остановить льющуюся кровь, вызвать врача, словом, спасти жизнь мальчика, их одноклассника. Не было у них и сочувствия, боли за него.

— Смотри, ребята, он ещё дёргается, — удивился Виктор, — Людка, ткни его ножиком.

Сергей отвернулся от стола и посмотрел на Василия. Перед ним предстало великое таинство, уход человека из жизни. Оно захватило и приковало его взгляд. Сергей с жадным любопытством наблюдал агонию человека и ощутил особое, напряжённое, болезненное торжество существа, остающегося в живых. Истекающая кровь, агония, страдание, подёргивание рук и ног, все эти признаки умирания доставляли ему мрачное, жестокое, ни с чем не сравнимое удовлетворение, самое глубокое ощущение в сравнении с едой, выпивкой, дыханием, прочими природными отправлениями и даже сексом.

И он, Сергей, — участник этого таинства. И он, Сергей, способен помочь несчастному, но не желает этого. Не желает лишиться потрясающего ощущения.

Но вот смертные муки Василия прекратились. Он в последний раз в своей жизни глубоко вздохнул и успокоился, стал недвижимым, открыл глаза и устремил их в вечность. Взгляд его теперь отражал мудрость иного мира, который отныне стал новой сутью Василия.

Сквозь нагромождение шелухи, вожелдений и прочих мерзостей природного мира взгляд его проник в духовную основу Сергея. И под этим взглядом Сергей содрогнулся. Он ощутил обессиливающий страх. Он хотел отвернуться, но не смог. Взгляд Василия его ужасал. Молодость не сомневается, что жизнь бесконечна. До этого момента не сомневался и Сергей.

Болезненный, идущий из нутра позыв пронзительно шепнул ему истину о неизбежности перехода для всякого человека от природной жизни в неизвестность и что тайна этого перехода общая для всех. Но что самое неожиданное и ужасное, так это то, что и он, Сергей, также не избежит рокового перехода. Как пловца, попавшего в омут, тащит гибельными неотвратимыми кругами на дно, так Сергея потянуло к познанию этой роковой тайны ухода человека из жизни. Теперь это Василий, но тайна у них общая, и со временем Сергей неизбежно встретится с нею лицом к лицу.

Вот почему Сергей с жадным болезненным любопытством наблюдал умирание Василия.

— Гляди, он вырубился, — сказал Виктор, опрокинув рюмку в рот и захрустел солёным огурчиком.

— Он, подонок, не хотел монеты отдавать.

Девочки хихикнули. Виктор потряс Сергея за плечо.

— Что ты на него уставился? Он ещё хотел милицию позвать. Ты его не жалея, он не товарищ. Давай лучше выпьем. Смотри, какая классная жратва.

Еда, выпивка и безнравственность затопили их духовную суть, которая лишь единственно одна и могла осудить и отвернуть их от скверных дел.

Они кушали и выпивали.

— Людка, ты не забыла, что у нас завтра контрольная по математике? Ты башка, будешь мне подсказывать.

— Может быть, не следовало? — медленно произнёс Сергей.

— Закрой пасть! — в бешенстве заорал Виктор. Он хотел, чтобы его одобряли, а этот...

Сергей всё ещё находился в странном, непривычном для себя состоянии свидетеля роковой тайны бытия и смерти.

Вера нашла в себе силы, выбрала удобный момент и сбежала. Она пришла в милицию и там свалилась в беспамятстве.

По мере того, как из ребят выходил хмель, их всё сильнее охватывали беспокойство и страх ответа за содеянное. Нет, раскаяние их не тревожило. Теперь все их помыслы были направлены на то, чтобы избежать наказания. Они не нашли лучшего способа замести следы, как поджечь квартиру; пожар им, однако, не удался. Найти молодых людей не составляло для милиции труда. Их судили. Виктору дали двадцать лет тюрьмы, другим по пятнадцать, девицам — по восемь.

Ну и что?!

Моделирование жизни

Жизнь и природа чрезвычайно сложны. Изобразить их исчерпывающе во всех нюансах человеческому разуму не представляется возможным, разве что отдельные моменты, крохотный кусочек бытия, такие жалкие попытки.

Учёные люди всегда стараются подобрать, как бы это сравнить всё им непонятное с известным и понятным. Вселенную изображают то в виде замкнутой сферы, то бесконечной, уходящей в пространство. Пишут математические формулы, всё более сложные по мере совершенствования математики. Выдумывают всё более сложные геометрии в попытках изобразить, хотя бы в малой степени, Вселенную.

А как отобразить в понятных образах бытие, жизнь человека? Вроде, начертал формулу, да и решил, что вот она жизнь и есть. Путаница страшная в мозгах, а привязаться к чему-то известному, изобразить её, хотя бы приближённо, для понимания, решительно необходимо, чтобы не свихнуться по причине отсутствия точки опоры.

Попробуем отобразить помыслы и поведение человека синусоидой. Кривая простая и понятная даже школьнику. Помыслы и поступки человека колеблются в пределах этой кривой и ограничены ею. Линия симметрии обозначает цель жизни — сохранить её, родить детей и тем продлить свой род. Линия эта более или менее прямая, ибо она есть основная природная цель. А вот бытие разбросано по всей синусоиде в виде точек; они то направлены к добру и отображены положительной областью кривой, то падают в отрицательную область, то есть, во зло.

Жизнь скверного человека выражена отрицательной совокупностью точек кривой; жизнь добропорядочного человека — положительной.

Разум человека стихийно стремится уйти от хаоса непонимания к чему-то определённом. Синусоида несёт в себе хотя, возможно, и убогую, но какую-никакую определённость.

Кривой математической линией возможно отобразить духовное внутреннее содержание человека, его мировоззрение, понимание своего происхождения, его духовный путь, своё космическое место, смертность или бессмертие. Кривые или замыкаются в конечную, видимую глазом фигуру или устремлены вдаль.

Эллипс и лемниската Бернулли изображают замкнутость и ограниченность жизни человека, как в добре, так и во зле. Кардиоида также, да к тому же, имея форму сердца, ещё более приближает отображение к человеческой сути. Четырёхлепестковая роза отображает жизнь человека в четырёх состояниях с конечным исходом: жизнь святого, обычного человека и грешника. Гипоциклоида — добро, обычный человек, зло. Парабола уходит в бесконечность добра или зла. Циклоида изображает бесконечную жизнь в разных состояниях человека. Удлинённая циклоида — то же, но со сложным переходом в состояния. Архимедова спираль отображает жизнь, пришедшую из таинства бесконечности, жизнь человека, прошедшего цикл на Земле и ушедшего в таинство бесконечности. Логарифмическая и гиперболическая спираль — жизнь, рождённая природой и ушедшая в бесконечность. Строфоида — из бесконечности в природный цикл и уход в

никуда. Декартов лист — из бесконечного начала в добропорядочную жизнь и уход в таинство конца. Развёртка окружности — из бесконечного начала в праведную конечную жизнь.

Сознание и разум

Сознание и разум — понятия решительно различные. Сознание — это духовная суть человека. Пронзительное внутреннее ощущение себя в мире. Самая глубинная основа, причина позывов и поступков; оно же определитель дозволенности. Сознание эволюционирует по мере накопления опыта и всегда предопределяет путь и к добру, и к злу. Сознание не подвластно разуму. Суть его, заложенную в человека при сотворении, только и возможно ощутить не иначе, как через интуицию и озарения, то есть, через Его промысел.

Ощутить, но не понять.

Существуют два вида сознания. Одно даёт человеку ощущение себя в природе, другое — ощущение себя в духовном мире, то есть в мире иного измерения. Оба эти вида сознания содержатся на разных уровнях; глубина, где сосредоточено второе сознание, открывается человеку, когда душа его покидает тело, то есть, исчезновение первого сознания является ключом к открытию второго.

Сознание представляет собой особую энергию, отличную от любых иных видов энергии, известных человеку. Овладение его тайной стало бы событием вселенского масштаба; оно сулит человеку огромную мощь, которой он в своём нынешнем состоянии не может распорядиться с добром. Впрочем, это гипотеза. Чтобы её проверить, человеку необходимо самому пройти указанные переходы, уровни.

Подход учёных природного мира здесь не проходит; он не даст результата, он неуместен и даже бессмыслен. Видно, рано ещё человеку, если вообще возможно, узнать суть сознания.

Не есть ли познание тайны сознания грехом Адама и Евы? Разрешил же Он первым людям вкусить плоды, совершить грех, увидеть истину и жить в природном мире, совершенствоваться на пути от греха. Возможно, и перед тайной сознания существуют подобные запретные плоды, вкусив которые люди найдут ответ. Существованию уровней сознания есть немало подтверждений, однако, все свидетельства сугубо личного свойства. Гранью уровня, несомненно, является клиническая смерть человека; момент закрытия природного сознания и открытия иного.

Молодые люди с лёгкостью воспринимают идею атеизма по той причине, что вопросы жизни и смерти, как таковые, ещё не тревожат их. Перед ними кажущаяся «бесконечная» жизнь. Но с возрастом, с годами люди начинают задумываться.

Разум — это аппарат приёма, обработки и оценки информации из окружающего мира. Работа мозга. Выдумки.

Всё в природе обладает способностью и стремится сохранить себя; кирпич и голубь, учреждение и тыква, вода и правительство, словом, всё. Если неорганика делает это пассивно, то животные снабжены разумом и сохраняют себя изобретательно.

Приходится, однако, с прискорбием признать, что разум человека ещё слаб; он безоговорочно выполняет посылы инстинкта, находится у него в подчинении. Это стихийный разум, так назовём его. В ходе эволюции люди с незапамятных пор пытаются усовершенствовать своё общественное устройство, но делают это фатально неудачно, всё себе во вред. По сути, процесс этот носит стихийный характер независимо от сознания людей. Они лишь подстёгивают его, показывают его необходимость. Люди же просто живут, обеспечивая себя всем для жизни в рамках общества и посылно подчиняясь его правилам. Иногда протестуя.

Естественно, такое общество не может быть достаточно эффективным для решения главной задачи — сохранения человека как вида.

Устремления людей выражают много векторов: трудолюбивые добродетельные люди направлены на труд и добрые дела, лгуны на ложь, бандиты на грабёж и убийство, властолюбивые на достижение власти, генералы на победную войну и награды. Равнодействующая от сложения всех векторов есть лицо общества, его суть. Все вышеуказанные векторы суть устремления людей, исходящие из природных желаний и направленные на достижение природных ценностей. Ни одно из них не направлено напрямую к добру или ко злу, любви, правде, к праведной жизни. Поэтому пока такое общество — тупиковое, по сути.

Необходим вектор, компенсирующий эту безнадёжность и придающий человечеству безусловный смысл, перспективу. Этим вектором может служить вера в безусловное начало. Он должен быть достаточно сильным, чтобы уравновесить всю гамму, весь сонм животных устремлений человека. Величина его определяется долей людей искренне верующих и глубиной веры каждого человека в отдельности.

Сосуществование природных знаний с духовным безусловным началом не должно базироваться на взаимном отрицании; каждое из них имеет право на реальность. Стихийный разум при этом, очевидно, постепенно переходит в разум сознательный. Мозг перестаёт быть рабом инстинкта и, имея в своей основе жажду жизни, соображает широко и с перспективой. Приходит убеждение в необходимости создания сильного дружного общества. Осознаётся пагубность недостойной грызни людей между собой за кость с мясом.

Когда придёт такое состояние, общество совершит энергичный скачок в своём развитии, развитии технологии. Человек вступит в следующую фазу своего космического существования, совершенствования. Он научится понимать природу такой, какая она есть, без наглядных, далёких от сути моделей, вещей и событий, которые годны лишь для примитивного испытателя.

Человек станет понимать природу сразу, схватывать суть, как понимает мать своего ребёнка.

А дальше?

Дальнейшее выходит за пределы моего «Я», а значит, для меня непознаваемо.

— • —

До этого Валера слушал меня молча: он кушал беляши. Но вот он тщательно, с удовольствием прожевал и проглотил последний кусок жареного теста с изрядным комочком сочного мяса, вытер рот салфеткой, принял подобающий моменту вид и, с сожалением взглянув на пустую тарелку, решительно изрёк:

— Этого не может быть. Как это «станет понимать природу сразу»? Для познания необходим опыт!

— Но ты признаёшь, что опыт есть лишь один из способов познания?

— Признаю, — неуверенно произнёс Валера. Он ещё не решил, что ему взять, коржик или пирожок с повидлом.

— А если признаёшь, то как же можешь утверждать, что без опыта нет познания?

— Да, без опыта нет познания, — упрямо повторил он и вытер губы салфеткой. Валера очень воспитанный человек. — И через десять лет, и через тысячу лет, и через десять тысяч лет не будет!

— Но зачаток иного познания существует уже теперь! — сказал я.

— Что?! — Валера даже приподнялся над стулом. У меня, правда, не было уверенности, по какой причине, ибо в этот момент он ухватил пирожок с капустой.

— Да, теперь. Разве действия таблицы умножения заставляют тебя задумываться? Ты сказал «семью семь» и без всяких промежуточных операций в твоём мозгу готов ответ, как бы из ничего. Во всяком случае, так тебе кажется. На самом деле в мозгу произошла некая работа, но это уже свойство мозга, и тебе нет до этого дела. Ты сразу, без опыта познал суть, «семью семь сорок девять».

Валера снова подскочил, на этот раз от возмущения: пирожок с капустой он прикончил.

— Но в этом случае опыт был, когда меня заставляли зубрить таблицу.

— Ты прав, мой друг, в детстве опыт действительно был, но, — я сотворил паузу, чтобы усилить удар, — но твоё детство это мы с тобой, наши предки, все-все! Мы все трудились и ставили опыты. Мы накопили океаны знаний и в одно прекрасное тысячелетие эти знания обратились в качественное изменение поведения мозга. Человек стал схватывать суть явлений сразу, как ему кажется, не ощущая скрытую в себе гигантскую работу предков. Ты согласен?

— Никогда! — Валера плотно поел и был весьма решителен.

Я понял, что мои доводы несколько запоздали; следовало начинать до супа с клёцками, когда Валерины мысли ещё бились, а теперь всё ушло на пищеварение.

Вечная проблема человека — это его отношение к себе, к духовности, пониманию себя в мире и смысла своего существования в нём; проблема ухода из жизни без истерики, стенаний и мятущегося разума.

Человек, несомненно, живёт в истинном мире, но ощущает его искажённым своим специфическим восприятием. Разум позволяет видеть мир, но неизбежно в искажённом виде. Он всматривается, но не видит того, что есть; он не может распознать суть изнутри, не понимает и обычно старается придать ей образ, понятный ему. Человек не способен познавать суть в её истинном природном своём виде; разум лишь подыскивает сравнения с известными ему по жизни понятиями. Человек обречён видеть искажённую суть вещей. Таково несовершенство или, если угодно, специфика разума. Он ограничен и не способен постичь истинную, глубинную суть мира.

Учёные люди, материалисты в своих исследованиях, уходя от иррациональности как предмета, чуждого науке, в поисках ответа на тайны мироздания вынужденно используют математику, модели, искусственные построения и иные виртуальные премудрости, то

есть эрзац сути вещей. В суть-то, в смысл они не проникают. Вот и получается у них на выходе та же иррациональность, от которой они убегали.

Человеческий разум может понять то, что не в силах вообразить. Можно ли принять это как понимание? При таком искусственном построении, то есть замене сути на формулу? Возможно. В любом случае, здесь не содержится смысла. Странно. Понимание без смысла.

Только гений, этот истинный сверхчеловек, в силах понять и способен вообразить.

Перед каждым новым знанием стоит код, подобный волшебным словам «Сим-Сим, открой дверь». Код входа в тайну, в новые знания. Человек вечно разгадывает коды, а раскрыв тайну очередного кода, он оказывается лицом к лицу с новым знанием, то обескураженный, то торжествующий, то изумлённый, то в ужасе, но всегда не зная, что его ожидает.

Всё в природе закодировано. Код женщины с Кассиопеи или код человека Вселенной, единственный от сотворения.

Мир бесконечно сложен, а разум ограничен биологией. По мере познания сложности растут, а он остаётся биологически таким же, что у пещерного человека. В любом случае, процесс появления у него новых свойств катастрофически отстаёт от процесса нарастания сложностей. Переваривая всё новые пласты сложности, разум, в конце концов, израсходует ранее ему известные сравнения полученных знаний с известными понятиями и... забуксует, иссякнет.

В будущем придуманные человеком аппараты и технологии, способные проникать глубже и дальше в познание сути мира, выдадут информацию такой чудовищной сложности, какую биологический разум человека не сможет воспринять и тем более осмыслить, ибо она окажется для человека невероятной!

Человек ограничен и не способен постичь истинную, глубинную суть мира.

Самая великая потеря для человека — это потеря разума. Это истинная смерть его как человека. Существует, таким образом, смерть плоти, когда останавливается сердце, и есть истинная смерть, если человек теряет разум.

А если остаётся душа?

Я обнаружил на столе у внука толстую книгу, историю психологии, этакий перечень и суть исследований по этой чрезвычайно тёмной и,

я бы сказал, мутной теме. Наткнулся на Фрейда и резко притормозил. Фрейд нередко на слуху в беседах среди людей, но сути его соображений я не улавливал. Так, что-то необычное о глубинах человека. Разобраться меня не тянуло, я его не читал, так же как, впрочем, не читал «Войну и мир» Толстого, а Тургенева на дух не переносил, хотя, чтобы не уронить свою репутацию культурного человека в глазах окружения, стеснялся в этом признаться открыто. Я, грешный, тоже дорожу ею, репутацией.

Однако, на этот раз вчитался.

Фрейд явление в науке, атеист. Теперь, после ознакомления с ним, полагаю необходимым причислить к весьма достойным мыслителям ещё и Зигмунда Фрейда. Он, естественно, еврей, ну что тут поделаешь, если из них так и гонит гениальность. Избранный народ, куда тут денешься. Обидно, конечно.

Ну так вот, почитал я там о нём около сотни страниц, то есть значительно больше, чем о других. В его изысканиях психологии человека наткнулся на разум и взгляды на инстинкты. Фрейд указал на главные — инстинкт голода и инстинкт продолжения рода, сексуальности. Я подумал, может быть, я ошибаюсь, почему два? Разве Зигмунд не знал, что весь человек пронизан инстинктами, так же, как и животное? Так в чём дело, почему только два? Не оттого ли, что мыслитель подспудно полагал, что человек не животное? Он не мог допустить даже мысли о такой крамоле. Какое-то странное заблуждение, некая боковая тупиковая ветвь в науке.

Да человек с ног до головы пронизан, опутан инстинктами. Ведь Господь поместил его в природный мир, и Он не мог не снабдить его механизмами выживания животного, свойствами сохранения в этом природном мире — инстинктами. Если это так и моя догадка верна, то это подход к изучению Фрейда. Где сидят инстинкты, какова их суть и связи с человеком, через что они движут и формируют его поведение.

Каковы границы между животным и человеком. Нельзя ли их разделить, только зачем разделять-то? Тогда он не сможет жить в природном мире. Загадки, тайны, интерес.

В простых, обыденных, не требующих особого соображения ситуациях мысли текут в сознании свободно, без усилий. Вопрос посложнее разум кидает внутрь, глубоко в необъятное своё содержание, способное воспринимать откуда-то знания, озарения, ответы, то есть бессознательно получает веское содержание. Как это? Не знаю, ибо разум мой этого не осознаёт. Как же я могу знать?

Структура и технология разума — сознательное, предсознательное и бессознательное.

Руки, ноги, тело понятно, материально, а разум?

Сознание не касается и не ощущает многие процессы в организме. Оно занято разведкой окружения и выработкой поведения.

Главный вопрос, где кончается животное и начинается человек. Где? Возможно ли определить границу и критерии, если оно, человеческое, соединилось, переплелось, не потеряв животного?

Тайна мироздания, и человек — главная тайна Вселенной.

Фрейд искал пути из бессознательного нутра человека в сознание.

Всякая наука независима от того, ученый атеист, верующий или иных взглядов, это не важно. Если он честен в исследованиях, ищет истину, а не дешёвый успех, то неизменно приходит к Безусловному началу. Фрейд атеист, но честен, и его исследования нутра психики с позиций материализма неотвратимо привели его к признанию духовного мира, неизменно влияющего на поведение человека.

Более того, этот мир является сутью психики наряду с ИД, ЭГО и СУПЕРЭГО, выполняющих психические процессы с разными функциями. Духовный мир вообще является сутью всего человека, определяет его поведение и крепость. Без него, без духовного мира нарушается гармония, а он отвращает человека от негативного влияния животного начала и напротив, усиливает в нём человека, увеличивает человеческую долю в смеси.

Если в человеке смесь добра и зла, то каков механизм, позволяющий ему выбрать из смеси нужное и определить своё поведение?

Вся адская смесь зла, ужасов и прекрасного, добра и мерзости содержится в ИД. Всё хранится там и ничто не исчезает, и всё оно рвётся наружу, чтобы жить своей жизнью. Им владеет желание жить и сохраниться. Но на пути его встречает ЭГО, который рассматривает и оценивает всё поступающее от ИД, прикидывает, нужно ли это человеку по жизни, и отобранное пропускает в сознание, а непотребное заталкивает обратно в бессознательное нутро, но не уничтожает, ибо уничтожить это невозможно. Всё хранится там, в ИД, память о всех без исключения предках человека по крови до Адама и Евы. Однако, открыть информацию о конкретном предке невозможно. Это может произойти лишь спонтанно.

Здесь лишь озарения, предчувствия, сны.

Боли в плече я лечу, дыша берёзой, плотно прижавшись к ней спиной, пятками и затылком, а также игрой на гитаре.

Человечество движется к образованию единого организма разума Люди-Земля, в котором человек, животный мир, растения, останки прежней жизни и информация о них за бездну лет.

Мозг-разум сегодняшнего общества устроен из частиц-людей, мыслящих самих по себе, но не связанных или плохо связанных с ним, с обществом.

Единый разум Люди-Земля напротив, будет состоять из высокоразумных, нравственных людей и всего, что есть на Земле, образующих естественные связи между жизнью человека как такового и жизнью общества. Человек станет воспринимать, как свою собственную, и органично понимать жизнь общества в целом. Мыслящее человечество или, если угодно, мыслящая планета, где человечество — мозг-разум и Земля — тело его. Возможно ли это?

Желание понять исходит из инстинкта самосохранения, то есть определить опасность или полезность насколько можно глубоко, чтобы принять наиболее рациональное поведение. Само понимание состоит из поиска предположений и выбора из них одного, наиболее полно отвечающего на поставленный жизнью вопрос. Процесс понимания начинается от беспокойства при первичном ощущении опасности или полезности, а заканчивается умственным переходом к поступкам для достижения задуманного. Осозанного разумом действия мозга по поиску и нахождению ответа обычно не происходит; ответ приходит извне, из неведомой человеку глубины.

Отупляющие попытки ставить вопросы разуму бесплодны. Они не дают ответа. Ответы обычно приходят независимо от этих попыток, потуг мозга. Возможно допустить, что в мозгу человека содержится потаённое от ощущений вместилище поисков истины. Но чаще всего он получает ответ извне. Человеку важно при этом прислушиваться, всматриваться в проблему, пытаться проникнуть в неё, слиться с нею. Тогда она станет понятней. Всякую загадку природы человек старается привести к виду, для него понятному. От простейшего «неповоротлив, как слон» до математического образа $F = mg$, и другие. Ньютон и Эйнштейн старались отразить вселенную привычными и понятными им геометрическими построениями. Ньютон системой декартовых координат изображал прямолинейное пространство. Эйнштейну вселенная показалась иной, и он прибавил к

трём пространственным осям четвертую, временную, то есть применил геометрию Минковского.

Связи массы вещества с энергией он придал вид $E = mc^2$. Саму эту связь в чистом, так сказать, природном виде, изобразить её нутро, он не смог, хотя очень старался. Затем пошёл дальше. Ему не понравилась его же собственная модель вселенной по Минковскому; не похожа она на истину, слабо соответствует сути вселенной. Он решил, что больше подходит криволинейная геометрия Римана. Именно она, по его мнению, отражает внутреннее строение вселенной со сгустками вещества, формой и направлением гравитационных линий.

Эйнштейн упорно вглядывался в космос, хотел увидеть его, голубчика, истинного. И хотя взгляд его, несомненно, был слаб в сравнении с загадками мира, но он всё же проникал и получал какие-никакие ответы.

Человек для отображения истин естественно пользуется известным ему математическим аппаратом и достижениями науки, знаниями о вселенной. Вот этим набором земных знаний он и ограничен, и он не получает желанные ответы из этого ограниченного набора, когда тот иссякает. Нужен прорыв. Нужен гений. Нужны озарения и информация извне.

Возможно, всё же ответы на вопросы являются плодом размышления человека как такового? Но тогда почему они поступают в виде озарений, а не по ощущаемому размышлению?

Информация извне. Получается, однако, что информация, необходимая для ответов на вопросы, входит в человека дозированно, по его силам. Человек не воспринимает непонятную ему информацию, и он её не получает.

Словом, дело тут весьма запутанное, и я лично озарений по нему не получал. Никакими известными мне знаниями я не в состоянии построить какую-либо понятную людям или хотя бы мне одному модель. Видимо, слабо вглядывался и вслушивался; следует продолжить. Попробую завтра во время утренней прогулки по Странному шоссе.

Цивилизация и свобода

Человечество бурлит кипящим варевом в котле планеты; чудовищным по сложности и непредсказуемости варевом. Бурлит, выплёскивается через край от сильного пламени желаний, устремлений,

страстей. То затихает на время, приходя в себя, устав от собственных злодеяний и лжи.

Безусловное начало варит и творит. Человечество пребывает в постоянном умирании поколений, в непрерывной личностно-человеческой трагедии гибели. И оно живо постоянным рождением новых поколений людей, освещённых радостью жизни.

Я растёр в ладони гроздь серебристой полыни, и упоительный горьковатый запах степи ворвался в душу вместе с грозной кровавой жизнью древних кочевых народов, в которую естественно и непринуждённо вплетался весёлый быт и человеческие радости.

Человечество постоянно отражает удары внешние природного свойства и угрозы от людей, то есть, от самих себя. Оно состоит в режиме выживания, подобно отдельному человеку, и здравствует и болеет, страшится и радуется, озлобляется и прощает, словом, все ощущения живого существа ему не чужды. Болезни, наркомания, террор, убийства и многое прочее. Все эти угрозы для человека являются злом, с которым он борется и таким образом выживает ценою больших или малых потерь. Во всяком случае, до настоящего времени не случилось угрозы, способной убить цивилизацию. Насколько известно.

Люди успевают найти защитные средства, принимают бой и живут, как цивилизация, хотя, повторимся, несут потери. Больше того, наличие угроз — это прививка от болезней. Применительно к России можно сказать, что при всём откровенно-скверном отношении автора к большевистскому режиму нельзя не признать за ним определённую пользу: он стал сывороткой, привитой человечеству против этой отвратительной и чрезвычайно опасной болезни.

Люди стараются создать себе комфорт и безопасность, что в свою очередь таит в себе угрозу. Комфорт и безопасность — приятные ощущения, но, с другой стороны, они разоружают людей против будущих угроз, ибо расслабляют и избавляют от необходимости изобретать защиту. Поэтому ситуация полного комфорта и безопасности опасна.

Куда пойдёт человек, к творчеству или потреблению? В какую сторону получится крен? Что сильнее в человеке, его трудовые творческие позывы или получение чувственного животного удовольствия? Это проблема, она стоит в одном ряду с другими и вполне может стать реальной угрозой для цивилизации. Впрочем, подобных угроз несть числа.

Цивилизация движется во времени по пути увеличения демократических свобод и прав личности. На этом пути человечество разоряется по отношению к террору. Террористы, подобно вирусам, пользуясь благородными правами личности и демократической свободой, легко проникают в общественный организм и творят своё зло. Демократия отменяет смертную казнь преступникам, в том числе, маньякам, патологическим убийцам, террористам, которые представляют одним своим существованием смертельную угрозу для людей и должны быть безусловно уничтожены.

Благой путь открывает дорогу злу. В этом роковое легкомыслие демократии. Путь к свободе вовсе не означает пути к добру. Если «добро» как понятие означает пользу и не содержит в себе двоякости, то понятие «свобода» требует ответа на вопрос — для кого? И, в зависимости от ответа, воспринимается или отвергается. Именно здесь заложена опасность неверного толкования великого понятия «свобода». И вновь мы сталкиваемся с извечным противостоянием цели и средства её достижения.

Если свободу отнести к цели, то это чревато гибелью цивилизации, если к средству — то к укреплению цивилизации.

To be or not to be.

Если угрозы реальны, то свобода должна быть использована как средство в режиме блага, а не вообще.

Уже сегодня светлая мечта о правах человека и свободе оборачивается слабостью во взаимоотношениях с Исламским миром, который воспринимает указанные понятия иначе, по-своему. Не оборачиваются, уже обернулись. В конце двадцатого столетия реально началась война агрессивных ветвей исламского мира против Западной цивилизации, хотя об этом не принято говорить напрямую.

Странная, непривычная историкам война, не в сражениях армий, а в виде террора со стороны проникших в демократические благополучные страны головорезов-фанатиков.

Справится ли Западный мир, неоспоримый носитель цивилизации, обезоруженный демократическими свободами, с этой новой угрозой?

Желательно. Но ещё желательно, чтобы он вышел из этой беды поумневшим.

Как уже сказано, отсутствие угроз это тоже угроза. Если допустить умозрительно, что мир стал сплошным благом и без проблем, то такой мир, несомненно, погибнет, ибо угрозы неотвратимо возникнут и погубят его, незащитного. Итак, чем благополучнее, комфортнее

общество, тем оно менее жизнестойко. И, тем не менее, человечество устремлено к такому обществу как идеалу.

Это, однако, не утопия. Утопия — это ложный неосуществимый проект, движение к которому бессмысленно, ибо оно невыполнимо по определению. К идеалу двигаться вполне возможно, допустимо и с очевидной пользой. Но идеал, ограниченный построением вышеуказанного благополучного комфортного общества, содержит в себе тупик, ибо чем идеал ближе, тем общество слабее. И только при условии, если общество содержит в себе ещё и духовную составляющую, то в совокупности содержания он ведёт к процветанию и долголетию.

В этом великом и скорбном пути люди несут жертвы, неизбежные и необходимые. Часть из них сгорает, как топливо в двигателе жизни.

Приведённые здесь рассуждения пригодны для обозримого будущего человека, но они вполне могут быть перевернуты и перечёркнуты за ненадобностью при его подходе к духовному миру.

Человечество в своём движении сохраняет крепость от сочетания красоты с безобразием. У тропинки вопреки скверному, неудобному для жизни растений месту, поверх снега привиделась мне нелепая, но крепкая кочка с пучком травы, похожая на вихрастую голову сказочного водяного.

Цивилизация, время и свобода — понятия, которые на первый, поверхностный взгляд кажутся ничего общего между собой не имеющими. Однако, это не так, даже решительно не так. Цивилизация подразумевает человечество в развитии, его состояние в рассматриваемый период, среду, где живёт человек и происходит всё, что его касается.

Свобода — условие жизни человека. Она дана человеку Им, и потребность в ней имеет безусловный характер. Всякий человек наделён свойствами для определённой деятельности. Один рождён со способностью к кулинарии, другой воином, третий художником...

Разве не то же у пчёл? Но там сама система социума ставит каждую пчелу строго и обязательно на роль, соответствующую её врождённым способностям. Если пчела рождена воином, она никоим образом не станет трутнем. Она умеет и стремится делать только то, на что способна по рождению.

Иное дело у людей. Хотя всякий человек наделён от рождения определёнными способностями, но они не так жёстко привязаны к его натуре и его не заставляют неотвратимо выполнять роль, исходя из его таланта. Он свободен. Свобода помыслов и поступков реализуется

в человеческом сообществе, как ни в каком ином. Внутренние влечения направляют его к занятиям, заложенным в него изначально, однако, реалии общества свидетельствуют о нарушении указанных предназначений.

Художника заставляют воевать, а воина заниматься разведением свиней. Свобода помыслов и поступков в реальной жизни оборачивается нарушением учёта призвания человека к определённой врождённой деятельности. Судьбу его определяют реалии.

Абсолютное послушание власти может создать тот же эффект, что и следование своему предназначению у пчёл. Здесь разум человека молчит, он обязан делать то, что ему приказано. У пчёл это генетически, там приказы не нужны, а у людей подавление их воли и приказ. Та же специализация. Царь определял, что должен делать человек. И тот делал. Послушание царю — такая же сила, как и генетическая наследственность.

И тем не менее, человек свободен. Он может провозгласить:

— Я центр цивилизации, ибо я изнутри своего беседую с Ним, а человечество не способно к этому; оно океан, среда, хаос, где творят отдельные люди. Человек, а не человечество ответственен перед Ним. Он общался с избранниками, Моисеем, Исааком, пророками. Он вывел из Содомы и Гоморры праведных людей и сжёг эти греховные города вместе с грешниками.

В современной жизни часто фигурирует понятие «свобода», при этом каждый толкует его по-своему, эгоистично, из своих интересов.

Что такое свобода, в чём свобода, от чего свобода? Запутанность в этом вопросе очевидна.

Вот формулировка определения понятия «свобода».

Свобода — это возможность выбора и попытка реализации любого из бесконечно большого количества вариантов действий; то есть, из свободы вытекает возможность любого события.

Это довольно обширное определение; во всяком случае, достаточное для рассмотрения человеческих дел. Возможно сформулировать шире, но нужды для этого не видно. Пусть не пугает некоторая сухость определения; пытливый человек сможет убедиться в несомненной пользе именно такого определения. Здесь очевидно появляется ясность, которая так необходима в суждениях.

Ограничение свободы — это запрет на осуществление какого угодно, любого варианта действия. Здесь снова можно утверждать, что определение охватывает все возможные ситуации, относящиеся к человеку.

Связь свободы со временем. Полноте, да существует ли такая связь? Что общего у свободы со временем? Существует. В свободе варианты действий, это события. Время есть причинно-следственная последовательность событий; события происходят на основе свободы. Таким образом, свобода — это основа времени или, иными словами, она, свобода, — неперенное условие формирования времени.

Сформулировав понятия свободы и времени, можно вздохнуть с облегчением. Рассуждения наконец-то становятся на прочную основу, исчезает расплывчатость, никогда не помогающая в поисках истины. Особенно, если речь идёт о делах человеческих, ибо нет в мире больших путаников, нежели люди.

Из определения видно, что свобода — понятие абстрактное. Здесь нет разницы между добром и злом, а напротив, и то, и другое в свободе присутствуют равноправно. Между тем, для людей именно различие добра и зла является определяющим в суждениях о свободе. Когда раздаётся вопль об ограничении свободы, он остаётся беспредметным до тех пор, пока не выяснено, какие варианты действий усечены. В наше время борьба за свободу происходит под лозунгом «долгой ограничения свобод, да здравствует либерализм!». Таковы наиболее типовые требования думающего общества в современном мире.

При этом, либералы видят в свободе как бы лишь положительное содержание, рассматривают её как самоцель, как помощь прогрессу, и не видят дурного.

Априорно скажем, что и того, и другого в свободе предостаточно, а для понимания заглянем в её нутро. Следует ещё раз напомнить, что рассуждения идут применительно к человеку. Существует внутренняя свобода, данная человеку Им. Она допускает свободу любых действий, исходящих от чувств или вообразимых разумом. Уже здесь видно, что внутренняя свобода ограничена морфологией человека, несовершенством его органов чувств. Вместе с тем, внутренняя свобода является основополагающей для человека; она генератор его поступков. Только она делает человека истинно свободным; он внутренне свободен к осуществлению любых поступков, которые в состоянии пожелать и совершить.

В попытках реализовать их он обычно сталкивается с рядом внешних ограничений, из-за чего вынужден умерить свой аппетит.

Требования религии. Для верующего человека выполнение требований его веры является естественным проявлением его внутренней свободы, его воли, и в силу этого они, по сути, не ограничивают его

свободу. Для атеиста рассуждения о религиозных рамках, разумеется, теряют смысл, во всяком случае, их можно отнести к внешним ограничениям.

Основные коллизии человека вершатся в связи с общественными и, тем более, государственными требованиями ограничения свободы. Ограничение свободы в обществе — дело рукотворное, а потому подвластно осмыслению и установлению, в основе которых лежит эгоизм человека, исходящий из инстинкта самосохранения.

Человек должен поверить, признать, что ограничение его свободы необходимо для выживания общества. Ограничение должно иметь чёткую направленность против зла и в защиту добра. Возможны ошибки в борьбе со злом, могут пострадать невиновные люди, однако это не означает, что зло не должно быть наказано. Люди должны быть защищены от него! Исправление злодеев является, прежде всего, их собственной проблемой. Зло может существовать во всех сферах жизни. Но где критерий зла? Требования нравственности, но какой? У каждой цивилизации, каждого народа своя нравственность, и вообще, каждая нравственность, созданная человеком, есть нравственность эгоистичного природного человека.

Хорошо, если бы эти требования носили безусловную основу. Такие требования, такая нравственность сообщена людям Иисусом Христом в Нагорной проповеди.

Люди, всмотритесь в Них, если Они проникли вам в душу, если вы поверили в Их Высшее происхождение, то опирайтесь на Них в своём суждении. Тогда установление ограничений свободы ляжет на твёрдый фундамент, станет понятным, возможным, допустимым и эффективным.

Во всех ситуациях, связанных со злодеями и их наказанием, должен быть безусловный приоритет добра: охрана общества от злодея, а не его исправление, что есть его личное дело.

Ощущение свободы зависит от помыслов человека, его национальности, места в обществе, рода занятий, религии и прочего. В этой зависимости ключ к пониманию свободы и несвободы. Ограничивает свободу, прежде всего, государство с помощью формализованной морали в виде законов или деспотии. К примеру, российский деспот не связывал себя законами.

«Жаловать есмя своих холопов вольны, а не казнить вольны же», — говаривал Иван Грозный. Интересен в этом отношении московский тип русского человека. Исторически он самый крепкий и устойчивый из меняющихся образцов россиянина. Психологически

он сплав северного великоросса со степным кочевником, отлитый в форме православия. Он обладает крепостью, выносливостью и редкой силой сопротивления.

«Трудом и потом он создал огромную империю. Покорный героизм и жертвенность — суть русского воина. Москвич принимает на веру правила, на которых держится его нравственная и общественная жизнь. Обряды связывают жизнь, не дают ей обратиться в хаос. Иконы, ладан, мощи, святая вода и другие церковные атрибуты действительны и морально эффективны. Свобода для него синоним распущенности, а вот воля это для себя. Волен и царь, и разбойник. В России воля предполагала в основном уход в пустыню или в разбой, бунт, тиранию».

Вот из этой краткой характеристики читателю предлагается самому разобраться и понять, что означает свобода для русского человека. Всякий иной человек понимает свою свободу своеобразно; здесь такая же загадка.

Представляет интерес вопрос, что важнее для человека, национальное могущество, держава или его личная свобода? Для России всегда важнее — национальное могущество, держава.

Для Запада — свобода человека.

По Лему, у человеческой цивилизации одна цель. Познание мира и не более того. Найденная ценой колоссальных усилий внеземная непонятная жизнь чужой цивилизации. Какой ничтожный плод познания!

Поиск идеального правительства у Азимова.

Безнадёжностью и серостью несёт от понимания этих проблем у обоих авторов.

А ведь они из лучших.

И снова о свободе. Свобода — несомненно, величайшая ценность в мире. Все кричат о свободе, и никто об ответственности. Кричат о свободе для всех, а мечтают только о свободе для себя. Идёт отчаянная борьба за свободу: её завоёвывают, добиваются, губят при этом людей и целые народы, и всё это для того, чтобы развязать руки себе, для своих дел.

Мир сегодня — это война за свободу; она стремительно нарастает и неудержимо перерастает в глобальную. Война эта станет самой ожесточённой за всю историю человечества; она решительно, радикально изменит лицо общества, его философию, самого человека и его отношение к жизни. Кто победит в итоге? Кто заполучит эту необузданную свободу и кому она нужна, такая красивая? Её жаждут не только доб-

родетельные люди, но, увы, люди с иными, далёкими от добра помыслами жаждут с нетерпением, чтобы вырваться и творить своё.

Свобода была нужна Шикльгруберу, Джугашвили, Пол Поту, всем злодеям нужна свобода: убийце, вору, лгуну... всем-всем.

И вот наступит мир свободы необузданной и безумной, и люди станут жить в этом мире. Свободы, однако, на всех не хватит, и вовсе не потому, что её мало как таковой, а по иной причине. Человек, имеющий свободу, непременно сделает несвободным другого человека. Каждый свободный человек плодит, таким образом, несвободу.

Если же свободными станут в равной степени все, можно, насилуя себя, предположить и такое, то они просто перебьют друг друга. То есть, такой мир съест сам себя. Он провалится в хаос свободы.

Человечеству необходим режим управления, при котором человеку предоставят столько свободы, сколько нужно для его благополучного существования и творчества. Принцип из математики — необходимо и достаточно. И не более того.

Соразмерность как чувство меры — великая вещь.

Всё это так в рассуждении, однако в реальности дело приняло иной оборот. Однажды, в хаосе, когда мир стоял на грани исчезновения, нашлись умные люди, которые навели спасительный порядок. Они ввели рыночную свободу; не в том смысле, что свободен рынок, а в том, что стали продавать свободу. Свобода на рынке приобрела конкретный вид, её продавали подобно всякому товару. Стало возможным купить свободу для любого помысла и поступка. Рынку нет дела до нравственности: можно купить свободу и для доброго дела, и для скверного. Свобода пойдёт на распродажу; её станут рекламировать и продавать. Станут измерять её в килограммах, километрах или придумают иную подобающую ей меру.

Люди не смогут жить, не купив себе хотя бы кусочек свободы, как кусок хлеба. Зато отпадёт необходимость драться, лить кровь: просто пошёл на рынок и купил. Накопил денег и купил.

Наступило царство свободы.

Люди стали влезать в долги ради свободы. Понятие «торговать свободой» стало вполне пристойным. Количество свободы в собственности у человека стало признаком его респектабельности и благополучия, определяет его положение в обществе, его значимость. Предприимчивые люди подсуетились и закупили огромное количество свободы, а у остальных её осталось так мало, что люди вынуждены непосильно трудиться, чтобы приобрести хотя бы кусочек

свободы для жизни. Бизнесмены стали злоупотреблять ею и творить своё.

Снова, в который раз, получилось несправедливое общество: свобода не привела к счастью.

Все жизненные блага теперь шли через куплю-продажу свободы. От купленной конкретной свободы запрещалось отступить хотя бы на йоту: делай то, что обозначено на этикетке купленной свободы. За нарушения законов рынка карали жестоко.

В одних странах правитель захватывал всю свободу и выдавал её своим подданным, исходя из своих представлений, так сказать, из милости, чтобы только люди не перемёрли. Одна страна устроила у себя коммунизм с якобы справедливым распределением свободы, и всё бы хорошо, если бы участие людей в управлении страной не стало фикцией, пустой формальностью. Поощряли свободу на всякого рода технические изобретения и, напротив, удорожали свободу на философские размышления, занятия по социальным вопросам.

Чтобы не поощрять зло, свободу на него установили очень дорогой, хотя её, вообще-то, можно было запретить вовсе, как, скажем, яды, оружие и прочее в этом ряду, чтобы она была не по карману человеку. Непомерные цены, конечно, отваживали человека от зла, но увя, натура брала своё. Находились люди, желающие купить, даже по очень дорогой цене. В долги влезут, но купят.

Свободу на убийство и насилие сделали совсем уж дорогой, ибо она не поощряема нравственно. Ну, если уж кому становилось невтерпёж, приспичило непременно убить, тому продавали, но исключительно свободу убить не абы кого, а человека, приговорённого к казни за убийство же. Разумно. Весьма необходимое для общества убийство. Всё польза, да и казне прибыль, для вдов и сирот подспорье.

К тому же, человек совершает это купленное убийство от души, с охотой, без принуждения и насилия над собой. Налицо гармония между теми, кого надобно казнить по закону, и желающими это исполнить, купив свободу для выполнения казни. То есть, людей, совершивших убийство, убивают люди, купившие свободу на убийство, тем самым предопределяя судьбу собственную.

Наличие убийц-преступников стало доходным делом. Порой приходилось даже, чтобы удовлетворить спрос на убийства, вводить законы, понижающие уровень преступления, определяющего казнь.

В тяжёлые времена свободу выдавали по талонам, определяя нужду человека исключительно из соображений чиновников. У кого

денег не было вовсе, те сидели по отведённым углам и маялись. Не выдержав, шли на работы. Покупали кусочек свободы на покупку еды и обходились.

Со временем контролировать рынок свободы стало просто. Люди изобрели, в который раз против себя, устройство, позволяющее читать помыслы человека, а поскольку скрывать свои мысли от самого себя люди не умели, то мысли эти высвечивались на электронном табло в Главном управлении по контролю за исполнением законов рынка. Как только табло фиксировало мысль, противоречащую законам рынка, человека брали.

Бесплатная свобода существовала только в тюрьме.

Вот так и жили люди в условиях рынка свободы, который придумали они сами.

В начале-то было не так скверно. С изобретением табло в обществе наступила стабильность и порядок. Безумие свободы удалось на время осадить. В истории известны подобные этому фашистский и большевистский режимы, но тем было далеко до идеала. Со временем изобрели минитабло, так что сеть табло резко увеличила свою мощь и охват. Обслуживали табло люди из касты высшего управленческого аппарата, которые постепенно заняли подавляющее общественное положение.

Люди пытались противостоять засилью контроля, но делать это становилось всё труднее, ибо всякая попытка нейтрализовать табло или уйти из под его ока обнаруживалась и немедленно пресекалась. Люди сходили с ума из-за невозможности скрыть мысли; шизофрения на этой почве превратилась в эпидемию. Люди принялись скрываться, утаиваться по углам, чтобы уцелеть в мире открытого разума. Жизнь стала ненормальной и для многих невыносимой.

Я лёг спать с чувством глубокой неуверенности в завтрашнем дне. Всю ночь видел тягучий скверный сон и проснулся с щемящим ощущением подавленности, своей малости и беззащитности. Тут же пришла мысль об отсутствии свободы и денег на её покупку. Вчера я безрассудно истратил последний пиастр на просмотр примитивного, пошлого фильма.

Вышел из дома в долг и, не имея в кармане ровным счетом ничего, тем не менее как-то по наитию вошёл в магазин. Полки светились множеством броских ценников на свободу для самых разнообразных вещей и желаний. Продавщица привычно приветливо улыбалась. У девушки здесь хороший заработок, и она могла себе позволить оплатить свободу на любое дело по душе. Её не угнетало чувство неуверен-

ности, как меня. Улыбка её, однако, мгновенно исчезла, едва она глянула на мою унылую физиономию, она тут же отвернулась ради другого покупателя.

Я вернулся в свою бесплатную конуру и сидел в углу, не имея права выйти из него, не нарушив закон, когда появился вор.

— Ты имеешь свободу на воровство? — почти равнодушно спросил я долговязого парня, который стоял и озирался в безнадежной попытке отыскать что-либо ценное в этом малопривлекательном месте. Он, очевидно, жалел, что так бесполезно истратил деньги, купив свободу на это воровство.

— Вот, пожалуйста, — парень вежливо показал мне чек, не переставая оглядывать комнату и роясь в книжных полках.

«Пожалуй, он и найдет что-нибудь ценное, а у меня нет даже крошечки свободы, чтобы отстоять самое себя», — подумал я.

Вор ушёл, недовольно ворча.

Нужны деньги. Придётся идти на работы, будь они неладны. Воровать без чека чрезвычайно опасно, если не безнадежно. Мой поступок немедленно выветрится на табло, и дело дрянь. Нет более серьёзного преступления, чем нарушение законов рынка свободы. Уж это табло!

Изобретатель его получил Нобелевскую премию от правительства и проклятие от людей. Нет ничего более тягостного для человека, чем невозможность скрывать свои мысли, а на табло они высвечиваются самым бесстыдным и фатальным образом.

«По справедливости, изобретателю следовало это его гениальное изобретение загнать в его собственную задницу... без вазелина. Столько мучений оно принесло людям, но с другой стороны... общество таким образом защищает себя от развала», — рассуждал я. Как ни крути, но получилась полнейшая, абсолютная, неизвестная в истории НЕСВОБОДА.

Правители всех мастей всегда мечтали получить возможность читать мысли своих подданных, но до изобретения табло это оставалось вне их возможностей. Эти их мечты были пустые. А тут, с этим табло, мысли человека стали высвечиваться, хотя не все, а лишь те, которые касались нарушения законов рынка свободы, но всё равно люди оказались под контролем. Трудно себе представить более ужасное и унижительное состояние человека, чем под табло.

Учёные люди полагали, что в этой ситуации человек станет лучше, чище, нравственнее, но они плохо просчитали человеческую натуру. Ну не могут люди не думать, так же, как они не могут контролировать

ход собственных мыслей. Природа дала людям прекрасную и полезную способность скрывать свои мысли и намерения. Теперь эту способность у них решительно, жестоко, подло отняли. Под табло люди оказались голые и незащищенные, как черепаха без панциря. Наступил предел несвободы. Общество неминуемо должно было взорваться и уничтожить это мерзкое изобретение; запретить его в дальнейшем под страхом самой ужасной казни.

И я приступил: учился прятать конкретную, противоречащую законам мысль в хаосе иных, в пустых, но вполне благонадёжных мыслях. Это оказалось чрезвычайно трудным, но не безнадёжным делом. Главное, я понял, что моя идея достижима. От этих моих разрозненных спрятанных мыслей на табло не возникало подозрений. Нужны деньги для дороги и еды и... следующую мысль я обволок ворохом пустых мыслей.

Надо найти место, где табло не распространяет своего действия. Я знал это место. Кунгурская пещера. «А пока надо идти на работы...» — подумал я открыто.

Я вышел из дома и двинулся к ангару. Впереди меня бежал красивый огненно-бурый пёс, элегантно помахивая роскошным рыжим хвостом. «Он принесёт мне удачу», — подумал я.

Служащий сделал пометку на своём мини-табло и указал место работы.

В Кунгурской пещере я и мои друзья-единомышленники обдумали наши действия. Некоторое время мы практиковались в способе укрытия мыслей, а затем вышли, чтобы решительно действовать.

В людях, очевидно, накапливалась энергия протеста. Она достигла критического уровня, общество взорвалось. Мы сломали центральное и региональные табло, а мини-табло изъяли у властей насильственно; запретили под страхом смертной казни их изготовление и, тем более, применение.

Увы, поздно.

Процесс вышел из-под контроля и человечество пошло под откос; оно стало поедать самоё себя. Сказалось действие одного из самоубийственных свойств человека, рокового получения новых знаний, извлечения из природы тайн без учёта последствий. Таков человек. Он маниакально любопытствует и придумывает. Люди копают почву природы, не зная, что выроют. Ведь все открытия — это новые, неизвестные ранее, то есть не имеющие аналогов знания.

Только копнув, ученые люди начинают размышлять, что же это такое они вырыли и какую пользу из этого возможно извлечь. И в

последнюю очередь, после того, как жареный петух клюнет в зад, они соображают о негативных последствиях. До этого им и в голову не приходит представить опасности, которые таятся в любом предмете нового знания, ибо всякое знание можно обратить и в добро, и во зло.

Вот такие дела.

Неверно судить о свободе вообще. Необходимо ясно, без боязни общественного осуждения понять, что свобода человека всегда ограничена самой сутью его проживания в обществе людей, где права одного отдельно взятого человека и его свобода не должны приносить несвободу и ущемление прав любого другого.

Свобода человека — это крошечный островок его возможных поступков в океане несвободы.

И это нормально.

Человек, общество, власть

Человек живёт в природном мире. Он освоил производство, из которого возникла наука как инструмент разума. Наука исследует природу, получает знания, и люди создают продукты, технологии, вещества, необходимые для природной жизни. Всё созданное человеком имеет двойное применение, то есть может быть употреблено как для добра, так и во зло. Экономикой стали управлять рыночные законы. Продавать стали всё: наркотики, алкоголь, табак, оружие, яды и прочее, пагубное для человека. Телевидение подсадило общество на иглу пошлости и примитива, тянущих людей в деградацию и дебильность. Рынок предлагает человеку бесчисленное количество соблазнов. Получается, чем выше цивилизация, тем больше возникает опасностей.

Выдержит ли общество всё это, сможет ли оно создать механизмы «шлакоудаления», оградить людей от потребления пагубных продуктов цивилизации? Вряд ли, если не осознает свою суть. Основа самосохранения общества содержится в духовном содержании человека. Однако, общество упорно противится изучению и познанию этой своей основы.

Увы, цивилизация в лице науки маниакально признаёт за истину только то, что возможно повторить в опыте. Нет повторения — нет явления.

В этом подходе пагубность и беда цивилизации.

Не хлебом единым жив человек; ему необходимо не только самоограничение, но и познание своей духовной сути. Двойное применение

ние вещей, несомненно, реалия жизни, но и пагубность, уязвимость, соблазн, порча человека.

Медицина лечит наркоманов лекарствами, затворничеством, запретами, ну ещё психологическим внушением и забывает про душу, которая-то всё решает, и она в состоянии реализовать самоограничение.

Рынок — мотор экономики и создание всякого вида благ. Однако, необходимо противостоять беспределу свободы рынка. Для этого необходимо хорошее управление, дальновидный здравый смысл и духовность. Управление устанавливает правила рынка, вводит его в устойчивый режим, позволяющий эффективно функционировать для блага людей, то есть согласно дальновидному здравому смыслу.

Эти правила должны, вместе с тем, учитывать требования духовного мира по отношению к добру и злу. Всё более жизненное значение следует придавать самоограничению людей. Свобода человека в самоограничении единственно не вызывает протеста и становится нормой праведной жизни.

Судьба людей в них самих. Чем выше планка цивилизации, тем больше возможностей для зла и тем важнее спасительный круг понимания человеком себя как центра добра и пагубности его природного эгоизма. Никакие иные научные изыскания и находки его не спасут.

Иначе маразм и тупик.

Общество вступило в период безудержного потребления свободы, которая выступает как самоцель. Это чрезвычайно опасно, ибо никакой общественный атрибут не вправе служить самоцелью, кроме праведной жизни и сохранения людей.

Однако, все требуют свободу без ограничений. Средства массовой информации и искусство — свободу любой информации и показа её, в том числе и самой отвратительной. Бизнес и рынок — свободу производства и продажи всего и вся, в том числе такого, что угрожает гибелью людей.

Адам и Ева не знали стыда. Они познали его, отведав запретный плод от древа знаний; отсюда стыд есть свойство человека, отличающее его о животного. В искусстве же всё отчетливее проявляется тенденция отхода секса от святого интима зачатия к демонстрации полового акта на всеобщее обозрение. В то же время, по жизни секс для нормального человека остаётся интимным актом. Искусство стремится отделить половой акт от деторождения, определить его как самоцель, единственно как источник наслаждения.

Что происходит? Путь в бесстыдство? Как же получается, что одновременно с увеличением опыта и объёма знаний стыд перестаёт быть стыдом? Чтобы разгадать этот парадокс, необходимо вновь и вновь обращаться к сущности человека.

Искусство способно создавать и действительно создаёт образцы великих духовных творений. Отчего же люди не идут по этому благородному и естественному пути? Вместо этого искусство стало довлеть над человеком, навязывать ему моду, вкусы, нормы приличия и даже некую нравственность; словом, определять характер межчеловеческих отношений.

Всякий человек ведом по жизни, с одной стороны, духовным основанием своим, заложенным в него изначально, а с другой, инстинктивными силами природного мира с его законами и агрессией. Вот он и поступает в зависимости от своего отношения к ним, то есть от требований основополагающей духовности своего происхождения, но и от законов природного мира, в который поместил его Создатель.

Здесь столкновение добра и зла!

Природный мир создаёт искусство, понятное ему, а духовная суть человека — творения на основе Заповедей Господа. Пути искусства, как, впрочем, и самого человека, запутаны, перепутаны и непредсказуемы. Сегодня искусство под напором животных влечений отвергает стыд; природный мир создаёт искусство для себя, и он в состоянии расправиться с жалостью, совестью, покаянием.

Выдержит ли человек этот ужасающий, духовно разрушительный напор, натиск зверя?

Странник сидел на пеньке и задумчиво смотрел в небо, а я размышлял о духовности и бездуховности человека сегодня, путях его к духовному миру, о справедливости и её истоках из совести и любви, позволяющих подвести неравенство к справедливости, об особенностях природной жизни.

На глаза попался журнал «Семь дней ТВ-программа» № 28 за 2005 год со статьёй «Как на Алёнины именины пригласили зверей».

Алёна — это жена и продюсер певца от попсы Александра Буйнова. Здесь, однако, уместно дать краткую историческую справку.

Российское общество вырвалось из губительного утопического социализма и свалилось в капитализм с рыночной экономикой. Предприимчивые, неразборчивые в средствах, но жадные ребята расхватывали свалившееся на них огромное богатство гигантской страны; появи-

лись олигархи, просто богачи, мздоимцы чиновники и политики. У части людей появились денёжки сверх необходимого для нормальной жизни человека. Расплодилось и расцвело махровым цветом эстрадная попса, то есть наиболее примитивное песенное представление; штамповалось бесчисленное множество телесериалов.

Артисты стали потребны.

Гастроли и реклама приносили им бешеные доходы, и они, люди, ограниченные духовно, ошалели от обилия денег. Люди серьёзные и творческие нашли бы деньгам достойное применение, с пользой для себя и для общества. А у этих пустых, развращённых, тщеславных пигмеев духа богатство пошло на заполнение своей пустоты и в угоду тщеславию.

Однако, лучше обратиться к упомянутой статье.

«Забабахая-ка я что-нибудь грандиозное на свежем воздухе», — решила Алёна, и понеслось.

Две огромные фуры подвезли к дому столы, стулья, посуду на 120 человек, два огромных сорокалитровых котла для приготовления плова и три профессиональных мангала.

Рабочие построили огромный шатёр и сцену. Из Нидерландов привезли партию замысловатых синих цветов; пригласили два оркестра, мексикано-кубинский ансамбль и грузинскую певицу с потрясающим голосом. Были заарендованы звери выездного зоопарка, а именно: тигр, пантера, леопард, лама, ослы, обезьяны, слон и верблюды.

На пятый день подготовки Алёна обезумела от собственной фантазии и возможности тратить деньги без счета.

В торжественный день у входа на территорию гостей ожидали официанты с шампанским и вышеупомянутые звери. Машины приглашённых забили все улицы загородного посёлка; нанятые парковщики расставили автомобили по местам. Гости бродили по парку и фотографировались со зверьём. Сам Буйнов проскакал на осле Кеше по главной аллее. У бассейна выпили и закусили. Затем грянула музыка, и всех позвали в шатёр.

Пока официанты разносили вкусности, именинница Алёна устало принимала поздравления. Муж Буйнов преподнёс жене потрясающий бриллиантовый сет из серёг и коле очень модной и дорогой марки. Не подкачали и другие. Старинное серебро, антикварные тарелки, бельё и одежда «от кутюр», часы с бриллиантовой россыпью, золотая вязаная шапочка, книга ручного переплёта «4048 законов жизни», цифровой холодильник для хранения кос-

метики. Цветами заполнили все вазы, ванны, раковины и вёдра в имении.

Певица Лариса Долина произнесла довольно двусмысленный тост за хозяина и за Россию.

— Только в нашей стране можно всего за полторы недели устроить такой грандиозный праздник! — сказала она.

В ответном тосте Алёна скромно заявила:

— Я не любительница больших торжеств. Всё, что я сделала, это для вас, моих друзей. Теперь я поняла, что и вечеринка на 250 гостей мне по силам.

Тут же грянул гром, и в темноте вспыхнули огромные буквы «Алёна», затем начался фейерверк, который по грандиозности можно сравнить лишь с салютом в день Победы.

Повезло и соседям, которые с восьми вечера до пяти утра так и присидели у своих окон. То-то они потешились.

Журнал «Семь дней ТВ-программа» № 15 за 2010 год, то есть спустя пять лет.

«Гулять, так гулять. Чёрная икра вёдрами из Ирана и океан французского шампанского на закрытом праздновании юбилея певца Александра Буйнова. Всё тех же гостей 120 человек».

«Алёна нашла фирму, которая делает шатры-гиганты. В таком же шатре проходил фуршет по поводу саммита «Большой восьмёрки», со смехом сказала Алёна. Чтобы на участке поместилось это чудо, пришлось вырубить несколько деревьев. А потом, прикинув количество народа, она распорядилась заложить под шатёр фундамент, который выдержит пятиэтажный дом. Так, на всякий случай, больно уж гости любят танцевать.

— И как это сюда столько народу войдёт? — недоумевали гости.

— Вы что, Алёну не знаете? Она впихнёт! — отвечала Лера, подруга Алёны.

Шатёр шатром, но Алёне хотелось чего-нибудь особенного. Решено соорудить в центре шатра барную стойку, поставить диваны и столик, чтобы пришедшие раньше гости смогли ждать опоздавших, наслаждаясь аперитивами в комфорте. Следом повесили гигантскую хрустальную люстру, которой позавидовали бы и в Большом театре. Потом обустроили гардероб и зимний туалет с самой современной сантехникой.

«Каждый раз после очередного праздника на уборку и ревизию уходит неделя: надо подсчитать, сколько побито посуды, потеряно

вилок и цела ли мебель, — смеётся Алёна, — гости должны веселиться до упаду».

Теперь перед юбилеем Алёна решила освежить обстановку. В течение двух недель в ателье строчили новые чехлы на стулья. В прошлом году внутри шатра всё было чёрное, теперь же хотелось свежести, и для чехлов выбрали белую ткань в набивной шёлковый цветок. В такой же стилистике сшили и новые скатерти с салфетками, только цвета шампанского.

Занялись официантами. Для них изготовили чёрные фартуки и чёрные галстуки. Была ещё идея вышить на фартуках золотыми нитками «Буйнов», но времени на это уже не хватило.

Следом за помещением надо было подумать об угощении. Дизайн блюд и всю кулинарию решено было доверить друзьям Буйнова, итальянцам Алессио и Изекерии. Повара вручили Алёне чудовищный список, в котором только горячего (креветки, чёрная треска, ягнёнок) было шестьдесят килограммов. И ещё, банки для сыпучих продуктов, добавили итальянцы. В назначенный день на столах красовались невероятные композиции: в стеклянных банках плавали в воде свечи и лепестки роз, и это выглядело волшебно. Для каждого гостя напечатали меню на случай, если замысловатые итальянские названия будут им незнакомы.

К приходу гостей на столах красовались целые блюда с морепродуктами: розовые тонкие ломтики тунца с итальянскими травками, маринованные в особых соусах креветки, осьминоги и мидии, свежие крабы и изысканные салаты с диковинными ингредиентами. При этом всё было украшено цветами, а в центре стояли гигантские трубы позолоченных свечей.

Стол для закусок и аперитивов и вовсе был похож на инсталляцию из художественной галереи: позолоченный контрабас превратился в комодик, из ящичков которого свисали гирлянды ягод; в гигантских стеклянных вазах красовалась красная и черная икра, а подносы с хрустящими хлебцами, на которые официанты большими ложками водружали горки икры, были украшены яркими телами красных и жёлтых перцев...

Что до горячих блюд, то и феттучини, и рис, и оливковое масло, и нежный сыр бурата, и трюфели повара сами привезли из Италии. Даже гигантскую голову сыра пармеджано, в которой на столы подали ризотто с трюфелями, Алессио тащил через таможеню сам. В отдельную эпопею вылилась закупка напитков, выбор которых занял почти неделю. Ещё бы, ведь одного только исключительно розового шампан-

ского было шестьдесят бутылок. Что уж говорить о вине (белое под рыбу, красное под ягнёнка), водке, коньяке, которые должны были быть самыми лучшими!

Подарки росли горой. Друзья Буйнова не поскупились, как всегда. Сертификат на пошив одежды из кожи змеи (от Олеси Судзиловской), шикарный смокинг ручной работы (от Юдашкина), тяжеленный альбом «Полное собрание живописи и графики Леонардо да Винчи», авиаперелёт в Прагу, несколько кожаных сумок, портфелей и портмоне, коллекция DVD «Все фильмы, получившие „Оскар“» и даже новенький Джип!»

Демократы-идеалисты, руша советскую систему, и в голову не брали, к чему приведёт одномоментный переход от социализма к рыночной экономике. Он потряс и продолжает трясти общество: коррупция, бандитизм, наркомания, развал, воровство... Сонмы мерзости рыночной экономики, которую Западный мир постепенно, за столетия научился посильно держать в узде, заливают и уже залили Россию.

А что же власть? Власть погрязла в коррупции и скверно выполняет свою функцию — разумное управление обществом. Даже маленький школьник в состоянии подсчитать без калькулятора разницу между жалованьем чиновника и затратами его на хлеб насущный. Подсчитав, ребёнок неизбежно закричит:

— Дяденька, где ты взял деньги на приобретение дорогого автомобиля, восьмикомнатной квартиры, дачи дворцового вида, а также для оплаты учёбы твоих детей в британском лицее Кембридже?

Взрослый гражданин заметит ещё неувиденное ребёнком по причине его неопытности, а именно, неуёмное стремление представителей власти набрать, так и хочется сказать, нахватать привилегий, причём, самых разных. Бесплатные проезды во все концы мира, машины со специальными номерами, мигалками, ревунами, в общем, всяческими приспособлениями, позволяющими открыто и нагло нарушать правила человеческого общения на дорогах.

Шире грязь, навоз ползёт.

Чванство и ощущение властного превосходства над гражданами, которых власть про себя или между собой в узком своём кругу именует «быдлом». Мало того, власть срастается с преступным миром. Позвольте, но граждане сами избирают власть над собой. Куда же они смотрят? Увы, демократическая выборность не гарантирует прихода к власти совестливых, талантливых организаторов общественной

жизни людей. Прежде всего, граждане не знают нутро кандидатов во власть, их истинное отношение к своим предстоящим обязанностям. А известное о них — это пиар, ложь из средств информации и лично от самих кандидатов.

Люди размышляющие могут догадываться, что во власть проникают не ради работы на благо сограждан, а исключительно из своих выгод, как это им представляется. Увы, как уже сказано, люди не изобрели способа избрания совестливых правителей. Таким образом, власть фатально состоит из людей бессовестных, корыстолюбивых, лживых по своему внутреннему ощущению и пониманию своей роли в жизни общества.

Российский эксперимент и крах Советской власти явственно показал, что корень обустройства общества не столько в отношениях людей, сколько в поведении власти, в её сути и устремлениях. Даже после краха, имея перед собой наглядную картину пагубности большевистской власти, новый парламент России начал с того, что, используя свою обязанность законотворчества, прежде всего сотворил себе немислимые по своему времени и ситуации ПРИВИЛЕГИИ, не дожидаясь обещанных народу перемен к лучшей жизни.

Он мгновенно показал себя, как суть любой власти.

P. S. Несомненно, есть во власти порядочные и совестливые люди, несомненно, есть.

Демократия не намного улучшает положение: лишь больше лжи, демагогии, лицемерных обещаний, клятвенных заверений служить народу. Суть, заключающаяся в эгоизме людей, вошедших во власть, остаётся неизменной. Иногда используют понятие «избранная элита», и слышится, как идеал. Но избрать действительно талантливых, способных, совестливых людей, элиту не получается: нет таких способов. Напротив, избирая власть, общество чаще всего получает людей серых, эгоистичных, и уж никак не элитных.

Айзек Азимов в своём романе «Второе основание» показал, что только через двадцать тысяч лет люди смогли образовать хорошую власть, идеальное правительство, реализовав план Селдона.

«План Селдона. Создание человеческой цивилизации на основе ценностей ориентации, которая не может возникнуть спонтанно, основанной на ментальной науке.

Ничтожное меньшинство людей способно вести человечество через сложности ментальной науки, выгоды от которой, хотя и влияют на жизнь человека, но тонки и незаметны. Такая ориентация

предполагает появление диктата «ментально лучших», то есть людей, стоящих над ментальными слоями общества.

Ей станут сопротивляться, и она не сможет стабилизироваться без применения силы, а последнее способно отбросить человечество до звериного уровня.

План Селдона предусматривает возникновение общества, люди которого будут готовы признать главенствующую роль ментальной науки, а Второе основание в своём развитии выделит группу психологов, готовых и способных взять на себя руководство обществом».

Это и станет властью, правительством.

Но станет ли такое достижение необратимым и стабильным?

По здравому разумению это утопия. А ведь это Азимов! Из опыта взаимоотношения власти с милосердием, совестью и стыдом может показаться, что власть сильнее указанных нравственных понятий.

Это не совсем так. Власть естественно выступает и вообще существует в образе человека. Нет власти без человека; власть всегда человек, а ему, даже самому скверному, присущи и совесть, и стыд, и милосердие, разумеется, в различных пропорциях.

Следовательно, человек во власти, будучи смысловым стержнем, несомненно влияет на её поведение. К сожалению, власть как таковая сильно приглушает зов нравственных порывов, но полностью прихлопнуть их она не в состоянии.

Увы, история знает исключения из этого правила.

В силу русского менталитета, возникшего от необъятности российских просторов, у россиян никогда не существовало жизненной необходимости в общественном устройстве Западноевропейского вида.

Демократия, по всей видимости, является обязательным звеном в жизни человечества.

И снова о разуме

Можно предположить, что коллектив людей, так же, как и один человек, имеет разум. Для начала необходимо отрешиться от взгляда на разум как особую суть, присущую лишь человеку в отдельности и заключающуюся в сером веществе мозга.

Коллектив реагирует на события, очевидны его интеллектуальные способности. Разум коллектива выполняет те же основные функции, что и разум одного человека. Он активно реагирует на требования

коллектива. Если разум человека призван усилить его в борьбе за жизнь, то коллективный разум призван бороться за сохранение коллектива; он самостоятелен в своих действиях. И хотя он состоит из людей с их устремлениями и мыслями, он естественно зависит от них, но не прямо, а через общественные отношения.

Разум коллектива инертен и консервативен; даже выдающиеся умы, хотя и являются двигателями эволюции, но в гуще людей они крайне мало на него влияют. Люди, не подходящие под уровень коллективного разума, могут быть признаны гениями, но и напротив, помещены в психиатрическую больницу или даже сожжены на костре. Разум коллектива слабее разума лучших, ибо сильно разбавлен нелучшими.

Подавить его способен диктатор, а покорить — гений духа. Разум коллектива реализуется через общественные институты. Самый большой коллектив на Земле — это человечество, и, соответственно, его разумом являются институты в масштабе планеты. Сегодня это Организация объединённых наций и, как промежуточные звенья, всякого рода союзы, советы и иные межправительственные соглашения.

Возможно, коллектив, и эта гипотеза кажется предпочтительной, обладает своеобразным мозгом естественного природного свойства, в котором элементами, нейронами выступают события и люди со своими помыслами, поступками, духом, или ещё как-то.

Как всё это образует мыслящую систему — мозг, ждёт своего объяснения.

Коллектив не обладает сознанием; он сумма индивидуальных разумов. Если собрать четыреста умников и поручить им создать новую теорию физики, то найдётся лишь один конкретный разум-человек Эйнштейн, который выполнит это задание.

Итак, демократия эволюционирует в сторону достижения всеобщего участия людей в управлении коллективом. Достижение это, однако, станет одновременно пределом развития демократии, её потолком, ибо всеобщее участие людей в управлении не является самоцелью, и тем более панацеей при устройстве благоприятной для человека жизни, отражении внешних и внутренних угроз, которым несть числа. Вполне возможно допустить, что общество единодушно, с участием всех своих людей, включая стариков и младенцев, решит уничтожить иной народ. Или оно эгоистично и погрязло в мерзости и, управляемое со всеобщим участием, с упоением предаётся мерзости и творит зло.

Это истинная демократия, но хороша ли она?

Ситуация кажется безнадежной, если рассматривать демократию как форму управления обществом изолированно. Но параллельно совершенствованию люди усваивают требования вселенской нравственности, и этот заслон убережёт общество от нежелательных вариантов. Демократия и вселенская нравственность, вот в чём суть и спасение человечества.

Вот почему самый страшный удар по обществу получается, когда злые силы подменяют нравственность.

Особенностью и крестом российского этноса является стремление ковать мощную державу ценой обильных человеческих жертв; пренебрежение человеком. Если Россия лет через сто станет благоустроенной страной, удобной для проживания своих граждан, эти будущие россияне спросят:

— Как вы жили-то? Перевороты, войны, большевистский режим, Джугашвили и прочее.

— Да вот, так и жили, исхитрялись. В самые жуткие времена впадали в анабиоз.

За каждой нацией тянется шлейф наследственности; свой у кочевников, свой у осёдлого населения России, у голландцев, немцев, англичан, норманнов... у каждого свой.

Как ни смешиваются народы в едином подходе к демократии или иным формам организации общества, природная основа у каждого народа остаётся своя.

Путешествуя по вселенной, я встретил мир, который меня сильно заинтересовал. Я побывал у правителя этого мира, и он охотно поведал мне о своей стране.

Он, правитель, духовный собиратель и координатор огромного мира, населённого людьми и всякой тварью. Он волен призвать к себе всякого человека, но прежде того ведут в распознавательную лабораторию. Особенно это касается интересных людей, как наиболее непонятных. В лаборатории производят анализ натуры, поведения и, наконец, допускают к правителю, который с ним беседует.

По размышлении, он решает, стоит ли оставить человека при своей особе или отпустить. Не все, кого он оставляет, ему симпатичны; он понимает, что любой мир, увы, состоит из людей самого различного свойства. Одни идут по пути зла, другие его не приемлют. В этом отношении его мир не отличался от других.

Правление Координатора есть абсолютизм. Он ни перед кем не отчитывается и ограничен единственно собственным «Я», то есть своим представлением о добре и зле, хорошем и плохом, о человеческих отношениях, о требованиях нравственности.

Он волен поступать с людьми своего мира, как считает нужным. Обитатели, если и роптали, то противостоять не могли, ибо он был их судьбой! Он не облагал их налогами, а лишь требовал одного — честности с их стороны; как есть, так и есть.

Одни смущались в беседе с ним, говорили невпопад словом, вели себя согласно своей натуре. Другие пытались хитрить, обосновывая свои злодеяния необходимостью. Однако, с ним у них этот номер не проходил. Все их дела он оценивал согласно нравственному кодексу, заложенному в каждом человеке, и вот этот кодекс страшил их более всего. От его приговора не спасёшься ни идеей, ни необходимостью.

Привычная для них ложь здесь не срабатывала, напротив, она усугубляла их положение. Он отделял их слова от их мыслей и дел и судил по мыслям и делам, а не по словам. В подвластном ему мире он не казнит и не сажает в тюрьму, ибо и в самых страшных злодеяниях его подданные должны пройти до конца свой естественный путь. Если казни и совершаются, то казнит не он, их верховный повелитель, а сами обитатели, логически завершая путь злодея согласно с его судьбой.

Обитатели этого мира живут сами по себе и не очень-то ощущают присутствие правителя. Он на них не давит, не навязывает свою волю, хотя... Среди них попадаются такие подонки, такие злодеи, и они совершают такие мерзкие поступки, что впору проявить её. Но он не вмешивается.

Нельзя, ибо в этом случае обитатели стали бы марионетками, а весь мир — кукольным театром.

Кроме того, за всеми не углядишь. Поэтому он, по размышлении, раз и навсегда решил — пусть барахтаются.

Но иногда... Разве возможно выдержать, видя страдания человека такой чудовищной непереносимости, что не то, чтобы вмешаться, но хотя бы как-то косвенно, иррационально поддержать страдальца, укрепить его дух, помочь выдержать?

Духовный мир не нуждается в материализации, его свойства и образы духовны, но чтобы страдалец понял и принял помощь, приходится духовной сути придавать форму, привычную человеческому глазу, но в то же время отличающуюся от обычного. Это отличие

необходимо, оно усиливает эффект восприятия помощи, показывает страдальцу, что перед ним не обыкновенный смертный, бессильный помочь, а нечто большее, особенное, а потому значительное, внушающее доверие и надежду.

Такой формой может быть редко встречающийся карлик, к тому же одетый совершенно несообразно, или, скажем, женщина с лицом скорбящей бабушки в средневековой одежде, или ещё некое в этом роде.

Но даже к таким способам вмешательства в дела обитателей Координатор прибегает крайне редко по указанной выше причине. Перед ним были многочисленные примеры отвратительных попыток различных властелинов безгранично полностью подчинить себе население.

Им было мало выжимать налоги, требовать безропотного выполнения порой нелепых законов и различных установлений. Неистребимой мечтой их было знать мысли своих подданных, причём, всех без исключения. Здесь, однако, всегда существовала преграда, созданная природой — мысли невидимы, неслышны и неосязаемы.

Вот стоит перед властелином министр в смиренной позе, с лицом, выражающим полную преданность и покорность. Слова его также не вызывают никаких сомнений или хотя бы даже подозрений, но мысли-то скрыты! Страшно подумать об их возможном содержании. Иногда для властелина легче срубить ему голову, так, на всякий случай, чтобы не думалось.

Поэтому людьми-рабами властителей используются и изобретаются новые многочисленные способы распознавания мыслей косвенным образом. К примеру, в различные коллективы внедряются шпионы, по нынешней терминологии, стукачи. Шпионы слушают разговоры и, поскольку в небольших коллективах люди чаще ведут себя искренне, то и происходит как бы чтение их мыслей. На почтах, в основном для почты в иные государства, сидят работники, вскрывающие и прочитывающие письма.

Можно сказать, что это подло и мерзко, да, но зато эффект значительный. Многие люди пишут письма иносказательно, маскируя свои мысли, а есть простаки, режут правду-матку. Вот их-то и берут на заметку, на доклад в вышестоящую стукаческую контору. Да и иносказание при определённом опыте можно разобрать.

Из всех мыслимых свобод человеку оставалась покорно страдать. На эту свободу властители не претендовали и даже её приветствовали.

Люди не могут жить вне общества. Они связаны между собой, как пуповиной ребёнок с матерью. Это их эволюционное состояние; наличие системы человек—общество. При этом они находятся в постоянном противостоянии. Это чрезвычайно динамичная система; сущий бурлящий котёл. Человек со своими благими и злыми помыслами, поступками с одной стороны, и общество, ограничивающее его устремления, морально через окружение и юридически через судопроизводство и власть.

Неверно утверждать, что общество всегда действует во благо человека, как и то, что человек всегда плох; и то, и другое весьма изменчиво. Человек, в силу своего эгоизма, стремится стряхнуть с себя «оковы» общественных требований, не понимая, что без них невозможно сосуществование людей; он вечно ощущает себя несвободным.

Общество, со своей стороны, по мере сил своих через власть пытается построить людей по ранжиру, и далеко не всегда действует во благо человека, стремясь единственно усилить самое себя как таковое, не важно, какой человеческой ценой. Особенно такое стремление проявляет тоталитарная власть в своём крайнем виде. Такая власть вместо своей природной функции сохранения людей, напротив, организует их уничтожение по политическим или иным целям. Людей живыми зарывают в землю, гноят в концентрационных лагерях, душат газом, расстреливают, вешают или просто забивают до смерти, сжигают, как солому, в крематориях, осознанно построенных для этих целей.

В этом смысле режимы Шикльгрубера в Германии и Джугашвили в России — братья-близнецы.

Но люди упорно стремятся устроить государственный режим удобным для себя; он постоянно меняется. Итак, эта система изменчива. Постоянна лишь мораль, заложенная в человека изначально; она то и держит систему в динамическом равновесии, в том смысле, что удерживает человечество от гибельного рокового тупикового пути. Уместно мечтать о золотой середине во взаимоотношениях между человеком и обществом в их вечном противостоянии.

Свобода — естественное состояние человека. Много её, мало её... Мерило здесь одно, но оно фундаментальное: свобода не должна приводить ко злу. Маньяк ведь тоже уповает на свободу, но общество содержит его в изоляции и преследует. Такой подход кажется правильным, и он не должен вызывать протеста у ревнителей свободы и прав человека.

Всякое утверждение должно опираться на надёжный фундамент истины. Утверждение о человеческих отношениях, в частности, — на фундамент натуры человека, краеугольным камнем которой является признание, что люди различны. Следует крепко усвоить эту великую истину.

Люди все без исключения разные.

Вроде бы, дело общеизвестное, но увы, люди, даже очень мыслящие, не придают этой истине основополагающего значения. Так и норовят сказать о их равенстве. Здесь понятия равенства и одинаковости сильно запутаны.

Главное различие людей не в облике, голосе или иных физиологических признаках, а оно заложено в мозгах. Кричат о равенстве людей, но из-за различия в мозгах разговоры эти бессмысленны, ибо опираются не на фундамент равенства, а напротив, на фундамент различия, которое уже и содержит в себе неравенство. Именно в мозгах заложено главное неравенство, отсюда оно исходит, и с этим ничего не поделать.

Как же может серьёзный мыслитель не учитывать при исследовании человеческих отношений то, из чего они исходят?

Неравенство в мозгах, ибо от него исходят и реализуются остальные бесчисленные виды неравенства, кроме разве что природных коренных морфологических, то есть пола, возраста, наследственности и других в этом ряду.

Люди неодинаковы, прежде всего, по намерениям и возможностям мозга. Любовь не преобладает в отношениях людей, напротив, много неуважения, зависти, злобы, соперничества и прочего.

Реализуют ли люди призыв Господа Иисуса Христа ко взаимной любви?

Как человек верующий, я верю в это, как верю в Иисуса Христа, а как человек, живущий природной жизнью и неизбежно наблюдающий людей в их отношениях между собой, я опасаясь за возможность его осуществления.

Понимаю, что эта моя боязнь, моё сомнение в некотором роде есть грех. Она вибрирует на грани между сомнением и грехом.

Человек постоянно видит в людях «не себя», и лишь истинная любовь к другому смягчает, размывает это ощущение, вплоть до того, что «Я» перестаёт довлеть в мыслях и поступках. Близки по влиянию жалость, сочувствие и им подобные ощущения, но только одна любовь способна на это и она лишь всемогуща.

Этносы

На планете Земля периодически происходят удивительные явления. Если этнос вконец хирел, старел и по сути отмирал, казалось, всё, канты. Люди этноса занимались своим делом, как обычно, бытом, они жили, но этнос умирал, а люди не замечали этого. Ибо человек и этнос разные существа. Каждый со своим ощущением мира и взаимным непониманием один другого. Люди умирающего этноса обычно вялые; заложенной в них энергии хватает лишь на то, чтобы вести привычную размеренную жизнь, но её мало, чтобы активно вмешиваться в жизнь этноса, в слитности с которым они привыкли жить.

И внезапно, полосой в тысячи километров, люди, независимо от их воли, стали рожать детушек с избытком энергии, не унаследованным, как бы это должно происходить, от своих вялых пап и мам. То есть, появились дети, отличающиеся не морфологическими признаками, а своим ПОВЕДЕНИЕМ, которое стало у них ИНЫМ. Возможно, не мутация, как таковая, а избыток энергии делал их поведение иным, возможно, но, значит, и мутация.

Даже при таком робком допущении явление не стало понятнее.

Это явление меняет представление о ходе эволюции, запутывает соображения учёных людей, которые рассуждают, исходя из формальной логики. Мутация выходит за пределы формальной логики и решительно не следует её правилам и понятиям.

Почему в России, почему именно в этносе в период его умирания, а не в иное время, почему не по наследству?

Ладно, здесь тёмный лес, поэтому обратимся к спасительному чёрному ящику и успокоимся.

Важен результат, изменилось поведение людей, которые теперь способны спасти этнос, точнее, на его месте и с его населением сотворить новый этнос. Толчок из чёрного ящика заставляет этнос рожать людей с избытком энергии и иным поведением, которые и творят новый этнос.

Мутация даёт шанс на сохранение этноса в обновлённом виде, когда он, этнос, дошёл до безнадёжного состояния и ему грозит гибель.

Инстинкт сохраняет жизнь человека как такового. На уровне этноса жизнь людей обеспечивает естественный фактор — толчки и мутация. После огромных потерь мужчин во время войны природа включает свой механизм, и женщины рожают мальчиков больше, чем девочек, что позволяет компенсировать убыль мужчин.

Этногенез является природным явлением и не зависит от воли людей. Человек не ощущает его в явном, понятном ему виде. Просто он не может поступить иначе, а отчего, сам не знает. Ему кажется, что он поступает, исходя из своих человеческих целей и ситуаций, и не более того. Требования природы довлеют над ним, как рок или предопределение.

Процесс, делающий человечество долгоживущим. Чёрный ящик, чёрный ящик.

В этносе всегда существует судьбоносный вектор поведения.

Поведение человека — требование этноса. Он, человек, не может поступать иначе, чем принято в его этносе. Иначе он изгой. Поведение этноса возникает в результате толчка. Это природное, а не социальное явление.

В одиннадцатом году двадцать первого столетия толчок прошёл по Северной Африке и России, меняя поведение людей этноса.

В России Путинская стабильность, тишь да гладь, и вдруг... митинги на Болотной и прочее, сотни тысяч людей на улицах...

Зачистки и покорность народов в Египте, Сирии, Ливии, Йемене... и вдруг на улице миллион населения арабов сметаёт диктаторов.

Толчки и мутация — это выход за пределы принятого мышления, как теория относительности Эйнштейна — выход из теории Ньютона. Скептики о будущем России, опираясь на логику известных событий, явно не учитывают этого явления. А оно даёт надежду на прорыв к новому этносу с радикально иной перспективой.

Сегодня приходится, однако, с величайшим сожалением, тревогой и скорбью признать, что поведение людей российского этноса, которое, как уже сказано, определяет силу и долголетие цивилизации, не только не безукоризненно, оно ужасно и безрассудно. Люди как бы враги самих себя. Они склоняются на путь против инстинкта продолжения рода и самосохранения, и если такое поведение продолжится, быть беде.

Всё теперь стремительно изменяется. Технология набрала немыслимую скорость и ужасающее ускорение. Если ранее изменения происходили неторопливо, столетиями, а ещё раньше тысячелетиями, то теперь они вмещаются в одно поколение. Выдержит ли человеческая суть, натура такую гонку свиньи с поросёнком? Если и ранее люди слабо влияли на вектор исследований, к пользе они или во вред, то есть разумно не управляли процессом, а лишь корректировали и оценивали по мере появления нового. В смысле, выдуманом, что получит-

ся, а уж потом соображаем. Если и дальше продолжать в том же духе, последствия возможны самые печальные.

Видимо, хорошо бы обдумывать последствия возможно раньше.

Люди не в состоянии добиться улучшения управления этносом, то есть для общего блага выдумывая различные утопические проекты управления, ибо цивилизация живёт по своим законам и с людьми свои дела не согласует. Она сама по себе, а человек сам по себе, как это ни звучит парадоксально. У цивилизации своё поведение, у этноса своё поведение, у человека своё поведение. Ну и дела. Как же они уживаются-то? Ведь они, в общем-то, имеют одну суть, основу. Основа эта — он, человек, красавец. Вот так и живут в вечном взаимонепонимании. Всё, что могут сделать люди, опять же решается их коллективным поведением, которое не есть человек с его личным соображением.

У всего своё поведение. Поведение — суть отношения.

Увы, сегодня, повторюсь, это поведение человека близко к самоубийственному.

Это Россия изнутри, а вокруг неё?

Советский Союз потерял своих сателлитов, но обрёл шанс восстать в виде тысячелетней России. Страна погрузилась в глубокий кризис, неизбежный при таком крушении и попытках возврата к нормальной для человека рыночной экономике.

От коммунистического Советского Союза России досталось, однако, вооружение в виде ядерных средств, как ярлык великой державы, достаточных для многократного уничтожения человеческой цивилизации, если дело дойдёт до применения.

Бывшие республики, став самостоятельными государствами, немедленно настроились враждебно по отношению к метрополии.

Западной Европе и США показалось, однако, мало полного поражения своего политического глобального врага, и они продолжили добивать его, проводя политику изоляции и подчинения, в том числе, и с помощью вновь явленных стран.

Соединённые Штаты Америки не могли простить России своё унижение от сознания равновеликости с нею, в смысле возможного взаимного уничтожения. Унижение от своей беспомощности, это при ихто экономической мощи. Вся эта их очевидная колоссальная экономическая мощь не давала им гарантии сохранения. О дружбе этих двух этносов, впрочем, и речи быть не может, но хотя бы без открытой агрессии, очевидных враждебных шагов.

Штаты, выиграв холодную войну, вместе с тем не достигли своей стратегической желанной цели — расчленения России на «банановые республики». Недра бывшего СССР полны полезными ископаемыми: гребни, сколько пожелаешь, на выгоду себе. Не получилось. И самое неприятное для Штатов, Россия снова встаёт на ноги, набирает силу. С этим нельзя не считаться. Она развивается по законам этногенеза, как суперэтнос; это её природное состояние. При Путине она пришла в себя.

Штаты, впрочем, как и раньше, окружают её оружием, локаторами, ракетными установками, пытаются прижать по всем направлениям. Демократия Штатов не исключает агрессию к иным народам. У них демократия для себя, что несколько напоминает «Германия — для немцев», «Россия — для русских». Дело не в том, что в России негодная демократия, она просто не такая.

Штаты как этнос, да, кстати, и Западная Европа, естественно видят в России чужака, а значит, опасность. Им наплевать, какая власть в России, какая демократия, важно держать её в узде, а ещё лучше сесть верхом.

Они организовали в бывших республиках СССР свои революции. В Грузии — розовую, на Украине — оранжевую. В других республиках революции не прошли, не получились. Поначалу казалось, что цель — изоляция России — вроде бы достигнута. Новые правительства кинулись рьяно дистанцироваться от Москвы, изо всех сил демонстративно показывая свою преданность Западу.

Грузия потребовала от России вывести вон военные базы, а на Украине принялись с утроенной силой шантажировать своего Северного соседа по вопросам цен за перекачку газа и нефти через свою территорию. Украина открыто воровала газ, а также усилила кампанию, направленную на выдворение из Севастополя Российского Черноморского флота.

Враждебность правительств указанных стран пронизала все сферы межгосударственных отношений. Особенность поведения Западной Украины, Прибалтийских стран, их обострённая враждебность к России, прежде всего, объясняется их приграничным расположением между двумя суперэтносоми и их принадлежностью к одному суперэтносу, а именно, Западной Европе.

Однако, далее процесс изоляции России затормозился. Виной тому сложнейший клубок особенностей и состояний во вновь образовавшихся государствах. Первая и главная особенность, это отсутствие навыков самостоятельного управления страной.

Эти государства, если и были когда-то самостоятельными, то лишь в глубокой древности, и навыки управления ими давно и безнадежно утеряны. Что касается Украины, то, не считая Киевской Руси, ибо это было более тысячи лет назад, она может похвалиться разве что Запорожской вольницей, которая ничего общего с государственным устройством не имеет.

Далее, Западные конструкторы демократических революций не учли готовность, а правильное сказать, полную неготовность населения полигонных государств воспринять идеи и практику демократии. Население попросту не знало, что делать с этими демократическими идеями. Особенно это касалось среднеазиатских государств, которые и в советское время жили в феодализме.

На Украине новая революционная власть кинулась расхватывать, что плохо лежит, а затем отнимать капиталы у предшествующих воров. Революционеров много; на всех добра не хватило. Начались драки; друг у друга отнимали куски пожирнее. Перессорились вдрызг! Стали воровать у государства; взятки стали нормой прожиточного уровня. Пропать между идеями, чаяниями революции и образовавшейся после неё жизнью стала бездонной.

Изоляция России оказалась неосуществимой также из-за её экономического влияния.

Огромная доля украинцев и грузин живут и кормятся в России; им невыгодно причинять вред и идти против курицы, которая несёт им золотые яйца. В Грузии меньше, а на Украине постоянно, исконно во множестве проживают русские люди; их там более двадцати миллионов, и они сильно влияют на события в стране. Большинство их настроено с симпатией к России.

Наконец, из Соединённых Штатов и Запада не обрушился на них ожидаемый халявный золотой дождь. Им самим предоставили зарабатывать хлеб насущный, а это совсем не просто.

Уповаем на Господа, чтобы Он охладил пыл политиков, прежде всего США, да и российских тоже, укоротил их алчность и гордыню.

— В какой стране мы живём?! — возопил, ухватив меня за пуговицу, полковник в отставке, пенсионер Степанов Николай Николаевич. Мы с ним проживаем в соседних микрорайонах, ходим в один университет «Копейка», где на сей раз встретились и вышли вместе.

— В бандитской! — не ожидая моего ответа, огласил Степанов свою наболевшую мысль. Его мозги сверлит вопрос, как назвать режим, образовавшийся в нашей стране.

— А вот в Европе живут лучше, там социализм, — продолжил он.

Как же забиты наши головы всякими формальными понятиями, не нужными никому, кроме кормящихся на них политологов! Почему не полагать проще и желаннее: «Я живу в России, меня здесь родили, это моя родина. Я следую Заповедям Его». Так живи, проявляя хороший хозяйственный эгоизм, в смысле, строя экономику разумную, без политики, умеряя свои чрезмерные запросы и не придавая серьёзного значения всяким заумным теориям. Подсматривай, что есть в мире полезного, но соизмеряй с собой, подойдёт ли. Не ломай себя. Вот тогда возможно определённо сказать: «Я живу в процветающей России с трудолюбивым, разумным, нравственным населением, высоким материальным и духовным уровнем жизни».

Всякого рода теории построения моделей управления обществом выдумывают и провозглашают вроде бы с целью дать людям благополучную жизнь через справедливые отношения. Создают, так сказать, проект, при этом нравственные составляющие человека остаются в стороне, они как бы не главное. Обществу предлагают перешагнуть через них, как незначительное препятствие, а лучше не заметить вовсе. Обходят также проблему выполнимости проекта, будто самого понятия утопичности моделей не существует. О добросовестности авторов и говорить не хочется, а надо. Они нередко через свои теории мечтают решить свои амбиционные задачи.

По сути, чаще всего налицо мошенничество, а в лучшем случае недомыслие. Таковы авторы, таковы теории, таковы люди.

Думающие люди вот уже несколько столетий спорят о месте России в международном сообществе и формах её существования.

Многие полагают, что единственный светлый путь для России, несомненно, в Европу, имея в виду Западную Европу, сумевшую устроить для своих жителей относительно благополучную жизнь. Заметим, не «строить свою жизнь по европейскому образцу», а «идти в Европу». По моему мнению, прежде чем рассуждать о путях развития, следует установить, а что, собственно говоря, есть Россия как предмет обсуждения, отбросив эмоции и политическую трескотню, то есть, установить печку, от которой лишь и возможно танцевать.

Географически Россия — страна, раскинувшаяся на гигантской территории, охватывающая большую часть Восточной Европы, Сибирскую Азию и Северный Дальний Восток, с множеством народностей, говорящих на разных языках и исповедующих православие, ислам, буддизм и иные, менее представленные религии.

Страна с отсталым, сравнительно с Западом, хозяйством. За исключением оружейного производства. С неудовлетворительно устроенным управлением и слабыми навыками демократии, зачаточным гражданским обществом и, соответственно, слабым влиянием его на власть.

Страна с подорванной моралью и неспособностью противостоять средствам информации и низкопробному массовому искусству, люющим помой в души людей.

Россию дважды за триста лет ломали через колено. Пётр Первый, тавивший её в Европу, и большевистский кровавый режим, который в особенности изуродовал душу российского человека.

Россия вечно недовольна своим состоянием и постоянно находится в поисках способа улучшения жизни, лучшего общественного устройства. Она, как огромное живое всеядное существо, кушает, не разбирая, и плохое, и хорошее, демократию и законопослушание, бестыжую свободу и религию, вседозволенность и революционные идеи, идолопоклонничество, имперское величие и патриотизм, аскетизм и животный разгул, обжорство и духовность...

Всё это она переваривает, берёт в кровь нужное по своей природе, а остальное выбрасывает известным способом вместе со всем перечисленным. Сама же остаётся всё той же Россией, живущей сама по себе, своей жизнью. Натура, никуда от неё, в смысле от себя, не скроешься.

Да что же за народ мы такой?

Позволяем ломать себя через коленку всяким подонкам от политики, загонять, втискивать себя в прокрустово ложе непригодных для нормального человека государственных режимов. Семьдесят лет терпели над собой жестокую, гнусную, двуличную власть инородца-кормчего. И не только терпели, но исподволь сами втянулись в его нечестивые дела, безумно помогали во зле.

Несли охрану в тюрьмах и Гулаге, тиранили и казнили невинных людей. Яростно и с великой охотой разрушали церковь. Всё это руками людей из народа. И самое страшное, что не покались: ни официоз, ни политики, ни народ. Напротив, продолжали в разногласии долдонить о своих героических делах, великих стройках коммунизма, победе в войне, о справедливости нечестивой власти, и главное, что сами всё делали правильно.

Зло стало сутью народа, укоренилось в нём. В этом главная трудность, трагичность и безысходность. Будущее народа нашего зависит

от того, сумеет ли он выдать из себя вышеуказанную способность ко злу и своё безумное легкомыслие.

А теперь важное. Россия — это суперэтнос, и Запад тоже суперэтнос, включающий в себя географическую Западную Европу как таковую, Соединённые Штаты Америки, Канаду, Австралию и Новую Зеландию. Никуда Россия не может идти. Как суперэтнос, она обречена природой быть тем, что она есть. Заманчиво жить, как живут европейцы, но путь к ним заказан. Взаимоотношения суперэтносов, вот ключ к пониманию проблемы, а они подчиняются закономерностям этногенеза. С помощью теории этногенеза возможно лишь приблизиться к истине и ответу на существующую проблему.

Житель суперэтнуса всегда видит в человеке иного суперэтнуса чужака; ощущает это не разумом своим, а на генном уровне, на природной основе. Это ощущение не зависит от географического положения или политического устройства. Чужой, и всё. Люди внутри суперэтнуса между собой более терпимы, чем люди из разных суперэтносов. Таковы природные ощущения людей суперэтносов Запада и России. Возможно и желательно заимствовать технологии, формы успешного государственного устройства, демократию, торговать, словом, брать всё, что есть полезного на Западе. Но бесполезно напрашиваться в их Западную семью.

Россия видит, ощущает себя европейским государством, постоянно, упорно пробивает себе путь в Европу. В Европу, где её не ждут и чужаются, не признают своей. России нравится европейская демократия, образ и уровень жизни; она желает быть, как Европа.

Но так ли уж необходимо формально называться европейцем? Отчего не россиянином, берущим всё лучшее из созданного Европой, но применительно к условиям евроазиатской страны, каковой и является Россия? Так ли уж необходимо нам на равных влиться в дружную европейскую семью? И возможно ли?

Если чёрный человек вобьёт себе в голову стать белым, у него это не получится; он чёрный от природы, так же, как европеец от природы белый. Они разноцветны по природе. Похоже обстоит дело и в отношениях между суперэтнсами: ощущение чужака идёт от природы.

Свой—чужой начинается уже в семье. Вот, казалось бы, муж и жена прожили бездну лет вместе, делили счастье и невзгоды, и вот всё-таки ощущает она, что все люди её рода, где её родили — это свои, а люди рода мужа, и он сам в том числе, не то, чтобы чужие, но уже где-то не свои — чужие.

В личном восприятии все отношения пронизывает ощущение свой—чужой.

На уровне этносов, а Россия многоэтническая страна, человек иного этноса чужой. Подспудная к нему неприязнь, недоверие. Это наиболее четко.

Далее мягче, человек иной семьи, иной крови — чужой. Богатый человек для бедного — чужой.

Теперь представим себе, что чувствует человек, которого окружение по каким-то его признакам видит в нём человека иного этноса. Хотя сам он не мыслит себе, как же это он может быть иным. Он изнутри человек именно этого этноса и никакого другого. Он болезненно ощущает неприязнь и недоверие со стороны окружения, даже если ему открыто в глаза не говорят. Порою он не понимает этого, но чаще всего понимает, ибо и сам способен ощущать такое. Его напрягает, ему неприятно, ему нехорошо. Он начинает и сам постепенно ощущать себя инородным телом в этом своём окружении. Это отчуждение.

Скверно, но это реалии. Это истинная жизнь людей этносов, и никуда никакими конституциями её не изменишь, хотя...

Ощущение национальности. Единственным критерием, по сути, при отнесении себя к нации является ощущение человека самого, и никак другого со стороны. Введение всякого рода признаков типа места проживания, происхождения, истории и прочего и прочего не ответит на этот вопрос. Я ощущаю себя естественно, без напряжения исключительно русским. Если я попытаюсь в сомнениях своих или извне, если мне скажут «ты не русский, ты еврей, хохол или ещё кто», примерить себя в иной национальности, у меня не получится, она окажется неестественной, чуждой мне. Это не для меня, я не тот и не другой, я русский.

То есть, моя национальность — это моё ощущение, и ничто иное. Однако, это не вписывается в форму, в логику отношений людей в государстве. Человек может, имея свои соображения, сказать — я ощущаю себя русским, запишите меня русским, не ощущая себя в действительности таковым, то есть, соврать. Вот в чём сомнительность введения вышеуказанного истинного критерия. Можно лишь отметить, что место проживания человека сильно влияет на облик его и поведение, даже для людей одной нации. Скажем, евреи в Одессе, в Бобруйске, в Петербурге — это разные евреи. Особенность петербургского еврея — это особая утончённость, одухотворённость, то есть особенность, присущая этому городу высокой, осо-

бенной, какой-то изысканной культуры. Человека Петербурга в этом плане не спутаешь ни с кем. Даже после сильного смещения горожан с приезжими. Будто сама атмосфера городская, суть его влияет на людей.

Обратимся к событиям.

В Западной Европе на протяжении двух тысячелетий постоянно случались войны, фактически, они не прекращались. Но, за редким исключением, они не сопровождались разрушением культурных ценностей, которые лишь меняли владельцев.

Народы, оказавшиеся в подчинении у победителей, платили дань, выражали покорность, но продолжали жить своей привычной жизнью с привычным укладом. Занимались хозяйством.

В Европе не существовало, даже во время войны, ожесточения, доходящего до выжженной земли. Наполеон разбил армии противников, покорил Европу, но не уничтожил ровным счетом ничего. Он просто подчинил себе страны целиком с их хозяйством и менталитетом. При этом покорённым народам и в голову не приходило жечь свои дома, убегать в леса и болота, вести ожесточённую партизанскую войну с Наполеоновской армией.

В чём причина такой терпимости?

Страны, покорённые Наполеоном, состояли в одном суперэтнотесе с завоевателем, а потому люди не ощущали во французах таких чужаков, с которыми следовало так уж ожесточаться.

Когда же Наполеон пошёл на Россию, он столкнулся с совершенно иным отношением народа, столкнулся с запредельной ожесточённостью. Столкнулись два суперэтнотеса, настолько чужие по ощущению, что под властью французов русскому человеку быть никак нельзя, и своих пожечь ради этого не грех.

Вот теперь, встав на твёрдую почву теории этногенеза, возможно понять, что к чему.

Итак, возможно и желательно заимствовать у благополучного успешного Запада всё полезное, дружить с ним, решать совместно с ним всякого рода общечеловеческие проблемы, торговать, соревноваться в спорте, в искусстве, жить в мире и многое другое, но... только не стремиться стать западноевропейцем.

Кстати, существует ли предел жертвам ради сохранения этноса?

Этнос может сохраниться не обязательно в боях до самоуничтожения, но и проявляя мудрость в поведении. Этнос сохраняется и под игом, порою даже крепнет. Подчинение иному этносу не означает

гибели. Святой Александр Невский, породнившись с сыном Батия, Сартаком, показал, что это возможно.

Россия тянется к Западу. Она подспудно желает выйти из своего дикого азиатского состояния, ищет способы и совершает попытки, но... Запад неизменно отторгает её, как чужеродное тело. Россия втягивает голову свою в виде передовой мыслящей интеллигенции в Европу, в то время как туловище и ноги остаются в Азии: не пролезает задница. И вся она вязнет в своём диком азиатском болоте. Нелепая ситуация.

Жизнедеятельность и будущее России в радетельных, способных людях. Иван Калита тысячу лет назад собирал русские земли, а Путин в двадцать первом веке слепляет готовую было рассыпаться Россию после крушения Советской державы. Радикалы его ругают, а он слепляет.

Российские демократы, поднявшие народ против большевистского режима, стали властью, но ничего у них не получилось. Произносить пламенные речи на митингах перед народом это одно, а хозяйствовать совсем иное.

Маниакально запрограммированные на путь в Европу и на европейскую демократию, они вконец развалили страну, едва не отдав Россию Западу с потрохами. Народ отвернулся от них, а они твердили, что им, демократам, не дают свободу действия. Они не взяли в толк, что общество устало от всяких безобразий власти, и большевистской, и новодемократической; люди хотят нормально, по-человечески жить и не более того.

Люди не хотят перемен, из своего горького опыта зная, что все они ведут лишь к ухудшению. Люди хотят улучшить свою жизнь, но без судорог.

— Пассионарии! Не мешайте людям жить!

И ещё, люди устали совершать подвиги, к которым их понуждает власть. Они хотят просто спокойно и по возможности прилично жить.

Россия. Вид из вечности.

То ли погода, то ли состояние моё сказались, но только после обеда я впал в необычайно глубокий сон и увидел Землю издали. Одновременно я ощутил понимание увиденного, не в виде образов, а в виде некоего знания, мгновенно проникающего в меня. Это при моём-то твёрдом убеждении, что истина, как таковая, человеку непостижима.

Я увидел Землю так, что мог охватить её взглядом разом всю, увидел, как возникают, разбухают и ползут по Земле этносы. Вот Рим наплывает на своих соседей, накрывает их своим могуществом и пульсирует у мест, где народы оказывают сопротивление. Ползёт в сторону Африки и останавливается у Карфагена. На Рим накатываются и размывают Империю приливы варваров. Вспухла Византия, как греческое дитя Рима. Вот она, в свою очередь, разбухает, заглатывает малые этносы, а затем съёживается. Стремясь сохраниться, она интуитивно нащупывает Киевскую Русь, передаёт ей свою энергию и часть своей судьбы; съёжилась до предела, но успела.

Получив от Византии дряхлеющую энергию, Киевская Русь разваливается, породив Великороссов. На руинах Древней Киевской Руси двести лет жило население, которое нельзя назвать этносом. Это были просто руссы, но наступил инкубационный период рождения нового этноса, и родилась Россия. У древней Руси существовала альтернатива — Князь Святослав и остров Руг. Можно с уверенностью полагать, что восторжествов Святослав, он превратил бы Киев в базу разбойничьих набегов, вроде острова Руг. Там славянские пираты наводили ужас на немецких и датских купцов. Пираты воевали со всеми, и, наконец, их логично уничтожили. Подобная судьба ожидала державу Святослава, который враждовал бы с племенами, обкладывавал их данью, несомненно, казнил христиан. Однако, Святослав со своей дружиной руссов покинул Киев.

В восемьсот сорок четвёртом году руссы («да проклянет их Аллах», писал арабский автор) высадились в Испании. Три года они свирепствовали; край пришёл в запустение, но вот герцогу Сангесу удалось их разбить. Руссы сели на корабли и... сгинули.

В Киеве существовал тесный контакт славян с руссами; здесь господствовали руссы-славянофилы. Здесь и сложилась славяно-русская этническая близость, общность. Руссы передали славянам своё имя и своих князей. Земля стала называться Русью.

Всё это мне хорошо видно при оптимальном для обзора удалении от Земли и таинственном сжатии времени. Земля перед моими глазами предстала живущая своими этносами. Столетия сократились, что позволило наблюдать превращения этносов в их реальности доступно, ясно и убедительно. Время пребывания их в стабильности для меня исчезло как лишнее для понимания и помеха, мешающая разглядеть главное, динамику. Получается, что я во сне своём как бы поднялся над временем, вошёл в вечность и увидел прошлое.

Странное это существо, Россия. Она постоянно недовольна собой и желает жить иначе, скажем, как в заморских странах. Возникшая на руинах Древней Киевской Руси, она усилиями Москвы выросла в обширную державу, непрерывно поглощая земли и народы, просто так, без особой цели, а чтобы съесть. Ей постоянно хотелось кушать.

Эта непомерная обширность территории и разнообразие народов сильно размыли её национальную слитность, лишили её жизненно важной для нации крепости. Великороссы вроде те же, а понятия стали другие. Вечная неустроенность образовала неуважение к себе. Россию всегда тянуло к цивилизованному Западу, люди которого извечно трудились, создавали культуру, гордились своим происхождением и принадлежностью к своей нации.

Власть в России неизменно с пагубным постоянством отбивала у населения охоту к свободному труду на себя. Всё здесь совершалось по принуждению, из-под палки. Любые вроде бы благие дела в масштабе общества власть совершала без учёта интересов людей, которых при этом не жалела; благие дела совершала на их бедах и костях. Свобода жестоко каралась, как самое преступное дело, как замысел против власти.

Полагали, что Россия не способна существовать как держава без такого всеобщего попрания свободы и интересов простого человека. У россиян исторически подавлено естественное желание самостоятельно трудиться и жить без надсмотрщиков. Они, увы, в большей части потеряли великую способность человека к самостоятельному существованию и гордости за свой труд из поколения в поколение.

Следует лишь оговориться, что способность эта именно подавлена, она не уничтожена вовсе. Власть, единственно власть, загоняет её в подкорку человека. Власть обращается к лучшим качествам человека тогда только, когда ей самой плохо, и она вынуждена идти на это послабление, чтобы спасти свой зад.

Всю историю России наблюдается искоренение мыслящих, энергичных, самостоятельных людей. Особенно это наглядно в период с 1917 по 1953 годы, когда правила власть, исповедующая коммунистические идеи классовой борьбы и диктатуры пролетариата.

В гражданскую войну погибло огромное количество чрезвычайно полезных для этноса людей. В двадцатые годы изгнана элита интеллигентов-учёных. Уничтожено образованное дворянство. Уничтожены трудолюбивые крестьяне; остальные загнаны в рабские бессмысленные для человека и нормальной экономики колхозы. В тридцатые годы в результате большевистского террора уничтожены и сосланы на

гибельную каторгу миллионы людей, в том числе и самих революционеров. В войнах с Финляндией и Германией забиты десятки миллионов всякого российского населения.

Таким образом, власть упорно уничтожала деятельное энергичное население России. Систему этноса она лишила того энергического наполнения, которое делало народ России победителем.

Уничтожив столько россиян, власть большевиков стала абсолютной. Собственно, к этому и шло. Теперь управлять пролетариатом и бедным крестьянством, а также объатым ужасом остальным населением страны, скажем проще, помыкать им, можно было без помех со стороны деловых, мыслящих, энергичных людей. В головы людей стало проще простого вкладывать всякую чушь о построении счастливого общества и кидать их в топку немыслимых авантюр. Население России стало анемичным послушным стадом, неспособным отстаивать свои жизненные интересы.

В странах восточной Европы, таких, как Чехословакия, Венгрия, Польша, ГДР, Советский Союз установил власть по своему большевистскому типу и понудил их идти по указанному пути построения социалистического способа хозяйствования. Ввёл запрет на частную собственность, плановое производство и распределение. Вся экономика — государственная.

Эти страны восточной Европы исконно принадлежат к Западноевропейскому этносу Христианского мира, и было безумием со стороны большевиков ломать их природу, вовлекая в чуждый им этнос России, отрывать от мировой экономики. Однако, это не привело их к надлому, как в России, и не остановило их стремления воссоединиться со своим родным этносом. Западный мир как цивилизация возник значительно раньше России и за тысячелетия своей этнической истории приобрёл свой современный вид. В связи с этим там высокоразвитая техника, налаженный быт, господство порядка, опирающегося на право.

Что осталось в России после всего этого безумного погрома?

Сохранились и даже приумножились люди без веры, чести и совести. Власть держали большевики; формировалась и пополнялась она из числа всё тех же отрицательных, бесполезных и вредных для общества людей. Безумие большевиков загнало Россию в гибельное состояние, и естественно предопределило её плачевное будущее. Теперь, если не случится толчка, то одна надежда на присутствие оставшихся разумных и трудолюбивых людей и их возрастание такими же гармоничными и трудолюбивыми.

Увы, история не учит людей. В истории есть аналогии. Россия их повторила.

В первом веке в Риме скопились разложившиеся потомки римских граждан. Они ютились в каморках, дышали зловониями, клоакой, пили вино из вредной свинцовой посуды, но требовали «хлеба и зрелищ».

Эти толпы могли поддержать любого авантюриста, пожелавшего совершить переворот. Они делили информацию на два сорта — приятную и неприятную. Носителей второй они относили к личным врагам и расправлялись с ними. Они не изменяли мир и не сохраняли его. Они существовали за его счет. Они были способны на нищенство или разбой, но в таком случае они были обречены, их выслеживали и уничтожали. Однако, они появлялись в каждом поколении.

Словом, судьба России через взгляд сквозь окошечко в вечность видится решительно неопределённой.

Режим рубил сук, на котором сидел. Не устрой он указанного выше уничтожения энергичных людей, Россия продолжала бы уверенно шагать, создавая себя как мощную державу. Своими безумными делами режим убил себя, а заодно серьёзно ослабил Россию.

После падения большевистского режима новая власть пытается оживить общество, но как это возможно осуществить с таким населением? Нужны новые энергичные люди, которые могут прорасти лишь естественным природным путём, а для этого необходимо длительное время и условия. Ещё одно немаловажное обстоятельство. Люди, сумевшие после падения большевиков зацепиться за власть, захватили в свои руки экономику страны.

Можно попытаться войти в круг цивилизованных народов Запада, то есть, в чужой этнос, но ничего не даётся даром. Вероятно, станет неизбежным полный отказ от отечественных традиций и последующая ассимиляция. Мы никак не хотим признать, что основа этнических отношений лежит за пределами сферы сознания, она в эмоциях, в симпатиях—антипатиях, в любви—ненависти. И направление этого поведения людей обусловлено для каждого этноса своё.

России ещё предстоит пережить инерционную фазу: триста лет золотой осени, эпохи собирания плодов, когда этнос создаёт неповторимую культуру, остающуюся грядущим поколениям. Затем, если на обширной территории России проявят себя новые толчки, то потомки наши, хотя и слегка не похожие на нас, продолжат традиции достойных предков.

Жизнь не кончается. Процесс, благодаря которому человечество не исчезает с лица Земли.

Появление гениальных людей также генерируют процесс обновления этноса, однако, власть относится к ним неизменно подозрительно. Гений вольно или невольно одним своим присутствием нарушает установленный властью порядок. По этой причине его давят и стремятся загнать на путь, угодный власти. Таковы судьбы Плисецкой, Сахарова, Льва Толстого.

Гений видит глубже, он познаёт суть, и потому чрезвычайно полезен обществу, но он непонятен посредственности во власти и опасен для неё. Гений всегда гоним, кроме, возможно, гения в искусстве, когда он восхищает людей своим совершенством и не представляет очевидной опасности для власти.

Подмена нравственности и ложь

*Я, Витя, тебе врать не могу; только
соберусь, но язык не поворачивается.*

Сельская зарисовка

Грех россиян в том, что они не покаялись в злодеяниях, совершённых большевиками их руками.

Странник находился в глубокой печали. Эти люди в чёрных кожаных пальто захватили власть, но этого им показалось мало. Они задумали хуже: они стали переделывать человека. Человека, сотворённого Им и природой. Они ударили в самую его душу и попытались заменить требования вселенской нравственности своими понятиями.

Люди соблазнились, позволили совершить подмену и поклонились идолу.

Безнравственному человеку легче достичь материальных успехов; ничто изнутри его не останавливает. Успехи эти, однако, ничтожны и преходящи, а цену за это люди платят роковую. Говорят, народ всегда прав. Это не так, если он позволил увести себя на безнравственный путь.

Революция в любом случае катастрофа, в которую низвергается общество, настолько скверно управляемое, что жизнь населения становится невыносимой. Это взрыв котла с негодным предохранительным клапаном. Последствия революции непредсказуемы, но редко представляют собой добро. И уж совсем плохо, если революция

является не стихийной, а частью придуманной умниками системы государственного управления, в которую эти умники станут втискивать общество, как в прокрустово ложе. Мешают ноги — обрубаяют; мешает голова — рубят голову. Возникают абсурдные, гибельные для жизни ситуации, рушится мораль, нравы, люди сатанеют и творят невиданное по глубине и масштабности зло во имя «светлых идей революции».

По характеру событий первые шестнадцать лет двадцатого века больше напоминали девятнадцатое столетие; роднят их с двадцатым лишь предгрозовые раскаты грома, возвещавшие грозные грядущие события, изменившие лицо общества, а ещё больше его нутро.

Мой отец и матушка поженились и положили начало нашей семьи вскоре после революции; их молодость и зрелые годы прошли в после-революционные годы. Они вкусили и передали мне своё видение, всю суть того времени. Их жизнь есть правдивая её иллюстрация.

Итак, скверное управление обществом достигло критической массы, и Россия взорвалась. Управление, следует признать, хотя и было действительно скверным, но не привело бы к таким ужасным последствиям, не ввяжись царь в Мировую войну. Нет, какая, однако, существовала необходимость? Чепуха на чепухе. Зато какие выгоды получила бы Россия, оставшись нейтральной над схваткой, но увы!

И ещё одно роковое несчастье свалилось на страну — власть захватили большевики, люди в чёрных кожаных пальто. Им мало власти; им нужна была абсолютная власть. Они начали с того, что произнесли заклинание и выпустили насилие вместо терпения и труда. И обещали накормить голодных, избавить воинов от бойни, дать жильё бездомным. И всё это не трудом праведным, а разбоем отнять у людей, а не дадут, так убить, сгноить в тюрьме. А затем всех заставить дрожать от страха.

И возрадовались бездельники, пьяницы, лжецы и жестокосердные завистники, ибо зло стало синонимом доблести и добродетели. Большевики освободили себя от требований Христианской нравственности и руководствовались исключительно своими понятиями. Согласно с этой их моралью, во имя революции, во имя светлого будущего почитались допустимыми и даже поощряемыми убийство, ложь, ненависть, жестокость, грабёж и ещё много того скверного, чего не приемлет Христианская нравственность.

«Вас сотни лет обманывали церковники; с их помощью вас держали в темноте и покорности. Забудьте их! Для вас существует иная

мораль — классовая, пролетарская, мораль униженных бедняков». Они призвали россиян убивать богатых и грабить их имущество. Они обещали построить праведное справедливое общество без насилия и эксплуатации.

«Долой войну! Землю крестьянам! Фабрики рабочим! Свободу гражданам, изобилие!»

Они так громко кричали, что многие поверили и стали поступать, как велят. Россияне оказались необычайно восприимчивы к призывам; они всегда уповали на вождя и с молоком матери впитали в себя сказку о добром молодце, который принесёт им счастье, а они с умиленной благодарностью примут. Призыв «грабь!» был с энтузиазмом поддержан. Грабить-то богачей-кровососов. Справедливое дело. Народу обещано всё мыслимое и немыслимое. Народ проглотил эту демагогическую приманку, да и традиции у россиян крепкие по части грабежей; как это ни прискорбно, но история не даст соврать. Конечно, положение большинства россиян до революции было не блестящим, но... из возможных путей выхода они приняли самый простой и заманчивый и... погубили себя.

Причин здесь много. Необычайно сильный и живучий механизм управления людьми — «Вождь — народ». Патологическое, слепое доверие вожакам. Это что-то от стада. Вечная неустроенность жизни. Детская вера в утопию. Предложена иная схема устройства общества, вроде хорошая, без изъянов и... пошли. Очень уж хороши русские народные сказки, разум отнимают.

Достоевский видел Россию бесноватой; правильнее её следует признать как лишенную иммунитета против бесов. Правда, и великий писатель тоже подбросил свою сказку о том, что «Красота спасёт мир». Красивая, романтическая, но лишённая смысла сказка.

Понятно, что с самого начала «Светлое будущее» прикрывало обычную, сволочную, известную в истории человечества не одну тысячу лет драчку за власть, лидерство, привилегии. Так всё и произошло. Светлое будущее побоку, а убийство, ложь, жестокость, ненависть как средства достижения эгоистических целей остались и пустились в разгул по просторам России.

Народу обещано всё... и не отдано ничего.

Вместо окончания мировой войны — гражданская бойня, в которой брат убивал брата, совершая Каинов грех, и которая принесла больше жертв, чем вся Германская война.

Вместо земли — крепостное право в форме колхозов и закрепление в них крестьян без права выезда.

Вместо фабрик — эксплуатация рабочих на государственных предприятиях.

Вместо свободы — те же колхозы, Гулаг и железный занавес.

Вместо изобилия — продовольственные карточки, голодуха и коммунальные квартиры в городах.

Начали кожаные пальто с подмены требований Христианской нравственности понятиями воинствующей большевистской идеологии. А затем пошло...

Церковь, питающую общество Христианской нравственностью, они жестоко, физически подавили и почти уничтожили. Храмы разрушили, а оставшиеся осквернили, превратив их в склады или в коровники. Духовников частью убили, остальных отправили в Гулаг.

Создали пропагандистский аппарат тотальной лжи в целях деформации представления людей о реальности и одновременно для прививки народу своей идеологии.

Искоренили все формы экономической самостоятельности человека. Организовали государственное распределение продуктов жизни людей для полной зависимости их от власти.

Уничтожили дворян, буржуазию, духовенство, крепких крестьян. Создали сельскохозяйственные трудовые лагеря — колхозы и совхозы, в которых крестьян держали в состоянии крепостной зависимости. Паспорта им не выдавали, уравнивая их таким образом с рабами. Единоличник стал символом врага народа.

Уничтожили инакомыслящих людей.

Люди в чёрных кожаных пальто вцепились в россиян мёртвой хваткой и принялись втискивать их в государственное устройство на красном знамени, под ослепительными словами которого «Свобода, справедливость, счастье» тяжело ворочались и багровели «Ложь, страх, тайна». Ложь о светлом будущем, ради которого стоит перетерпеть. Ложь, оправдывающая любые, самые чудовищные издевательства и мучения. Ложь, обеляющая мучителей и обезоруживающая жертву.

Под завесой лжи кожаные пальто повели тотальный произвол; без суда и следствия они стали убивать людей, бросать в тюрьмы, концлагеря, и за короткий срок уничтожили столько народа, что уцелевших охватил животный страх, доведённый до запредельного. Ложь и страх образовали людей, бессильных перед властью. Они породили также сонм стукачей, садистов, выроdkов, без сопротивления отдающих палачам своих родных и близких. Страх заставил всех встать по стойке смирно и жить по указаниям.

Писатели стали писать, как указано. Артисты — играть, что указано. Художники — рисовать, что указано. Постепенно это стало привычкой и многим даже понравилось. И началось. В своё время вышел в прокат замечательный фильм «Белорусский вокзал», истинный шедевр киноискусства. Но ложь проникла и в него, а талант авторов сделал эту ложь такой правдивой, что зритель верит в неё, как в правду. Фильм о солдатской судьбе на войне: солдаты воюют, им приказано взять позиции противника, и они поют: «Мы за ценой не постоим!» Здесь мощно изображены жертвенные чувства солдата, зритель верит в искренность слов песни, но таковы ли истинные ощущения солдата-человека на войне?

Солдат человек, и он хочет жить, а не ложиться в землю. Он честно воюет, но не может он желать «мы за ценой не постоим!». Цена-то эта — его жизнь. Он что, жить не хочет? В этом автор фильма убеждён?

Ложь и кощунство.

И ещё важно, в чьи уста вкладывает автор эти роковые слова. В уста солдата, который объявляет о своей решимости погибнуть, или в уста высокого командира, сидящего в безопасности и меряющего цену чужими жизнями?

Разные позиции и разные ощущения.

Люди и так не гнушались лжи, а тут вовсе изолгались. Добрая натура ушла вглубь, в подкорку, затаилась. Снаружи ложь как маскировка. Истинный человек внутри, как в капсуле, в генах до поры, до лучших времён. Выжить!

И всё во имя идеи. Вгонять человека в страх и убивать его просто так, без идеи, сложно, не получится. Начнётся такое сопротивление, что никакая власть не удержится. Ложью пронизано государственное управление обществом. Они образовали для прикрытия своей сути фальшивую бутафорскую структуру государственных институтов, имитирующих демократическую власть. Съезд, Верховный Совет, Советы всех уровней, суды и прочее.

Реальной властью стала партия. Вот структура реальной партийной власти.

Верховный вождь — генеральный секретарь. Политическое бюро партии — узкий круг правителей.

Партийные секретари областей и районов — фактические хозяева территорий.

Партийные секретари во всех производственных коллективах — низовое око и контролёры партии.

Комитет по шпионажу, организация подавления людей. Главное управление поддержания порядка в обществе и содержания тюрем. Исполнители, шпионы, палачи. Цель аппарата подавления: содержание населения в оцепенении от страха, постоянной готовности голосовать на фальшивых демократических выборах за коммунистическое руководство.

Комитет по идеологическому оболваниванию населения.

Министерство обороны.

Управление партийных надзирателей в вооруженных силах.

Совет управляющих экономикой и культурой.

Директора производств.

Директора торговых организаций.

Правительство несло тяжкий груз управления государственным производством под гнётом полного подчинения политбюро и факта затратной экономики.

Метод управления — контроль и принуждение.

Они создали чудовищный аппарат подавления и уничтожения людей, использовали во зло такое привлекательное понятие, как интернационализм. В большой степени из-за чего правителем России, Кормчим стал инородец, садист, человек невиданной жестокости. Структуру партии и методы борьбы за власть, возникшие как необходимость в условиях подполья, кожаные пальто, победив, сохранили в неизбылемости.

Привычку ощущать себя во враждебном окружении и соответствующее поведение, конспирацию, подозрительность, безжалостность, амбиции, верность партии и вождю, партийные склоки и интриги. Всё это, не имеющее ничего общего с истинной демократией, они перенесли в подвластный им мир людей, в общество. Больше того, все вышеперечисленные скверные для социализма и людей свои свойства они многократно усилили с помощью захваченной ими власти. Они принесли неисчислимые страдания народу, загубили саму идею социализма, да и заодно самих конспираторов-революционеров.

Зло стало добродетелью. Доносы и ложь — добродетелью. Народ шёл по несправедному пути, по пути зла.

Во множестве расплодилось палачи, охранники, доносчики, профессиональные лжецы. Они повели народ, крича: «Мы строим справедливое общество, все станут счастливыми!» Тех, кто не верил и не шёл, они убивали.

И ещё, люди в кожаных пальто освоили институт тайны, решительно необходимый для сохранения своей власти.

Под страхом жестокого наказания запрещалось знать и говорить обо всём. Об армии, о болезнях, о транспортных авариях на земле, море и воздухе, производстве, о землетрясениях и наводнениях, образе жизни и снабжении партократии жизненными благами. Географические карты страны издавались намеренно искажёнными, а информацию о жизни людей подменяли ложью, а поскольку иной информации не существовало, то люди эту ложь почитали за правду.

Властным циркуляром все тайны разделялись на служебные, секретные, совершенно секретные и сверхсекретные. Под каждой из указанных рубрик следовал перечень сведений. Перечни эти, набранные убористым шрифтом, едва умещались в толстой книге и охватывали все стороны жизни людей.

Вне запрета, то есть, вне перечней оставалось совсем чуть-чуть, самого бытового свойства, необходимого для отправления жизни человека, как животного, для разговора при общении, без которого уж никак не обойтись. Да ещё без ограничения и тайны разрешалось и даже поощрялось хвалить власть и прежде всего самого кормчего-вождя.

Существовало, однако, одно уязвимое место в чёрных делах людей в кожаных пальто. Они подчинили себе животное начало человека и бесчинствовали на нём, но вот душа человеческая оказалась им не по зубам, ибо принадлежала она духовному миру, где всё определяет Он.

Все вышеуказанные дела людей в кожаных пальто привели к созданию неэффективной самоедской экономики, не способной обеспечить цивилизованные условия жизни человека, отторгающей технический прогресс, пожирающей ископаемые ресурсы и убивающей природу.

Выращены поколения людей, не умеющих полезно трудиться, лишённых высокого человеческого достоинства и благородства.

История не знает такого абсолютного уровня зависимости человека от государственной власти. Хозяйственная деятельность под этим сатанинским управлением всё более теряла здравый смысл. Земли приходили в негодность, пища, вода и воздух становились ядовитыми. Полезные ископаемые добывались в огромных грабительских количествах, и в недрах затратной экономики обращались в дым, без всякой пользы для россиянина.

Никогда ранее власть не была так цинична по отношению к своему народу. Народ неудержимо вырождался в массу людей, обожающих своего вождя, массу, сбитую в монолит, вначале верой в светлое будущее, а затем через страх.

Россия агонизировала.

А в середине века столкнулись в войне две сверхдержавы, возглавляемые безумцами. Германию постигло крушение, но она нашла в себе силы излечиться, а несчастная победительница-Россия ещё половину века содрогалась в конвульсиях утопического уклада жизни.

Всегда существует зазор, люфт между желаниями и их реализацией. Между истиной и тем её эквивалентом, то есть, правдой, которая принимается из возможностей человеческого разума, нравственными нормами и поступками. Между тем, как человеку хотелось бы жить, и тем, что ему уготовила судьба.

Люди России находились в плену колоссальной лжи. Цель и пути её достижения — вот важный вопрос человеческого общества.

Для христианина духовными целями являются его праведная жизнь и, через неё, спасение души и вечная жизнь. Отсюда понятно, что средства для достижения любых природных целей возможны исключительно праведные.

У атеистов руки развязаны для любого злодейства; праведность средств их не беспокоит, средства могут быть любые.

Можно предположить, что сатана с интересом наблюдал, заранее зная результат. Здесь уместно назвать усилия людей в кожаных пальто сатанинским экспериментом.

В Великобритании в силе принцип «мой дом — моя крепость». Попробуйте предложить британцам вот такой российский вариант. Ничего не получится. Многовековым трудом общество устроило крепкий порядок, обеспечивающий им нормальную жизнь. Ни на какую дешёвую приманку они не клонут, руководствуясь «здравым смыслом», добрыми нравами.

Такого здравого смысла у россиян не оказалось в силу традиционно скверной государственности, хронической неустроенности жизни и отсутствия у громадной части населения земельной собственности. Российские крестьяне знали крепостное право да сельскую общину, только столыпинская реформа предназначалась для образования крепких крестьянских землевладельцев, но этот процесс был прерван роковым образом.

Много говорят о загадочной русской душе. Миф создан от отчаянья, для самоутверждения, иначе хоть в петлю лезь, иначе безнадёжность.

В самом деле. Несть числа бандитов, лентяев, пьяниц, доносчиков, палачей, начальников, неспособных организовать полезный труд. Убиты миллионы невинных соплеменников, а многие по-прежнему продолжают оправдывать злодеев.

И это всё загадочная русская душа?

А что люди в кожаных пальто? Принесли столько бед и страданий, они не только не покаялись, не ушли в пустыню замаливать страшный грех свой, стеная, истязая себя бичом и посыпая голову пеплом. Напротив, они вновь объявили себя совестью народа и призвали строить светлое будущее, на этот раз с человеческим лицом.

Ни следа раскаяния, опять впереди, опять они «единственная руководящая сила общества». Будто речь идёт не о замученных людях, а лишь о незначительном хозяйственном просчёте.

Свобода выбора власти — вот основа нормального человеческого общества.

Свобода выбора и вселенская нравственность, добавим мы.

Режим, созданный людьми в кожаных пальто, просуществовал сравнительно долго, более семидесяти лет, главным образом благодаря тому, что властной структуре удалось провести в сознании людей подмену требований вселенской нравственности на нормы поведения и мышления большевистской идеологии. К счастью, требования вселенской нравственности в людях уцелели на подсознательном уровне. Режим лишь придавил, придушил их и загнал внутрь. Даже в условиях самых страшных тоталитарных режимов глубинная вселенская нравственность сохраняется в людях; именно она понуждает скверные власти скрывать, засекречивать наиболее отвратительные проявления зла против человека.

И ещё, большевики осуществили то, что редко кому удавалось.

Они сумели затронуть самую глубокую мечту человека о нормальном, удобном для жизни, заботящемся о человеке обществе, которое не считает человека за быдло, не топчет его и душу его. Им удалось, пусть обманом, внушить людям, что они, большевики, реализуют, исполнят эту их мечту, великую мечту людей. Люди поверили. И верили до тех пор, пока не разочаровались, после чего режим рухнул. Только после этого!

До сих пор ещё верят некоторые. Вот какой глубины струну затронули большевики, и вот почему им удавалось творить самые невероятные по ужасу издевательства над поверившим им человеком. Он, человек, всё готов был перетерпеть ради этой своей мечты. Всё бы люди простили, если бы те выполнили своё обещание. Общество мечты, которая прочно сидит в людях.

В случае с Россией процесс подмены зашёл так далеко, что и после падения режима значительное количество людей продолжало носить в себе деформированное представление о морали. Взять хотя бы отно-

шение людей к убийству. В народной песне, положенной на стихи Некрасова, дана великолепная нравственная оценка простыми людьми насильственной смерти человека.

*«Ой, беда приключилась страшная,
Мы такой не видали вовек,
Как у нас, голова бесшабашная,
Застрелился чужой человек».*

За семь десятилетий режима умышленно убиты десятки миллионов неповинных человек. Эти убийства освящены требованиями большевистской морали.

Налицо подмена «не убий» на «убий».

Деревенская зарисовка

— Лучше, чем товарищ Сталин, не скажешь, невозможно сказать, — произнёс очередной выступающий на собрании.

Встал рыжий Васька. Он жил в Выселках, куда высылали всех рыжих мужиков по требованию рыжего Фильки, любовника попадьи. Васька выступал очень патриотично, но не складно. Какой из него оратор, да ещё выразился неудачно, сказав:

— А Троцкий говорил...

Так Филька вскочил, сжал кулаки и взревел:

— Товарищ Васька оппортунист! Он склоняется на позицию Троцкого!

Васька кинулся объяснять, что, мол, сказано не в таком смысле, позвольте...

— Не позволю! — ревел тот. Он полчаса перемалывал рыжего Ваську.

Васька стоял жалкий, обгаженный до неузнаваемости, и ещё более рыжий, чем обычно.

Тот в политике не разбирался, но в Троцкого попал точно.

О восприятии событий прошлого

Со смущением признаюсь, что Магомаев в наше совместное проживание на Земле мне не нравился. Голос отличный, но вот этот азербайджанский налёт мне противен. Любил только в его исполне-

нии песенку Паганеля про улыбку капитана. Но вот по прошествии времени...

Много лет спустя после моего такого суждения и ухода его из жизни я прослушал концерт в записи и был потрясён мощью и красотой его голоса и музыкального ума.

Раньше я удивлялся, отчего ему такой восторженный приём и восхищение. Я этого не понимал и его всерьёз не принимал. Теперь, спустя полвека, я понял суть дела. Тогда в силу моего музыкального уровня я был не в состоянии оценить его по достоинству. Принять его таким, какой он есть. Теперь я оценил его талант и обаяние, но и случайную встречу с ним в Калуге.

Где-то в семидесятых годах мы с Димой шли на байдарке по Угре, где в своё время случилось противостояние русских и татар.

По ту сторону Угры в призрачном тумане виднелось множество боевых копий и сверкающие раскосые глаза под ними. Слава Богу, обошлось без сражения, кровопролития и смертоубийства. Постояли и разошлись по домам.

Так вот, вышли мы из Угры в Оку, подошли к Калуге. Когда завили Оку, Дима встал в лодке в рост и торжественно с большим чувством пропел песню. Так сказать, в честь удачного завершения водного похода.

Ну вот, встали против города, выволокли на берег наше судно-корабль, просушили, разобрали, упаковали, сдали в камеру хранения автовокзала, купили билеты на автобус в Москву, да и отправились осматривать город.

Калуга, прежде всего, известна Циолковским, он здесь родился, жил и творил; мы отправились в музей Циолковского. Поднимаясь по деревянной лестнице в одно из помещений музея, я увидел молодую пару: она — Тамара Ильинична Синявская, крупная породистая красивая женщина, оперная актриса, и рядом он — худощавый, как мальчик, Муслим. Я их узнал тотчас. Они уже мелькали на телевидении и театральных афишах. Однако, кроме простого любопытства, какого-либо иного ощущения и тем более восторга или почтения эта встреча у меня не вызвала. У Димы тоже. Тогда.

И только через полвека я ощутил значимость этой случайной встречи.

События прошлого люди оценивают решительно по-разному. Всё зависит от местоположения человека. Какое участие принимал

человек в событии, какое место он занимал в обществе по отношению к событию, как оценивало событие его окружение, что важнее для его понимания, человек или держава, и прочее. Вот что в конечном итоге определяет его восприятие прошлого. Словом, в обществе всегда присутствует многообразие в этом вопросе, это реальность, и не следует смущаться отсутствием взаимопонимания, то есть, консенсуса. Это нормальное состояние общества. У всякого человека своя судьба. Людям, однако, свойственно упорно навязывать свою волю другим.

Реакцию на события в масштабе общества, касающиеся многих людей, власть берёт на себя; формирует её в нужном для себя виде и трактует как единую, народную. Это ложь, нужная власти, чтобы представить народ как носитель единого народного мнения и управлять им для его «блага». Чтобы люди не роптали и повиновались, когда власть потащит их на плаху. Само общество так же, как и человек, формирует своё отношение к событиям прошлого; оно воспринимает послы от людей, переваривает их и творит оценку, правда, в несколько размазанном в народе виде.

Главная трудность заключается в том, что у людей отсутствует оценочный критерий. То есть, он существует, это безусловная вселенская нравственность, но, увы, подавляющее число людей не склонно изнутри своего следовать её требованиям. Отношение добра и зла — суть вселенской нравственности; отношение добра и зла также суть общественной жизни человека и его восприятия событий прошлого. Следует добавить, что речь идёт не о противопоставлении этих двух понятий, а их сосуществовании. Не существует общества, где бы не творились как добро, так и зло.

Нет сомнений, общество должно знать о злодеяниях людей, но здесь огромная сложность, оно не любит неприятную правду.

Огромное число людей участвовало в злодеяниях в качестве подручных исполнителей главного злодея Джугашвили. Так разве может быть одинаковым отношение к совершённом злодеянию у жертвы и у палача, сотрудника КГБ, партийного функционера, поставившего свою подпись на списке людей, подлежащих расстрелу? У кого ни спрашивай о его отношении к событию, ответ будет разный. Вернее всего, спросить следует у жертвы, но, увы, это невозможно, его уж нет. Спрашивать у людей, его уничтоживших, бесполезно в смысле познания, они оправдаются. Словом, заколдованный круг.

Честные исследователи основываются на требованиях вселенской нравственности как единственном критерии поступков человека, но

таких людей ничтожно мало; их голоса не слышны. Остальные люди бормочут, каждый исходя из своих понятий. Люди в подавляющем большинстве стесняются своего обращения к вселенской нравственности: не модно, не научно, не серьёзно, стыдно для современного человека.

Телевидение к статридцатилетию со дня рождения Джугашвили устроило диспут об отношении к нему со стороны общества.

Сторонники его величия коммунисты, упитанные, с сытыми физиономиями люди, судили походя. Они бесстыдно отметали всё зло, которое он совершил, восхваляли его приверженность к строительству державы, приписывали дела, ему не свойственные, он, дескать, спас страну от фашистского нашествия, создал промышленность и прогрессивное сельское хозяйство. И ни слова или хотя бы намёка об ужасающем массовом уничтожении россиян, о фактическом введении крепостного права для крестьян и создании бесперспективной, затратной, отторгающей качество промышленности.

Кроме того, вопрос к аудитории на этом телевизионном шоу был поставлен некорректно. Получился спектакль со стороны. Спросим так.

Вы крестьянин, которого раскулачили и гонят в Сибирь. Вы объявлены врагом народа и расстреляны.

Вы среди миллионов людей в лагерях умираете от голода, холода и непосильного каторжного труда.

Вы среди строителей, устилающих своими костями ложе Беломорского канала.

Вы среди миллионов русских воинов, из-за безумия политиков и командиров попавших в плен и в фашистские лагеря смерти в начале войны. Среди тех, кто выжил в этих губительных условиях, вернулся домой и был отправлен в советские лагеря смерти.

Вот, если вы своим сердцем и разумом прониклись сочувствием к его жертвам, тогда только и выражайте своё отношение к нему, но, пожалуйста, без постыдного пафоса и лжи. Только при этом условии вам допустимо оценивать своего любимого вождя.

Как бы пойдя навстречу пожеланиям ветеранов, власти города решили пронести портреты Джугашвили в связи с его ролью как главнокомандующего в победе над фашистской Германией.

— Нельзя вычёркивать его из истории, — веско, как обычно, с присущей ему убедительностью произнёс мэр Лужков.

Не вычёркивать следует эту одиозную зловещую фигуру из истории, а показывать её в истинном, соразмерном её делам виде,

в натуре, и уж во всяком случае не проносить с благоговением его портреты по праздничным улицам города как издевательство над чувствами граждан, у которых его руками загублены близкие им люди. Как кощунство перед памятью миллионов солдат, убитых в войне, которую организовал этот «гений», полководец и вождь трудового народа.

Если на одну чашу весов ухитриться уложить его палаческие дела, а на другую его участие в победе над Германией, то, во-первых, на первой чаше любого размера столько не уместится, она окажется слишком мала для того огромного количества бед, которое он принёс людям. И, во-вторых, роль его в победе сильно завышена и вообще весьма сомнительна. Начало войны он, единственно он, бездарно проиграл, что привело к ужасающим жертвам и невыносимым страданиям миллионов людей. Всю войну он добывал победу, по сути, спасая свой зад, устилая российские и чужие земли телами русских солдат, без счета и рассудительности кидаемых им и неумелыми, запуганными им, но безжалостными генералами, в топку бойни.

— Скажи, почему люди упорно забывают ужасы правления власти и охотно ищут и находят положительные стороны тиранов?

Странник помолчал в задумчивости.

— Понимаешь, человек по своей натуре, несомненно, склонен доискиваться правды, это верно. Казалось бы, нашёл некую правду, так держи, не забывай. Пусть даже очень скверную, однако... Он ищет правду не абы какую, а чтобы она была ему по душе, ибо знает, правда нередко оборачивается против человека. Правда может оказаться такою, что человек, познав её, не сможет жить. Кроме того, интуитивно он понимает, что вовсе без власти, даже очень скверной, жизнь его станет не просто гаже, но вообще невозможной.

В обществе, в государственном устройстве человека принуждают думать и оценивать события, как это выгодно власти. На него обрушивают поток подсказок по любому событию или явлению. Ему говорят, война в Афганистане — это наш интернациональный долг, поэтому следуй туда и умри. Почётно. Это, однако, ложь, потому что никакого такого интернационального долга не существует. А правда, до которой, возможно, доищется человек, заключается в том, что отморозки, безумцы, сидящие во власти, без совести и жалости гонят людей умереть за их ублюдочные политические соображения. Обычно власть не только вгоняет человека в ужасы бойни, но и никаких при этом выгод для страны не следует, кроме позора.

И вот человеку, вкусившему ужасы войны, люди, нашедшие в себе разум, чтобы добратся до истины, говорят, что в реальности дело обстояло иначе.

Человек в ужасе от этой открывшейся ему правды, ибо вместо героизма он ощущает теперь себя жертвой бесчестных политиков. Не каждый выдержит такое потрясение. Поэтому человек противится такой правде, она выбивает его из жизненной колеи. Такая правда ему не нужна. Он отторгает её и защищается от неё. На разумного человека, осмелившегося сформулировать правду, он обрушивает всё своё негодование, обвиняет его в очернительстве и в отсутствии патриотизма. Власть, натурально, охотно поддерживает его в этом ложном, но выгодном для неё направлении негодования. В результате их совместных действий чаще всего от честного правдоискателя остаётся фунт дыма.

Если допустить, что война была благородной, если умные, умелые и жалостливые к солдату командиры вели их в бой за отчизну, если мудрые политики во главе с мудрейшим из мудрых Кормчим сделали всё, чтобы избавить страну от этой войны. Если жалели людей, если враг напал вероломно и внезапно, то есть, как сказано после слова «если», то каково им, этим людям, когда этаким правдоискатель заявляет, что всё было вовсе не так?..

В этой войне-бойне забито 26 миллионов 452 тысячи россиян. Несколько молодых поколений!

Каково принять такую ужасающую омерзительную правду о войне?! Зачем людям правда, которая показывает, что в глазах политиков они послушное стадо, приготовленное к закланию на потребу власти? Они шарахаются от такой правды и не желают её признать. Жизнь в обществе полна таких ситуаций, поэтому человек, несомненно, склонный искать правду, одновременно её боится.

«Не убий». А как же солдат на войне, ведь он, казалось бы, нарушает этот завет Господа?

Нет. Солдат на войне проявляет высшую степень любви. Он идёт на смерть и умирает «за други своя» и своих близких. Но это в принципе, а в бесчисленных частных ситуациях?

Где найти справедливую оценку? Это решает Господь, и на войне возможны убийства как грех. А если, тем более, война в Афганистане? Какая тут защита Отечества? Никакая. А если это бойня? Не продолжая, ибо стынет разум.

Или действия воина не греховны по определению, как выполнение им долга и профессии?

Эту чрезвычайно сложную для верующего человека дилемму разрешает Господь. Он определяет, где кончается смерть «за други своя» и совершается убийство — грех. Человеку самому трудно определить своё дело. Однако, и человек в своих помыслах обязан изнутри оценивать свои поступки относительно греха.

Странно, говорят, что события возможно оценить лишь через десятилетия и поколения. Вроде, истина видится на расстоянии. Дескать, современник, придавленный реальностью жизни, не видит из-под неё общественных свершений, событий, важных для человечества, так сказать, масштабных; ему не до них.

Я современник событий и людей моего поколения, я своей школой, разумом, чувствами впитал в себя истину этой конкретной жизни. Я и только я истинно вижу эту мою жизнь, я держатель истинного видения её. Разве не так? Не может человек, живший в иное время, не проживший мою жизнь, прочувствовать, понять, воспроизвести и передать своё ощущение лучше меня. Возможно, ему удастся придумать, соображая со своей колокольни, с естественной и неизбежной долей погрешности, описать её, но... в любом случае получится ложь. При большом таланте проникновения он несколько приблизится к истине, но не более того.

И вообще, какие это дела и свершения и что такое масштабность в сравнении с судьбой человека? Странно.

Люди жили под властью тирана, свергли его, изгнали из души своей, хотя и не все. Потомки же их, не испытывавшие на себе мерзости деспота, стали вдруг славить его, как гения и героя, за величие и значение его в истории. Они свободны от ощущения жизни под властью тирана. Указанное восприятие событий людьми разных поколений означает серьёзную опасность для человечества. Люди, по сути, лишают себя возможности предупредить опасность повторения ужасов истории.

Какие дела, свершения и масштабность, если страдают живые люди, если убит человек?

Общество и человек — понятия радикально разные, хотя, казалось бы, органически неразрывно связанные. Получается, что для общества человек всё равно как для самого человека шелушение кожи, выпадение волос или стрижка ногтей. Можно сказать ещё о другой, близкой к сказанному паре. Взаимоотношение человека и державы, в котором вечно сохраняется приоритет последней, а человек всегда жертва на алтаре.

Кто подробно и дотошно определит и подсчитает цену сотворения великой державы в человеческих жизнях и мучениях людей?

Авторы пишут только о живых. Это можно понять. Мир человека после его ухода из жизни людям неведом; вход в него известен, а весточки из него не поступают.

«... Каин принёс от плодов земли дар Создателю. И Авель также принёс от первородных стада своего и от тука их. И призрел Создатель на Авеля и на дар его; а на Каина и на дар его не призрел. Каин сильно огорчился, и поникло лице его.

... восстал Каин на Авеля, брата своего, и убил его».

Зло Каиново — это не зло животного при добывании пищи, чтобы жить, а необузданное зло свободы разума человека. Была ли необходимость у Каина убить брата своего? Человеком движет необходимость, которая устанавливается от природных устремлений. Сталкиваются в извечной толкотне необходимость человека и общественная необходимость, которая постоянно урезывает диапазон необходимости человека. Вечное противостояние.

Триада понятий грех — необходимость — нравственность определяет греховность человека. Поступок, совершённый из необходимости и не противоречащий требованиям вселенской нравственности, не является грехом. Поступок, совершённый из необходимости и противоречащий требованиям вселенской нравственности, есть грех и зло.

Итак, была ли у Каина необходимость убить брата? По его мнению, была. Но эта его необходимость нарушала требования вселенской нравственности, она перешла во зло и стала смертным грехом. Власть своим скверным делам придаёт вид общественной необходимости, внушает это народу и посылает людей разгребать, умирать, страдать.

Род, исходящий от Каина, перемешался с родом Сифа до полной невозможности отделения зла от добра. Сыны Каина более агрессивны; они возникают в полной непредсказуемости в любой семье. Они способнее во власти, где опасны в особенности.

Советско-финская война 1940 года, позор власти и колоссальная трагедия сотен тысяч людей, скрыта полным умолчанием о страшных потерях и реках крови российских людей. Власть даже войной утратила называть эту кампанию, а всего лишь вооружённым конфликтом. Повод для войны придумали простой и доходчивый, отодвинуть границу от Ленинграда.

Кто тянул царя вступить в Германскую войну 1914 года? А ведь миллионы убитых людей.

Гражданскую войну организовали большевики, отняв имущество у людей и принявшись уничтожать людей целыми сословиями, во имя революции. Кормчий своей эгоистичной бездумной политикой довёл дело до войны с Германией. Придумал для народа «внезапное нападение врага», обратился к народу «братья и сестры... все на защиту Отечества...» и вверг его в ужасы бойни, обрёк солдат на миллионные пленения, да ещё обвинил пленённых людей в предательстве.

Большого цинизма и глумления над народом и представить невозможно. И, в любом случае, испытанный призыв к народу — защита Отечества.

Люди очень любят ритуалы: парады, шествия, похороны.

В жизни этноса случаются периоды, когда люди, не переставая думать о себе, вместе с тем становятся более терпимыми к окружающим, перестают соперничать, подсиживать, совершать подлости и прочее в этом ряду. Их мысли и деяния становятся почти едиными, направленными на служение этносу, а не самому человеку в отдельности, и образуют единый преобладающий вектор, парадигму. Причиной такого поворота в мировоззрении людей может стать спорт, искусство, отечественная война, словом, общие для всех людей без различия глобальные угрозы и иные возможные события, касающиеся всех.

Когда от этноса выступает родная спортивная команда в международных соревнованиях и бьётся за всю страну, всем людям этноса хочется, чтобы она победила. Именно в спорте, да ещё, пожалуй, хотя и в меньшей степени, в искусстве проявляется эгоизм этноса, и на первый план выходит и всё подавляет понятие «свой — чужой». Налицо жажда превосходства над людьми чужих этносов.

«Я и люди моего этноса лучше других».

Вот история с гимном России. Когда рухнул Советский Союз, содержанием которого был большевистский режим, люди отбросили его государственный гимн и приняли иной, на музыку Глинки «Славься, Отечество...». Однако, музыка Глинки показалась людям сложной, непонятной, и гимн не прижился. Правители обратились к старому, отвергнутому ранее советскому гимну, изменив текст, то есть, выбросив из него всё касавшее ненавистной большевистской идеологии и введя «Россия» вместо «Советский Союз». Получились три варианта гимна. Люди запутались, слов обычно не знали и даже в торжественных случаях неприлично молчали, в то время как, будучи искренними гражданами страны, должны были петь. Словом, все эти музыкальные варианты не проникли в сердца людей.

Но вот происходит чемпионат Европы по футболу, и команда России стала побеждать. Футболисты, и с ними все болельщики, а их число легион, вдруг охваченные единым порывом, запели свой гимн. Он прошёл через сердца россиян, как понятное выражение единой цели и общечеловеческого братства. Люди танцевали на улицах, пели гимн и патриотические песни.

Российская команда прошла в полуфинал, уступив лишь команде Испании, ставшей чемпионом. Немедленно стали судить да рядить, как наградить тренера Гуса Хиддинга — голландца.

— Да что тут болтать! — неожиданно рявкнул, а в натуре получилось, проблеял или даже пропищал бес из-за печки. — Орден ему Андрея Первозванного!

На него шикнули, и он от греха подальше юркнул в проём, чтобы ещё не получить по носу. «И что я лезу в их паршивые дела», — сокрушался бес, блаженно грея спину в печной трубе.

Через футбол люди ощутили себя органической частью своего родного этноса и выразили это чувство через пение гимна. Гимн прижился. Чудеса.

Анабиоз памяти

Слои информации в человеке о жизни его предков, начиная с Каина и Сифа, пребывают в анабиозе. То есть, все предки живут в человеке, но до времени в глубоком сне. Но вот наступает некий момент, и оживает натура одного из предков, со своими понятиями о жизни и нравственности; она живёт своей жизнью, ставшей одновременно естественной жизнью человека — носителя этой информации. Таким образом, происходит прорыв предка в реальность будущего. Предок оживает в этом будущем и живёт своей жизнью. Он образует свою реальность и он заставляет человека пройти по тому же своему пути, с теми же поступками и судьбой.

От анабиоза памяти и нравственности происходит ужасающее повторение человеческой скверны. Народ скверен в большинстве своём, ибо многие лишены благого сочувствия людям в их беде. Но он не хороший и не плохой, он такой, как слеплен и из чего слеплен.

Становится он лучше или хуже? Не знаю.

Твердят о необходимости национальной идеи. Что это такое и кому она необходима?

Надо так понимать, что это суть и цель общества? Видимо, нужна, но только в том случае, если она идёт из нутра, из сердца человека. Очевидна одна идея, если не мудрить — благоприятное для человека устройство жизни, позволяющее ему создавать семью, воспитывать детей и иметь хлеб насущный, вот и вся национальная идея.

Все иные варианты «национальной идеи», типа спасения человечества, особой миссии, жертвенности, всё это вздор и решительно не нужны человеку. Они, однако, необходимы власти, дабы вершить свои дела руками народа, чтобы люди не роптали, а, одурманенные этой национальной идеей, покорно, а лучше и с восторгом, повиновались. Словом, все эти умственные потуги людей во власти в поисках национальной идеи, якобы необходимой человеку, есть чушь собачья. Она человеку не нужна. Она нужна власти.

После режима

В восьмидесятые годы двадцатого века изжил себя, истёк кровью, иссяк губительный большевистский режим. Мину под него заложил Горбачёв.

Вымерли один за другим ортодоксы, главы большевистской власти, и он пришёл, первый из молодого поколения с более широкими общественными взглядами; он взорвал свою мину, и режим рухнул. Свобода и демократия обрушились на людей, и они не знали, что с ними делать.

К тому же, оставались люди, потерявшие власть, но не желающие её терять. Многоэшелонные толпы номенклатурных большевиков-функционеров, оправившись от растерянности, крикнули «полундра» и кинулись латать пробойны в корабле родного режима.

Однако, все их усилия оказались тщетными; взрыв произошёл такой силы, что смёл не только их власть, но и самого минёра — Горбачева, который в силу своего воспитания и мировоззрения мыслил не радикально, то есть, не отвечал на запрос общества и действовал половинчато. Он понимал, что так жить нельзя, необходимо что-то менять, ибо режим в тупике. Но что менять-то? Он попытался улучшить его, но непременно сохранить. Ему не хватило понимания того, что улучшить этот режим невозможно, ибо он решительно непригоден для жизни людей.

Общество оценило ситуацию глубже и решительнее, его не устраивало латание дыр в опостылевшем режиме; оно сбросило Горбачёва и

поставило в лидеры страны Ельцина, обиженного большевиками до невозможности.

Ельцин личность, он нравился людям, и он оказался на месте и в нужное время. Он оправдал надежды общества. Всё его десятилетнее правление было временем уничтожения коммунистического влияния в системе управления обществом.

Можно понять, задача эта оказалась настолько тяжела, что ему было не до экономики. Да, сказать по правде, Ельцин не очень-то разбирался в экономике. Он любыми средствами, жертвуя многим, подчас самым дорогим, энергично добивал коммунизм как форму государственности и своих личных врагов в Политбюро КПСС.

Ельцин выполнил эту грандиозную задачу, но какой ценой?!

После него общество получило страну с разрушенным хозяйством, катастрофически быстро нищающим населением и разбегающимися землями. Но с коммунистическим управлением, с большевистским режимом было покончено. Ельцин, таким образом, расчистил площадку под строительство иного государства, предоставляя начать обустройство России другим людям.

Итак, Россия непринуждённо, без особых усилий, с негодованием отшвырнула прочь постылый режим, и некоторое время состояла в восторженном, непривычном для неё ощущении пьянящей свободы. Оговорим сразу, это её состояние решительно не коснулось огромной части людей, которые до этого пребывали во власти или были её подручными. Здесь, напротив, царило раздражение, злоба, уныние и маниакальное желание вернуть утраченное положение.

Свобода, однако, не самоцель; она должна иметь предназначение, и она хороша, если её употребить с пользой. Страна вздохнула, да и принялась лепить, после семидесяти лет выкручивания ей рук, новые формы власти, способной рачительно вести хозяйство и проявлять заботу о людях. Лепить экономику, позволяющую создавать изобилие продуктов; экономику с парадигмой, устремлённой в достижение крепкого государственного устройства, способного противостоять угрозам, но и заботящегося о своих людях. Россия, таким образом, стала понимать и воспринимать необходимость в определённой степени несвободы, связанной со строительством общества, пригодного для проживания людей.

Выбирать способ хозяйствования сложности не представило, ибо он очевиден: процветающий Запад с рыночной экономикой перед глазами. Свободой воспользовался всякий человек, исходя из своих воз-

возможностей, мировоззрения, воспитания и своих представлений о дозволенности и недозволенности.

Несколько поколений людей не знали иного способа прокормления, иначе как получая его от государства; они трудились в государственных структурах и получали продукты, необходимые для жизни, находясь как бы на иждивении у государства, а по сути, в полной зависимости от него. И вдруг свобода. Частная собственность, рынок. Как жить в этом новом мире, как зарабатывать хлеб насущный?

Здесь речь идёт о большинстве населения. Иное дело, люди, находившиеся во власти и около неё. Они установили порядок передачи государственной собственности огромной страны в частные руки через «ваучеры». Каждому гражданину России вручили эту непонятную бумагу, «ваучер». Справедливо, каждому! Вроде бы получалось, что всё национальное богатство через «ваучеры» роздано населению; каждый человек, получив «ваучер», стал владельцем доли от всего имущества страны. Но чтобы ощутить эту долю, он должен вложить «ваучер» в конкретное производство.

Вот где западня!

В созданной новой властью указанной ситуации и заключался грандиозный обман людей; новая власть устроила величайшую аферу, мошенничество, не имеющее по цинизму аналога.

Если в революцию власть отбирала у людей имущество открыто, идейно, и не в руки отдельных, ибо частная собственность была упразднена, а государству, то есть, народу, то обратный процесс в девяностые годы она, власть, завуалировала в добродетель.

Люди во власти и около неё немедленно сообразили, какие колоссальные выгоды для себя они могут получить, используя своё служебное положение, осведомлённость об истинной стоимости хозяйственных объектов, перспективах их использования, и абсолютную некомпетентность населения в этих делах.

Они чрезвычайно успешно использовали приватизацию, этот процесс передачи государственной собственности в частные руки, для образования частного собственника, являющегося фундаментом рыночной экономики, с ПОЛЬЗОЙ ДЛЯ СЕБЯ.

Вместо справедливого предоставления равных возможностей и участия людей в экономике они скупили у населения «ваучеры», порою за бутылку водки. А путём понятных им и тайных от народа всякого рода махинаций они присвоили и стали владельцами всех богатств России; бесценных сырьевых ресурсов, в том числе нефти, газа, угля, железа, драгоценных металлов и камней и прочего, прочего.

Расхищение страны стало беспрецедентным, ибо всё лежало бесхозно, брошенное государством: бери не хочу, и подсуетившиеся ловкачи взяли. Молниеносно образовалась куча владельцев всех этих богатств, миллиардеров.

А люди?

Люди остались со своим опьяняющим ощущением свободы, которое быстро исчезло вместе с надеждой на благоустроенную жизнь. Когда люди сообразили, что к чему, стали было совать свои «ваучеры» в доходные предприятия, да не тут-то было, опоздали они. Все доходные места расхвачены. И превратились их «ваучеры» в пустые бумажки.

На этом, однако, обучение населения основам рыночной экономики не остановилось. Люди становились жертвами всякого рода мошенников: устроителей финансовых пирамид и прочего. Люди, как пескари, неизменно заглатывали приманку в виде больших обещаний, высоких процентов, и обманутые в сотый раз, вопили, по привычке обвиняя во всём государство и требуя от него вернуть украденные деньги.

Из щелей полезла всякая мразь. Проснулось в людях всё скверное, сидящее в человеке в анабиозе, и принялось, используя свободу, творить обман, насилие, грабежи и прочее.

Россия отчаянно пыталась противостоять злу. Ну сколько можно? В который раз?

После революции большевики объявили народ хозяином страны, а значит, и всего богатства, но по сути хозяином он не стал, а всем имуществом распоряжалась партократия. Теперь наоборот, но с таким же печальным для народа результатом. В обоих случаях — величайший цинизм и полное неуважение властью своего народа.

Но это ещё не всё. Рухнувший большевистский режим — это не только нормальные, честные, совестливые люди. Это и стукачи, тюремщики, палачи, партийные демагоги, безнравственные и невежественные учёные, артисты, разные начальники, тунеядцы, негодные работники, бандиты, воры, убийцы и прочее. Все непригодные для пристойного человеческого общества люди. После краха режима они остались не у дел и без кормушек. Тогда с тараканьей приспособляемостью они занялись поиском места под новым солнцем. Они недовольны переменами и в лучшем случае ворчат. Они база для реставрации режима. Вот с ними и сражался Ельцин.

Россия вымирала. Множество ещё молодых, перспективных для нации мужчин умирали нелепо, от безнадежности, от слабости духа, пьянства и своей неустроенности в обществе. Россия, как существо,

погибала, Однако, она слишком велика, чтобы погибнуть. И она воссоздавалась, не как придуманная со стороны, чуждая ей по сути, а по своему внутреннему российскому обличью, которое невозможно уподобить никакому иному. В этом она, впрочем, не отличалась от любого иного этноса, ибо это общее свойство этногенеза.

Так или иначе, но с большевистским режимом Россия покончила.

Путину выпал трудный период правления Россией после полной Ельцинской разрухи. У россиян, к тому же, мозги ещё оставались набитыми большевистской шелухой, и они теряли последнюю веру во власть. Он укрепил власть и сказал Западу и российским олигархам: «На Руси не станет Хазарского Каганата». Запад же изо всех сил желал цинично сделать это через демократию и права человека, употребив доброе во зло. Многие там, на Западе, хотели видеть Россию в форме Хазарского Каганата.

Путин приступил к обустройству России и собиранию российских земель. Следует отдать ему должное: в этом деле он весьма преуспел. Он утихомирил местных экстремистов и поставил их на свои места в составе России. Он придавил войну в Чечне. Ему пеняют, что он создаёт и укрепляет власть, делает её авторитарной. Однако, можно сказать, что люди, пеняющие ему, не видят Россию такой, какая она есть в реальности, не понимают глубин демократии, пытаясь превратить её в шаблон, без учёта особенностей страны. Они ограничены в своих суждениях демократией Западных стран и полагают её единственно правильной и пригодной для всех. Они не разглядели, что Россия находится в самом начале становления, и для неё главное, это сберечь её после большевистской катастрофы.

Ту, пока ещё хрупкую систему демократического управления, следовало сохранить во что бы то ни стало, а не требовать всё и сразу.

Что дальше, кто же знает?

В любом случае, путь этот кажется желательным и реальным. Главное, чтобы во всём этом сохранялась забота о России и россиянах. Удастся ли?

Мой мир

Чтобы зацепиться за вечность и ощутить себя человеком планеты, следует прежде всего закрепить себя на ней. Жить не в клеточке, ячейке, годной лишь для комфортного прозябания, но на частице, пусть крохотной, но Земли, этой утлой лодочке, плывущей в Космосе.

Соседний с нами участок после смерти глухонемой Дуни долго пустовал. Я приобрёл его и оформил право на собственность через наше муниципальное образование Кресты и прочие бюрократические структуры власти. Год у меня ушёл на оформление. Ещё месяц ушёл на приведение в порядок нервной системы. Однако, оформил.

За годы без хозяина земля одичала, то есть приобрела естественный природный облик. Запели соловьи, застрекотали сороки, зазвучали кукушки, затарахтели дятлы. Появились наземные твари, хорьки, лисы, ежи. Земля заросла малиной, вишней, сливой, смородиной. После Дуни осталось несколько яблонь, одичавших и сильно пострадавших от недобросовестных людей, которые по лени своей рвали яблоки, варварски обламывая ветви. Они ломали толстую ветвь, снимали плоды, а саму её бросали на землю догнивать. Так и стояли эти яблони, изуродованные человеком и для человека бесполезные.

Обычно в селе каждый на своём участке занимается огородом, все, но только не я. В моём возрасте заниматься нелёгким огородничеством ни к чему. Силы уже не те, чтобы обрабатывать землю под грядки. Вообще, труд с землёй довольно тяжёл. А если на чистоту, так и желания такого у меня никогда не было. Видно, не было среди моих предков фермеров. Зачем же ломать себя. Жена моя, хотя и склонная к этому исконно сельскому труду, но в силу того же возраста и нехватки сил, которые были уже на пределе, заняться им также не могла.

Вот я и решил сохранить купленную землю в диком, так сказать, первобытном состоянии, естественно, всё же приведя её к виду, удобному для человека, то есть, очистить от сушняка и огромного количества бытового мусора, который всякие люди за многие годы здесь набросали.

Сказано — сделано, я решительно принялся. Чего тут только не было! Банки, бутылки, клочки, а то и целые вороха, рулоны гадкой плёнки, обоейной бумаги и бумаги простой и прочее, и прочее. День за днём я собирал всю эту мерзость, сначала в кучи, затем отвозил на своей прекрасной металлической тачке к месту и опрокидывал в специально вырытую для этого яму. Это была моя личная, отвечающая всем требованиям властей свалка. Клянусь, во всём селе не найти второй такой великолепной помойки.

День за днём я занимался этим полезным трудом и думал, что конца-края ему не будет. Однако, завершил. Затем вырубил изрядное количество одряхлевших деревьев, сгрёб сушняк в кучи и спалил. В итоге я спланировал три прекрасных площадки под палатки,

шашлычную и места для стола и кресел, то есть, заложил инфраструктуру, без которой не мыслится проживание современного человека.

После того, как я, образно говоря, отдышался и осмотрелся, то обнаружил, что усадьба моя приобрела радикально иной облик. С одной стороны, она истинный уголок дикой природы, а с другой — место, удобное для человека. Место отдыха и размышления.

Получилась этакая Пальмира, оазис. Вдоль с востока на запад его пересекало русло старого, давно исчезнувшего ручья и талых вод. Теперь это мой собственный каньон. А всё моё поместье — это уголок планеты с лесом, зарослями всяких ягодных кустов; дикий, но приятный глазу уголок Земли. Увы, нет гор, но участок мал, и его не хватает, чтобы расположить ещё и горы.

Президент наш Путин задумал устроить в Подмоскovie всероссийский парк, где были бы представлены ландшафты, дикийнки всех регионов страны, а вот у меня, на моей земле уже существуют в натуре ландшафты всего мира, всё у меня присутствует. Отсюда, с этого места я могу видеть перспективу до горизонта и дальше. Кстати, Россия расположена на самом надёжном, благоприятном месте Земли. Здесь нет ядовитых змей, крокодилов, анаконд и прочих опасных для человека животных. Иногда трясёт, но лишь на окраинах. Остальное благоустройство зависит от самого российского человека.

Осталось установить ограждение, то есть, говоря проще, забор. Какая усадьба без забора? Я установил превосходный забор.

Теперь моя страна отгорожена от остального мира изгородью высотой более, чем в рост человека. С крепкими и надёжными металлическими продольными планками, верхней и нижней, и четырёхгранными крепкими, также металлическими опорами, надёжно, под бетон врытыми в землю. Металлическая сетка, приваренная к продольным планкам, закрывает всё полотно забора, обеспечивая его непроходимость. Ограждение придает мне ощущение уверенности в себе и душевный комфорт.

После страшной войны с Германией нашим доблестным высшим генералам, маршалам выдали участки земли, не менее гектара генералам и не менее трёх гектаров маршалам каждому. На этих участках построили им силами пленных немецких солдат большие дома, дачи. Так вот, они были ограждены особенно высокими глухими заборами. Я это почему-то очень хорошо запомнил. Этим полководцам, которые посылали людей в бойню, а сами в добротных комфортных землянках с банями и коньяком наслаждались с бабами вдалеке от окопов, где миллионами умирили солдаты в холоде и во вшах.

Как сказано выше, с востока на запад через всю мою страну протянулся каньон. Он разрезал её на две стороны, с одной — сливовый сад, а с другой — кемпинг из трёх превосходных надёжных палаток да шашлычное место с кучей дров для костра, мангалом и креслами.

Это мой кусок планеты Земля. Здесь по утрам восходит Солнце и уходит по вечерам за горизонт на запад в закат, пронзительно освещая каньон. В этой стране я ощущаю великое счастье и необыкновенную человеческую радость. Однажды недалеко от палатки с неба свалился метеорит, но я не испугался, ибо это обычное явление для нормальной планеты. Было бы странно, если бы я испугался, ещё более странно, если бы метеориты не падали.

Вскоре после всех этих работ я лежал в забытии, возможно, во сне, точнее определить своё состояние не могу. Решительно помню одно: меня охватило эмоциональное состояние, характерное для человека, который только что нашёл огромный клад с золотом и драгоценностями, только ещё многократно более сильное.

Я отыскал вход к этому кладу, не зная пути к нему, отыскал и вошёл. Не знаю, как отыскал, но при этом панически боялся потерять. Впрочем, я не очень-то понимал своё состояние в деталях, поэтому говорю сумбурно, не разобрался, так сказать, а попросту пребывал в некоем восторженном, иррациональном ощущении.

Где, однако, географически расположено это место с привязкой к материкам и континентам, я сообразить не мог, как ни тужился. Не помнил, к тому же, повторяю, каким образом, при каких обстоятельствах я его обнаружил. Помню лишь, двигался по Странному шоссе, как обычно, ранним утром, и ни единой мысли не было у меня об этом. Вернулся домой, поужинал, лёг спать, а утром проснулся, бац, обнаружил себя в ней. Не зная ни входа, ни подъезда. Я просто оказался в ней.

Это я, пожилой пенсионер, ощутил сегодня на рассвете.

Проснулся, когда в комнате было ещё темно, и даже близлежащие от меня предметы не проглядывались. Окна чуть светлее, как при очень раннем восходе, но можно сказать, что и тёмные. Я лежал счастливый в блаженстве и некоем торжестве. Оно, это восхитительное, потрясающее состояние души, охватило, заполнило меня, когда неожиданно я понял, до меня дошло и стало реальностью сознания открытие своей Земли. Я нашёл свою Землю, страну. Она моя, я здесь хозяин и повелитель. Население — один я, иногда любезные мне люди.

Кроме этого мира на Земле у меня есть ещё мир, он во мне, и здесь я решительно один. В него не проникнуть никому, ибо это мой и толь-

ко мой мир, и я не желаю делить его ни с кем. Не знаю, можно ли назвать это эгоизмом с моей стороны. Эгоизм — основа жизни, её крепость. Отношение людей содержит в своей основе отношение эгоистов. Без него отношения, возможно, и бывают, но это уже иные, не человеческие, не природные отношения. Я уединяю себя. Отделяю от мира. Держусь отдельно.

Когда я выхожу за пределы моего оазиса, то попадаю на обширное поле. Иду через поле в сторону Странного шоссе, а вокруг море красоты. Широкая полоса жёлтых цветов, полоса сиреневых, ромашек, острова иван-чая, люцерны, анютиных глазок, васильков. И всюду клевер. Нежный, очаровательный, сочный, мягко и неброско красивый клевер. Сытный и вкусный.

Невообразимость Вселенной

Где-то, в невообразимом до сумасшедшего ужаса пространстве парит Земля, от которой вдаль и вовнутрь её, в малость — бесконечность. На Земле существует цивилизация людей.

Господи, благодарю Тебя за потрясающую красоту природного мира, которую Ты дал мне увидеть. Этот мир поистине великолепен, если обращаться с ним по Заповедям Твоим и жить в ладу.

В нашем селе против Журкиной дорожки одиноко растёт белостовольная берёза. Перед отъездом я зашёл к ней проститься и пожелать крепости. Теперь, поздней осенью, после первого снега, она трогательно красива: в тишине, вся прозрачная, берёза парит в хрустальном ореоле едва заметно дрожащих листочков. Обнажённая и озябшая.

Я нежусь, возлежа на облаке, плыву в синем небе, рву цветы клевера и ромашки, подбираюсь на опасную близость к Сверхновой звезде, с опаской обхожу Чёрные дыры и скверных людей.

Главное для меня — не затеряться в океане памяти, не забыть, как я шёл по бетонному шоссе, и так же реально по лесной тропе в соседней посадке, ловил рыбу в Азовском море, поднимался на перевал у приюта Холодный на Кавказе, словом, переносился в любое интересное меня место на Земле. Я даже ловил хариуса в реке Хор на Дальнем Востоке, и всё это очевидно разом в образах и картинах.

Ученые-астрономы обнаружили где-то в пространстве Чёрную дыру массой, равной массе всей нашей родной галактики, Млечного Пути; она существует многие миллиарды лет и поглотила за этот про-

межуток времени бездну звёзд. Сердце моё заledenело от ужаса перед невообразимой Вселенной, и Господь, как Творец, предстал предомной в своей беспредельной мощи. Чем грандиознее открытие учёного человека в природном мире, тем в большей славе предстоит предомной Господь, создатель этого мира.

Никакие научные познания не защитят цивилизацию от самого лёгкого щелчка со стороны космоса; она исчезнет, будто её и не бывало. О чём говорить, если даже элементарные метеориты, мелочь космоса, уже угрожают цивилизации, а если рванёт серьёзнее?!

Люди подобны жизнерадостному щенку, который, азартно визжа и подскакивая, носится вокруг огромного аллигатора, вызывая его на весёлую игру. Едва смастерив примитивные аппараты для космических полётов, они, не думая об осторожности, мечтают как можно скорее завязать тесную, нежную дружбу и сотрудничество с внеземными существами-братьями по разуму. Они не задумываются о возможной смертельной опасности не только для своих полномочных представителей — космонавтов, но и самих Землян, оставшихся на родной планете.

Страшно жить атеистом, одиноким, жалким и беззащитным перед неизмеримой подавляющей громадой космоса с его галактиками, миллиардами звёздных систем, туманностей, взрывами звёзд, Чёрными дырами и прочими, не подвластным даже воображению ужасами, перед беспредельностью загадок, разгадать которым людям не под силу. Надежда атеиста на гордыню и всемогущество человеческого гения, но гордыня, как известно, никогда не доводила до добра, а всемогущество выдуманно, нелепо и жалко перед мощью космоса. Так как же можно оставаться один на один с космическим кошмаром, этим истинно адом, без веры в Него и надежды на Его защиту?

Истинная мудрость человека — в иронии по отношению к своей значимости и понимании своей малости, в смиренности. Очень важно, однако, не утонуть в этой малости, не потерять себя. Во всём необходимо чувство меры. Человек находится перед осознанием великой славы и беспредельного могущества Творца всего невообразимо необъятного природного мира. Чем глубже научные открытия, тем с большим пониманием оказывается человек перед Творцом.

Соприкосновение природного мира с духовным миром — вот главная загадка Вечности. Бесконечное пространство вокруг нас и бездонная глубина внутри нас, где в глубине пребывают миры всё более и более мелкие, до бесконечности.

Господи! Да что же это?

На невысоком, но обширном холме, сером от горькой полыни и пыли, сплошь покрытым избитыми дорожками с уродливой колеёй от тележных колёс и лошадиных копыт, стоит деревянная ветряная мельница.

Древность её не вызывает сомнений. Подгнившие стены лохматились, как волосы старца, а стонущий жалобный пронзительный скрип, издаваемый ею, упоминается ещё в местных легендах. Но это вблизи.

Издали она казалась изящной игрушкой на фоне синего неба. Но это издали.

Вблизи она, несмотря на очевидную древность, производит внушительное впечатление своими огромными крыльями, которые вращаются, закрывая половину неба от человека, стоящего рядом с задранной вверх головой, и наводят на него благоговейный трепет.

Человек не в силах оторвать глаз от махины, раз за разом обрушивающейся на него, и которая, кажется, разнесёт его вдребезги, но всякий раз промахивается и со свистом уносится прочь вверх, чтобы снова, взобравшись на высоту, обрушиться, попробовать ударить ещё раз, вернее.

При сильном ветре крылья вращались быстрее, а при слабом замедляли свой бег, а иногда вовсе останавливались. Тогда мельница становилась жалкой и натурально древней.

Внутри одного из старых крыльев, бесконечно глубоко внутри возник и развивался мир. Он так мал, что тамошние учёные, изучая своё небо, обнаружили скопления звёзд и назвали их галактиками, решительно не подозревая, что все эти их галактики, и видимые, и невидимые, составляют всего-навсего одно крыло древней деревянной ветряной мельницы, изобретённой великим умельцем иной цивилизации.

Учёные маленького мира, подчиняясь инстинктивной потребности самосохранения, неустанно изучали свою вселенную. Они выводили формулу за формулой движения своих планет, светил и галактик. Они строили модели своей вселенной, пытаясь найти ту единственную, правильную, отражающую суть; при этом они проникали вдаль и вглубь себя.

О если бы они узнали истинные основы законов своей природы и их стабильность, то рассмеялись бы безумным смехом и пустили пулю себе в лоб!

Останов мельницы вызывал грандиозные катаклизмы и аномалии законов природы маленького мира.

В результате своих усилий они однажды получили изображение своей вселенной из невообразимых далей: на снимке четко виделась ветряная мельница и мальчик, заворожённо глядящий вверх на крылья-вселенные.

Через бездну лет учёные повторили опыт. На этот раз они получили изображение мальчика с флейтой, сидящего на мешке с зерном, и животного, покрытого шерстью, лежащего на брюхе, уложив голову на передние, вытянутые вперёд лапы. Животное преданно и неотрывно смотрело на мальчика.

Известный постулат, что числа, растянутые по шкале от нуля до бесконечности, имеют глубокий реальный, натуральный смысл. Это, несомненно, одно из самых удачных искусственных построений в теории. Объяснение его физического смысла поразительно. Прежде всего, достигнуть нуля так же невозможно, как и бесконечности. Возможно лишь стремиться достигнуть эти крайние значения: они не относятся к разряду чисел. Они суть символы крайних состояний материи!

Казалось бы, человеку достаточно шагнуть или протянуть руку, чтобы перекрыть расстояние до нуля, но эта возможность призрачна, и насколько кажется очевидной, настолько в натуре она бессмысленна. Предлагаемое движение происходит не к нулю, не вглубь, не в малость, а в наш мир, существующем в конкретном «Числе», устанавливающим великость или малость этого нашего мира, место его во вселенной. Наше движение получается не в маленький или большой, словом, в иной мир, а в нашу жизнь в нашем мире. Наша рука не пронизывает маленький мир и никак не проявляет себя в нём.

Вместе с тем получается, что вселенная имеет структуру матрёшки, когда миры помещаются один в другом, до бесконечности в обе стороны.

Атомы нашего мира для маленького мира есть космические скопления, туманности, существующие в порядке, где расстояния между ближайшими звёздами имеют космический масштаб и представляют собой космический простор. Материальные тела нашего мира являются космосом для маленького мира, и о столкновениях не может быть и речи. Они для него бесплотны.

Что станет с этой маленькой цивилизацией в мельнице?! Кто знает?

Да и мы, так уж велики ли? Силы разума велики, но не беспредельны. Жаль, что невозможна встреча с её обитателями! Ведь нас роднит умение мыслить и творить.

Галактика-гусеница, галактика-ступенька; линии водорода в крыле, пропитанном водой. Голова идёт кругом. Они построили ракету-галактику и выбросили её в космос. Ракета, в виде кусочка угля, попала в глаз мельнику.

— Разрази его гром! — проворчал мельник дед Макар, протирая глаз замызганным носовым платком.

Случился на Земле способный человек, он изобрёл микро-телескоп и заглянул в малость.

До какого-то момента он вглядывался в этот свой превосходный микро-телескоп и видел, как бы углубляясь в малость. А дальше пошло удивительное и непостижимое. Эта малость и взгляд его стали уходить в пространство, в некую иную вселенную, и это было поразительно, странно и страшно. Он побледнел. Перед его потрясённым взором предстал не микромир, как он ожидал, но вселенная, подобная той, которую наши астрономы видят в свои телескопы.

Вселенная расширялась и заполняла, поглощала его внимание, приобретала вид, черты, детали по-крупному. И вот перед ним предстала не что иное, а родная ему вселенная, словом, такая же, как та, где притаилась утлая лодочка, гавань, пристань его Земля со своим Солнышком. О как схожи были эти две вселенные — та, которая видна в аппарат в бесконечной малости, и та, которую можно увидеть в телескоп.

Он отчётливо видел, как в губке чёрной материи искрились и блистали галактики. Но какие галактики возможно увидеть в микроскоп? В той малости, куда ему удалось заглянуть с помощью своего чудесного прибора? Даже Млечный путь, даже он. Или ему показалось? Или он подвинулся умом от этих своих мыслей? Верно сказала о нём та старушка в трамвае: «Бедный, задумываться стал. Нельзя так. Что это ты придумал?» Следует по силам, а то надорвёшься, надо умерить ход, сбавить крейсерскую скорость.

Я многого не понимаю.

Космос завален, заполнен миллиардами чёрных дыр, содержащих и излучающих невообразимо гигантскую энергию, которая насквозь пронизывает Вселенную. Я не понимаю, каким образом, каким чудом в этом абсолютном для человека ужасе ухитряется существовать утлая хрупкая лодочка жизни, планета Земля. Планета и жизнь на ней, где тихо и где живёт человек. Планета со стабильной, как в термостате, температурой, хотя и с колебаниями, но терпимыми для жизни. Как она уживается с этим ужасом космоса? Как это совместимо с бытом и такой тихой заводью Земля?

На Земле случаются, имеют место вулканы, землетрясения, цунами, бывает, что камни падают с неба. Но всё это не до такой губительной степени и пока не носит катастрофический, фатальный уровень. Эти явления, процессы вроде бы тоже опасны для жизни и несовместимы с ней, но допустимы, жизнь обходит их и выживает. Человечество в младенчестве своём видит и воспринимает природу, свой мир в простом, понятном и родном человеку виде. Если и существуют угрозы, так они не такие уж страшные. Они привычны и доступны для понимания.

Но вот наука стала приоткрывать перед человеком тайны природы, и перед ним открылся такой ужас космоса с его абсолютной несовместимостью, попросту исключаящий жизнь, какой разум мой не воспринимает. Волосы встают дыбом, когда представляешь себе состояние космоса. Как это в недрах такого губительного состояния — Земля!

Да что космос, если, как толкуют умники, в центре самой Земли находится раскалённое ядро, которое может взорваться. Земля бушует. Мы ютимся на тонкой сухой корочке временно остывшей тверди, ненадёжно отделяющей нас от космического ада нашей родной собственной Земли. Огненная стихия рвётся наружу, ей тесно, она то и дело вырывается вулканами, вытекает, лихорадочно дрожит землетрясениями, на время облегчая себя, подобно кровопусканию для человека, страдающего гипертонией. Люди суетятся, ищут спасение, подобно муравьям, когда на их город — муравьиную кучу — случайно наступит неосторожный, безжалостный по беспечности пешеход. Пока не взорвало.

И эта тихая заводь Земля. Не понимаю.

И при всём этом — удивительное спокойствие человека. Спокойствие, данное ему как важнейшая составная жизни, — не обращать внимания на все эти кошмары, далёкие по расстоянию и по времени, не касающиеся данного человека ввиду краткости его существования. Это когда ещё будет, полагает он. Он довольствуется хотя бы временной безопасностью для устройства жизни и борьбы с опасностями, угрожающими теперь, которые и есть пока единственная реальность для данного человека. Спокойствие, спасающее от безумия.

Какая странная реальность! Не поддаётся разумению. Кем всё это создано? И зачем? Кому пришло в голову создать всё это?

Ладно, не создано, как утверждают атеисты. Я к ним не принадлежу, но тогда ещё более решительно ничего не понятно. Атомы, материя, энергия, гравитация, свет для нас реальность, но где источник,

кто проектант? Его, говорят они, нет, но тогда бессмыслица. Всё это есть, существует, и всё. Вопрос закрыт, все довольны. Далее ни шагу.

Не знаю, это предел разума? Невозможно перешагнуть и воспринять суть такой реальности. Человек видит себя, свою Землю, звёзды, галактики, пытается познать их материальную суть. Познаёт, познаёт. Это его такой путь познания. А если он движется по этому пути не туда? Куда не туда?

Не знаю.

Кто автор реальности? Суть Вселенной-то в чем? Она есть и всё? Так человек не успокоится, будет копать и познавать. К чему он придёт? Возможно, вопрос лишён смысла. Но он вертится в голове человека. Куда его деть, от него не уйдёшь. Хочет знать, беспокоится. Что делать-то?

Возможно ли найти на этом пути ответ на смысл и суть Вселенной? Ну ладно, пусть автора в человеческом понимании нет, тогда каковы причины появления Вселенной, каков источник, пусть материального свойства?

Круг замкнулся. Я не понимаю.

Эволюция животного мира, жизни придаёт всякой твари мозги, необходимые для сохранения себя в период её жизни, и не изменяет их, пока не прижмёт. И вдруг, вопреки такому обычаю, она выдала человеку мозги не только для такого краткого времени, но с огромным, пока ещё не замеренным резервом, запасом, обеспечивающим сохранение человека, его вида на неизмеримо далёкое будущее.

Возможности разума с запасом вперёд, что решительно не свойственно эволюции. В человеке заложен аппарат, служащий не только сегодняшним задачам, но и с громадным потенциалом, запасом для жизни в будущем на бездну лет. Что бы учёные люди ни разрыли, разум способен это переварить. Спокойно, пусть не мгновенно, но усиленно для себя, адаптируясь и вникая в суть, почти любую информацию, почти любой сложности. Почти.

Этот фантастический и совершенно необъяснимый с позиции эволюции запас способностей для жизни намного вперёд. У животных такого нет.

Как могло случиться такое? Будто некто вложил ему их, готовые, в законченном виде. Ну никак не возможно, чтобы они явились продуктом бесконечно долгой, мучительной и непредсказуемой эволюции. Этот феномен решительно противоречит теории эволюции. Он просто не вписывается в неё. Феномен невообразим.

мой сложности, далеко выходящей за грань эволюционной животной необходимости. Стоит предположить взрезное возникновение человека.

Феномен человека. А кого ещё-то?

Что бы ни происходило в мире: технические, моральные, идеологические революции, какие бы режимы ни менялись, приходили и уходили в Лету, чаще всего оставляя лишь смрадный дым, Человек как таковой, как отдельная личность есть суть, основа и центр всего, о чём вообще есть смысл говорить, суть живущего, суть человечества, Вселенной. А все эти общественные объединения, партии, народные фронты, союзы — всё это поверхностная форма состояния личности, но не более того.

Главное — это Я, мои ощущения, мои страдания и моё счастье. Я, мятущийся, зовущий, не понимающий и не понимаемый. Я центр. Я эго.

Я понял это, и заструилось во мне торжество жизни.

Реальность

Великое свойство веры, религии — давать человеку примирение с окружающим миром, полным угроз, и придающее смысл жизни. Это свойство стоит на том же фундаментальном уровне, что и инстинкты жизни. И это так же реальность. Это свойство не менее необходимо, чем поиски новых технологий, которые, впрочем, также нужны.

Невозможно было бы человеку жить в непрерывном стрессовом состоянии перед угрозами космического масштаба.

Здесь столкнулись два свойства человека. Инстинкт любопытства, познания природы без ограничения, окружающего мира на предмет опасности или применения с пользой для себя и необходимость сохранения крепости рассудка при виде порою невообразимых открытий.

К вере, религии люди прибегают по той причине, что она восходит над всей бытовой суетой, бедами и прочим, угнетающим человека. Уводит от уныния. К тому же, она показывает, даёт духовную надежду, путь к спасению. Она помогает уйти от зла, хотя бы внутри себя. Она необходима человеку, как воздух, пища и кров.

Многие люди отмахиваются от религии, как от пустого и вредного суеверия, недостойного образованного культурного современного человека. Они не понимают, что это якобы суеверие есть основа суще-

ствования человека и понимание им себя в ужасах природы, и чем далее, тем это станет необходимым.

Людям, даже, казалось бы, мыслящим, свойственно впадать в заблуждение. И вот эти, казалось бы, мыслящие учёные люди тащат за собой в это своё заблуждение своих собратьев, народ, так сказать. Поскольку заблуждение оно и есть заблуждение, то есть, ложный путь, они тащат по нему людей, ломают их натуру, ввергают в беды и страдания. Взять понятие равенство. Показалось им, таким умникам, что люди, народы, этносы равны, и принялись на этом вроде бы благостном понимании строить отношения людей и государств, а в действительности ломать людей.

Тащить их по ложному, скорбному пути. Примером такого заблуждения красочно, правдиво и ужасно служит история Советского государства, его отношения с иными странами, исходя из указанного ложного понятия равенства. Эти одиночки, смутьяны баламутят людей, тащат их за собой по пути, ими указанному, не зная сами, да хорош ли путь-то? Иисус дал путь истинный, так и того распяли. И живёт народ несправедливой жизнью, которая ему приятнее.

Человек самоуверен до глупости. Познал малую кроху и утверждает, задирает нос, не понимает, что стоит перед бесконечностью. Обобщает и стоит, глядя на эту свою малость, как на великое. Учит других, отвергает их учёность. Интересно.

Меня нередко охватывает чувство одиночества в общении с людьми и напротив, так необходимое общение — в уединении с Ним. Одиночество, когда ты со многими, но в суете; но отбросив суету, ты можешь общаться с Ним, и ты уже не один. Ты соединён с Ним. Реальность человека с Ним творит глубокая вера. Эта реальность духовного общения и есть иная реальность, чем та, которая состоит из сиюминутных природных ощущений.

Я уединяю себя. Отделяю от мира. Держусь отдельно.

Мир, Вселенная

Религия — это установленная Творцом духовная основа эволюции, позволяющая вывести сознание людей из животного состояния в разумное. Через религию происходит великий эксперимент творчества человека, начиная с его первичного животного состояния и постепенного ведения его без принуждения через эволюцию до более

высокого уровня. Человек свободен, и в этой свободе он подобен своему Творцу.

Творец терпелив, Ему нет необходимости спешить. Вера нужна, прежде всего, самому человеку. А тот всячески тянет, отворачивается, погружаясь в ложные блага цивилизации, стремясь к плотским удовольствиям, прочим мимолётным и преходящим ощущениям, словом, вздору. Следование вере — это путь к спасению. Разве люди не нуждаются в спасении? А ведут они себя, однако, так, будто оно нужно Творцу, а не им самим.

Сегодня на Земле нет единой религии, ибо этносы находятся на разном уровне своего состояния, а чтобы принять единую веру, надо быть способным к этому. Каждый этнос имеет такую религию, какую он способен понять и принять. Такой образ высшей силы, до которого человек этноса дорос. Вот когда этносы подравняются и все люди станут просто Землянами, тогда, возможно, они воспримут единую религию.

Вера — великое понятие. Даже атеисты, материалисты, естествоиспытатели в своей работе исходят из веры в свои опыты, наблюдения и выводы. То есть, вера в родовом понятии есть непременная часть всякого познания. Вера помогает человеку жить, хотя иногда и затрудняет его путь к истине, однако, что дороже для человека, познание некоей истины, которая неизвестно чем обойдётся для него, облегчением, пользой или, напротив, болью, а то и ядом, кто это знает, и меньше всего сам человек, стремящийся к неизвестному, или вера в Творца, спокойствие души и нормальная жизнь?

Реальность через ощущения и реальность через размышления и веру. Эту реальность — духовный мир — человек создаёт в себе. Это его реальный мир. Он держит его в себе. Его желание — сохранить после своего ухода этот Духовный мир, созданный верой и размышлениями. Реальность человека...

Есть реальный мир ощущений телесных и реальный мир духовный. Этот мир рождён человеком, и он желает, чтобы этот его собственный мир был сохранён. В том числе и через книги.

Музыка, искусство — это соприкосновение с духовным миром. Картина оживает из нутра человека, рождённого для духовной жизни.

Вот в чём разница между фото и картиной думающего живописца. Мыслителя. Он наполняет её смыслом и некоей духовной реальностью. Делает её иной, чем фото, которое есть слепок, маска с мёртвого, ну, впрочем, и живого.

Если вера помогает тебе по жизни, значит, она РЕАЛЬНА! Значит, она так же реальна, как и всё остальное в этом мире. Реальность это то, что ты видишь, что на тебя действует, тебе представляется. Это и есть реальность, независимо от знания или незнания её физической или иррациональной сути. Есть природный мир, есть духовный мир, и есть реальность. В реальность входит и всё природное, и духовность, и любые иные существующие или придуманные миры. Это всё в совокупности и есть реальность. Всё, касающееся человека. Сны, суеверия, глупости, прозрения, заблуждения — всё это в равной степени часть реального мира.

Реальность — это всё, что есть, а не единственно материя как свидетельство примитивности человека, для которого реальность только одна материя. А куда девать всё грандиозное остальное? Так оно есть. Атеисты утверждают — Его нет. Как же нет, если я верю, что есть? Он существует для меня, значит, Он реальность. Он же в моём сознании, значит, есть Он и в реальности. Убеждение материалиста — это убеждение пещерного человека. У него понятие «реальность» упирается в понятие «полезность». Реальность для него лишь полезное и что возможно пощупать, остального не существует. Остальное — бесполезно, его нет в реальности. Из материи чашки-ложки, штаны. Из остального самовар не сделаешь, поэтому его нет. Дым и дурь.

Если в моём разуме Он существует, то как же можно утверждать, что Его нет?

Идеализм, материализм, вера — всё это реальность. Придумали понятие субъективная реальность, будто это не настоящая реальность, а нечто второго сорта. Чушь собачья. Всякие явления равноправны для изучения и понимания. Деление на идеализм и материализм, как взаимно отвергающие, это примитив; есть и то, и другое. В ином, не материальном состоянии, но реальность. Вера — одно из состояний нематериальной реальности. Вера — это, возможно, третья ипостась реальности.

Реальность бесконечна. Имея в виду познание, она асимптотически приближается к бесконечности. Мои фантазии о будущем — такая же реальность, как в буфете нашей поликлиники пирожки с картошкой, капустой и мясом.

Время, когда люди делятся на идеалистов, материалистов, атеистов и прочее, проходит, приходит понимание слияния всех мыслимых и немыслимых миров, сегодня отделённых друг от друга мировоззрений, в единое понимание слитного миропонимания человека. Без исключения любого нюанса, если он в своей сути касается человека.

Время глубокой веры людей первого века было ближе к пониманию понятия реальности, чем теперь, ибо в их понимании всё, что их окружает в сфере веры, всё это РЕАЛЬНОСТЬ.

Потом люди, как бы поумнев, отошли от такого мироощущения. Разделились на идеалистов, атеистов, материалистов, верующих, и каждый замкнулся в этой своей изоляции. Полагаю, когда люди ещё поумнеют, такая надежда существует, то поймут, что в реальность входит вся эта их неразумная раздробленность, всё, касающееся человека во всех его проявлениях. Вот получается такая цикличность эволюции в миропонимании.

Всекие направления имеют право быть, но зачем ожесточённо отрицать иное? Возможно, в силу ограниченности своего ума человек не способен мыслить масштабно, то есть, иначе: нет у людей участка в мозгу, дающего способность к обобщению, пониманию пагубности замыкаться в одном понимании предмета. Люди с такой способностью встречаются и сегодня, но, увы, крайне редко, ибо это способность, да ещё какая.

Возникнет понимание и признание реальностью всего, решительно всего, что окружает человека. Природного мира, ощущений, заблуждений, снов, суеверий, фантазий, идеалов, веры, глупости. Не в покорном согласии со всеми априорно, но с правом всего этого, порою пусть даже на первый взгляд вздора, осмысливать своё.

Вроде с реальностью мы слегка разобрались, высказали своё мнение, а вот с истиной следует разобраться, пошевелить серым веществом. Если реальность всё, что есть, независимо, в каком виде и для кого, то истина — это приближение к пониманию реальности. Истинность, смотря для кого и для чего. Она требует адреса. Зависит от позиции подхода. Реальность же универсальна.

К истине возможно слегка приблизиться, если удастся пробиться через идеи, убеждения, опыт поколений и прочий мусор. Опыт необходим, но не навязчивый, не давящий. Пусть он, этот опыт, сидит в голове, как основа, но не более.

Религия смысла

По мере познания материи спокойствие перестанет спасать человека от безумия. Через свою науку он узнает столько всего, что от спокойствия не останется камня на камне. Человек обезумеет. Или притерпится? Вряд ли. Обезумеет. Испачкает штаны. Нужна духовная

поддержка, и этой поддержкой станет вера. Иного нет. Она и теперь помогает ему по жизни, но чем дальше, тем необходимость её будет возрастать.

Даже если вера не даст чёткого ответа на вопрос атеиста, то она сослужит ещё более важную услугу человеку, она станет опорой в жизни людей, придаст ей смысл. Сообщит смысл Вселенной и всего сущего. Она предупредит безумие человека. Она спасёт его от самоуничтожения, аннигиляции. Если смысл существует, то, независимо от его сути, дело человека оценить своё бытие и решить, что ему делать дальше, как жить. Не существует более ужасного варианта ответа, чем бессмысленность нашей реальности. Таков человек. Это говорю я, ибо я человек, и по этой причине имею право высказать.

Нашу реальность придумали не мы, и она не есть продукт случайных чисел. Вот что важно. Серьёзное начало ответа на сакраментальный вопрос. Придумали не мы, и она не есть продукт случайных чисел.

Упорно не понимают и не принимают люди реальность духовного мира, в том числе внутри себя. Это духовная трагедия многоликого человека. По какой такой важной причине человек с маниакальным упорством его отторгает? Видя вокруг себя природный материальный мир, он верит только в него, в то, что видит и может пощупать руками. В чём тайна или, если хотите, причина такого неприятия в себе духовного мира?

Просто отсутствие веры в его существование или опасение как великой силы, уводящей от греховной жизни, которой сильно подвержен человек? Вечная духовная трагедия человека. Как только он увидит хоть малейшее несоответствие в догматах веры его материалистическим представлениям о реальности, тотчас сомневается и отвергает. Не видя при этом главное достоинство и благую суть веры — её жизненную необходимость.

Специфика человека заключается в том, что ему изначально вручили разум, несомненно, мощный инструмент, для основательного утверждения себя в жизни, создали его, как бы осторожно сказать, разумным. Боюсь, что многие уважаемые люди со мной в этом не согласятся. Однако, именно с этого рокового события он неизменно и неизбежно занялся проблемами, казалось бы, надуманными и вовсе не исходящими из необходимости их решения для его природной жизни. Он стал к месту и не к месту задавать себе часто неразрешимые вопросы. Действительно, на кой хрен ему знать, в чём смысл его жизни? Живёт и живёт, ему так хочется, жить-то. И все дела. И, тем не

менее, он бьётся, как бабочка в оконное стекло, в попытках разобраться с этим смыслом, но чем дальше, тем меньше он его видел. Однако, он не бросал этот свой роковой или спасительный труд.

Гамлет смотрел на череп Йорика и думал о бессмыслице жизненного круговорота. Так ему казалось. Мучился от неспособности распознать. Быть или не быть? Ему неукротимо хотелось понять смысл жизни, уйти от разрушающей разум бесцельности. Беспощадная неукротимая тоска по смыслу всего, что окружает человека.

Тайна мироздания и убеждение в невозможности её познания. Разочарование во всех способностях разума. Здесь уместно привести высказывание уважаемого мною Лема.

«Можно подумать, что барахтаться и увязать, тонуть в том, чего не понимаешь и НИКОГДА не поймёшь, достойно человека». Солярис, глава Мыслитель.

Теперь, разум-то с чего, от эволюции или как? Опять бессмысленный природный процесс? Снова поиск смысла. Да сколько можно?!

Человек будущего, несомненно, станет глубоко религиозным, и нравственной основой его веры органично станет Нагорная Проповедь Иисуса Христа.

По мере своего взросления человек всё более станет осознавать религию, веру, как надёжную опору ему по жизни и определённую в миропонимании. В этом, в понятиях атеиста бессмысленном по происхождению и устройству, мире. Даже для атеиста, я уж не говорю о глубоко верующем человеке, религия — это часть человека. Как же можно рассматривать жизнь, отбрасывая религию, исходя из её соответствия или несоответствия понятиям естествознания, доказательствам материалистической науки?

Следует учитывать всё, что есть в человеке, вплоть до метафизики. Религия, вера даёт смысл.

До появления человека вопрос о смысле не существовал. Само возникновение человека содержит в себе великий смысл, замысел Его. Создание религии смысла. Он, человек — первый носитель и существо, ищущий смысл как понятие, как потребность. Сотворение человека — это проявление смысла сути Вселенной. Всего сущего.

Все эти бозоны, квазары, чёрные дыры и прочее, прочее, в том числе и животный мир, сотканный из инстинктов, не требовали осмысления, пока не появился он, человек.

Смысл Вселенной состоит в самом факте появления человека, ибо он первый на Земле, востребовавший смысл. Смысл всего в появлении человека, как сакраментальная цель всего сущего.

И вот тут самое поразительное и интересное. Человек искал смысл во вселенной, а смысл оказался в нём самом.

Смысл жизни дал человеку Он, а Вселенной — великая религия веры в смысл. Человек живёт в ладу с собой, когда видит смысл. Смысл в кажущейся бессмыслице, в великом непонятном явлении, какой представляется Вселенная человеку. Естествознание не даёт ответа на этот сакраментальный вопрос. Эта, несомненно, полезная наука бессильна ответить по той причине, что отвергает всё, что не вписывается в требование физического эксперимента. Ей чуждо понятие смысл. Она не знает и не желает знать, что это такое.

Всегда этот смысл даёт Он. Религия поиска истины и смысла. Ягве у израильтян, Иисус Христос у христиан.

Люди через науку познают невообразимость Вселенной. Смысл дал Он. Человек неизменно ищет смысл во всём его окружающем. Он увидит этот смысл через Него. Не вообще, а через познание Его замысла, и тогда вся эта невообразимость Вселенной, эта кажущая бессмыслица перестанет быть таковой. Вера в Него придаст ей смысл. Без Него эта громада, эта бессмыслица невыносимо давит, обрушивается на человека. Без смысла человек не в ладу с миром. Познание смысла оживит природу, Вселенную, сделает её близким и понятным человеку. Смысл понижет и свяжет всё непонятное.

Сказанное станет сутью, великой религией смысла.

Религия веры в смысл на стадии человека, далеко заглянувшего во Вселенную. Творец постоянно один. На разных стадиях эволюции человека, понимания Его, Он постоянно один. Без Него Вселенная безжизненна и не пригодна для осмысления и жизни человека.

Человек создан по образу и подобию, и он не может мыслить иначе, как мыслит Он. К Аврааму пришёл Бог и сказал: «Я твоя Вера». К людям пришёл Иисус и сказал: «Я твоя вера». Так людям будет дана великая религия — вера в смысл через Него. Придёт и скажет: «Я твоя вера».

Он сообщит человеку смысл, и тем оживит для него Вселенную, придаст ей смысл. Этой, казалось бы, бессмыслице. Не Земной природе, а природе Вселенной.

Веление Аврааму — верить. Веление людям — жить праведно. Веление Его — увидеть смысл всего сущего.

Наслаждение творчеством венчает вера в великий смысл Вселенной. Религия смысла.

Как, что, состав, но и в чём смысл?! Вот теперь формула всякого исследователя. Природная суть через исследование и непременно смысл. Смысл, который открывает Он.

И это будет истинная великая вера, глубокая, без суеверий, как реальность. В древности на фоне малых знаний естественных наук о Вселенной легче было стать безбожником, чем теперь, когда под пытливым взглядом учёного-естествоиспытателя ужасы Вселенной навалились, раскрыли такие страхи, что не стало иного спасения от сумасшествия, чем стать верующим. Однако и тогда, и теперь религиозная вера давала защиту от страха.

Это и станет началом понимания тайны мироздания. На этом пути он, человек, подойдёт к тайне чуть ближе.

И ещё, условие долголетия и в конечном выражении сохранения людей как вида, несомненно, в органической связи их с безусловной вселенской нравственностью, конкретным выражением которой сегодня является Нагорная проповедь Иисуса Христа.

Такова формула сути человека. Суть, заложенной в нём изначально.

Здесь, однако, трудность, ибо человек свободен в своих мыслях и поступках, и он весьма склонен идти по греховному пути. По этой причине всё, что входит в противоречие с установлениями вселенской нравственности, образует в человеке тенденцию её отторжения, что весьма печально. Каким же образом умерить эту пагубную тенденцию?

Здесь на помощь человеку приходит человеческое сообщество, которое, несомненно, обладает своим разумом, меньше в отличие от человека подвержено тяге к греху и поэтому способно добиться успеха. Возможно.

Сомнение.

Войны, ложь, насилие, воровство и прочее — может быть, это и есть реальный наш мир, вечный и неизменный, пока существуют люди? Возможно, так задумано изначально? И нечего стенать и мечтать о некоем очищенном мире? Пытаться достичь его, этого призрачного? Каким он должен быть, хотя бы в мечте?

Что за бред я несу! Отбрасываю с негодованием.

Духовный мир

Разум без фильтра нравственных ограничителей, дикий разум. В свете этого следует пересмотреть соображения мыслителей о состоянии человечества. До тех пор, пока разум пребывает в диком состоянии, нельзя говорить о стабильности человечества, его долго-

летию. Природная жизнь и разум — это тандем, приводящий к аннигиляции человечества, если люди, оставаясь Землянами, не встанут на духовный путь, где разум станет служить не единственно на природную потребу, но и на сохранение человека как вида. Вера в этом случае, как субстанция эволюции, отводит эффект аннигиляции.

Фундаментальный вопрос, а реален ли духовный мир и духовная жизнь? Является ли он сутью человека или придуман людьми из страха перед уходом в никуда? Ответа здесь нет, ибо невозможно установить реальность духовного материальными средствами и материалистичным мировоззрением. Любое доказательство призрачно и необъяснимо. Да так ли уж и нужны доказательства, разве не достаточно одного того, что человечество сохранит себя как вид единственно через веру в этот духовный мир и поведение людей согласно вселенской нравственности, понимаемой, как суть Нагорной проповеди Иисуса Христа? Следует довольствоваться в этом вопросе принципом «чёрного ящика».

Ведь всё равно людям не по силам познать тайну мироздания, так к чему пустые слова, не дающие пользы? Всё пустое. Надо быть скромнее, следует довольствоваться этой пользой, а что есть суть в материалистическом понимании, не так уж и важно, если виден результат от этой непонятной сути.

То, что духовная субстанция, вера заложена в человеке изначально, уже сегодня у многих людей не вызывает возражения, а у иных сложилось в убеждение. Если духовность станет основой жизни, разве это не означает продолжения эволюции? По какой причине эта заложённая в человека субстанция должна в будущем вдруг исчезнуть, а напротив, не укрепиться?

Можно предположить на радость материалистам, что духовность возникла вследствие мутации. Такая гипотеза может иметь место. Разница в миропонимании. Мне ближе, по душе вера в духовность как субстанция. Это выглядит надёжнее. Это моё видение мира. Мутация-то, она может привести к непонятно чему, так сказать, фифти-фифти, а духовный мир — это серьёзно, это субстанция.

Всё опять же в вере, а не в доказательствах, которые годны и решительно необходимы в естествознании.

Полагаю, в вышесказанном просвечивается, а возможно, и содержится истина. Что и когда произойдёт и каким образом наш дикий разум станет уравновешенным некоей спасительной силой, здесь я говорю более неопределённо, мне знать не дано. Надеюсь, однако, что

люди всё же поймут своё состояние и начнётся сильнейшее влияние вселенской нравственности. Иначе канты.

Вышесказанное относится к чрезвычайно важному аспекту, увы, не единственному. Есть иная сторона проблемы.

Люди давно мечтают об обществе, где нет зла и войн, но толку от этого мечтания пока не видно. Предположим, однако, такое произойдёт, дикий разум станет разумным. Не станет ли это концом человечества, когда оно лишится этого дикого, но мощного фактора прогресса развития цивилизации, энергетики, позволяющей в динамике противоречий и драках, буйстве, отвратительных безобразиях совершенствоваться и существовать? И какой в этой благодатной жизни, если она проявится, возникнет стимул, спасительная сила для крепости человечества?

Что предстанет перед человеком вместо дикости? Восхитительный расцвет культуры или застой, загнивание и гибель, конец всего?

Вся сегодняшняя философия вместе с Гегелем и другими ребятами из клана мыслителей рухнет в небытие к хренам, превратится в прах. Останутся благодатные, не антагонистические, как говаривали марксисты, соревнования для высокой культуры, полезных технологий и познания, раскрытия тайн мироздания? Или...

Ах, как Нелепица из «Странного шоссе» напоминает мне человека с его поведением, устремлениями, пониманием, соображением! Человек-то, он и есть Нелепица. Зря я его переименовал в Милягу, хотя... хотя всё равно он мне мил.

Мир чудовищно сложен, невысказано, невообразимо. Простым он кажется лишь от недомыслия, от шор, когда человек видит только перед собой, под ногами, не задумывается. Люди склонны упрощать свой мир до уровня своего примитивного понимания и чтобы не волноваться.

Как младенец прижимается к матери и отцу, ища защиту, так и человечество ищет своего отца и мать и неизменно приходит к Нему. То есть, поиск исходит из требования искать защиту ввиду понимания своей малости и уязвимости. Беда заключается, однако, в том, что поиск мыслителей упирается в трудность, идущую с обеих сторон. Атеисты в своём неверии отвергают Его, а верующие замыкаются в своей вере. Вместо объединения своих усилий они взаимно отторгают иное видение мира. Атеисты решительно не признают Его, а верующие упрекают их за неверие, что те не видят Его.

Если вера заложена в человеке изначально, как же атеисты не верят?

Веру не следует помещать в бессознательное, как требование инстинкта, ибо это тогда не свобода, которая от Него, а вот свободный поиск веры ненавязчив и свободу не стесняет.

Что скрывает от человека его собственная память, которая одновременно и его, но и не его, ибо ему недоступна? Что она прячет так тщательно? Оберегает. Хранилище глубоко запрятанных от человека тайн. Ощущения, мешающие человеку жить. Здесь речь идёт не о памяти событий его настоящей жизни, а о памяти предков его рода по крови, накопленной за тысячи лет.

Лем-мыслитель вводит читателя в проблемные темы, ситуации, в которых его герои не находят решения, а лишь пребывают в состоянии безнадёжности, отчаяния и ужаса.

Скажем, человек узнаёт, что он не естественное природное существо, а созданное искусственно кем-то или чем-то. Не помню автора, но не могу забыть ощущение человека, узнавшего, что город и всё население, и он сам созданы в лаборатории после всеобщей гибели, катастрофы. Жизнь в городе протекает согласно заданной программе в течение суток, а затем повторяется, но люди не ощущают этого повтора и своей иллюзорности, полагая, что живут обычно, нормально. Так было до того момента, когда один житель это обнаружил. Пока... Ужас. Я бы не хотел оказаться на его месте. Здесь есть и второй план — ужас-то пришёл после прозрения, после познания истины. ИСТИНЫ!

У Лема это фантомы. Они созданы Океаном, и они ощущают некое беспокойство, внутреннее неудобство, как следствие своего лабораторного происхождения. Ужас испытывают не только фантомы, но и Земляне. Они хотя и знают творцов фантомов, но то, что те созданы Океаном по информации, извлечённой из недр, запретных мест их разума, ужасает, потрясает Землян. Ужас несколько смягчается по мере проникновения в причины, а вот фантомы, напротив, не ощущают ужаса, пока не знают правды.

В обоих случаях ужас приходит от познания истины. Отсюда дилемма — проблема и её решение. Нужно ли оно, это решение, если познание истины убьёт человека, ибо истина может оказаться смертельной? С другой стороны, в человека заложено свойство на уровне инстинкта искать её. Парадокс!

В этой сложности, парадоксальности — суть жизни.

Ах, этот Лем! За что я ни возьмусь, в смысле тайн человечества, а он успел об этом поразмышлять.

Мыслитель упёрся в тайну, долго тужился, ощутил её неразрешимость, непознаваемость, и разум его от этого ощущения, от этой своей

ограниченности запаниковал, заметался в ужасе и ослабляющем бес-
силии. Предел, стена. Конец пространства и его бесконечность. Как
принять?

Лем попытался показать ту грань, которая отделяет неукротимое
желание человека познать истину от принципиальной возможности
его разума для такого дела, то есть, способности познать мир глубже.
Он показал этот предел в познании в ситуации за пределами Земли.
Он показал сложности мира неорганического и живого, всякой
жизни, какой она представляется естественной для Землян, и какой
она может быть в реалии.

Белым пятном, куда ни кинь, куда даже не пытаются проникнуть,
остаётся суть духовного мира и связь человека с ним. Бессмыслен-
ность Вселенной без духовного мира очевидна, НО И ТОЛЬКО. Но где
бессмысленность, там безысходность, отчаяние и смирение, но и
твори, что в башку придёт, пока не взорвёшься.

И ТУТ ЖЕ КРАСОТА МИРА!

Не подобна ли Земля лабораторному столу с искусственно создан-
ным населением и природой?

Спасает вера. Это великое понятие спасает человека, отводит его
от края гибельного состояния.

Из упадка, распада и нравственного загнивания этнос всегда выхо-
дит через веру и всегда через религию, обращение к Нему. От Него он
черпает нравственность, необходимую для спасения.

Интересен единый мозг — Океан Лема. У землян не так, они раз-
рознены, у каждого свой мозг, но зато у них есть альтернатива — Он.
Он своей волей способен объединить людей, отвести от раздоров и
злодеяний. Объединить духовно. Вера способна из массы противоречивых, взаимных недоброжелателей слепить единый коллективный
организм-мозг. Мозг, способный устранить этот человеческий хаос и
перевести поведение людей во благо. Придать людям жизнестойкость,
при сохранении соревнования во благо себя и всех, но уже без преж-
него ожесточения.

Для верующего человека его вера, его Он такая же часть его реаль-
ности, его мира, как воздух, вода и земля для атеиста-естествоиспы-
тателя.

Относительно способности к абстрактному мышлению человеку
следует быть скромнее. Несомненно, они, люди, обладают ею, в отли-
чие от животных, но лишь в части мыслить, оторвавшись от предмета,
прямо его касающегося. Оставаясь, однако, в плену пусть мысленных,
но известных ему вещей в его окружении с учётом расширения этого

круга в процессе эволюции науки, открытий, инженерии, изобретений и прочего.

То есть в своём абстрактном мышлении человек неизменно ограничен сферой его познания мира. Можно лишь добавить, что глубина способности к абстрактному мышлению зависит в огромной степени, прежде всего, от способностей человека и его внутренней свободы. У людей это по-разному, тем более редка гениальность.

Прорыв за пределы сферы познания мира возможен через озарения, и это удел гениев.

Рассматривая перспективу человека, следует иметь в виду его стабильность как существа во времени. А если это не так, и человек, как таковой, претерпевает изменения?

Пока предполагаем, что человеческая суть его, то есть мозги, разум есть константа. Известные изменения не суть плоды эволюции. Эволюция изменяет животное во времени по линейной функции, а в этносе мутационные толчки. Непонятна их природа. Что это, управление извне? В любом случае, они имеют место, и это сильно меняет картину событий. Без этого человек этноса неизменен и участь его и этноса печальна. Суть человека в его разуме и в его поведении. Творение нового поведения человека через мутации не похоже на творение, но есть и сходство.

Стали мне сниться реальные сны. Настолько реальные, что, находясь в этой реальности, я как бы перехожу в иной мир, в котором мне предстоит жить. Я читаю лекции, осмысленно отвечаю на вопросы, поднимаюсь на скалы, а убедившись, что скала не та, спускаюсь по верёвке, которая вся в узлах для удобного спуска. Вот такая детальная реальность в моих снах.

Сны мои постепенно приучают меня к той реальности, в которую я перехожу. Такие сны, таким образом, не пустые сновидения, а реальность будущего моего. Теперь я просыпаюсь в земной жизни, а засыпаю и живу в иной. Это чередование пребывания в разных мирах неотвратимо сдвигалось к иному... и наконец, в иную суть вовсе.

Изложение исторических событий следует связывать не столетиями—тысячелетиями, а поведением людей, их нравственностью, религиозностью. Говорить, вот это период таких-то людей, такого периода поведения, состояния человека. Время же приводить как уточнение, в качестве дополнительной связи. И потомки скажут, это было время, такая реальность, когда зло, накопленное мириадами предков, вырывалось из человека подобно вулканам из недр Земли. Оно выходило

из скоплений через щели и творило своё пагубное дело, и когда только неудержимое стремление человека, заложенное внутри него, бессознательный поиск им путей к спасительному состоянию противостояло злу.

К чему это ужасное противостояние, эта ужасная реальность, называемая жизнью, приведёт в будущем, сказать в то время было трудно. Можно было только догадываться: или к аннигиляции, или вера, религия настолько укрепится в человеке, станет его сутью, что этот ужасный процесс притормозит и пойдёт выздоровление, возрождение во благо. Зло станет для человека отвратительным, и вера победит. Человек избежит аннигиляции. Эта его правильная спасительная жизнь станет высшей формой человека.

И их потомки в будущем смогут сказать: это было то ужасное время, когда кошки ловили мышей, люди устраивали себе комфортную жизнь, воровали, лгали, делали гадости, убивали. Вот какое было время, и они называли это прогрессом. И это было реальностью.

Две тысячи лет назад не было атеистов, все верили. Иное дело, во что. Но все были верующие. По мере прогресса в технологиях люди стали соображать шире и стали отходить от состояния глубокой веры, и чем дальше, тем больше. Люди стали неукротимо погружаться в продукт технологии, в комфорт. И что с того? Где поворотный момент к вере, возможен ли он от Содома к праведности? Пока этого не видно. Какой возможен механизм для этого? Не знаю. Какое обстоятельство станет поворотом? Возможно, осознание опасности и мощный импульс поиска?

Осознание опасности — вот основа спасительного рычага.

Церковь старается, но в нынешнем её состоянии, затвердевшем, слабо проникающем в чувства людей, остановившемся виде, она не справляется. Порою духовные дела деформируются на потребу бездуховного потребительского существования людей.

Нужен новый живительный посыл Его. Духовно новое, осязаемое для человека. Он необходим. Прости меня, Господи, за мою дерзость. Нужны Заповеди Твои для уровня изменившегося человека. Ты же неизменно добр к нам, людям.

Люди теперь не те, что были тогда, и мир не тот. Нужен Новый призыв. Приди, призови.

Человек стремительно создаёт и очень вскоре создаст огромный мир искусственного интеллекта. Себе на погибель, и если что и спасёт его в этой жуткой конкуренции, так это его эгоизм и инстинкт самосохранения, продолжения рода и новый живительный посыл Его.

Свобода человека ограничена только Им. Свободу дал человеку Он. Мир человека — это Его жилище. Он его построил. Что с того, так или не так. Это Его мир. Атеист, напротив, не свободен. Он стиснут эволюцией животного мира с его жестокими законами выживания.

Не торопясь, поднялся на пологий обширный холм, остановился, вздохнул, огляделся. В ночной полутьме я увидел восхитительную картину холма, освещённого со стороны МКАД фонарями и кишкой перехода. Справа множество окон шпионского центра, внушающего гражданам суть и крепость общественного устройства, слева тёмный лес с остатками природы, а впереди, в небе самый надёжный, увы, единственный ориентир, не вызывающий сомнения в стабильности Земного шара и людей на нем, сияющая Луна в три четверти своего размера.

Всё это в совокупности придавало мне некоторую уверенность в реальности своего, пусть краткого, будущего, вибрирующего в океане случайностей. Только Луна, ущербная Луна и твёрдая почва под ногами сообщали мне силы в этом, в общем-то, ненадёжном, призрачном мире.

Подошёл троллейбус, постоял, тяжело вздохнул и двинулся по своему рутинному, но полезному пути.

С одной стороны, понятно, в людях много дремлющей и активно действующей мерзости, это внутри. С другой стороны, властные режимы создают должности в своей структуре, напрямую, открыто предназначенные для зла и мучения людей: палачи, стукачи и прочее, и даже целые подразделения для подавления человека, лакируя, прикрывая это общественной необходимостью и во имя народа.

Рассуждая о жизни людей при большевистском правлении, спрашивают: как же вы жили? Да так и жили. Ужас был у людей, кого террор коснулся напрямую, а остальные жили инстинктом самосохранения, способностями. Это хорошо понимаешь, читая Федосеева «Злой дух Ямбуя». Ужас виден, если смотреть на то время в отдалении, как теперь, спустя годы, или в то время, но в размышлении и сверху, не от себя, живущего в то время, а как бы думающего о себе, который не попал в террор. Так вроде и ничего.

Разве правильно видеть и подробно перечислять добрые и злые поступки в человеке, чтобы понять его суть? Каких больше и что перетянет? Тогда нет злых людей. Какая тут соразмерность зла и добра? Величайший злодей, уничтоживший миллионы, но спас одного человека. Он уже не злодей?

У меня удалили два зуба, почистили камень, содрали длинную коронку с левой челюсти. Эти неприятные ощущения несколько смягчало то обстоятельство, что дантист миловидная и на первый поверхностный взгляд, пока она не принялась за дело, добрая женщина. Данная ситуация сильно способствовала возникновению во мне проблемы несовершенства мира и тайны мироздания.

Мысли и поступки, лишённые духовной основы, сочувствия, совести, жалости, имеют совершенно зверский вид. Это чрезвычайно важное для человека соображение с огромным трудом пробивается до сознания людей. Оно сильно задавлено, а ход к нему завален мусором природной жизни человека. Что делать, человеку приходится жить на Земле в природном мире с его жестокими законами выживания. Обычно люди отмахиваются от него, полагая пустым, не относящимся к жизни. Дескать, чужь собачья.

Истина событий обычно завалена ворохом историй, причин, фамилий и прочего, большей частью вздора, порою и чаще всего уводящего в сторону.

Поэтому прежде всего честному мыслителю необходимо убрать мусор, а уж затем соображать. Работа мусорщика тяжёлая, длительная и порою невыполнимая, но на то у него и мозги. И вот она, истина, сияющая, ослепительная, чистая — на тарелочке, радующая его глаз. Увы, нередко на поиски истины кидаются вовсе не честные перед собой и людьми мыслители, а недалёкие и даже глупые люди. Таким горе-учёным истины не видать, и это в лучшем случае, а хуже то, что они станут утверждать за истину всякую фальшь. В любом случае, необходимо сполоснуть этот драгоценный сухой остаток содовым раствором критического взгляда.

Уединение — необходимое условие для мыслителя.

Многие тайны — чёрный ящик.

Познание происходит через мышление и озарения. Механизм его — чёрный ящик. По этой причине я не вдаюсь в детали действия источника озарений в таких подробностях, как, дескать, откуда они, каково устройство этого великого источника информации об истинах, поскольку прекрасно понимаю свою полную неспособность разобраться в этом, осмыслить, понять; тайна сия для меня недоступна. Я даже и не претендую на это. Пусть это чёрный ящик. Меня такое смиренное понимание вполне устраивает. Я с лихвой довольствуюсь тем, что он мне даёт, а даёт ого как много. Готовое восприятие моими мозгами нужной мне истины, получение её из чёрного ящика в готовом законченном виде.

Мгновенное возникновение в голове образа, мысли, соображения, вывода. Все дела.

Люди обычно ведь как. Вместо того, чтобы благодарно и смиренно использовать новые знания озарений в своих делах, пытаются настырно, но безнадежно понять устройство чёрного ящика. Словом, лезут в сторону от дела. Посудите сами, на кой хрен им это устройство? Они что, собираются сами сколотить такой ящик?

Скажем, озаряет человека, кстати, не каждого и не всегда, так он тут же «что да как и каким образом устроено, ды-ды-ды», увязнет в этом болоте ненужного познания и барахтается. Всё равно не поймёт, а пыхтит в попытках понять. Во-первых, это ему не по зубам, а во-вторых, на кой хрен? Скажем, каким-то хитроумным способом умнику удастся узнать, что озарения эти шлют внеземные цивилизации, которые крутятся вокруг Земли. Ну и что? Зачем им слать-то? Кому мы нужны, такие красивые, кроме нас самих?

Короче, всё это пустая трата времени и меня не волнует. Получил информацию из ящика и рад. На выходе из него в моей голове имею, и спасибо, а уж там, резисторы-транзисторы, зачем мне они? Я не вечный, чтобы на этот вздор тратить своё время. Лично мне этого не нужно. Мне подай истину, и до свидания.

Кстати, озарение близко понятию интуиция.

Если жизнь самоцель, это ужасно. Для чего? Человек разумный, и он не может жить просто так, как хищник, как свёкла. Он уже вышел из этого состояния.

Население этноса состоит из каждого человека в отдельности! Власть из каждого в отдельности, и структура есть отдельность, и власть есть отдельность. И каждая отдельность стремится себя СОХРАНИТЬ.

Чингиз Айтматов прекрасный писатель. Человек отдельно взятый, сказал он, это космос. Но никто не осмелился сказать, что наш мир состоит из космосов. И хотя это так, но для власти человек, не входящий в неё, всегда ничтожество, материал для дел. Скажи ВСЕЛЕНСКИЕ МИРЫ, так это опасно для власти, ибо люди перестанут ощущать себя жертвами и ничтожеством. Как же тогда ими помыкать? Пока же люди таковы, что им ещё самим необходимо ощутить, укрепиться в этом высоком состоянии. Быть ему соответствующими.

Несомненно сказал об отдельности человека — Иисус Христос.

Божий суд — это суд человека самого себя, изнутри.

Мир состоит из миров отдельных людей. Мир—человечество ощущает и мир—человек ощущает, но нет между ними живительной

связи, понимания, взаимного ощущения. Цивилизация вроде бы идёт к признанию человека, но труден этот путь, полный непонимания и эгоизма.

Ранним утром ползу по своему долгому холму к дикой берёзовой рощице. Здесь в это время всегда не больно-то светло, и тропа еле видна. Сейчас же она слабо, но очевидно сияла. Небо всё то же, луны нет, а сияние есть. Ночью напал снег, и вот он теперь покрывает холм свежей ослепительной белизной, ещё не обгаженной городским смрадом. Он настолько бел, что сияет, почти светится.

Забравшись на холм, я прислонился к моей берёзе и подышал её энергетикой. Удивительно, но на этот раз, в отличие от прежнего опыта, я ощутил в себе способность улавливать и различать звуки значительно отчетливее и разнообразнее, и о ужас, даже те, которые доносились из гигантского энергетического купола шпионских дел.

Храни меня Господь сказать об этом людям, тем паче, вслух об этом свойстве. Власти немедленно и беспощадно меня уничтожат за эту гибельную мою способность. Умники называют такие способности аномальными, опасными для власти. Пусть как угодно называют, что с того, ведь я проникаю в такие сферы, простите за выражение, о которых простой человек и думать-то не в состоянии. Кстати, кто придумал такое словосочетание — «простой человек»? Не иначе, как власть, чтобы себя отделить и возвыситься над людьми. Нет простых людей, есть люди — человек, каждый по себе.

У каждого человека СВОЙ мир сознания и понимания окружающего.

Покидая Битцу, мне внезапно пришло в голову, что сегодня первое число месяца нового года, а ещё то, что я здесь один. Нет, впрочем, один лыжник мелькнул в стороне.

Господи! Вразуми меня, дай понять, что и как. Хожу в потёмках, в попытках слабого разума своего познать, что есть я, и что мир вокруг меня. Наука наша изучает природу, открывает звезду или тысячу звёзд, или даже чёрную дыру! Что с того? Всё то не путь в духовный мир.

Духовный мир — главная тайна бытия. Учёные люди-мыслители с жадностью, с горящими глазами смотрят на проблему «духовный мир». Даже руки дрожат, но... тут же в бессилии опускают перед невообразимыми, можно сказать, непреодолимыми трудностями решения этой проблемы. Они интуитивно чувствуют преграду, стоящую перед

познанием духовного мира как такового. Только безумцы в силу горячего состояния мозга могут взяться за её разрешение, но такой человек, если и приблизится к тайне, то осмыслить её не сможет.

О, этот непознаваемый духовный мир.

Природный мир — это одна из ипостасей человека; он, очевидно, существует и всегда перед человеком, и мы в нём. А вот духовный мир находится перед человеком и в человеке в великой тайне.

Рассмотрим несколько возможностей.

Духовный мир существует независимо от человека. Он ипостась человечества. Человек привязан к нему, переходит в него и существует в нём в особом состоянии. Он мир иного измерения.

Или духовный мир природного отдельно взятого человека, как такового. Это его собственный мир. Жив природный человек — существует его духовный мир. Нет человека — всё исчезнет, в том числе и его духовный мир. То есть, человек живёт в двух мирах, заключённых в нём. В этом случае духовный мир человека есть его сознание.

Понимание духовного мира по второй возможности по существу снимает проблему, ибо речь при этом возможно вести о духовном состоянии человека как такового, и не более того. Такое толкование имеет право быть, но интереснее рассмотреть первую возможность, как более перспективную для понимания проблемы.

Глубоко верующий человек верит в существование духовного мира по причине своей веры. Он верит, и этим всё сказано. А вот верующий, но мыслящий и пытливый всё лезет в глубину. Обычно человек не затрудняет себя размышлениями и сомнениями. Для мыслителя сомнение — его естественное состояние; какое же размышление без сомнений?

Вечен ли духовный мир? Он вторая и последняя ипостась человечества, или за ним следуют иные состояния?

Атеиста подобные вопросы не волнуют; они у него даже не возникают.

Почему нет очевидной, простой, доступной для понимания связи между мирами?

Да как же нет связи? Она есть, но в неё необходимо поверить.

Он послал в природный мир Сына Своего, Мессию Спасителя, чтобы поведать людям о пути в духовный мир, и тем Он утвердил в людях истину существования духовного мира.

Нужно ли иное доказательство?

Однако, люди сомневаются. Им дай ощутить руками. Не верят, как Фома неверующий. Но возможно ли ощутить руками бесплотное?

Путь в духовный мир — это, прежде всего, путь веры, он непосилен для атеиста.

Суть Создателя и духовного мира — великая тайна, и людям не познать её, впрочем, как и многое другое. Иногда Он приоткрывает верующему мыслящему человеку крошечку истины о Себе, дозированно, чтобы тот осознал грандиозность проблемы, но без потери рассудка.

Чудо — это тоже дозированная подача веры. Людям это доступнее, понятнее, ближе. Главное, они при этом приобщаются к вере.

Я сделал несколько шагов от шоссе и внезапно остановился возле клёна; стоял и не мог отойти, захваченный его очарованием.

От клёна, осеннего, но ещё не рыжего, исходило мягкое серебристое сияние. Он выглядел будто подсвеченный солнцем, которое, однако, в это время находилось на обратной стороне густой зелёной посадки и освещать клён никак не могло.

— Эволюция человечества — это постепенное понимание и признание своего духовного начала и вращение в него.

Странник чётко выговаривал слова, но смысл их не доходил до меня. «Имеющий уши, но не слышит». С таким же успехом можно растолковывать устройство компьютера средневековому рыцарю. Вскоре, однако, слова Странника зазвучали во мне подобно мягкому текущему звону, стали чистыми и ясными, как слеза, и вот они потекли, заструились в мой разум совершенным откровением.

Он создал человека по Своему образу и подобию. Он поместил его в природу среди животного и растительного мира, и Он снабдил его органами чувств, присущими животной твари, чтобы человек мог жить в природе и продолжать свой род.

И Он дал ему особое, в отличие от животного, свойство — духовность.

И Он дал ему свободу, чтобы человек мог свободно двигаться к совершенству, к духовности. Путь к духовному миру подобен лестнице длиною в жизнь. Человек преодолевает ступени и себя, с лёгкостью или с натугой, может споткнуться, упасть вниз, протарахтеть порою до самого дна и даже свалиться в никуда, если окажутся слабыми его внутренние духовные перила.

Но люди жили животной жизнью, не подозревая о своей духовности. Мир переполнился злодеяниями и пребывал в зловонии. И не видели люди впереди себя света.

Пришёл к ним Сын человека и Бога. Он жил среди людей, и Он указал им праведный путь и дал надежду на спасение. Люди же, охваченные природной жизнью, возмутились и распяли Его на кресте.

Бог превозмог в Нём и взял к Себе.

Другие люди, бывшие с Ним, уверовали в Него. Они вынули из своих сердец и памяти слова и занесли их в книгу — Евангелию. Они свидетельствовали о Нём и сообщали миру весть о спасении. Они пошли по Земле с Евангелией в руках и словами Иисуса Христа в устах. И стали они церковью; и распространилась вера Христианская по миру, и стал мир чище, а люди лучше, немного дальше от животного состояния. Немного.

К духовности люди идут через религию, которая есть ступень на пути познания духовного мира. Корневой вопрос отношения человека к Христианству: «верить или не верить?» Жить христианином или атеистом? Христианин верит, а атеист называет веру величайшим обманом людей.

— Что ты думаешь об этом?

— Первое, как в обмане может содержаться величайшая вселенская безусловная нравственность? Возможно ли это?

— Второе, если допустить, что это обман, то разве отсюда следует возможность и необходимость выбросить это величайшее нутро, это сокровище веры, опираясь на неверие?

В зависимости от уровня своего духовного совершенства, а правильнее сказать, несовершенства, люди прибегают к религии как помощнице в своей повседневной жизни, себе на природную потребу. Одни просят помощи в войне, воры просят помощи в своём промысле, мошенники — в своём, и прочее в этом роде, несовместимое с духовной безусловной основой. Люди как бы микроскопом пытаются рубить дрова.

И тем не менее, религия — это путь к духовности.

Религия эволюционирует от язычества до Христа. При этом доля духовности в человеческой нравственности возрастает; в пределе, если таковой существует, она приблизится к безусловной вселенской. Эти рассуждения обретают смысл, только если допустить наличие духовного начала в самом человеке. Понятно, вера в духовный мир, в Создателя уместна применительно к человеку. Нельзя веровать вне себя. Таков человек, эго.

Но существует ли духовный мир вне сознания, или он есть его идеальное порождение? Другими словами, духовный мир такая же реальность, что и природный, только в ином состоянии, или он плод чело-

веческого сознания, спутник человеческой сути? Все усилия природной науки сводятся к бесплодным попыткам уйти от Него, а от Него уйти так же невозможно, как от самого себя. Потому что Он в каждом человеке.

Естественные науки решают проблемы природной жизни, они необходимы и дают плоды. Если придумали телефон, так вот она, польза; вакцина от болезней спасает людей от смерти. Они результативны и не бессмысленны; польза очевидна.

Что за удивительная непоколебимая вера в природу и в естественные науки, как в единственно верное представление о сути жизни? Или... тяга к греху?

Естествознание изучает Божественное творение. Вот как, по моему мнению, следует подойти. Как же после этого можно утверждать, что церковь не воспринимает достижения науки о природе, космосе? Естествознание ещё не подошло к пониманию Его творения.

Однако, в духовном смысле их путь в никуда; их результат не проясняет истину о духовной сути человека. Современные философские науки представляют собой толчение воды в ступе: сплошные ссылки на известных и вновь возникающих авторов. Они, философские науки, движутся по кривой, которая, независимо от желания философов, рано или поздно неотвратно приведёт к Нему.

Наивысшей силы достигают произведения искусства, глубоко проникающие в жизнь и смерть человека, в его отношение к Нему. Но Он, жизнь и смерть человека — понятия священные; игра с ними — это кощунство и зло.

Современное искусство в подавляющем объёме — это непрерывный поиск и смена форм в ущерб содержанию. Фильмы полны не жизнью и смертью, а убийствами и фальшивой жизнью, и это не одно и то же.

На шоссе мне повстречался Александр Извилистых. Саша тут же произнёс:

— Трусость людей от их подлости!

— Саша, — сказал я, потрясённый глубиной его мысли, — разреши записать твои слова.

— Нет, — ответил Александр, — боюсь, меня станут преследовать за инакомыслие.

В надежде почерпнуть из его кладеза ещё, я поторопился спросить:

— Саша, возможно ли совместить философские науки с естествознанием?

— Так они и так совмещены, — просто ответил он и опять попал в точку; за видимой простотой скрывалась истина. И в самом деле, и те, и другие исследуют запросы человека.

Мать Извилистых Софья Яковлевна ушла далеко вперёд; она громко позвала Сашу, и тот рысью удалился.

Между природным и духовным мирами, несомненно, существует связь. Природный человек фатально тянется к своему духовному началу, как родному. Может ли проявляться такое всеобщее тяготение к тому, чего нет? Сомнительно.

Далее, очевидно участие понятий духовного свойства в природной жизни человека — таких, как стыд, жалость, сочувствие, покаяние. Их обычно относят к психике, но это уже дело вкуса; как ни называй, это не меняет сути.

Возможно ли измерить стыд, жалость, покаяние, сочувствие методами, принятыми в естественных исследованиях? Скорее, нет; указанные понятия нематериальны, их не взвесишь и не ощупаешь. Их выражают словами: покраснел от стыда, краска стыда бросилась ему в щеки, он горько сожалел о содеянном, он бесконечно каялся, он глубоко сочувствовал, ему стало немного стыдно, ему стало стыдно до слёз, жалость охватила его, и так далее.

Эти слова не имеют чётких границ и величин, но они выражают их. Следовательно, указанные понятия-слова существуют в реалии, и они из духовной основы! Разум не может создать эти понятия по определению; он создан и действует для решения сугубо природных запросов человека.

Господи, будь милостив мне, недостойному и многогрешному! Куда ни кинь, везде я виноват. Поступаю не по совести, мог бы лучше, добрее, деликатнее. Господи, можно ли жить в природном мире и не грешить? И где есть за мной грех, а где его нет, как понять?

«Я прощаю тебя, но жить не хочу, ибо прощение моё освобождает тебя от греха и совесть твою от мучений. Но моё прощение не заполняет пустоту во мне, образованную твоим грехом. Прощение помогло тебе, но не мне. Господь велел прощать».

Волен ли человек простить или не прощать? Не есть ли грех в отказе простить?

Покаяние, несомненно, относится к понятиям из духовных начал человека. Животное неспособно к покаянию, но и не всякий человек

(по сути способный к покаянию) применяет его в своей жизни. Покаяться — значит, осознать безнравственность своих мыслей или поступков и признаться в этом. «Я всю жизнь казнил себя за то, что сделал», — может сказать человек, и это будет его покаяние, самое действенное средство для самоочищения от зла.

Покаяние сродни понятию стыда, но только более суровое и касающееся наиболее очевидных форм проявления зла, когда уж не стыд нужен, но покаяние. Можно сказать, что стыд — это лёгкая, интуитивная форма покаяния. И, в том, и в другом случае человек ощущает, что поступил или подумал скверно, недостойно.

Стыдом человек кается про себя; поступок, вызывающий стыд, не так терзает душу, и чтобы не повторить его, достаточно ощущения стыда. И чаще всего покаяния не требуется. Важно, чтобы человек осудил свой поступок внутри себя искренне и осознанно. В этом сила покаяния и стыда. Стыд и истинное покаяние не могут быть лукавыми и лживыми. Это понятия особого свойства; вся их суть заключается в оценке безнравственности своих мыслей и поступков.

Стыд не умеет лукавить.

Возможно ли отнести такие свойства человека, как стыд, жалость, сочувствие, покаяние к духовным явлениям, или они плоды разума?

Суть церкви в сохранении Первичной истины о Христе; это её догмат и не порочность её, а достояние. Всегда найдутся умники, которые в своих измышлениях и «изысканиях» не оставят от Божественной истины камня на камне в угоду сиюминутной моде.

Исповедь, это вопрос к духовнику и к самому себе. «Хорошо ли то, что я сделал, или плохо?» Это понимание своей малости. Человек придумал аэроплан, электростанцию, пылесос и возгордился! А есть ли чем? Такая гордость хороша в смирении.

Голова человека содержит мысли и соображения; что он заложил в неё, то она и варит. Заложил любовь и совесть — сварит добро, заложил ложь и хитрость — сварит зло. Она универсальна перед добром и злом.

На Земле безбрежный океан людей с их неповторимыми судьбами: плыви, ведай, открывай острова добра и зла; и то, и другое требует осмысления.

Большинство из людей ведут от начала до конца рутинную природную жизнь. Много и интересных людей, которые находят разум свой и талант, чтобы переступить верхнюю грань природной жизни и войти в сферу духовности. В каждом поколении рожают-

ся люди, ставшие на праведный путь, и Он заносит их в книгу Жизни.

Бездуховный путь совершенно иной. Отсутствие духовных ограничителей природных инстинктов ведёт к разгулу животной жизни и тупику в эволюции человека. Главное на этом пути — это животное насыщение, удовольствия и комфорт, но никакие технологические достижения не спасут человечество, а лишь усугубят ситуацию.

У метро «Ясенево» я заплатил за сотовый телефон и попутно заглянул в книжный магазин.

— Нет ли у Вас Льва Гумилёва? — спросил я у продавщицы, вежливо выдержав некоторое терпимое для меня время, пока она весьма увлечённо болтала с подружкой. Другими словами, я, улучив удобный момент, прервал их разговор и вклинился.

— Есть. Вроде, — она ещё не отошла от своего.

— Где?

Она задумалась.

— Вон там, в углу, — услышал я и обернулся. Увидел пожилого человека с небольшой седой бородкой, среднего, необременительного для меня роста.

Он прошёл в указанное место, я за ним. И в самом деле. Изобилие интересующих меня книг. История, этнология... и всё серьёзных авторов. Соловьёв, Карамзин, Гумилёв...

— Мне Гумилёв-историк нравится больше, чем этнограф, — произнёс он, наблюдая, как я перебираю книги.

— Отчего же? Я больше ценю его за этногенез. Многое он прояснил своей теорией, заставил глянуть на события с более глубокого уровня.

— Я люблю историю, — повторил он. — Теперь смотрите, генерал Брусилов, широко известный по «Брусиловскому прорыву» в первую мировую войну. А задолго до этого он ещё штабс-капитаном служил, пишет о предстоящей войне с турками. Тогда всё время воевали, — добавил он.

— Так вот, в русской армии колёса повозок крепились на деревянной оси, в то время как вся Европа ездила на железных осях. Эх, Россия-Россия, — вздохнул он, — дикие мы. Возьмите наши древние города. Почему города? Огораживались люди. От кого?

— От соседей, — догадался я.

— Именно! А какие любимые развлечения исконно были?

— Драка, — опять я попал в точку.

— Именно! Вы в Бога верите? — неожиданно спросил он, с какой-то болезненностью. Видно, мучил его этот вопрос.

— Верую, — честно сознался я.

— А чем докажете существование Бога?

— Да тут доказывать нечего. Верю и всё.

— А я нет. Тоже доказывать не надо.

— Верно, — я посмотрел на него с сожалением. Вроде умный, интеллигентный немолодой человек, и надо же. И всё же, он мучается, ощущает слабину в своём неверии. Только не знает, как поверить.

По улицам города бродят люди, зомбированные мобильными телефонами. Скособочась, они вглядываются в экран аппарата и совершают там какие-то действия.

Мне приснился тягучий, тяжёлый, щемящий душу сон. Я иду по краю высоченного, очень обрывистого берега глубокой реки. Откос песчаный, удержаться на нём трудно, ссыплешься вниз, в гибель. Но и тот край, по которому я иду, и только по нему могу уйти, неустойчив; он неудержимо тянет в обрыв. Я иду по этому гибельному краю и кричу, зову ребёнка. Я не знаю, кто он, но сердце разрывается от тревоги, ибо он мне дорог. А ребёнок отстаёт, он где-то позади. Я зову, ищу его глазами, иду вперёд, срываясь на каждом шагу. И так бесконечно, до самого утра.

Проснулся подавленным и больным.

Вышел на Странное шоссе, вздохнул, поблагодарил Его за всё, что Он дал мне, и двинулся в сторону ближайшей посадки, зелёной полосой закрывающей горизонт. Шоссе выглядит аллеей в море цветов по обе стороны. Тягость от сна медленно растворилась в красоте ландшафта, а ясность, идущая от шоссе, вытеснила скверные мысли.

Атеизм — нагромождение материалистических предположений. Опыт на уровне быта, не касающийся духовной сути человека.

Мне приятно ощущать себя свободным от атеистического мусора. Это было давно. Помню, безбожие постепенно, не вдруг уходило из меня. Помню, я расправил плечи, стряхнул его безнадёжную природную гордыню и решительно сошёл с тупикового обессиливающего бессмысленного пути. Больше я на него не ступал.

«Вера — основа жизни человека». Солженицын.

Вера в Господа Иисуса Христа Спасителя и данная им вселенская нравственность — вот суть и крепость христианства.

Господа атеисты, скажите хоть раз честно, кого человечество знает больше, чем Петра и Павла? Единственно Иисуса Христа. Кого ещё вы можете назвать? Никого!

Вот тут тебе и отношение к религии, к вере.

Что толку слушать говор скучный преглупых баб и пьяных мужиков? Их хныканье и спесь, и ложь о жизни тяжкой. Здесь правды не найдёшь. Ступай на кладбище. Неспешно средь могил пройдишь, поговори и вдумчиво послушай. Молитву благостно от сердца сотвори. И в скорби истина откроется тебе, войдя в распахнутые уши, без шелухи и фальши, печальная по сути.

Дорога к кладбищу самая нужная, протоптанная и неизбежная среди дорог. С приближением к нему суетной говор стихает в интуитивном почтении перед покоем и вечностью.

Так что же такое духовный мир?

— Скажи, ты веришь в Бога?

Она взглянула на него взглядом, проникающим внутрь и вопрошающим.

— Верю. Я верю в смысл Вселенной и жизни в том числе, а без Него всё это бессмысленно. Чёрные дыры и прочее. Поэтому верю. Вот такая цепочка.

Содержание

К читателю	5
------------------	---

СТРАННОЕ ШОССЕ *(повесть)*

Моя реальность	6
Женский взгляд	7
Странное шоссе	11
Миры познания	13
Тайны сочинительства	15
Странник	22
Село и окрестности	30
Люди и нравы	40
Сны и кошки	47
Крыша	50
Анатолий	54
Семейство Извилистых	60
Хайям	68
Нелепость	73
Мои предки	74
Я в затруднении	80
Полёт	82
Поход	83
На краю	85
Зубры	89
Странник	94
Миляга и власть	102
Чёрный квадрат	112
Афонский монастырь	114

Первый рассказ Феодосия	115
Война и зло. Второй рассказ Феодосия	120
Мясорубка не телескоп, через неё не увидишь небо	122
Послевоенная жестокость. Третий рассказ Феодосия ...	132
Тайна сержанта. Четвёртый рассказ Феодосия	134
Рина	137
Бутово	146

ЭССЕ

Уход людей	169
Видение	171
Страх смерти	176
Беседы с ней	180
Поминки	183
Шестьдесят лет спустя	185
Огонёк	186
Кунгурские пещеры	187
Время	194
Нравственность. Преступление и наказание	200
Как пишут историю, что в неё закладывают?	205
НЛО	208
Зло	210
Моделирование жизни	218
Сознание и разум	220
Цивилизация и свобода	228
Человек, общество, власть	241
И снова о разуме	249
Этносы	256
Россия. Вид из вечности.	266
Подмена нравственности и ложь	271

Деревенская зарисовка	280
О восприятии событий прошлого	280
Анабиоз памяти	289
После режима	290
Мой мир	294
Невообразимость Вселенной	298
Реальность	305
Мир, Вселенная	306
Религия смысла	309
Духовный мир	313

Литературно-художественное издание

Подольский Лев Васильевич

СТРАННОЕ ШОССЕ

Повесть, эссе

Из цикла «Странное шоссе»

Редактор
Лидия Давыдова

Дизайн и верстка
Алексей Горшков

Фото
Юрий Дидык,
а также фото из архива автора

Издатель: ООО «Персей-Сервис»
117525 Москва, ул. Чертановская, 16, корп.2,
тел. (495) 314-57-61

Подписано в печать 31.10.2015 г.
Объем 21,0 усл.п.л. Формат 60×90/16
Бумага офсетная. Печать цифровая.

Отпечатано в типографии
ООО «ИПЦ „Маска“» (www.maska.su)
Тираж 50 экз. Заказ №

ISBN 978-5-905302-34-3

Лев Подольский

В изданных ранее книгах Льва Подольского «Моё древо» и «Государева служба» речь идёт преимущественно о событиях. В книге «Странное шоссе» автор размышляет.

Размышляет о многом, что окружает человека на тернистом пути жизни. Разум человека — вселенная, состоящая из миров, и ему возможно входить в эти миры и жить в этих удивительных мирах. Мир быта, природный мир, понятен человеку, ибо он, человек, — дитя этого мира. Но надо хотя бы иногда, хотя бы на миг приподняться над ним. Приподняться и войти в мир пронзительного приближения к истине и понимания того, что происходит вокруг тебя. В мир размышления. В этом мире человек теряет способность врать. Однако, на этой опасной тропе скрываются вещи, которые не всем придутся по вкусу.

Автор просит уважаемого читателя быть снисходительным к нему и проявить понимание того, что у каждого человека может быть понимание, отличное от других. Автор размышляет, и этим всё сказано.

ISBN 978-5-905302-34-3

